

ISSN 0201-470X

АБ / Альманах XVIII
библиофила

Альманах библиофила

АБ
XVIII

Всесоюзное добровольное общество любителей книги

В обществе развитого социализма книга — могучее средство познания мира, развития материальной и духовной культуры, созданной человечеством. Любовь к книге, издавна отличавшая лучших людей нашей Родины, стала теперь всенародной, характерной чертой советского образа жизни...

Человек с книгой в руках — символ современного труженика. Книга — знание, книга — инструмент воплощения в жизнь идей великого Ленина.

Из Письма III съезда Всесоюзного общества любителей книги Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

Альманах АБ библиофила

Альманах библиофила

Выпуск 18

МОСКВА «КНИГА» 1985

Главный редактор
Е. И. Осетров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

И. В. Абашидзе, К. С. Айни, В. И. Буйлов,
О. М. Виноградова (*заместитель главного редактора*),
В. И. Десятерик, Н. Х. Еселев, Е. А. Исаев,
А. И. Калашников, Е. П. Кириллук, В. В. Кожинов,
А. М. Кузнецов,
В. Я. Лазарев, Д. С. Лихачев, А. Э. Мильчин,
Ю. П. Некрошюс, Е. Л. Немировский, А. И. Овсянников,
Л. А. Озеров, П. В. Палиевский, В. А. Петрицкий,
В. Г. Утков, В. В. Чикин

Художник
В. В. Вагин

Книга
и
жизнь

Без чтения нет настоящего образования, нет и не может быть вкуса, ни слога, ни многосторонней шири...

А. И. ГЕРЦЕН

Ю. Шарапов

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА В. И. ЛЕНИНА

Доктор исторических наук Ю. П. Шарапов занимается изучением кремлевской библиотеки В. И. Ленина. Он написал о ней несколько книг, принял участие в составлении каталога «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». Книги, принадлежавшие великому вождю, продолжают привлекать пристальное внимание исследователя. Раскрываются, таким образом, новые грани волнующей темы «Ленин-читатель».

Почти у каждого из нас есть личная библиотека. Ее мы комплектуем исходя из своих потребностей, склонностей, вкусов. Можно даже сказать: каковы мы, такова и наша библиотека. И наоборот: какова наша библиотека, таковы и мы — дело тут не в количестве книг, их может быть 300, а может и 3000.

Известно, что постоянную личную библиотеку В. И. Ленин смог завести лишь в 48 лет, весной 1918 года, когда Советское правительство переехало из Петрограда в Москву и Владимиру Ильичу с членами его семьи — Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой — была выделена в Кремле квартира.

Были, конечно, у Владимира Ильича библиотеки и прежде, но не такие большие. У гимназиста Володи Ульянова имелась собственная библиотечка в Симбирске. У студента Владимира Ульянова были свои книги в Казани. Покидая Шушенское после ссылки, В. И. Ленин и Н. К. Крупская увозили оттуда множество книг, присланных им матерью Владимира Ильича — М. А. Ульяновой и старшей сестрой — А. И. Елизаровой. Однако, уезжая за границу, пришлось оставить книги в России. За рубежом занимался Владимир Ильич в библиотеках Германии, Франции, Швейцарии, Англии, Польши. Это — особая, интересная тема.

Вернувшись в Россию в апреле 1917 года, В. И. Ленин не сразу обзавелся библиотекой, столь нужной ему. Время до весны 1918 года мало располагало к тому, чтобы систематически следить за выходящими изданиями...

Каждый, кто бывал в Кремле в музее «Кабинет и квартира В. И. Ленина», помнит, что первое, с чем он сталкивался, были

книги. Они повсюду. В старых шведских шкафах в коридорах. В кабинете Владимира Ильича. Без сомнения—В. И. Ленин свято следовал девизу: ни дня без книг!

В 1961 году Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Всесоюзная книжная палата и вышеназванный музей издали каталог «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». Он содержит полное библиографическое описание более 8400 названий книг, журналов, газет и других произведений печати. Каталог построен по систематическому принципу. Вначале идут произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, литература по коммунистическому движению, философии, социологии, психологии, истории, политической экономии, статистике, социалистическому строительству в СССР, государству и праву, военному делу, естественным наукам, культуре, просвещению и науке, искусству, художественная литература, книги по атеизму, печати, библиотечному делу и др. Выделены периоды, а также издания на иностранных языках. Каталог снабжен вспомогательными указателями. Издание богато иллюстрировано. В нем 21 цветная иллюстрация, включая образцы переплетов и форзацев некоторых редких книг, и 134 иллюстрации в тексте, среди которых много впервые опубликованных пометок В. И. Ленина на книжных страницах.

Мне посчастливилось работать над изданием каталога в составе редакционной коллегии, вместе с такими известными книговедами, как Н. Н. Кухарков, Ю. И. Масанов и Н. В. Матковский. До сих пор каталог «Библиотека В. И. Ленина в Кремле» — моя настольная книга. Обращаться к каталогу как фундаментальному справочному изданию приходится регулярно. Разумеется, это издание для специалистов, но и библиофилы самых разных направлений найдут в нем для себя много полезного. Стоит только открыть этот синий том с силуэтом Владимира Ильича и углубиться в его чтение...

Невольно возникает вопрос: из каких книг В. И. Ленин скомплектовал свою личную библиотеку?

Во-первых, в нее вошли книги, привезенные им из эмиграции, а также печатные издания, собранные с апреля 1917-го по март 1918 года. Во-вторых, книги, собранные с весны 1918 года. В то время в Москве возобновился выпуск еженедельных указателей Российской книжной палаты, и Владимиру Ильичу доставлялся обязательный экземпляр затребованной им литературы. И часто В. И. Ленин на списках, против просьбы библиотекаря отметить нужное, писал: «Все». На этом стоит остановиться подробнее.

«Просматривая номера «Книжной летописи», — вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич, — Владимир Ильич делал отметки на полях

против тех книг, которыми заинтересовался, и здесь, как всегда, проявил свою склонность к систематизации и порядку. Помимо того, что он чертой и нотабене карандашом отметил на полях все книжки, его заинтересовавшие, подчеркнул их названия, а в некоторых местах и содержание, он в правом углу первой страницы каждого номера журнала написал номер (№) и далее под этой надписью, столбиком в цифровом восходящем порядке, крупно и четко выписал все номера тех книг, которые пожелал прочесть. В некоторых местах он написал в столбике особо крупно те номера, которые его особенно заинтересовали, вынес их повторно в поле налево, несколько раз подчеркнул, иногда закружив в круги и написав слово “особенно”¹.

В. Д. Бонч-Бруевич сделал попытку распределить книги, заинтересовавшие В. И. Ленина, по разделам. Вот что у него получилось:

«1) Публицистика, связанная с Февральской и Октябрьской революциями:

разные	33
большевиков	3
меньшевиков	6
плехановцев	4
богдановцев	5
бундовцев	1
социалистов-революционеров	8
народных социалистов	9
кадетов	5

	74
2) Аграрный вопрос	13
3) Вопросы капитализма, а также милитаризм, империализм	9
4) История и деятельность партий	8
5) История революций в других странах	7
6) Вопросы социологии и истории	6
7) Документы царизма	3
8) Рабочий вопрос	2
9) Естествознание	2
10) Беллетристика	2
11) Анархизм	2
12) Вопросы философии	1
13) Национальный вопрос	1
14) Кооперация	1
15) Статистика	1

И наконец, еще одно интересное наблюдение В. Д. Бонч-Бруевича:

«Поучительно также всмотреться в то, что Владимир Ильич не отметил за 1917 г. в “Книжной летописи”. Там встречается много, казалось бы, весьма интересных книг по тем или иным вопросам, которыми Владимир Ильич постоянно серьезно и глубоко интересовался. Однако сейчас он не отметил этих книг, несмотря на тщательный просмотр библиографии изданий революционного года.

Отчего это так? Я думаю, что Владимир Ильич всегда прекрасно знал, что „никак нельзя объять необъятное“.

Следует добавить, что дело не только в этом. В. И. Ленин на каждом конкретном этапе своей деятельности четко и ясно определял собственные исследовательские, читательские интересы и строго придерживался их в научной и политической работе. Этим и объясняется выбор изданий по библиографическим источникам.

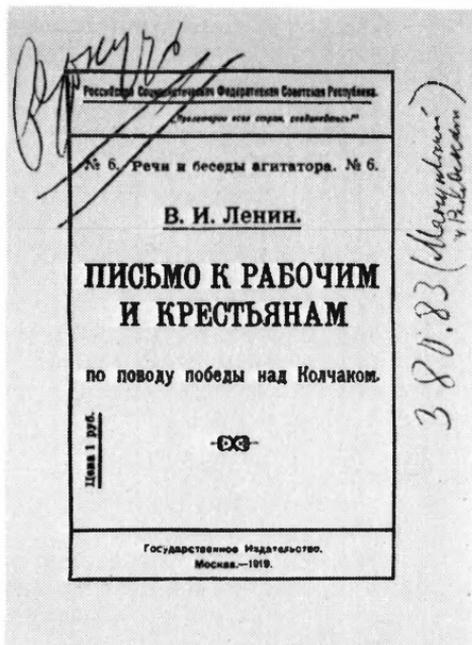
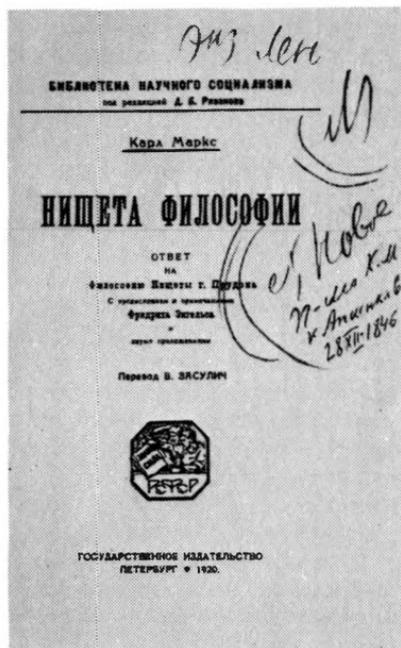
В личной библиотеке В. И. Ленина немало книг, журналов, газет и других изданий с его пометками. Всего таких изданий около 900. В. И. Ленин делал пометки разными карандашами, чернилами только на своих книгах и никогда не позволял себе портить библиотечные. Ленинские маргиналии — также отдельный, интереснейший сюжет. Он позволяет проникнуть в творческую лабораторию гения, раскрыть методы его работы. Ниже мы коснемся его кратко.

Остановимся на читательских интересах В. И. Ленина.

Всю свою сознательную жизнь В. И. Ленин активно, творчески и целеустремленно изучал труды основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса. «Я все еще “влюблен” в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно,— писал Владимир Ильич в 1917 году.— Нет, это — настоящие люди! У них надо учиться. С этой почвы мы не должны сходить»².

А учиться у них Владимир Ильич начал еще в юности, когда открыл для себя книги К. Маркса и Ф. Энгельса. «Помню, как по вечерам, когда я спускалась к нему поболтать,— писала Анна Ильинична,— он с большим жаром и воодушевлением рассказывал мне об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала»³. В. И. Ленину шел тогда девятнадцатый год, жил он в Казани. Осенью 1889 года семья Ульяновых переехала в Самару. Владимир Ильич стал готовиться к сдаче университетского курса экстерном. Но изучение марксистских работ по-прежнему было для него главным занятием.

«Манифест Коммунистической партии», «Положение рабочего класса в Англии», «Нищета философии», «Классовая борьба во

Надписи В. И. Ленина на книгах из его библиотеки в Кремле

Франции с 1848 по 1850 г.», «18 брюмера Луи Бонапарта», «Критика Готской программы», «Гражданская война во Франции», I и II тома «Капитала» — таков неполный перечень трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, изученных В. И. Лениным в самарский период. Тогда же Владимир Ильич прочитал и «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса. Ленинский конспект «Анти-Дюринга» не сохранился.

31 августа (12 сентября) 1893 года Владимир Ильич Ленин приехал в Петербург. В ту пору он уже был хорошо знаком с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса. Именно этим в первую очередь поразил он петербургских, а затем и московских марксистов. Друг и соратник В. И. Ленина Г. М. Кржижановский сравнивал приезд Владимира Ильича в Петербург в конце лета 1893 года с животворным по своим последствиям грозвым разрядом. Питерских революционеров привлекало к нему, по словам Г. М. Кржижановского, «удивительное умение владеть оружием Маркса...»⁴.

В. И. Ленин блестяще знал все известные ему сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. Но не только знание марксизма

поразило петербургских кружковцев, когда перед ними выступил В. И. Ленин. Тридцать лет спустя Н. К. Крупская говорила о Владимире Ильиче: «Не как книжник подошел он к Марксу. Он подошел к Марксу как человек, ищущий ответов на мучительные настоятельные вопросы. И он нашел там эти ответы. С ними пошел он к рабочим»⁵.

Всю свою жизнь В. И. Ленин читал и перечитывал труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Всего в работах В. И. Ленина, вошедших в Полное собрание сочинений, упоминается 143 названия произведений основоположников научного коммунизма и 172 письма К. Маркса и Ф. Энгельса. Кроме того, Владимир Ильич характеризует или упоминает 21 сборник их произведений⁶.

Переписке К. Маркса и Ф. Энгельса как важнейшему свидетельству формирования взглядов основоположников научного коммунизма В. И. Ленин придавал особое значение, подчеркивая, что она дает «массу в высшей степени ценного материала к изучению биографии и воззрений К. Маркса»⁷. В полном объеме изучив работы К. Маркса и Ф. Энгельса, Владимир Ильич всегда чувствовал и острую необходимость вникнуть в содержательнейший обмен мыслями двух великих теоретиков. Он перечитал их письма — а их более полутора тысяч, написанных на протяжении сорока лет!

Над перепиской К. Маркса и Ф. Энгельса В. И. Ленин работал несколько месяцев. Владимир Ильич неоднократно возвращался к своему конспекту — его рукопись хранит пометки карандашами четырех цветов. Это немаловажная деталь. Она наглядно свидетельствует, с одной стороны, о многократном обращении В. И. Ленина к текстам К. Маркса и Ф. Энгельса, а с другой — о разных способах подчеркивания изучаемого текста. Первое обстоятельство показывает динамику, процесс изучения Владимиром Ильичем трудов основоположников научного коммунизма.

Ленинский «Конспект „Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. 1844—1883 гг.“» выпущен отдельной книгой. Тетрадь в 76 страниц, в которой законспектировано около 300 писем Маркса и Энгельса, была издана впервые в 1959 году. Второе издание вышло в свет в 1968 году.

Со своим томом переписки К. Маркса и Ф. Энгельса, изданным в 1913 году, В. И. Ленин не расставался никогда.

Особое место в библиотеке В. И. Ленина занимают конволюты. «История Германии», «История Франции», «Экономика», «Исторические статьи» — таковы названия конволютов работ К. Маркса и Ф. Энгельса, хранящихся в кабинете В. И. Ленина в Кремле. Эти книги были всегда под рукой у Ленина. В них вошли все важнейшие произведения К. Маркса и Ф. Энгельса.

В. И. Ленин не только сам изучал труды основоположников научного коммунизма, но и всемерно пропагандировал их. «Советоваться» — это взаимный, двусторонний процесс. Ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни В. И. Ленин никогда формально не относились к своим взглядам, к своему учению. «Советуясь» с К. Марксом, В. И. Ленин вступал с ним в диалог, мысленный обмен мнениями, идеями.

Думая о В. И. Ленине-читателе, естественно, задаешься вопросом: какое место занимала у Владимира Ильича художественная литература?

Когда В. И. Ленин приехал в Петербург из Самары, один петербургский марксист рассказывал Н. К. Крупской, что вот приехал де товарищ, марксист самарский — Ульянов, он хорошо знает К. Маркса и Ф. Энгельса, а художественной литературой совсем не интересуется.

Надежда Константиновна вспоминала впоследствии: «Подивилась я про себя, но как-то было все не до этого». А когда они оба оказались уже в Шушенском, в ссылке далекой, сибирской, у них волей-неволей стало достаточно времени для того, чтобы выяснять взаимные вкусы. Н. К. Крупская и В. И. Ленин могли часами спорить о проблеме искренности, ссылаясь на книги Тургенева. Они обсуждали нравившиеся им обоим стихи Надсона. На тумбочке около постели Владимира Ильича стояла фотография Н. Г. Чернышевского, любимого его писателя.

После смерти брата Александра Владимир Ильич несколько недель кряду перечитывал Н. Г. Чернышевского. «Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь. Этот роман меня всего глубоко перепахал». Вот какими словами отозвался он о романе Чернышевского «Что делать?».

Тогда же Владимир Ильич написал письмо автору, к тому времени переведенному царским правительством из якутской ссылки в Астрахань. В. И. Ленин понимал, что просто так послать по почте письмо нельзя, жандармы его вскроют. И отправил его на пароходе, с каким-то пассажиром из Симбирска. К сожалению, это письмо до сих пор не найдено. Существует несколько версий, где бы оно могло находиться. Исследователи ищут его — письмо 18-летнего В. И. Ленина старому, больному, умирающему Николаю Гавриловичу Чернышевскому. И не случайно летом 1918 года Советская власть издала произведения Н. Г. Чернышевского в десяти томах. Они хранятся в кабинете Владимира Ильича в Кремле.

После Великого Октября Владимир Ильич был повседневно занят огромной партийной, государственной работой. И все же он находил время, чтобы знакомиться с новинками советской литературы. В его библиотеке мы встречаем произведения А. Сера-

фимовича, Демьяна Бедного, М. Шагинян, И. Эренбурга, В. Зазубрина, В. Каменского и многих других авторов. В. И. Ленин, конечно, внимательно читал эти книги. А в беседе с В. Д. Бонч-Бруевичем как-то выразил глубокую мысль, имеющую отношение к художественной литературе в целом. Сказав о Демьяне Бедном, что он делает очень полезное дело своими стихами, отметил и его недостаток: идет за читателем, а надо быть немножко впереди. Это очень интересное замечание. Современная литература должна быть немного впереди нас.

Диапазон чтения художественной литературы Владимира Ильича отличается не только широтой его интересов (от древнего Аристофана до современного ему Герберта Уэллса, от немецкого романтика Гофмана до Мартина Андерсена-Нексе), но и особой тягой к произведениям, в которых воспевается образ труженика, простого человека.

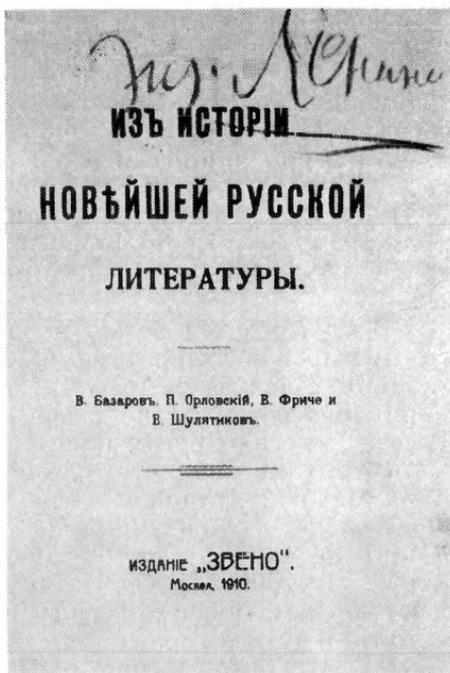
Мне довелось побывать на родине В. И. Ленина в Ульяновске. Все виденное там впечатляет. И скромная квартира Ульяновых на бывшей Московской, ныне Ленинской улице, и мемориал, воздвигнутый к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. В центре мемориала как бы вмонтирован небольшой флигелек, в котором родился Володя Ульянов. Когдаходишь в дом Ульяновых, сразу видишь книги, глобус, физические приборы, которые приобретал или делал сам Илья Николаевич,рояль в гостиной, вокруг которого собиралась вся семья, когда Мария Александровна по вечерам играла.

Маленький Володя всячески подражал своему старшему брату, и когда Александр сделал себе книжную полку, он тотчас соорудил себе такую же в точности. Она на шнурах висит на стене, над столиком, за которым занимался Владимир Ульянов — гимназист.

Володя Ульянов научился читать рано, в пять лет, с помощью матери. В семье Ульяновых получали много периодики, в том числе журналы «Семья и школа», «Родник», «Детское чтение», то есть издания, выпускаемые для родителей и детей. Маленький Володя особенно любил «Детское чтение». Это был прогрессивный по тем временам журнал. В нем печатались такие авторы, как Григорович, Плещеев, Суриков, Засодимский... Стихи, рассказы, повести этих авторов западали в душу ребенка. Не случайно несколько лет спустя после победы Великого Октября, когда товарищи из Наркомпроса принесли Владимиру Ильичу хрестоматию литературы для советских ребят, он раскрыл ее на стихах Ивана Сурикова.

Вот моя деревня,
Вот мой дом родной,
Вот качусь я в санках
По горе крутой,—

Книга из личной библиотеки
В. И. Ленина с его надписью на
титальном листе

начал читать Владимир Ильич и, наизусть прочитав все стихотворение до конца, добавил: «Нашим поэтам нужно бы научиться так писать о детях и для детей».

В доме Ульяновых от экскурсовода я услышал краткое, но выразительное и весьма определенное мнение, касающееся художественных вкусов молодого В. И. Ленина: «Я воспитан на Некрасове». И в самом деле, он больше других поэтов любил и ценил Н. А. Некрасова. Он даже состязался в отрочестве со старшей сестрой Анной, кто из них больше выучит наизусть стихотворений поэта.

Стихи Н. А. Некрасова служили В. И. Ленину в его боевой, политической публицистике накануне Великого Октября. После революции В. И. Ленин поставил некрасовские стихи о нищей, убогой и в то же время обильной, могучей России эпиграфом к своей статье «Главная задача наших дней».

И здесь прослеживается еще одна очень интересная вещь: новая жизнь художественного образа, переосмысление его в новых исторических условиях.

В самом деле, В. И. Ленин не просто ссылался, например, на Салтыкова-Щедрина, он использовал щедринские образы в идей-

ной борьбе с кадетами, либералами, эсерами, меньшевиками, с контрреволюцией. Академик М. В. Нечкина справедливо заметила, что образ Иудушки Головлева обладал величайшей силой обличения старой буржуазной России, буржуазного общества вообще. И Ленин использовал его неоднократно. К не менее известным щедринским образам принадлежит адвокат Балалайкин. Он тоже остался бы только в истории литературы, если бы В. И. Ленин этим именем не пригвоздил к позорному столбу истории главу Временного правительства Керенского и всех других, болтавших о революции, а на самом деле предававших ее.

В круг чтения вождя входила вся классическая отечественная и мировая литература. Среди книг, что находятся в рабочем кабинете Владимира Ильича, мы встречаем не только Толстого и Чернышевского, которых он любил страстно, но и Стендаля, Тагора, многих других писателей.

В том же кабинете хранится и Полное собрание сочинений А. П. Чехова. Старшая сестра Владимира Ильича свидетельствует: «Володя вообще любил Чехова». И это была глубокая любовь. Ленин не только знал раннего Чехова — Антошу Чехонте, не только его трагическую «Палату № 6», прочитав которую, он, по собственному признанию, вынужден был выйти из комнаты, где читал, — ему показалось, что он сам находится в той же палате. Знал В. И. Ленин и другого Чехова. Это выяснилось в 1919 году в Колонном зале Дома Союзов во время примечательного разговора, который состоялся между В. И. Лениным и А. М. Горьким.

Свидетелем и непосредственным участником этого разговора оказался выдающийся артист В. И. Качалов. Он записал беседу двух великих людей. Алексей Максимович говорил Владимиру Ильичу по поводу новой театральной публики: она не хуже старых театралов, она внимательнее — в этом спору нет, но что ей нужно? Владимир Ильич отвечал, что, кроме героических спектаклей, нужна и лирика, нужен Чехов, нужна житейская правда. Лирика Чехова, умение гениально проникать в суть, казалось бы, обычных, простых, тривиальных явлений, умение увидеть за благополучным фасадом жизни трагедию любви, жизнь простых людей — вот эта житейская правда Чехова, как видим, привлекала внимание Владимира Ильича. Он так и сказал Горькому — лирика Чехова, житейская правда.

Известно, что 9 марта 1919 года Владимир Ильич с Надеждой Константиновной посетили спектакль Художественного театра «Дядя Ваня» по пьесе Чехова. После спектакля артист Подгорный подошел к Владимиру Ильичу и спросил, не скучно ли ему было смотреть спектакль. «Скучно? — переспросил

В. И. Ленин,— нет, что вы. Замечательный автор, замечательные слова, замечательные артисты».

В мемуарах одного из делегатов X съезда партии сохранился эпизод, который показывает, как Владимир Ильич любил Горького. В один из перерывов между заседаниями группа товарищей из Казани окружила Владимира Ильича. Кто-то из них стал говорить о том, что революционная деятельность В. И. Ленина началась среди казанцев, что Казанский университет гордится им. В ответ на это В. И. Ленин махнул рукой и заметил, что если уж чем гордиться Казанскому университету, то крупнейшими учеными Лобачевским, Бутлеровым, Зининым. Кто-то вспомнил, что и Лев Толстой учился в Казанском университете. И вот тогда живо, совсем по-юному В. И. Ленин вставил: «Тогда давайте помянем славного казанского пекаря». — «Да, да, Горький!» — воскликнул один из товарищей. И в самом деле, В. И. Ленин и М. Горький в одно и то же время были в Казани.

Владимир Ильич очень ценил Горького как писателя, свидетельствует Н. К. Крупская. Очень высоко ставил «Мать», статьи о мещанстве, «На дне». Песни о Соколе и Буревестнике, их настрой. Любил он такие вещи М. Горького, как «Страсти-мордасти», «Двадцать шесть и одна».

Мы располагаем ленинской оценкой творчества М. Горького: «А. Горький — безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать».

М. Горький, как и Л. Н. Толстой, бесспорно, занимал ведущее место в художественной литературе, которую читал Ленин. Он был для Владимира Ильича лучшим выразителем того коренного перелома, который произошел в истории нашей страны.

Тема «В. И. Ленин и А. М. Горький» велика и многогранна. Она объясняет многое в творчестве великого пролетарского писателя, его идейном развитии. Для нас она интересна в первую очередь тем, что, по справедливому замечанию Б. Бялика, А. М. Горький для В. И. Ленина «был самым близким по духу художником слова, одним из самых выдающихся, самых ярких представителей того поколения, к которому они оба принадлежали».

Начиная с майского дня 1896 года, когда А. М. Горький от самарского нотариуса Е. О. Юрина впервые услышал о В. И. Ленине, до морозного дня 23 января 1924 года, когда на гроб В. И. Ленина был возложен венок от А. М. Горького с надписью «Прощай, друи!», — на протяжении этих почти трех десятков лет Владимир Ильич Ленин занимал в жизни Горького все возрастающее место. Ленин изумлял, волновал, восхищал Горького.

Суровая, но дружеская критика В. И. Ленина заставляла писателя признать ленинскую правоту, его дальнорзкость, реализм в оценке людей, фактов и событий общественной жизни. «Он всегда говорил то, „что надо“, — прекрасная привычка была у него!» — писал А. М. Горький о своем великом друге. «Не знаю человека, у которого анализ и синтез работал бы так гармонично», — добавлял Алексей Максимович в письме Крупской, прочитав ее воспоминания о Владимире Ильиче.

В. И. Ленина заинтересовало произведение Ивана Вольнова «Повесть о днях моей жизни». Как вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич, В. И. Ленин встретился с И. Вольновым и беседовал с ним более двух часов. Писатель рассказывал, что он видел, что наблюдал, и хорошее, и дурное, ничего не скрывая, ничего не приукрашивая. А время было трудное, тяжелое. Шла гражданская война. У писателя был острый глаз. И Вольнов многое мог рассказать Владимиру Ильичу. «Вот она, не бумажная, а действительная жизнь», — сказал задумчиво В. И. Ленин, таково было действие на него рассказа писателя.

«Ленин, — писала Н. К. Крупская, — был величайшим оптимистом. У него была глубочайшая вера в творческие силы и мощь рабочего класса. Но никогда не покидала его трезвость мысли. Он считал вреднейшим оппортунизмом неумение смотреть правде в глаза, как бы горька она ни была.

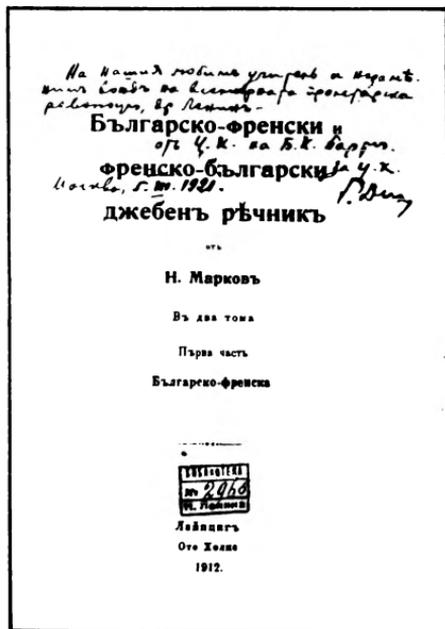
И вот Ленин любил произведения художественной литературы, в которых было и то и другое. И оптимизм, вера в силы рабочего человека, рабочего класса. И, с другой стороны, та горькая, но необходимая правда, которую люди труда не обходят, которую они преодолевают, будь то гражданская война, будь то после гражданской войны восстановление народного хозяйства».

Орбита читательских интересов В. И. Ленина, как видим, была огромна. Нас интересует и та ее часть, которая неотделима от сущности В. И. Ленина как великого интернационалиста.

Культура каждого народа пользовалась ленинским уважением и вниманием. Имена Гёте и Байрона, Гейне и Доде, Шекспира и Тагора, Вольтера и Джека Лондона, Барбюса и Андерсена-Нексе встречаем мы в каталоге библиотеки В. И. Ленина в Кремле.

Особенно часто В. И. Ленин перечитывал немецких поэтов-классиков: Гёте, Шиллера, Гейне. «Теория, мой друг, сера, но зелено вечное дерево жизни» — знаменитая реплика Мефистофеля из гётевского «Фауста» была очень любима В. И. Лениным. Интересно, что специалисты, литературоведы считают именно этот ленинский перевод лучшим не только по смыслу, но и по лексике, ритмике.

Очень интересна история личного знакомства В. И. Ленина с

*Дарственные надписи Г. Димитрова и П. Лепешинского
на книгах, принадлежавших В. И. Ленину*

поэтом-антифашистом Эрихом Мюзамом. Они, вероятно, были знакомы еще до революции. В середине 1921 года Владимир Ильич получил письмо от жены Мюзам, Френи Крешенции Мюзам. Прислано оно было из Мюнхена, и речь в нем шла о том, что ее муж заключен властями за свои антимилитаристские убеждения в Баварскую крепость. И Френи Крешенция Мюзам просила Владимира Ильича как главу Советского правительства помочь выволочить ее мужа. В. И. Ленин отправил это письмо наркому по иностранным делам Г. В. Чичерину и написал записку, чтобы сделать все возможное.

Одновременно Френи Крешенция Мюзам прислала Ленину книгу стихов Эриха Мюзам «Пылающая земля» и сделала надпись, которая свидетельствует о том, что они были знакомы. Это не формальная, не официальная надпись главе правительства, великому человеку, а надпись на книжке, которую дарят знакомому.

Впоследствии и общественное мнение, и вмешательство Советского правительства помогли Мюзаму выйти из Баварской крепости. Он продолжал антиимпериалистическую деятельность. Он избавился от своих ошибок анархистского толка. Гитлеровцы, придя к власти, не простили Мюзаму его смелых нападков на фашизм, заключили в концентрационный лагерь и замучили. Трагической оказалась судьба этого известного немецкого поэта, познакомившегося с В. И. Лениным в самом начале первой мировой войны.

Любил В. И. Ленин французскую литературу, он знал лучшие творения Анри Барбюса, его книгу «Огонь», написал специальное приветствие группе «Кларте». Знал Владимир Ильич хорошо книгу Анатоля Франса о Жанне Д'Арк. Знал он лучшие творения Ромена Роллана.

В любой стране, где приходилось Владимиру Ильичу бывать, он живо интересовался ее литературой. Жил он, как известно, и в Англии, занимался в библиотеке Британского музея. А в библиотеке В. И. Ленина хранится книга выдающегося английского драматурга Бернарда Шоу, который прислал свою книгу с дарственной надписью. В этой надписи Шоу воздал должное высоким качествам Владимира Ильича как политика, как государственного деятеля.

Зачитывался В. И. Ленин бельгийским поэтом Верхарном в канун первой мировой войны. Упомянул Владимир Ильич в своих тетрадях по империализму голландского писателя Мультаули — гневного обличителя капиталистических порядков.

«Книги в жизни Владимира Ильича сыграли огромную роль», — эти точные слова произнесла в беседе с Ш. Манучарьянц Н. К. Крупская. За ними — многогранный образ Ленина-читателя.

«Ленин был величайшим среди крупнейших ученых своего времени по интеллектуальной силе своего мышления, по широте своего кругозора. Там, где другие великие люди видели лишь тот или другой аспект действительности, он видел все», — слова эти принадлежат выдающемуся английскому ученому Джону Берналу и, разумеется, имеют прямое отношение к теме «Ленин-читатель».

Н. К. Крупская подчеркивала, что, понимая Ленина как научного работника, как пропагандиста, как агитатора, как редактора, как организатора, мы пойдем его и как человека. Понять Ленина как человека, разъясняла она, — значит, глубже, лучше понять, что такое строительство социализма, значит, почувствовать облик человека социалистического строя.

В последние месяцы своей жизни В. И. Ленин был таким же страстным, активным читателем, что и прежде. Вот выдержка из

12-го, заключительного тома издания «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника» (с. 623):

«Начало августа 1923—20 января 1924.

Ленин ежедневно работает в библиотечной комнате, просматривает литературу, особенно новые поступления, отбирает заинтересовавшие его книги, главным образом по экономическим вопросам, научной организации труда, финансам и др. По воспоминаниям Н. К. Крупской, он отобрал сочинения В. В. Воровского, «Мои университеты» А. М. Горького (Берлин, 1923), журнал «Под знаменем марксизма», хрестоматию С. И. Кочетова «Красный сказ» (Изд. 2-е, М., 1923), книги Джека Лондона, М. Н. Коваленского «Вчера и завтра» (М.; Пг., 1923) и Е. Замысловской «За последние сто лет» (М.; Пг., 1923), литературу, связанную с партийной дискуссией, атласы, справочники. Ленин внимательно следит за библиографией, указывает книги, которые надо ему достать; по вечерам слушает чтение вслух Крупской. Они прочитывают произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина, басни Д. Бедного, сборник революционных песен, стихотворения П. Беранже, «Мои университеты» Горького и другие книги».

Облик Ленина-читателя помогает нам понять Ленина — вождя Коммунистической партии, создателя Советского государства, корифея науки, учителя международного пролетариата.

Готовясь достойно встретить XXVII съезд Коммунистической партии, советские люди вновь и вновь возвращаются к вечно живой ленинской мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бонч-Бруевич В. Пометки Ленина на «Книжной летописи» 1917, 1918 и 1919 гг. В кн.: В. И. Ленин и библиотечное дело. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1977, с. 331.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 378.
- ³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти т. М., 1968, т. 1, с. 30.
- ⁴ Там же. М., 1969, т. 2, с. 15.
- ⁵ Крупская Н. К. О Ленине: Сб. статей. М., 1960, с. 13.
- ⁶ См.: Как В. И. Ленин готовил свои труды. М., 1969, с. 165.
- ⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 86—87.

В. Рябов

СРАЖАЮЩАЯСЯ КНИГА

Беседу вела К. Хромова

Широким читательским признанием пользуются книги, выпускаемые Воениздатом. И это закономерно. Когда, к примеру, листаешь каталог литературы, увидевшей свет в этом издательстве к 40-летию Победы, бросается в глаза огромное разнообразие и актуальность ее тематики: литература военно-политическая, военно-историческая, военно-мемуарная, военно-художественная (отечественная и зарубежная), книги по военному искусству и боевой технике, издания по изобразительному искусству... Многолетние традиции, которые берут начало в книгах первых послереволюционных лет, высокий идейно-политический и художественный уровень создали непрекращаемый авторитет одному из крупнейших издательств страны.

По просьбе редакции «Альманаха библиофила» на вопросы ее корреспондента отвечает начальник Управления ордена Трудового Красного Знамени Военного издательства Министерства обороны СССР, генерал-лейтенант Василий Сергеевич Рябов.

— Василий Сергеевич, военная книга всегда играла и играет сегодня важную роль в воспитании советских людей в духе высокой идейности, патриотизма, гражданственности. Напомним, пожалуйста, о зарождении военно-издательского дела в нашей стране после Революции, о его наиболее важных вехах.

— В июне 1918 года был образован Военный отдел издательства ВЦИК—первое специализированное военно-издательское учреждение. Отделу вменялся выпуск популярной литературы для армии и гражданского населения. Именно по его инициативе в конце 1918 года была напечатана замечательная «Книжка красноармейца», утвержденная В. И. Лениным, Я. М. Свердловым и Н. И. Подвойским. В сжатой форме, доходчиво в ней разъяснялся высокий долг бойца Красной Армии—защитника молодой Советской Республики. В этой книжке был опубликован и текст первой советской присяги—«Торжественное обещание красноармейца»,—которую 11 мая 1918 года принимал Владимир Ильич Ленин вместе с бойцами частей Московского гарнизона, отправлявшимися на фронт.

Одной из насущных забот книгоиздательства того времени было печатание учебной литературы—букварей, задачников,

учебников политграмоты,—распространявшейся и в армии. И вот в 1919 году в составе Политического управления Реввоенсовета республики «для объединения и планомерной организации литературно-издательского дела, имеющего целью снабжение Красной Армии литературой», был создан Литературно-издательский отдел—Литиздат ПУРа. Он и положил начало современному Воениздату.

Военное издательство в ту пору выпускало для фронта все виды печатной продукции. И больше всего—агитационно-пропагандистской литературы, в первую очередь—листовки с ленинскими декретами и воззваниями, обращения и памятки, агитационные брошюры и плакаты. Только с октября 1919 по декабрь 1920 года Литиздатом ПУРа было выпущено до 30 миллионов экземпляров различных изданий, в том числе более 4,5 миллиона книг и брошюр и 14,3 миллиона листовок.

— *В одном из фронтовых документов того времени говорилось: «Дайте книгу в окопы! Дайте литературу Красной Армии! Она просветит ее ум и сознание, она облегчит ее трудную и тяжелую борьбу, она даст ей новые силы для борьбы и победы». Силу слова как могучего оружия в борьбе с врагами революции высоко ценил В. И. Ленин...*

— Владимир Ильич с первых же дней гражданской войны взял на себя заботу о снабжении Красной Армии необходимой литературой, ставя в военно-политической работе книгу наравне с оружием. В. И. Ленин требовал, чтобы в сводках о положении на фронтах он получал сведения о числе штыков, сабель, орудий, патронов, снарядов, коммунистических ячеек и о том, «сколько распространено литературы за такой-то срок» (Полн. собр. соч., т. 50, с. 262). До нас дошли бесценные реликвии—книги из личной библиотеки Владимира Ильича, изданные в то суровое для мужавшей Красной Армии время. Например, брошюра «Памятка коммунисту в бою» с краткой надписью на обложке: «Председателю Сов. Нар. Комиссаров т. Владимиру Ильичу Ленину». Или же—книга «О миллионной организации Вооруженных Сил Российской Советской Федеративной Республики» с автографом автора: «Дорогому моему учителю Владимиру Ильичу. Очень прошу, на втором экземпляре сделать свои замечания. Н. Подвойский»...

Коммунистическая партия придавала военному книгоиздательству большое значение, поэтому во главе его стояли видные партийные и военные работники. Деятельность созданного в 1921 году при Реввоенсовете Республики Высшего военно-редакционного совета непосредственно направлял выдающийся деятель партии и Советского государства М. В. Фрунзе; его председателем был начальник ПУРа С. И. Гусев, членами сове-

та — С. С. Каменев, М. Н. Тухачевский, А. С. Бубнов, П. П. Лебедев, писатель Д. А. Фурманов и другие.

Как и сама армия, художественная литература о ней создавалась заново, поэтому надо было привлечь опытных литераторов, вырастить новые писательские силы для воплощения в слове героико-патриотической темы. Большое и сложное дело по организации писательских сил на этой основе взял на себя Д. А. Фурманов. Он работал в Высшем военно-редакционном совете, а после гражданской войны — в Госиздате; был редактором журнала «Военная наука и революция», затем — секретарем Московской ассоциации пролетарских писателей. Фурманов горячо поддержал «Железный поток» А. Серафимовича, первые рассказы М. Шолохова, стихи А. Безыменского, поднял на ноги немало молодых писателей. В то же время сам Фурманов напряженно работал над книгами, впоследствии вошедшими в золотой фонд нашей военно-патриотической литературы, — «Красный десант», «Чапаев», «Мятеж». Примечательную запись встретил я в дневнике писателя: «Целый день над книгой: с утра в Госиздате. Домой приду — здесь читаю, готовлюсь писать «Мятеж», строчу, отмечаю: словом, часов 15-18 в сутки за книгой».

— Какие издания по военному делу получили в ту пору наибольшее распространение?

— Бойцам и командирам Красной Армии — вчерашним рабочим и крестьянам требовались глубокие военные знания. Литиздат ПУРа и взялся за подготовку и выпуск литературы, которая помогла бы им быстрее освоить науку побеждать. В 1919 году были изданы и направлены в воинские подразделения такие книги, как «Пособие для специального обучения в артиллерии», «Памятка красноармейцу по уходу за винтовкой», «Действия в лесу», «Пособие для ведения тактических действий» и многие, им подобные.

Книга стала помощником партии в строительстве и укреплении Вооруженных сил молодого Советского государства, помогала обучать и воспитывать командные кадры и личный состав армии и флота. В условиях растущей угрозы империалистической интервенции совершенствовалось техническое оснащение Красной Армии, поэтому военная литература не просто шла в ногу со временем, а старалась заглянуть вперед. Выпуск военно-технической литературы увеличивался из года в год.

Делались и первые шаги в создании советской военной науки. К концу гражданской войны был издан «Отчет об операциях Красной Армии с 1 декабря 1919 года по 25 ноября 1920 года». Книга вышла небольшим тиражом — 2,5 тысячи экземпляров, но привлекла внимание не только военных: един-

ственное в своем роде издание в качестве подарка вручалось делегатам VIII Всероссийского съезда Советов. В это же время были выпущены и первые уставы Красной Армии, разработанные по инициативе В. И. Ленина,—Устав внутренней службы, Полевой, Строевой, Дисциплинарный уставы. Они сыграли важную роль в создании регулярной, строго дисциплинированной армии, в ее победах над белогвардейцами и интервентами.

Среди массовых изданий тех лет следует назвать брошюры серии «Библиотека красноармейца» — сегодня она носит название «Библиотека солдата и матроса». Первыми книжками в этой серии были «Букварь красноармейца», «Задачник красноармейца», памятки: «Военная тайна и как ее сохранить», «Пулемет в бою», «Маскировка», «Как воюют теперь и как воевали прежде», «Как сохранить свое здоровье в походе и на маневрах».

— *Какие труды тех лет сохраняют актуальность и сегодня?*

— Их немало. Но особо хотелось бы подчеркнуть значение трудов одного из первых авторов Военного издательства — Михаила Васильевича Фрунзе. В 1921 году вышли его книги, которыми и сегодня пользуются специалисты: «Единая военная доктрина и Красная Армия» и «Реорганизация Рабоче-Крестьянской Красной Армии», а в 1925 году был издан выдающийся труд М. В. Фрунзе «Ленин и Красная Армия», в котором впервые получила обобщение деятельность В. И. Ленина — организатора Советских Вооруженных Сил, была показана его основополагающая роль в укреплении обороноспособности социалистического Отечества... Ленинская тема с момента возникновения советской военно-исторической литературы стала в ней центральной. «Ильич и Красная Армия», «Ленин и Красный Флот» — в этих и других сборниках, вышедших в двадцатые и тридцатые годы, нашли отражение исторические заслуги вождя революции в создании боеспособной армии нового типа.

— *«Библиотека красноармейца»... Расскажите, пожалуйста, о ней подробнее.*

— Она полюбилась бойцам с первых же выпусков. Наряду с боевыми памятками — некоторые из них я назвал, — в ней сразу же начали печататься художественные произведения. Малообъемные книжки, иногда всего в 16—20 страниц, небольшого формата, в красных обложках, были удобны для пользования в походе, окопе, блиндаже, где неукоснительно соблюдалось правило — «прочти и передай товарищу».

Выпускались эти книжки оперативно, иногда в считанные дни. В дни войны успехом у солдат пользовались такие брошюры, как «Слава храбрым» М. Горького, «Я призываю к ненависти» и «Смельчаки» А. Толстого, «О жизни и смерти» Б. Горбатова,

очерки и стихи Н. Тихонова, рассказы В. Василевской. В «Библиотеке красноармейца» печатались очерки о Героях Советского Союза, выпускались сборники художественных очерков и рассказов о танкистах, пехотинцах, летчиках, артиллеристах, саперах, разведчиках. Авторами часто были известные писатели, а также начинающие литераторы, военные журналисты. Эта малая форма оперативной военной литературы стала своего рода разведкой эпически масштабных тем, позднее достойно воплощенных в лучших книгах о Великой Отечественной войне.

— *Василий Сергеевич, расскажите о деятельности Воениздата в годы войны.*

— Война началась, и литература также оказалась мобилизованной и призванной в боевой строй. Книги, которые выпускал Воениздат, ставили своей задачей показать величие ратного подвига нашего народа, нести воинам вдохновляющее слово Коммунистической партии, сплотившей всех советских людей на защиту Отечества.

В первые же дни войны тиражом два миллиона экземпляров была отпечатана и отправлена на фронт работа «В. И. Ленина о защите социалистического Отечества». Массовыми тиражами были изданы книжки, прославляющие освободительную миссию Красной Армии, авторами которых были видные деятели партии и государства — М. И. Калинин, А. А. Жданов, А. С. Щербаков, Е. М. Ярославский, Д. З. Мануильский, А. Ф. Горкин... Для воинов армии и флота, партизан и подпольщиков, а также работников тыла выпускались сотни тысяч книг и брошюр, миллионы листовок, разоблачавших звериный облик фашизма.

Оперативно и также массовыми тиражами печатались наставления, памятки и уставы, инструкторовавшие бойцов, как вести бой с жестоким противником: «Памятка красноармейцу по борьбе с фашистскими танками», «Противотанковая оборона», «Укрепление местности», «Подготовка снайпера к бою», «Боевые действия зимой»... На протяжении всей войны Воениздат выпускал «Библиотеку летчика» — брошюры, в которых воинам-авиаторам, особенно молодым, систематически передавался опыт боевых действий, накопленный в борьбе с гитлеровцами («Взаимодействие авиации с наземными войсками», «Самолет против танка» и т. п.). В этой же серии были напечатаны очерки прославленных мастеров воздушных атак А. И. Покрышкина — «Крылья истребителя» и И. Н. Кожедуба — «Три сражения».

Воениздат выпускал и книги о героическом прошлом нашей Родины — «Михаил Кутузов» Е. В. Тарле, «Исторические традиции русского военного героизма» М. В. Нечкиной, «Александр Невский» В. В. Данилевского. Выходили популярные брошюры,

рассказывающие о выдающихся событиях русской истории, сборники, антологии... Можно с гордостью сказать, что книги, изданные в те героические годы Воениздатом, всегда находились на передовой. Непрерывно, день за днем в действующую армию направлялись книги, вдохновлявшие наших солдат на победу над коварным врагом.

— *Война для всех советских людей явилась испытанием на стойкость, мужество, гражданскую зрелость. А как этот боевой экзамен держали книгоиздатели?*

— Издательства, как и редакции газет и журналов, работали тогда по-фронтовому. Редакторы, корректоры, печатники трудились почти без отдыха, не хватало топлива и электроэнергии, типографские машины нередко приходилось обслуживать вручную... Но несмотря ни на что фронт своевременно и в нужных количествах получал требуемую литературу.

Военное издательство превратилось в полном смысле в боевую часть. Чтобы в кратчайшие сроки обеспечивать армию нашими книгами, на важнейших направлениях фронтов были созданы четыре редакционно-издательских отделения Воениздата, обслуживаемые походными типографиями. Одна редакция действовала в осажденном Ленинграде. В ее помещении и поныне размещается старейшая 2-я типография Воениздата. Это на ее здании со стороны Невского проспекта в память о подвиге ленинградцев сохраняется историческая надпись: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». На боевом посту погиб сотрудник ленинградской редакции Юрий Аскинадзе, собиравший материал о героических защитниках города...

Под постоянными бомбежками и обстрелами действовало Юго-Западное отделение Воениздата. Работало по-боевому, оперативно. Когда, например, на фронте впервые появились фашистские «тигры», отделение в течение трех дней выпустило пособие с описанием уязвимых мест танка и способов эффективной борьбы с ним... В июле 1942 года под Валуйками снарядом разбило цинкографию. К счастью, на этот раз никто не пострадал. Однако бывали и тяжелые потери. В августе 1943-го при очередной жестокой вражеской бомбежке погибли двенадцать работников издательства. В семи километрах от города Конотопа на их могиле стоит обелиск, они похоронены как солдаты...

— *Василий Сергеевич, в музее вашего издательства хранится много редких книг, например, «Ракетный полет в стратосфере» С. П. Королева, увидевшая свет в 1934 году. Воениздат, как видим, в свое время поддержал малоизвестного ученого, идеи которого через два десятилетия стали реальностью... А кого из литераторов поддерживало Военное издательство?*

— Их, конечно, немало, перечислить всех просто не представляется возможным... Приведу некоторые высказывания — я специально сделал выписки. Вот что, например, в своих воспоминаниях пишет Николай Тихонов: «Я горжусь, что в продолжение моей долгой писательской работы я много раз имел дело с Военным издательством, и всегда буду благодарен за его внимание к автору, за его инициативу и быстроту выполнения, особенно в трудных условиях войны. Я мог бы составить целую коллекцию своих работ, изданных в Воениздате, от большой книги прозы до брошюр, выпускавшихся издательством в дни осады города-героя Ленинграда».

А вот слова Анатолия Софронова, прошедшего в годы войны «курс» издательского дела: «После того, как в начале декабря сорок первого я вернулся из госпиталя в резерв Главного политического управления РККА, меня назначили редактором отдела литературы Воениздата. Время было трудное, суровое. Только что враг был отброшен от Москвы, но сама Москва еще носила черты прифронтового города... Именно в ту пору вышла у меня первая книга стихов, изданная в Москве. Называлась она „Конногвардейцы“. Она вышла в серии „Библиотека красноармейца“. Всего шесть стихотворений... В начале осени сорок второго я попрощался с Воениздатом, с заботливыми и чуткими товарищами и перешел в газету „Известия“ в качестве военного корреспондента, в должности которого и закончил войну. Но Воениздат остался для меня в памяти как хорошая и, я бы сказал, чуткая школа формирования человеческой души».

Подобную же школу Воениздата прошли работавшие в нем в разное время писатели Михаил Алексеев, Евгений Поповкин, Сергей Сергеевич Смирнов, Иван Стаднюк, Виктор Устьянцев, Семен Борзунов. Воспитанниками Воениздата считают себя десятки прозаиков и поэтов, посвятивших свое творчество благородной героико-патриотической теме и начинавших у нас свой путь в большую литературу.

— *Вслед за писателями старшего поколения в литературу приходят новые имена. Как Воениздат помогает росту молодых авторов?*

— Мы делаем все возможное, чтобы боевой отряд советских литераторов непрерывно пополнялся. Новых авторов находим, издаем их лучшие вещи. Только за последние несколько лет более пятидесяти молодых писателей выпустили в Воениздате свои первые книги. Стихи начинающих поэтов издаем в библиотечке «Старт», прозу молодых — в сборниках. Нередко хорошее пополнение идет непосредственно из армии. Мы издаем сборники произведений армейских и флотских литераторов, составленные из их публикаций в периодике, например в журнале «Советский

воин». Недавно вышла очередная такая книжка, озаглавленная «Живет солдат...»

— *Василий Сергеевич, в дни подготовки к празднованию 40-летия Победы тема всенародного подвига занимала ведущее место в планах издательства. Расскажите, пожалуйста, хотя бы вкратце о юбилейных изданиях...*

— Во-первых, надо сказать, что очень многие наши книги последних лет были посвящены Великой Отечественной войне. Мы выпустили более 2200 книг о ней общим тиражом свыше двухсот миллионов экземпляров. Это солидная библиотека, в которой отражены все грани великого подвига советского народа и его Вооруженных Сил. Невозможно перечислить все книги, представляющие самые разные жанры. Назову самые заметные: однотомник «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945: Краткая история»; «История Великой Отечественной войны Советского Союза» в 6-ти томах; «История второй мировой войны. 1939—1945» в 12-ти томах. Это издание явилось крупным событием, ибо в нем с марксистско-ленинских позиций получили объективное освещение причины, вызвавшие начало войны, развязанной империалистами, ее истинный ход, результаты и уроки. Издание убедительно разоблачает измышления буржуазных историков, фальсифицирующих историю второй мировой войны, принижающих вклад нашей страны в достижение победы над фашистским агрессором.

Тема Великой Отечественной войны широко отражена в восьмитомной «Советской военной энциклопедии», в «Военном энциклопедическом словаре». Это издание вызвало большой интерес не только в нашей стране, но и за рубежом. В нем читатель находит самые полные сведения о всех значительных сражениях и операциях в Великой Отечественной войне, о партийном и государственном руководстве ходом военных действий, о полководцах и других военачальниках, видных политработниках, конструкторах советского оружия в годы войны, о партизанском движении...

Мы выпустили в свет немало исследований, подытоживающих опыт боевых действий, сборники и монографии, посвященные решающей роли Коммунистической партии в организации победы над фашистской Германией, вопросам партийно-политической работы в годы войны, организации работы в тылу, многим другим темам, связанным с трудовыми и ратными подвигами советских людей.

Постановление ЦК КПСС «О 40-летию Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» нацелило нас на повышенное внимание к литературе о минувшей войне. Возросла ответственность редакторов, их требовательность к

себе и к авторам, к идейному и научному содержанию, к качеству выпускаемых книг.

К юбилею подготовлено значительное число новых интересных изданий. О многогранной организаторской и идейно-политической работе Коммунистической партии на фронте и в тылу, авангардной роли коммунистов рассказывают книга «Политорганы Советских Вооруженных Сил. 1918—1983» и монография «Идеологическая работа КПСС в действующей армии в годы Великой Отечественной войны».

Книга «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во второй мировой войне» представляет собой сборник документов и материалов, убедительно показывающий решающий вклад Советской Армии в освобождение поработанных фашизмом народов. Массовым тиражом издан однотомник «Вторая мировая война. Итоги и уроки» под редакцией Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова.

Многие яркие страницы подвига советского народа отражены в массовых иллюстрированных изданиях, буклетах, альбомах-фотолетописях, наглядных пособиях, фотомонтажных комплектах...

— *Какие художественные произведения о войне были изданы к 40-летию Победы? Наверное, большое место среди них занимали переиздания?*

— Неослабевающий интерес у читателя продолжают вызывать военные мемуары. После 1945 года в стране вышло более 1700 книг-воспоминаний участников войны, из которых на долю Воениздата приходится свыше 500. В период подготовки к юбилею Победы Госкомиздат СССР, учитывая высокий спрос на мемуарную литературу, принял специальное решение переиздать наиболее значительные книги этого жанра. 15 издательств страны выпустило свыше трех десятков книг тиражом около пяти миллионов экземпляров. Воениздат повторно опубликовал воспоминания А. М. Василевского, К. К. Рокоссовского, Н. И. Крылова, С. М. Штеменко.

Мы переиздали многие книги прошлых лет: «Они сражались за Родину» М. Шолохова и его военные рассказы, публицистику А. Толстого, книги Б. Горбатова, Л. Соболева, В. Кочетова, Б. Полевого, Г. Березко, А. Бека, А. Твардовского, М. Алексева, Ю. Бондарева, Г. Коновалова, Н. Грибачева, А. Адамовича, Г. Бакланова, И. Стаднюка и других прозаиков. Издали ряд новых для нас книг, недавно получивших признание читателя, — романы и повести В. Карпова, С. Баруздина, В. Богатолова, А. Ананьева, Г. Семенихина, И. Свистунова, Я. Резника...

— *Василий Сергеевич, в решениях XXVI съезда КПСС, в Постановлении ЦК КПСС о 40-летию Победы говорится, что*

одной из задач издательства должен стать выпуск книг о наследниках Победы, воинах современной армии. Что делается Воениздатом в этом направлении?

— Могу сказать: сделано уже немало. Книги о защитниках Родины выходили всегда, и их будет издаваться все больше. Напомню, что одним из первых произведений, посвященных послевоенной армии, была повесть Михаила Алексея «Наследники». Автор, сам прошедший войну, правдиво показал суровую воинскую службу в мирных условиях, с большой теплотой создал образы молодых защитников Родины. Вслед за этой книгой Воениздат выпустил и другие, заслуженно получившие признание самого широкого читателя. В этих произведениях нашел отражение процесс развития Советских Вооруженных Сил в последние десятилетия, были подняты проблемы воспитания молодых офицеров и солдат на славных боевых традициях их отцов, воспитания в духе преданности коммунистическим идеалам, верности воинскому долгу, любви к Родине... В настоящее время в портфеле издательства находятся новые рукописи, рассказывающие о боевых буднях нашей армии.

— *Василий Сергеевич, перед Советскими Вооруженными Силами стоит ответственной исторической задачей — обуздание агрессивных сил империализма, обеспечение безопасности нашей Родины, дела мира и социализма. Партия обращает особое внимание на повышение идейно-политической закалки военных кадров, их всестороннюю подготовку с учетом опыта второй мировой войны и современных требований военного дела. Каким образом Воениздат участвует в решении этих важнейших задач?*

— Поскольку силы империализма сегодня развернули бешеную кампанию «холодной войны» и безудержную гонку вооружения, повышаются и требования к идейно-политическому воспитанию воинов, всех граждан в духе высокой бдительности и постоянной готовности к надежной защите социалистического Отечества. Значительная часть продукции Воениздата посвящена этим вопросам. Насущным проблемам развития Советских Вооруженных Сил в условиях научно-технической революции, совершенствованию организации, форм и способов ведения военных действий посвящены военно-теоретические издания последних лет.

Этим же вопросам, а также проблемам повышения бдительности и боевой готовности Вооруженных Сил посвящены книги, вышедшие под грифом «Решения XXVI съезда КПСС — в жизнь». Их авторами были руководящие деятели Министерства обороны СССР и Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, видные военачальники. Широ-

кий резонанс получила книга Адмирала Флота Советского Союза С. Г. Горшкова «Морская мощь государства». Подготовлена к изданию книга Маршала Советского Союза В. И. Петрова «Защита Отечества — священный долг советского гражданина». То, что руководящие деятели нашей армии и флота являются авторами Воениздата, что они непосредственно через книгу обращаются к воинам нашей армии, следует считать доброй традицией.

Большими тиражами мы издали труды, раскрывающие характер и принципы руководства КПСС Советскими Вооруженными Силами, ленинские идеи о защите завоеваний социализма. Примечательно, что книги эти не залеживаются на полках магазинов, и мы получаем заказы на допечатку тиражей. Факт, красноречиво свидетельствующий о неиссякаемом интересе читателей к изучению деятельности партии по укреплению обороноспособности Советского государства.

По-прежнему много внимания мы уделяем теоретическому наследию классиков марксизма-ленинизма в области проблем военной истории и военного искусства. Мы переиздаем труды В. И. Ленина в тематических сборниках. В 1983 году вышла коллективная монография под редакцией видного военного историка П. А. Жилина «Классики марксизма-ленинизма и военная история», затрагивающая актуальные проблемы военно-исторической науки.

Воениздат возобновил выпуск «Библиотеки офицера», в которой вышли «Избранные произведения» Ф. Энгельса, сборник статей В. И. Ленина «О войне, армии и военной науке», книга «Марксизм-ленинизм о войне и армии», пособия — «Военная психология», «Военная педагогика», «Справочник офицера»...

Как видите, тематика наших изданий очень обширна и охватывает многие стороны жизни современной армии и флота, освещает главные вопросы, связанные с морально-политическим воспитанием советского воина, его боевой выучкой.

— *Сегодня, когда усиливаются происки врагов социализма и коммунизма против прогрессивных сил, возрастающее значение приобретает литература, разоблачающая реакционную идеологию и агрессивную политику империалистических кругов. Какие книги, посвященные этой злободневной теме, выпущены Воениздатом? Какие книги готовятся?*

— Вот уже несколько лет наше издательство принимает участие в межиздательской серии «Империализм: события, факты, документы», выпускаемой по инициативе Госкомиздата СССР. В ней мы издали книги Б. Пядышева «Опасность: милитаризм в политике, экономике и идеологии США», Т. Белашенко «США: 200 лет — 200 войн», А. Булатова «Неоколони-

ализм в военном мундире», А. Ефремова «Куда тянутся щупальцы НАТО» и другие.

Много заинтересованных откликов читателей и прессы вызвали изданные в последнее время книги Д. Волкогонова «Психологическая война», Н. Чалдымова «Критика идеологических основ военной стратегии НАТО», Т. Кондраткова «Идеология. Политика. Война», С. Сергеева «Тотальный шпионаж», В. Соловьева «Ближневосточный жандарм», совместное издание с коллегами из ГДР «Военно-блоковая политика империализма».

Мы и впредь будем уделять неослабное внимание этой тематике. Подготовлены новые книги: «Империализм: ставка на войну» А. Мигولاتьева, «Реальная опасность: военные блоки империализма» Р. Симоняна, «Черные легионы» К. Борисова и Г. Громова. Последняя книга разоблачает зловещую роль наемных террористических банд, используемых международным империализмом против национально-освободительных движений.

— *Воениздат выпускает книги, посвященные военному сотрудничеству стран социалистического содружества. Тема братской сплоченности их народов и армий, укрепления их коллективной обороны — заметное направление в деятельности Воениздата...*

— Мы придаем первостепенное значение литературе, посвященной сплоченности армий стран социализма, сотрудничеству в области укрепления их обороноспособности. Назову некоторые издания последних лет. Маршал Советского Союза В. Г. Куликов написал книгу, рассказывающую о деятельности Организации Варшавского Договора по обеспечению надежной защиты мира и социалистических завоеваний, — «Коллективная защита социализма». Она вышла в 1982 году. Вышла книга доктора исторических наук генерал-майора В. Самойленко «Основа боевого союза», коллективный труд «Варшавский Договор — союз во имя мира и социализма». К 40-летию Победы мы издали книгу «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе», к 30-летию Варшавского Договора — книгу П. П. Скороденко «Во главе боевого союза: Коммунистические партии — создатели и руководители Организации Варшавского Договора» и коллективную работу «Надежный щит мира и социализма».

У нас есть длительный опыт плодотворного сотрудничества с военными издательствами социалистических стран. Вместе с Военным издательством Чехословакии мы выпустили книгу «На вечные времена», с польским военным издательством — труд «Братство по оружию», с болгарским — «Вековая дружба, боевое братство», с кубинским — «Мужество и братство», с монгольским — «Боевое содружество». Названия этих книг говорят сами за себя.

Мы постоянно переводим и издаем книги социалистических стран, ежегодно Воениздат выпускает примерно 15 названий. Недавно вышли воспоминания президента ЧССР Людвика Свободы, книги министров национальной обороны ряда социалистических стран.

Как подчеркивалось на Пленуме ЦК КПСС 11 марта 1985 года, «первая заповедь партии и государства беречь и всемерно укреплять братскую дружбу с нашими ближайшими соратниками и союзниками — странами великого социалистического содружества». Воениздат будет и впредь развивать контакты с коллегами из братских стран социализма.

— *Расскажите об армейских библиотеках, о деятельности Обществ любителей книги в воинских частях.*

— У книги много верных друзей в армии и на флоте. Если советский народ называют самым читающим народом в мире, то справедливо будет сказать, что наша армия — самая читающая. Книга сопровождает солдата повсюду — в походах, на учениях и, само собой разумеется, на досуге. В каждой воинской части есть своя библиотека, в которой широкий выбор военной, политической, художественной, технической, справочной литературы, периодических изданий. В библиотечном фонде Вооруженных Сил сегодня насчитывается более 120 миллионов томов. Поистине велико культурное богатство, которым Родина щедро одарила своих защитников!

И вот что важно — все самые значительные, нужные воину книги, не исключая лучшие новинки художественной литературы, аккуратно поступают в воинские библиотеки.

В армии проводится большая пропагандистская и просветительская работа с книгой. Общества книголюбов, советы воинских клубов и Ленинских комнат, библиотекари под руководством командиров и политических работников проводят читательские конференции, литературные вечера и диспуты, создают библиотечки для солдат, занятых на полевых учениях, или для моряков, уходящих в дальнее плавание.

Сотрудникам Воениздата часто приходится участвовать во встречах с читателями в гарнизонах, на собраниях армейцев-книголюбов, на сборах библиотекарей и книготорговых работников. Эти встречи бывают очень полезны: точнее узнаешь читательские запросы, что помогает точнее планировать тематику изданий и тиражи, с большей требовательностью относиться к содержанию книг, к их оформлению, которое, следует признать, к сожалению, иногда оставляет желать лучшего. Мне и самому недавно пришлось выступать на вечере книголюбов ЦДСА. Надо было слышать, с какой любовью говорили собравшиеся о книгах, и вместе с тем, как они были требовательны...

— *Какие проблемы, по вашему мнению, существуют в пропаганде военно-патриотической литературы?*

— Несомненно, пропаганда книги поставлена широко, с размахом. Но некоторые проблемы остаются. Подчас слишком усердно рекламируются книги, не нуждающиеся в этом, ведь автор их давно известен читателю, темы его серьезны, книги занимательны... А вот интересные, но еще не знакомые почти никому книги из-за отсутствия внимания критики, бывает, долго остаются в тени. Конечно, новую книгу рекламировать труднее, но вот здесь-то и нужно побольше инициативы и выдумки проявить и издателям, и работникам книжной торговли, и библиотекарям, и активистам-книголюбам. Следует серьезно подумать и об улучшении пропаганды специальной литературы, в том числе военно-технической...

— *Каким видится вам армейский библиофил?*

— Таким же, как и «гражданский»... Прежде всего он должен показывать другим благородный пример уважительного отношения к книге, особенно — к библиотечной. Истинный библиофил может оказать большое воспитательное влияние на других собирателей, может помочь развить их вкус, выявить их собственный библиофильский интерес... Стало притчей во языцех стремление лже-библиофилов доставать любым путем все книги, в том числе ненужные ему — лишь бы заставить ими книжные полки, а в определенный момент и выгодно перепродать их. Подобным пагубным явлениям надо объявлять войну, и настоящие библиофилы должны в ней стать активными участниками.

— *Василий Сергеевич, могли бы вы дать какой-либо совет читателям, как собирать книги для домашних библиотек.*

— Хороший совет дает Александр Блок: «Каждому грамотному человеку достаточно иметь около ста книг, но отбирать их надо всю жизнь».

В наше время сотней книг, может быть, уже не обойдешься, но мысль о собирании только нужных книг по существу верна.

Константин Феоктистов

К ЗВЕЗДНОЙ МЕЧТЕ

Беседу вел Валерий Родиков

Несколько лет назад журналистские занятия свели меня с Константином Петровичем Феоктистовым. Побывал я у него дома. Помню, дверь открыл мне сам Константин Петрович, одетый в спортивный костюм. Чуть выше среднего роста, седоволосый, он сразу чем-то располагал к себе. Хозяину уже под шестьдесят, но выглядит он моложе своих лет, сохраняет неплохую спортивную форму. В квартире просторно — здесь нет лишних вещей.

В кабинете, в углу, письменный стол, над ним книжные полки, прилегающая стена также занята стеллажами с книгами. Библиотека не так велика — полторы тысячи томов. Переплеты не спяют типографской первозданной свежестью. Видно, здесь книги всегда в ходу.

Знакомство с личными библиотеками особенно интересно, когда их владельцы люди «именитые». Много может рассказать библиотека о своем хозяине. Не менее интересно, что сам хозяин думает о книгах, которыми он окружил себя.

На полках не много специальных книг. А ведь Константин Петрович Феоктистов — доктор технических наук, профессор, лауреат Ленинской и Государственной премий. Он работал вместе с академиком Сергеем Павловичем Королевым. Именно в секторе, руководимом Феоктистовым, рождались контуры первого космического корабля «Восток», на котором 12 апреля 1961 года облетел Землю Юрий Гагарин. А 12 октября 1964 года он сам вместе с Владимиром Комаровым и Борисом Егоровым отправился в космос на «Восходе» — трехместной модификации «Востока». И по сей день Константин Петрович работает над созданием новой космической техники. Космические корабли «Восток», «Союз», «Союз Т», «Прогресс», станции «Салют» — вот основные вехи его творческого пути. В этих машинах есть приметная доля его знаний, инженерного дара, труда. Пото-

му-то и удивило меня сравнительно небольшое число научно-технических книг на его полках. Хозяин рассеял мое недоумение:

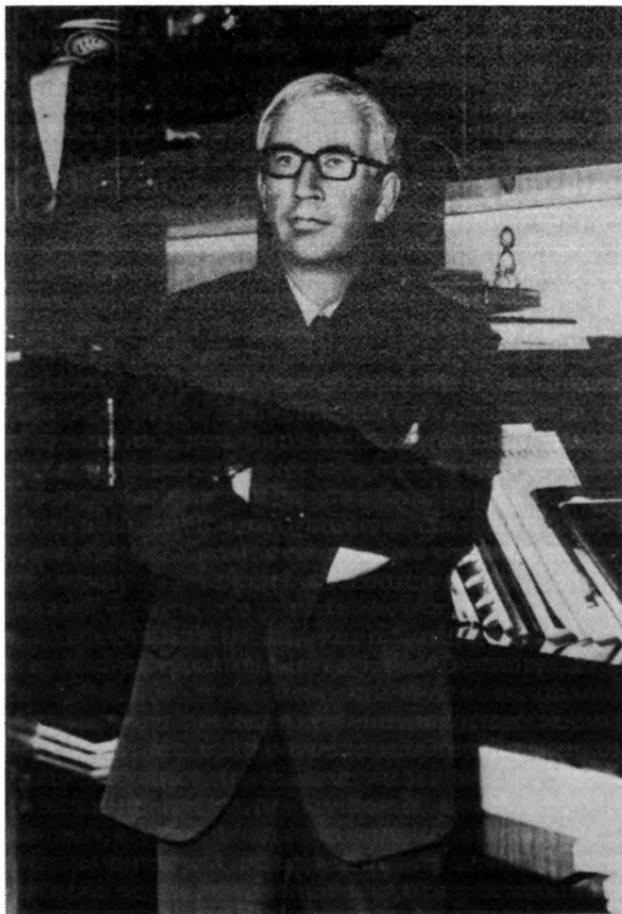
— Часть моей библиотеки находится на работе. Такова специфика. Все, что связано с космосом, делаю прежде всего на работе. Конечно, и дома порой не могу отключиться от служебных обязанностей. Кое-что прикидываю в первом приближении, а для этого в основном хватает того минимума книг, который здесь находится: справочники по математике, физике, «Сопромат» Феодосьева, «Таблица интегралов» Двайта, монографии по теории полета космических аппаратов и ракет, книги по космической физике, «Проектирование систем» Диксона, «Курс звездной астрономии» Паренаго... Можно сказать, что я и дома во всеоружии.

— *Я вижу, почти целая полка у вас занята ежегодниками «Народное хозяйство в СССР». Такую специфическую литературу неожиданно встретить в личной библиотеке космонавта. Она характерней для собрания ученого-экономиста, статистика...*

— Эти книги — дань моему давнишнему, чисто любительскому увлечению статистикой. Я интересуюсь динамикой развития нашего народного хозяйства. Пытаюсь проследить зависимости его разных показателей. Космические аппараты, которыми я занимаюсь, — довольно сложные системы. А народное хозяйство — это тоже система, только сложность ее на несколько порядков выше. Немного завидую математикам-экономистам, которые занимаются исследованием столь сложной системы, как народное хозяйство, созданием его глобальной математической модели. Экономический эффект от ее внедрения был бы огромен. К сожалению, сейчас у меня практически нет времени для своего увлечения.

— *Готовясь к нашей встрече, я вновь перечитал вашу книгу «О космолетах», вышедшую в издательстве «Молодая гвардия» в 1982 году. Я искал в ней ответ на интересовавший меня вопрос: какую роль, Константин Петрович, сыграли книги в выборе вашей профессии? Ведь в то время, когда вы учились в школе, полеты в космос оставались в области фантастики...*

— Да, мне было девять лет, когда старший брат Борис притащил книжку Я. Перельмана «Межпланетные путешествия». Популярная монография написана Перельманом еще в 1915 году, в 1935 году вышло ее десятое, «вновь просмотренное» издание. Рассчитана она на некоторые знания физики и математики — в ней немало схем, формул, расчетов. Многое в ней теперь выглядит наивным, но читается и сейчас с интересом, подогреваемым к тому же нашим знанием пройденной в технике дистанции.

К. П. Феокистов

Тогда мне казалось в ней почти все понятным. И схема жидкостного ракетного двигателя, и схема ракеты — все ясно и доступно для мальчишеской головы. Прочитал я эту книжку и в результате на десятом году жизни принял твердое решение: вырасту — займусь созданием космических кораблей. Не поверите, я тогда не сомневался, что стану тем, кем являюсь сейчас. Хорошо помню, что в четвертом классе (в школу я поступил в 1933 году) другу своему Коле Морозову заявил: «В 1964 году я полечу на Луну!» Тот засомневался, а потом решил уточнить: «Кто же построит этот корабль?» — «Я».

Интересно, что в 1964 году я действительно слетал в космос.

Совпадение, конечно, случайное. Но у меня был железный расчет: школу окончу, пять лет на институт и еще лет пятнадцать на разные исследования, проектирование, постройку корабля и подготовку к полету. Меня и самого несколько удивляет свое детское увлечение: ведь тогда, в 30-е годы, все мечтали об авиации, самолеты — в кино, на фотографиях, но у меня особой тяги к ним не было. А ракету тогда и представить было непросто — только и было, что рисунки.

Мой интерес к космосу также «подогрел» фильм «Космический рейс». В то время, в середине тридцатых годов, он пользовался популярностью, особенно у нас, мальчишек. Отчетливо запомнил фрагмент фильма, когда под некоторым наклоном стартует огромная космическая ракета. Много позже, уже будучи взрослым, я узнал, что план сценария и альбом картин для фильма был составлен Константином Эдуардовичем Циолковским. Он также консультировал автора сценария А. А. Филимонова и режиссера В. Н. Журавлева.

Правда, в седьмом классе я изменил своей мечте — увлекся идеей передачи электроэнергии без проводов. Казалось несложно — преобразовать энергию в токи высокой частоты и сконцентрировать в направленный луч. Смущало одно: если пролетающий самолет наткнется на луч, то сгорит. Интересно, что именно таким способом предполагают передавать энергию на Землю с будущих космических солнечных электростанций. И проблема с самолетами, пролетающими область радиолуча, все еще остается. Конечно, самолет не сгорит. Но не будет ли вреда пассажирам? Не повлияет ли радиолуч на работу самолетной электронной аппаратуры? Как будет влиять радиоизлучение на птиц, находящихся в зоне радиолуча? Есть предварительные сведения, что птицы чувствуют мощное радиоизлучение и стремятся покинуть опасную зону...

Но это уже перечень сегодняшних проблем, а тогда я записался в энергетический кружок городского Дома пионеров. Для начала попробовал сделать генератор с постоянным магнитом. Но пальцы меня не слушались — нужный зазор между ротором и статором никак не получался... Энергетиком я не стал, время же, проведенное в кружке, мне хорошо запомнилось. Там был прекрасный руководитель-инженер, умница (жаль, фамилию не помню), и ребята хорошие подобрались. Вместе работали, вместе домой возвращались и много всяких вопросов обсуждали. Главное ощущение от атмосферы наших споров и бесед — это уверенность в том, что в технике можно все сделать, построить все, что захочется. Теперь у меня такой уверенности уже нет.

Поступив в кружок, я снова вернулся к своей мечте о космических полетах, к тому же теперь я был уверен — для

создания космических кораблей потребуются широкие инженерные знания. Их надо приобретать.

— *Так никогда и не испытывал колебаний в выборе профессии?*

— Если говорить честно, где-то ближе к десятому классу они возникли. Показалось вдруг, что лучше выбрать такое дело, чтобы поездить можно было, на мир посмотреть. Геологоразведчиком, например, стать или дипломатом. Но перед самым окончанием школы снова попалась книга о космонавтике — «Полет в мировое пространство» Макса Валье. В предисловии к русскому изданию, вышедшему в 1936 году, на странице седьмой, я встретил такие слова: «Советуем начать чтение с пользующейся заслуженной известностью мастерски написанной книги Я. И. Перельмана «Межпланетные путешествия», а после нее прочитать книгу Валье. Обе эти книги являются как бы первой и второй ступенью трудности...» В книге Валье, как и у Перельмана, все было достаточно понятно, но тема излагалась серьезнее и даже увлекательнее. Тогда-то родились собственные мысли о возможной конструкции космического корабля, способного полететь.

— *Какие другие книги по космонавтике читались тогда?*

— Была в 30-е годы популярная, например, серия выпусков Н. А. Рынина «Межпланетные путешествия». Выходили и специальные, но тоже не очень сложные книги К. Э. Циолковского, Ю. В. Кондратюка, Ф. А. Цандера, С. П. Королева, В. П. Глушко и Г. Э. Лангемака, М. К. Тихонравова, Г. Ноордунга и другие.

— *Расскажите немного об учебе в институте.*

— Когда подошло время поступления в вуз, я уже твердо решил: надо идти в авиационный. Он, как я понимал тогда, был ближе всего к космонавтике. Школу я закончил в Коканде в 43-м году. Аттестат — одни пятерки, значит, мог поступать в институт без экзаменов. И я послал документы в Московский авиационный. Сижу в Коканде, жду вызова, а его все нет. Наконец, пришла бумага. Собрал я вещи и поехал в столицу. Явился в МАИ, а мне говорят: опоздали на месяц, прием давно закончен. Что делать? Переживал недолго — узнал, что можно поступить в МВТУ (училище только что вернулось из эвакуации). И подался туда. Поступил на факультет тепловых и гидравлических машин. Хотя это казалось далеким от космической техники, но не чересчур — ракетный двигатель все-таки тоже тепловая машина. Через год, думаю, переведусь в МАИ.

После первого курса пошел к ректору. Так, мол, и так, хочу специализироваться по летательным аппаратам, и потому отпустите в МАИ — туда, где авиация и до ракет рукой подать. А он мне и говорит: «Нет, друг мой, никуда ты не пойдешь. Чему ты хочешь научиться, у нас научишься». Пошел я сначала на

кафедру, которую возглавлял Юрий Александрович Победоносцев,—показалось не то, далеко от моих замыслов. Пришел на другую. Понял: действительно переходить никуда не надо. А вскоре и вообще убедился, что самое важное—это общетехническая подготовка и лучше, чем в МВТУ, ее нигде не получишь.

Когда распределяли дипломные темы на нас пятерых, занимавшихся на кафедре, две наиболее интересующие меня попали к девушкам. Потом одна из них отказалась в пользу нас, ребят. Но я жертву не принял, хотя тема очень соблазняла—вроде бы впрямую вела к осуществлению мечты. Решил еще потерпеть. Делал проект воздушно-реактивного двигателя с осевым компрессором. Несколько необычным был расчет компрессора. Использовал я какие-то новейшие экспериментальные кривые, о чем вспоминаю с некоторым удовольствием. Защитил диплом 13 июня 1949 года.

Распределение для меня было довольно грустным. Я уже догадывался, что к тому времени в желанной области возникли крупные специализированные предприятия. А послали меня, как мне показалось, очень далеко от них—в недавно созданное КБ при большом заводе. Дело там обещали интересное, однако к заданной цели—был я уверен—оно не ведет. Откровенно говоря, очень мне уезжать из Москвы не хотелось—боялся, удалюсь от желанной области навсегда. Но распределение есть распределение. Поехал. Страхи мои оказались напрасными. В январе 1950 года меня посылают на стажировку. И не куда-нибудь, а на то самое предприятие, где Главным конструктором был не очень тогда известный Сергей Павлович Королев. На этом предприятии я и сейчас работаю.

Так с двух небольших популярных книжек началась моя космическая судьба...

— Рядом с литературой по вашей специальности стоят также на полке книги, посвященные поиску сигналов внеземных цивилизаций и установлению контактов с этими цивилизациями, или, по-иному, по проблеме СЕТИ (дословный перевод аббревиатуры с английского «связь с внеземным разумом»). Литература на эту тему представлена у вас довольно полно: «Межзвездная связь», «Поиски жизни во Вселенной» Д. Голдсмита и Т. Оуэна, «Проблема СЕТИ» (труды 1-й международной конференции по проблеме связи с внеземными цивилизациями в сентябре 1971 года в Бюракане)—все это книги издательства «Мир»; «Проблема поиска внеземных цивилизаций» (труды школы-семинара по проблеме СЕТИ, состоявшегося в 1975 году в Специальной астрофизической обсерватории АН СССР в ста-

нице Зеленчукской), «Внеземные цивилизации» под редакцией проф. С. А. Каплана — оба труда изданы «Наукой». В эту зону, которой владеют писатели-фантасты, уже твердо вступают ученые. Одиноки ли мы во Вселенной? На этот вопрос нет еще ответа. Мнения разделились: одни говорят, что земная жизнь — явление уникальное. Другие, наоборот, считают: жизнь во Вселенной — довольно распространенное явление. Какой точки зрения придерживаетесь вы, Константин Петрович? Помогают ли новые книги внести ясность в этот сложный вопрос?

— Я — материалист и потому не думаю, что жизнь — явление только земное, что только Земле уготовано быть носителем разума.

Ведь в нашей Галактике сотни миллиардов звезд, около десяти процентов которых подобны нашему Солнцу. Так что у десятков миллиардов звезд в принципе могут быть планетные системы. И хотя бы на одной из этих планет могли сложиться условия, благоприятные для зарождения жизни. Если даже предположить, что такие планеты исключительно редки, скажем, одна «жизнеспособная» планета на миллион планетных систем, то только в нашей Галактике — десятки тысяч планет с условиями, подходящими для жизни.

В Метагалактике, то есть в наблюдаемой части Вселенной, десятки миллиардов галактик. Так что вероятность зарождения жизни весьма велика.

Достоверные научные данные о существовании планетных систем еще не получены. Нужная для этого разрешающая способность пока не под силу наземным астрономическим приборам.

Правда, недавно я читал, что орбитальный телескоп, созданный совместно учеными Голландии, Великобритании и США, передал на Землю сенсационные данные: в районе самой яркой звезды Северного полушария Веги датчики определили наличие твердых планетообразных тел. Полагают, что эта совсем «юная» планетная система — ей нет еще и миллиарда лет — находится пока в стадии формирования. Разбросана она достаточно далеко от своего светила — на расстоянии до 18 миллиардов километров, — и свет от Веги не опасен для поверхности планет. Не исключено, что на них в той или иной форме может возникнуть разумная жизнь. До Веги — 26 световых лет. По астрономическим понятиям, это «рукой подать». Поэтому, возможно, мы скоро узнаем, что в районе Веги у нас — реальные соседи.

Современные радиоастрономические данные показывают, что эволюция органических веществ непрерывно происходит в

межзвездном пространстве и на многих объектах Вселенной. Таким образом, строительный материал для возникновения жизни на Земле мог образоваться до появления нашей планеты. Его мог дать космос. Об этом подробнее читатель узнает в вышеназванных книгах.

В одном из метеоритов, упавшем в 1969 году в Австралии, обнаружены все пять аминокислот, входящих в состав генов. Из этого факта можно сделать вывод, что полный набор аминокислот для строительства гена может возникнуть на внеземном теле. Напрашивается также вывод о закономерностях образования «кирпичиков жизни» во Вселенной. Жизнь зародилась где-то в далекой планетной системе восемь миллиардов лет тому назад, а спустя около четырех миллиардов лет высокоразвитая цивилизация стала засылать к другим мирам космические зонды с быстроразмножающимися и стойкими к неблагоприятным условиям бактериями. Попав на Землю, бактерии прижились, и так было положено начало жизни на нашей планете.

Группой наших ученых во главе с академиком Н. С. Еникополовым были исследованы неожиданно быстрые процессы полимеризации вблизи абсолютного нуля, которые проливают новый свет на теорию предбиологической эволюции. В частности, они показали на принципиальную возможность образования сложных органических молекул в условиях глубокого космического холода. Получается, что межзвездное пространство — самый старый и самый большой источник органических молекул. Их накопление продолжалось около десяти миллиардов лет. Так что в ходе добиологической эволюции могла быть самопроизвольно достигнута высокая степень сложности органических соединений.

— *Практика работы в космосе идет по стопам ученых?*

— Интересный эксперимент под названием «Медуза» был проведен на станции «Салют-6». Его подготовили ученые Института цитологии АН СССР. Задача эксперимента заключалась в следующем: исследовать возможность абиогенного (без участия живого организма) синтеза в открытом космосе нуклеозидов, которые наряду с аминокислотами являются основными «кирпичиками жизни».

В кварцевые ампулы был засыпан сухой порошок с компонентами ДНК и РНК. Часть из них была помещена внутри станции, а другая часть вне ее. Через девять месяцев космонавты В. Коваленок и А. Иванченков вышли в открытый космос, сняли образцы и вернули их на Землю. На Земле выяснилось, что в ампулах, открытых всем воздействиям космического пространства (резким перепадам температур, ультрафиолетовому и другим видам излучений), образовались аналоги нуклеозидов, и даже такие, какие на Земле не вырабатывают живые организмы.

В ампулах, которые были укрыты внутри станции, изменений не произошло. Для эволюции понадобилось всего лишь девять месяцев. Что они по сравнению с миллиардом лет!

Удивительной особенностью жизни, которую открыли в последнее время, является ее вездесущность.

Обнаружены бактерии, которые живут и размножаются внутри ядерных реакторов. В горных породах, вывезенных из района Южного полюса для анализа, нашли бактерии, возраст которых исчисляется несколькими тысячелетиями. В результате накопления осадков они оказались внутри горных пород. И эти ископаемые бактерии вновь ожили. Значит, они сохраняли свою жизнеспособность в камне, в условиях антарктического холода, и структура их не нарушилась.

А вот еще одна из последних находок. Вблизи подводных вулканов Восточно-Тихоокеанского хребта в абсолютной темноте обитает довольно странная фауна. Тут и крабы, и моллюски, и белые черви длиной до двух метров. Сама эта живность не способна синтезировать органические вещества, необходимые для питания, без фотосинтеза. Оказалось, что эта фауна существует благодаря бактериям. Эти бактерии живут и размножаются в кратерах вулканов при температурах свыше 250 градусов по Цельсию и давлении 265 атмосфер. В общем, условия близки к венерианским. Питаются бактерии неорганическими химическими веществами: серой, магнием, железом. Путем химического синтеза они получают энергию из этих веществ без влияния солнечного света. Так что и на Венере возможна жизнь.

По-видимому, эти бактерии близки к первичным жизненным формам. Может быть, загадка их возникновения тесно связана с происхождением жизни на Земле, жизни, которая, как теперь можно допустить, могла возникнуть в пышущем жаром, лишенном кислорода мире.

Есть и другие примеры стойкости живых микроорганизмов в экстремальных условиях. Так что жизнь в ее простейших формах не должна быть редкостью во Вселенной. Правда, от разнообразнейшей жизни до технически оснащенной цивилизации — дистанция огромного размера. Это миллионы и миллионы лет кропотливого творчества Природы. Например, английские геофизики Рауп и Валлентайн считают, что у земной жизни было около десяти «стартов». Будто бы современная основа всего живого на Земле — это лишь одна десятая того, что вступило когда-то в борьбу за существование. Вывод ученых таков: если три с половиной миллиарда лет тому назад оказалось бы менее десяти биохимических типов жизни, то шанса на их выживание не осталось бы. С другой стороны, если бы «стартов» было более десяти, то на Земле у нас были бы свидетельства более чем одного биохимиче-

ского типа жизни. По их мнению, могло быть и так, что биохимический тип жизни со значительно большим потенциалом, чем наш, по воле случая мог исчезнуть еще в докембрии и наша биохимия не лучшая из возможных.

— *А все-таки, Константин Петрович, как по-вашему, почему молчит разумная Вселенная?*

— Причин тут много. Во-первых, найти сигнал внеземной цивилизации в принципе чрезвычайно сложная задача. Слишком велика область поиска, и вряд ли, по моему мнению, можно надеяться на успех, если не объединить научные и технические усилия в общепланетном масштабе. Кроме того, что скрывать, мы надеемся, что нас вызовет на связь «кто-то» технически более развитый, а этого может и не быть. Наши соседи, например, могут находиться на одном уровне развития с нами или же на более низком. А создать такой радиомаяк, чтобы он был замечен очень далеко во Вселенной и к тому же был экологически безвреден для нас, человечеству пока не под силу.

Кроме того, существует гипотеза о конечном сроке существования развитых цивилизаций. Исчезнувшие цивилизации могли нам «телеграфировать», когда на Земле и разумной жизни-то не было. Гипотез о молчании разумной Вселенной много. Я согласен с мнением члена-корреспондента АН СССР Н. С. Кардашева, что проводимые на сегодняшний день эксперименты можно считать лишь отработкой методики поиска, но не самим поиском сигналов внеземных цивилизаций. Годы исследований помогли ясно осознать грандиозность проблемы СЕТИ, ее исключительную сложность.

Ну а то, что земляне получают от контактов с внеземной цивилизацией, это всесторонне обыгрывают в своих произведениях писатели-фантасты.

— *Я и задам вам, Константин Петрович, вопрос из области фантастики: каким вы представляете внешний облик наших братьев по разуму?*

— Предпочел бы, чтобы наши собратья по разуму были похожими на нас или такими, как показал их в повести «Звездные корабли» замечательный писатель Иван Антонович Ефремов. Повесть написана еще в 1946 году. Я недавно перечел ее, получив очередной том «Библиотеки приключений», и обратил внимание на время ее создания. В те нелегкие годы немногие думали о космосе. После суровых военных лет Иван Антонович своей повестью как бы вновь зажег звездную мечту для тех, кому предстояло прокладывать дорогу в космос.

— *Фантастика... Популярнейший сегодня жанр. Многим она и прежде помогла выбрать профессию, направление исследования. Вы сами — живой пример. Возьму еще один — из близ-*

кой вам космической области. Основоположник теоретической космонавтики К. Э. Циолковский в своей работе «Исследование мировых пространств реактивными приборами» писал: «Стремление к космическим путешествиям заложено во мне известным фантазером Ж. Верном. Он пробудил работу мозга в этом направлении. Явились желания. За желаниями возникла деятельность ума. Конечно, она ни к чему бы не повела, если бы не встретила помощь со стороны науки».

В своих воспоминаниях член-корреспондент Академии наук СССР В. С. Емелянов рассказывает, что фантастику любил и основоположник практической космонавтики С. П. Королев. Любил и продолжал читать, хотя времени для нее почти не оставалось. Мне хотелось бы остановиться на одном эпизоде. Однажды в перерыве между заседаниями на сессии Верховного Совета СССР Сергей Павлович стал рассказывать Емельянову о загадке спутников Марса — Деймоса и Фобоса. (Кстати, их существование предсказано английским фантастом Джонатаном Свифтом в его знаменитых «Путешествиях Гулливера», вышедших в 1726 году. Сами спутники были открыты в 1877 году.) Одна из гипотез, объяснявшая их странное поведение, состояла в том, что спутники Марса внутри полые, а значит, имеют искусственное происхождение. Эту гипотезу выдвинул астрофизик И. С. Шкловский, ранее активный сторонник существования внеземных цивилизаций, а ныне — не менее активный их противник. «Ну, а ты-то, что так волнуешься? Почему эта фантастика так тебя привлекает?» — перебил Емелянов Королева. — «Как почему? — удивился и даже остановился Королев. — Ведь, если они действительно полые, значит созданы разумными существами... Стало быть, на Марсе действительно была высокая цивилизация и ее остатки, по-видимому, действительно сохранились. Не может быть, чтобы все исчезло! Должно сохраниться!.. Я хочу решить одну частную задачу, которая могла бы стать прологом к полету на Марс... Установить, действительно ли спутники Марса полые. А если они полые, надо измерить толщину стенки хотя бы одного из них. Такую задачу сейчас решить можно... А я не хочу на этом останавливаться. Если я решу эту задачу, тогда можно будет подумать и о решении более сложных... Ведь только подумай, что нас может ожидать на Марсе, если его спутники в самом деле искусственно созданные тела?!

Развитие земной цивилизации шло одними путями, а если на Марсе была цивилизация, то вовсе необязательно, чтобы ее развитие шло так же, как и на нашей Земле. Разве не захватывающая перспектива — познать эти пути развития?

Ведь это открывает значительно больший простор, чем XV век — век географических открытий».

Это, по-моему, красноречивый эпизод, подтверждающий животворность фантастических идей, говорящих в пользу фантастики в наше время... Что вы думаете, Константин Петрович, о путях развития научно-фантастической литературы?

— Действительно, книги фантастов, как и фантастические гипотезы, привлекли в космонавтику немало людей. И, думается, не только благодаря рассказам о захватывающих проектах межпланетных полетов, а еще и потому, что со всем связанным с освоением космоса, полетами, космической техникой, имеют дело люди любознательные, пытливые, творческие.

В древнейшей фантастике — легендах и мифах — уже находит отражение космическая мечта. О полетах к другим небесным телам говорилось в «Диалогах» древнегреческого писателя Лукиана Самосатского, написанных во II веке новой эры. Его герои совершили полет на Луну. Конечно, этой книге, ставшей литературным событием, не могло не предшествовать появление первых научных воззрений на Луну как небесное тело, в представлении древних — обитаемое.

Интересно, что уже первые «космические» произведения связывали полет на другие небесные тела с проблемами земными — социального и мировоззренческого характера. Причем, «Диалоги» Лукиана носили явно критический, пародийный, иронический характер.

Начиная с дантовской «Божественной комедии», идея космического полета в социальном смысле несет не только критический, но и позитивный характер. Теперь Луна и планеты — любимые объекты утопистов, с космическими мирами связываются представления о более совершенных общественных устройствах.

В начале XVIII века, уже после работ Николая Коперника и Джордано Бруно и, очевидно, не без их воздействия, появился когда-то знаменитый, а теперь забытый роман Ф. Годвина «Человек на Луне». На Луне оказалось то же самое идеальное общество. Через несколько десятков лет блистает романами легендарный Сирано де Бержерак. Один из них назывался «Иной свет, или Государства и империи Луны», а другой — «Космическая история государств и империй Солнца». И в произведениях Бержерака существующие на Земле порядки высмеивались через утверждение неких космических идеалов.

Вполне естественно, что некоторые авторы пытались представить, как человек сможет достичь других небесных тел. Сирано де Бержерак уделил этому вопросу большое внимание.

Им было рассмотрено более десятка способов передвижения в космосе, включая такие популярные тогда в литературе, как упряжки гусей и орлов (наивно даже с точки зрения второй половины XVII века). Неожиданно мы наталкиваемся на совершенно удивительную вещь: Сирано предложил применить... ракеты!

Это можно было бы посчитать за гениальное интуитивное предсказание, если бы Сирано был ученым. Действительно, неисповедимы пути человеческой мысли! За триста лет до реальных космических ракет случайно угадать такое...

В конце XVIII века появилась научно-фантастическая литература, и тема космических путешествий сразу заняла в ней подобающее место. Одним из первых авторов был Иоганн Кеплер — «Сновидения, или Лунная астрономия». Постепенно космические идеи стали переходить в сферу философскую.

Наша русская мысль может гордиться вкладом писателя и философа Владимира Федоровича Одоевского в развитие идей космического полета. Интересным представителем «космической философии» был еще один наш соотечественник — А. В. Сухово-Кобылин, известный драматург прошлого века. Его труд называется «Учение всемира». В нем он утверждал, что человечество в своем развитии должно пройти три этапа: земной, солнечный (то есть в пределах солнечной системы) и звездный.

— *Все, кого вы назвали, были романтиками в полном смысле слова. Как это важно... Вот и эпизод с Королевым, который я привел, раскрывает ту же особенность русского гения: у серьезного ученого-практика была душа романтика. Не романтика ли в начале 30-х годов позвала юного Сергея Королева вместе с небольшой группой единомышленников в долгую дорогу к звездам? В то время даже некоторым серьезным ученым ракетные дела «гирдовцев» казались безумной затеей. И все-таки энтузиасты добились своего: многие из той группы — Королев, Тихонравов, Победоносцев — непосредственно проложили путь в космос Юрию Гагарину.*

Любил фантастику и Юрий Гагарин. По его словам, во многом она способствовала зарождению его звездной мечты.

— Романтика, одержимость мечтой важны в любом деле, особенно в научном поиске... И в художественном. Потому-то ближе всего к идее космического полета оказалась научная фантастика. Под влиянием произведений Жюль Верна, Герберта Уэллса, Алексея Толстого, Александра Беляева, Ивана Ефремова многие молодые люди увлеклись космонавтикой и стали видными специалистами в этой отрасли.

Да я и сам читал в свое время с удовольствием «Аэлиту» и «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого. И мое школь-

*Константин Феокистов и Юрий Гагарин на аэродроме
наблюдают за поездами*

ное увлечение энергетическим электролучом, возможно, было навеяно гаринским гиперболоидом.

Фантастика сегодня популярна во всем мире. Характерно, что среди писателей-фантастов есть и ученые. И это закономерно. Ведь один из основоположников советской фантастики Иван Ефремов — ученый, доктор наук. Хочется в связи с этим вспомнить А. Днепрова, «Уравнения Максвелла» которого не стареют со временем.

В романе Владимира Щербакова «Семь стихий» находишь интересный поиск и глубокие ответы на вопросы, волнующие не только массового читателя, но и ученых. Автор «Семи стихий» по-новому сумел взглянуть, к примеру, на эффект Штермера — загадочное радиоэхо, объяснить которое до конца пока еще не удалось. Писатель отрицает точку зрения многих исследователей эффекта и, в конце концов, находит оригинальную техническую идею управления антеннами на излучающих сигналы межпланетных зондах. «Человек-невидимка» — классический роман Г. Уэллса. Следуя за английским писателем, В. Щербаков снова

предлагает проект невидимости — но не для человека, а для машины. Его «зеленый поезд» из одноименного рассказа невидим в точном значении этого слова. А в рассказе «Крылатое утро» того же автора я нашел несложный рецепт улучшения наших рек. К истоку реки прокладывается маломощный трубопровод, подающий морскую воду. Давление к речной воде всего одной тысячной доли морской воды обогащает ее микроэлементами, улучшает качество воды, делает ее удобной средой обитания для рыб и пресноводных организмов. Вода при этом остается пресной по всем нормам и стандартам, но обретает новые ценные свойства. Я прочел и один из давних рассказов Щербакова. Уже в 60-х годах фантаст смог предсказать массу у нейтрино и найти технические применения для этой неуловимой частицы. Напомню, что в то время масса покоя нейтрино считалась равной нулю, и только в конце 70-х годов удалось установить, что она отлична от нулевой величины.

Самым удивительным представляется находка И. Ефремова: писатель смог предсказать голографию, о чем писал первооткрыватель цветной голографии Ю. Н. Денисюк. Ефремов был удачлив не только в фантастике, но и в своей специальной науке. Он смог предсказать закономерности залегания ископаемых останков доисторических животных и создать, таким образом, новую науку — тофономию.

Мне нравятся по-настоящему талантливые, разнообразные произведения. К таким, несомненно, отношу «Мастера и Маргариту» М. Булгакова.

Недавно прочел в газете, что на V Международном фестивале научно-фантастических фильмов, состоявшемся в Мадриде весной 1984 года, один из специальных призов был присужден фильму «Лунная радуга», который снят по одноименному роману Сергея Павлова. Сравнительно молодой жанр в нашем киноискусстве набирает силу. Это отрадно. Ведь аудитория зрителей гораздо больше читательской. Тиражи книг по научной фантастике еще недостаточны.

Откровенно говоря, роман мне понравился больше, чем фильм. Хочется надеяться, что экранизации недавно вышедшей второй части романа повезет больше.

Интересно, что многие названия систем космических кораблей идут от Циолковского. Удался во второй книге романа образ главного героя — пилота Андрея Тобольского.

Нравится мне фантастика Юрия Медведева. Я знаком с ней по книге «Колесница времени». Его рассказы — своего рода призыв к людям объединить свои усилия, чтобы сберечь мир и красоту Земли. В наше время нет задачи важнее.

С интересом знакомлюсь с ежегодниками «Фантастика»,

выпускаемыми издательством «Молодая гвардия». Собрал почти все. Наряду с уже признанными мастерами, там обязательно встретишь новые имена.

Космонавты неравнодушны к научной фантастике и даже... пишут ее. Например, Евгений Хрунов и Юрий Глазков.

— *Константин Петрович, а что читают космонавты на орбите?*

— Откровенно говоря, время для чтения трудно выкроить. Судите сами. Два-три часа ежедневно — физические упражнения. Иначе после долгого пребывания в невесомости не скоро станешь на ноги на Земле. Простое вроде средство — физкультура, чего проще, крути себе педали на велоэргометре — космическом велосипеде или беги на месте по движущейся дорожке, а без нее в длительном полете просто не обойтись. В невесомости нагрузка на мышцы почти нет, и если не будешь бегать в космосе, то на Земле и шагу не ступишь.

Так вот, два-три часа — физкультура, восемь часов — сон, затем время на завтрак, обед, ужин, туалет, разгрузка «Прогрессов», медицинские обследования. Собственно, на работу — научные и технические эксперименты — времени остается только пять-шесть часов. Временной баланс очень напряжен. А если минута свободная выпадает, то сразу к иллюминатору — Землю смотреть. Красива планета с орбиты. Такое зрелище не примелькается.

И все-таки, в длительном полете я бы без книги не смог. Но ваш вопрос для меня несколько неожидан: я об этом с нашими небесными должностными не беседовал, кто из них что читал в космосе. Но припоминаю, перелистывал я как-то «Космический дневник» Валерия Рюмина, опубликованный в сборнике «Загадки звездных островов», вышедшем в «Молодой гвардии» в 1982 году. Сборник ко мне попал не случайно: там была напечатана и моя небольшая статья. Валерий Викторович пишет, что читал на орбите рассказы М. Зощенко во время процедуры по электростимуляции мышц. Есть на борту такой прибор «Тонус»: космонавт надевает электроды и сидит 10—15 минут, «электростимулируется». С удовольствием листал он и альбом «Природа Подмосковья», который был доставлен на борт с очередным грузовиком «Прогресс». Вспоминал родные места. Это своего рода разрядка, столь необходимая в длительном полете. Александру Иванченкову даже гитару на «Салют-6» прислали.

Конечно, Земля заботится о досуге космонавтов. Есть даже специальная группа, занимающаяся психологической поддержкой. Она готовит для космонавтов интересные видеозаписи, по космическому телевидению организует встречи с любимыми артистами, родными.

— Кстати, такая психологическая поддержка была уже предусмотрена в научной фантастике — в рассказе английского писателя-фантаста Эрика Френка Рассела «Немного сказки». Сам рассказ мне не довелось читать. Но содержание его пересказал в своей книге «Почти серьезно...» народный артист СССР Юрий Никулин. В его «исполнении» он звучит так.

Два раза посылали люди Земли в далекую галактику космические корабли. Без малого четыре года должны были они пролететь, чтобы вернуться на Землю. И оба корабля не вернулись. Люди не выдерживали длительного шума двигателей, одиночества. Начинались ссоры, кончавшиеся убийством или депрессиями. После гибели второго корабля был послан третий, который, выполнив задание, летит к Земле. Перед самым приземлением командир подводит итоги полета и мысленно оценивает людей. Придирчиво были отобраны ученые, но один из них оказался чудачком. Он потешал команду. Как могли взять на борт такого человека, да еще в качестве психолога-ученого?

За четыре года он ухитрился семь раз отметить свой день рождения. В эти вечера он устраивал космонавтам целые представления. Играл на нескольких музыкальных инструментах, изображал комические пантомимы, от которых все валились со смеху. И только когда космический корабль приземлился, командир узнал, что в полет был послан известный цирковой клоун. Никто из экипажа его не узнал, потому что в цирке он выступал з гриме. Клоун служил своего рода смазкой напряженным до предела людям. И только благодаря этой смазке экипаж выдержал трудности полета, перенес все невзгоды и благополучно вернулся на Землю.

— Как мне представляется, книги в длительном полете будут неплохой «смазкой». Можно даже изредка устраивать литературные диспуты с привлечением специалистов с Земли.

— С вами, Константин Петрович, полностью согласен и летчик-космонавт Виталий Иванович Севастьянов. В его брошюре «Дневник над облаками» я прочел такие слова: «Человек — сын Земли! И он остро ощущает отсутствие земных связей, он постоянно вспоминает о них. И чем длительнее полет, тем более остро испытываешь потребность их воспроизведения. Хотя бы в памяти. Нужна в космосе хорошая книга, повествующая о жизни на Земле, о людях, об их общении между собой, о природе Земли. Поэтому в редкие свободные минуты хочется почитать земные книги, видеть земные картины...»

А удобны ли, Константин Петрович, книги в традиционном «земном» оформлении для чтения в невесомости? Может быть, нужны специальные, космические издания?.. Виталий

Севастьянов брал в космос томик М. Шолохова — миниатюрное юбилейное издание «Молодой гвардии» к 50-летию ВЛКСМ. В книжке размером почти со спичечный коробок более 450 страниц с иллюстрациями. «Очень удобная книга для космической библиотеки», — шутливо сказал космонавт.

— Доля правды в этих словах есть: миниатюрная книга занимает мало места, ведь каждый кубический сантиметр станции должен использоваться с максимальной пользой... «Земная» книга и по опыту Валерия Рюмина неплохо читается в космосе. Самое главное — такая книга. Неинтересную и на земле читать утомительно.

— В журнале «Наука и жизнь» в 1984 году публиковался «Дневник космонавта» Валентина Лебедева. Кстати, как-то в разговоре со мной он сказал, что прочел с удовольствием на орбите книгу Людмилы Гурченко «Мое взрослое детство» («Молодая гвардия» издала книгу популярной актрисы), а по возвращении на Землю послал автору эту книгу с космическим автографом... Так вот, Лебедев вел дневник во время 211-суточного полета. Как пишут в космосе?

— Как и на Земле, шариковыми ручками. Только особыми — паста в них находится под давлением. Когда она кончается, пользуются фломастерами.

— Книги об освоении космоса имеют неизменный успех у читателей. Лично я так и не увидел вашу книгу «О космолетах» на прилавках магазинов. Она была распродана мгновенно. Хватает ли вам домашней библиотеки для занятий литературой?

— В моей библиотеке гуманитарных книг больше, чем научных. Я очень люблю историю. Постоянно держу под рукой тома «Русской истории с древнейших времен» М. Н. Покровского. С удовольствием имел бы исторические труды Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского. Но сейчас это большая редкость, приходится их брать в библиотеке. Очень люблю книгу академика Д. С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси», перечитываю сочинения историков древности — Плиния Старшего, Тацита, Цицерона, Саллюстия, Плутарха, Ксенофонта.

Недавно с живейшим интересом прочел книгу избранных трудов знаменитого издателя русских народных сказок А. Н. Афанасьева «Древо жизни», вышедшую в издательстве «Современник». Исследование Афанасьева имеет огромную познавательную ценность. Оно не только воскрешает для нас далекое прошлое, но и служит дню сегодняшнему. Книга обращает читателя к истокам нашей культуры. Увы, не пренебрегаю детективами, читаю современных зарубежных писателей.

Когда я впервые взялся за перо, чтобы начать писать книгу,

то быстро осознал, какой это очень непростой, тяжкий труд. Одно дело уметь складно говорить, другое—переносить мысли на бумагу. Конечно, моего собрания книг, несмотря на помощь соавтора, журналиста И. Бубнова, мне не хватило. Времени для посещения библиотек было мало. Заказывал книги по межбиблиотечному абонементу. И на своем опыте убедился, какая бесценная сокровищница человеческой мысли—книжные хранилища нашей страны.

Людмила Букина

АЛЬТАИР

Альтаир— звезда 1-й величины, наиболее яркая в созвездии Орла. Светимость в 9 раз больше солнечной.

Води моей рукой, звезда, не уставая,
Не дай забыть о том, что я всегда живая,
Заботы отгони, как грызунов опасных,
Убереги от дел печальных и напрасных.
Пока звезда горит, пока луна восходит,
Пока душа строки в потемках сонных бродит—
Пластами жизнь идет! Нет ночи в этом мире!
И каждый миг зовет
в полет на Альтаире.

Владимир Цыбин
ПОВЕРИТЬ В СЕБЯ

Беседу вел Сергей Бычков

Владимир Цыбин известен читателю не только как поэт, автор сборников стихов «Родительница степь», «Медовуха», «Избы», «Думы дальние», но и как прозаик, переводчик и критик. Он — член Правления СП СССР, секретарь Московской писательской организации, председатель Московского бюро поэтов. Однако мало кому известно, что Владимир Цыбин — еще и страстный библиофил. И страсть эта живет в нем с самых детских лет.

— *Владимир Дмитриевич, расскажите, пожалуйста, какие книги сопутствовали вам в детские годы? Какие из них были наиболее любимы?*

— Научился читать в шесть лет. Знал стихи Пушкина и Майкова, которые мне читали наизусть мать и отец. Особенно запомнилась с той поры книга о снах Мартына Задеки, доставшаяся отцу еще с германской войны.

Конечно, знал песни, и ими были переполнены мои детство и юность. Пели походные, проголосные — как «Стояла тихая сосна», любовные — как «Росла, росла черемуха», причитальные и многие другие. Оттого внятно мне слово «на голос».

Самой запечатлевшейся в сердце книгой был Гоголь, гослитиздатовский, крупноформатный, в черном тяжелом переплете. Этой своей любовью я обязан учительнице Лидии Федоровне. Я забирался ночью на печку, задвигал занавески и при свете копилки читал, читал, немея от ужаса, «Страшную месть», «Майскую ночь, или Утопленницу». Тогда, в мои двенадцать-четырнадцать лет, и сложилась первоначальная библиотека, для которой я приспособил заброшенный погребок в предбаннике. Книжки я выменивал, отказывая себе в драгоценных кусочках хлеба. Бедной и безразборной была эта библиотечка, но она мне особенно дорога: ей я обязан пожизненной тягой к книжному собирательству...

— *Где прошли ваши детские годы? Как в последующем повлияли они на ваше творчество?*

— Моя родина — Семиречье. Киргизия близка по рождению, а по крови — сибиряки и казаки с Иртыша. Эти люди сильны духом подвижничества. Их пращуры пришли с Дона и Воронежа на Иртыш, а отцы с Иртыша двинулись дальше — на Тянь-Шань, к семи рекам Средней Азии. Вот почему их характеры и пыл разнились от остальных переселенцев. Это были люди веселые. Не болтуны, не комики. А веселые! Сметливые и быстрые на решения. Мухортовы, Сафроновы, Чернышевы — столько интересных судеб и характеров.

— *Детство — время, когда закладываются основы мировоззрения, неиссякаемая сокровищница, из которой потом долго черпает писатель. Какие события, встречи тех лет наиболее ярко запечатлелись в вашей памяти?*

— Для человека его детство — величина постоянная. Мы все, если быть максималистом, пишем чернилами детства. Эта пора навсегда окрашивает в свой цвет нашу дальнейшую жизнь. Поэтому самое страшное преступление перед человеком — лишить его детства.

Оно прошло у меня в семиреченской станице Самсоновской и совхозе Кочкорка среди казаков — потомков, сподвижников Ермака, сибиряков с Кара-Иртыша, киргизов и беженцев. Страшное это слово «беженцы». Я впервые столкнулся с мужеством людей без дома, семьи. Даже без языка. Помню польскую девочку, которая все хотела заговорить. Она судорожно раскрывала рот и даже замычать не могла. И плакала она беззвучно, как древняя старуха. Помню пекаря эстонца Мейку, молчаливо и по-странному беззаветно любившего нас. Тогда моя семья убыла сразу на четыре человека. Тогда в мире моего детства было так тихо, что страшно было просыпаться.

Все эти люди, такие разные, вошли в состав моего «я». Тогда-то я и научился понимать, говоря словами бабушки, что человек крепче кремня, а ослабнет — слабже воды. .

Из детства запомнилось больше всего — его конец: проводы на войну в июле 1941 года. Люди уходили по-казачьи — бесстрашно и весело. Навсегда запомнил их лица, обветренные и молодые. Никого из них я больше не увидел... И заохлоло надолго мою жизнь бездетное вдовство молодых женщин. Оттуда до сих пор до меня доносится терпкий распев девичьей частушки:

Как мы с милым расставались,
Ох, и расставались,
Слезы падали на розы —
Розы рассыпались.

Вот почему повлияла на меня, на всех нас, детей войны, — война, это грозное, трагическое событие.

Детство, особенно с десяти до четырнадцати лет, я провел с моим дядей Яковом Фомичом Муховиковым. Он то караулил в низине бахчи, то охотился в горах. Был он отчаянным фантазером, любил изобретать вместе с моим братом Иваном «секретное оружие» против немецких мотоциклистов — подвесные мины, мины-паучки, которые сами бы заползали в окопы, искусственные радуги, по которым могли бы спуститься днем незаметно наши парашютисты... Мы с ним ходили по горам и искали клады, которых, по его рассказам, было несметное множество. Он все просил меня, чтобы я в «ветхих» книгах разыскал «крепкий» заговор на открытие клада. «Люди да клад,—жаловался он мне,—на заговор откликаются. А надо бы — на душу. Хороший человек, скажем, как я, подошел, он бы и выбежал петухом со свечкой на лбу, мол, вот он я, дядя Яшка! И стал бы я богат, и жена не ругала».

Вечером, у костра, он сочинял свои «встречи» с Черчиллем, тоже охотником и «уважавшим» его, Якова Фомича, за казачью сметку и обещавшим ради охотничьей дружбы поскорее открыть второй фронт; с Вильгельмом Четвертым (когда я ему сказал, что, может быть, со Вторым? Он ответил: «Для кого Второй, а для меня Четвертый!»); с шахами и султанами и, конечно, красавицами всех народов, которые не могли устоять перед ним, «справедливым охотником и несравненным любовником».

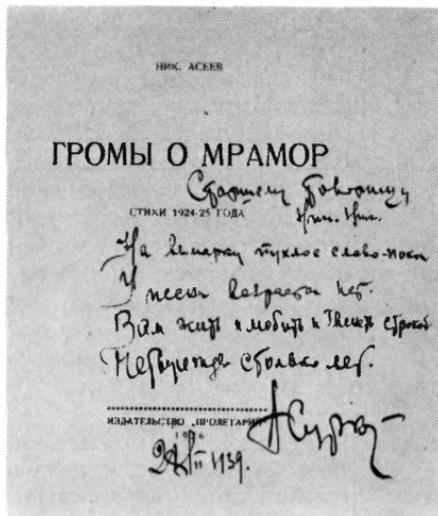
Много мне дал мой брат Евгений Дмитриевич Цыбин, кавалер трех степеней ордена Славы. Он меня учил быть бесстрашным и находчивым. И когда меня бросили старшие ребята в большую яму с водой, чтобы научить плавать, и я, к их несказанному удивлению, схватил камень, пробежал по дну и выскочил на берег, брат был доволен и весел: «Так и надо. Не бойся упасть, бойся не встать».

Тогда, должно быть, понял я, что нередко вымысел не менее привлекателен, чем правда,—важно то, над чем душа задумывается,—что человек интересней с той, бесшабашной, тайной стороны своего характера, с «запаса» своего. И еще: знать и помнить других, чтобы быть в чем-то ими. Человек как личность во многом — «произведение» других, родственных сердец.

— Известно, что юность — это, по выражению Блока, «опасные года». И в то же время именно в юности человек часто обретает свое призвание. Как вы прошли «опасные года»? Кто помог вам раскрыться, обрести себя?

— С малых лет помогал отцу в поле. А с пятнадцати вплоть до поступления в Литературный институт работал то на бахче, то на поливных землях, а затем на шахтах в Каджисае. Так что «опасные года» были для меня просто трудными. Я работал, а после учился в вечерней школе рабочей молодежи. И хотя я

Титульный лист книги Николая Асеева с надписью Алексея Суркова.
(Из собрания В. Цыбина)

писал стихи с семи лет, но мечтал стать обязательно или философом, или астрономом. И моя первая библиотечка в основном состояла из популярных брошюр о Вселенной, веществе, общественных системах. В комсомол меня приняли без единого вопроса, так как знали, что я прочитал весь «Капитал». Что я понял тогда в нем, даже мне самому сейчас не вспомнить.

Помог мне по-настоящему самораскрыться Литературный институт им. А. М. Горького, а если конкретно, то — Владимир Луговской, Константин Паустовский, профессора Архипов и Сидельников. Тогда-то я и понял, что важно знать, не чем ты «ломаешься», а чем мир ломает тебя.

Встречи с Леонидом Соболевым учили меня тому, что терпение создает характеры, а потная терпеливость — усредненность, учили прочувствованию биографии поэтической мысли.

Учился я и у Михаила Светлова. Мы провели вместе много вечеров. Он любил людей, был для многих другом. Мне нравилась его жизнь, не навязчивая, свободная и мудрая. Я по нему понимал, что в поэзии одна из главнейших заповедей — не бросать себя. Он был приглядчивым человеком и о шампанском в руке у одного деятеля от стиходельчества сказал: «Породистое шампанское».

Все мои учителя заставили меня поверить в себя, в мои поэтические «задачи», в то, что я принадлежу истории великой и загадочной.

— Огромную роль в формировании художника играет книга. Вы — библиофил. Что вы можете рассказать о началах вашей нынешней библиотеки? Есть в ней раритеты?

— У меня было несколько библиотек в детстве: первая, странная, с вытертыми обложками приключенческой и научно-популярной литературы, не сохранилась; из второй библиотеки, «библиотеки путешествий», сложившейся, когда я работал на шахтах и жил в бараке, у меня осталось только несколько десятков книг — это сочинения Семенова-Тян-Шанского, «В джунглях Африки» Генри Ш. Стерна, а также томики стихов Недогонова, Симонова и других поэтов...

А нынешняя моя библиотека составлялась как бы сама собой, в годы учения в Литературном институте. Много книг, особенно на немецком языке, я приобрел с помощью друзей в Лейпциге.

Сначала я собирал стихотворные сборники поэтов, которых я любил: «Иверни» М. Волошина, «Соляной бунт» П. Васильева, «Зовы древности» К. Бальмонта (песни и гимны древних египтян, майя, ведийские гимны)... Это была, учитывая условия студенческого общежития, «чемоданная библиотека».

С годами начали осуществляться полнее мои книжные интересы. Пришли книги по русской философии: В. Печерин, братья Аксаковы, В. Соловьев, «Простая речь о мудреных вещах» М. Погодина...

Это следующий ряд колец, какие нарастают у пожилых деревьев.

Новые кольца — западная философия и культура. Киркегор, «Сущность мирового процесса» Э. Гартмана, собрания Э. Ренана, книги У. Джеймса, Э. Сведенборга...

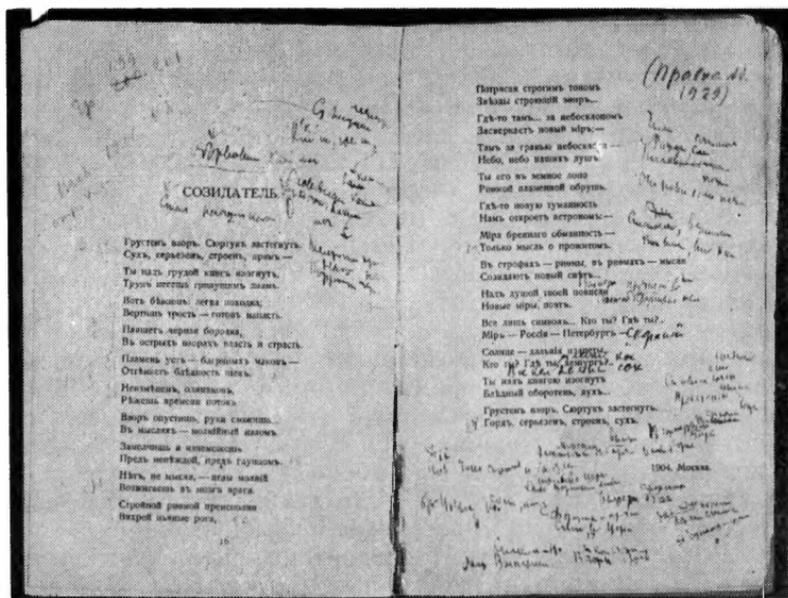
Особенное внимание — был у меня такой период — уделял книгам по Египту: «Проскинитарий» Арсения Суханова, четыре тома «Странствований Василия Григоровича-Барского», «Чудеса древней страны пирамид» К. Опеля, «История древнего Египта» Д. Брэдстеда, списки из «Книги мертвых».

Только невежество терроризирует память. Для меня древняя мудрость Египта — живая. Я до сих пор нахожу ее отголоски в книгах авторов других стран и времен.

Собираю то, что люблю и что мне нужно для знаний. Сердцу и мысли нужен объем.

Конечно, в моей библиотеке имеются и раритеты. Среди них, например, «Утешительное описание о четырех комплекциях»; единственный (насколько мне известно) экземпляр книги стихов В. Красова; рукописные книги, которые я стал собирать по мудрому совету Сергея Наровчатова, поэта и книжника.

У каждой книги своя история, свой путь по людям и библиотекам. Да и сами книжники — народ интересный, живой,

Авторская правка стихотворения Андрея Белого «Созидатель», сделанная поэтом в 1929 году. (Сборник «Урна». М., 1909)

одержимый. О них, я уверен, еще будет написано немало книг. Насколько я знаю, такую книгу начал писать К. Симонов.

Автографы я специально не собирал. И все же у меня есть автографы А. Белого — их много, как и книг с его правкой, в том числе «Петербург»; есть книги с автографами, правкой А. Блока; правка первого варианта «Хождения по мукам» А. Толстого. «Римская история» Г. Роллена с автографом (возможно, ложным?) В. Тредиаковского (все собирался показать его известному писателю и библиофилу Лидину, да вот не удалось...).

— *Над чем вы работаете сейчас?*

— О своем творчестве рассказывать трудно. Было много стихов. Были годы молчания. Были две книги прозы, и опять молчание на годы.

Готовлю к изданию книгу критики.

Конечно, основное — стихи. Я, на себе испытанный и переводы, и критические статьи, и повести, и рассказы, могу ответственно заявить: самый редкий и опасный дар — поэзия. В критику, например, человек вкладывает накопленный багаж. В стихи — приходится вкладывать себя, что опасно «разорением

души», говоря словами Л. Толстого. Так что основной труд моей жизни — все-таки поэзия!

— *В последнее время, как отмечает печать, наблюдается определенное снижение творческого уровня. Откуда, по-вашему, этот феномен? Каковы его истоки?*

— Определенная потеря качества творчества есть, но более удручает потеря качества жизни в творческой среде. Учителями становятся люди, творчески мало обеспеченные, стихотворцы простеньких стихов. Называть их не буду — они все на виду.

Я помню, как некоторые критики запугивали нас «книжностью», да и сейчас пугают. Молодые писатели нередко боятся книг, надеясь на тягловую силу природы. А ведь творчество складывается из таланта, жизни и идей, культуры. Молодых не нацеливают ни на высоту уже достигнутого, ни на понимание жизни и творчества как явлений сложных.

Виноваты в таком упадке культуры творчества не только учителя, но и система «нахватнического» образования.

— *Кого бы из молодых, талантливых поэтов вы могли отметить?*

— Как главный редактор «Дня поэзии-84» я познакомился со стихами многих молодых, еще неизвестных. На меня глубокое впечатление произвели стихи А. Лаврина, поразили и своей лирической полнотой и многозначностью стихи Л. Букиной. За такими явлениями, думаю, будущее нашей поэзии.

— *Ваши творческие планы?*

— О планах говорить не в моем обычае. Объявишь — и уже как бы написал, и уже охота избавиться... Творчество требует своей тайны и своего спокойствия.

КАЖДАЯ КНИГА — ПОМОЩНИК

«Альманах библиофила» в предыдущих выпусках начал публиковать ответы известных советских писателей, деятелей культуры и искусства на вопросы специальной анкеты, затрагивающей как круг чтения, так и точку зрения на некоторые проблемы книгоиздания и библиофильства. Сегодня на анкету отвечает писатель Владимир Крупин, автор получивших широкую известность книг «Зерна», «До вечерней звезды», «Вербное воскресенье», «Живая вода», «Кольцо забот».

Напоминаем читателям вопросы анкеты:

1. Когда началось Ваше увлечение книгой?
2. Какие книги помогают Вам в писательском труде? Как Вы работаете с книгой?
3. Ваш круг чтения и книжные интересы?
4. Какой, по-Вашему, должна быть библиотека писателя?
5. Ваша домашняя библиотека: ее тематический состав, как подбираете книги, есть ли редкости, интересные рукописи, фотоматериалы; книги, которыми Вы гордитесь, которые Вам дороги.
6. Есть ли в Вашем собрании книги с автографами?
7. Ваше отношение к так называемому «книжному буму», «моде на книги»?
8. Какими бы Вы хотели видеть книги, написанные Вами?
9. Ваше представление об искусстве книги: переплет, иллюстрации, оформление и т. п.
10. Как Вы относитесь к проблеме использования личных библиотек в общественных целях?
11. Приходится ли Вам в поисках нужных книг бывать в букинистических магазинах? Каким, по-Вашему, должен быть книжный, в том числе букинистический магазин?

1. Думаю, книга вошла в мою жизнь, как и у всех, в возрасте толстовского Филиппка. Первая прочитанная книга — послевоенное издание сборника «Родные поэты».

2. Собственно, эта же книга, но, конечно, в расширенном ее смысле — высоких образцов русской речи, любви к Отечеству — помогает в писательском труде.

А с книгами я работаю совершенно безалаберно. Трясусь от страха, чтобы они не оставили меня и по-прежнему раскрывались именно на той странице, которая нужна.

3. Раз я русский и пишу на русском языке, то отсюда и основной круг чтения — история моего народа, его устное творчество, его духовность, философия, его язык.

4. У каждого писателя своя библиотека. Писатель, в идеале, — личность, а у личности свои, сугубо свойственные ей интересы.

5. Библиотеку я начинал «с нуля» и очень поздно, после армии и института, и не совсем ею удовлетворен. Но, к счастью, переболел страстью погони за редкостями, и если какая-то книга проходит мимо меня (обычно передо мной в книжном магазине продают последнюю новинку), то не расстраиваюсь. Сразу вспоминаю, что «Памятники литературы Древней Руси» у меня есть, «Библия», «Сказки» Афанасьева, Пушкин, Достоевский, Гоголь, Некрасов, Даль стоят на полке, а этого для счастья хватает.

И еще мой недостаток — отстал от своей библиотеки, она меня перегнала. Еще лет десять назад в ней не было ни одной непрочитанной книги, теперь их через две на третью. Это плохо: любая книга должна как-то пригодиться, в чем-то помочь, иначе зачем она в библиотеке.

6. Книг с автографами в моем собрании было бы очень много, если бы я не отсылал их в библиотеку детства, ту, в которой научился по-настоящему читать, — Кильмезскую районную библиотеку Кировской области. Но кое-что храню у себя.

7. О книжном буме писали так много, что добавить нечего. Конечно, это ненормально, когда книги уходят в застекленные темницы, чтобы стоять нетронутыми. Достают их те, кто не читает, а кто читает — достать не может. То же, что материальность книг иногда превышает их духовность. Но это должно пройти, подождем.

8. Не тронутыми равнодушной или жестокой рукой.

9. Хорошо оформленная книга та, в которой текст и иллюстрации значительны и сами по себе, и вместе, когда они — союзники одной идеи. Одна из последних удач в искусстве книги — «Лад» Белова с фотографиями Анатолия Заболоцкого.

11. Конечно, бываю у букинистов. Но лучше бы не бывать, только расстраиваешься: совершенно необъяснимые цены. Последнее приобретение — «История Вятки от язычества до образования губернии». О цене, боясь жены, умалчиваю...

Д. Зуев

ЖИВАЯ ТРАДИЦИЯ

Директор издательства «Просвещение» заслуженный работник культуры РСФСР Дмитрий Дмитриевич Зуев давно и плодотворно занимается проблемами школьного образования. Его перу принадлежит теоретический труд — «Школьный учебник», в котором отражены актуальные вопросы учебного книгоиздания. Сегодня он рассказывает о характерных чертах советской системы просвещения, ее связях с традицией русского первопечатника Ивана Федорова.

1.

Просветителем-энциклопедистом справедливо назван Иван Федоров.

В краткой, но предельно емкой формуле отразилось, пожалуй, все то главное, что побуждает нас вновь и вновь обращаться к этому человеку, вчитываться и вдумываться в сохраненные для нас временем драгоценные строки его произведений; искать в них новый смысл, строить дерзкие гипотезы...

Просветитель-энциклопедист! Человек, поставленный благодарными потомками в один ряд с Дидро и Вольтером, Гёте и Шиллером, Новиковым и Радищевым,— Иван Федоров, личность яркая и цельная, заслуживает этого признания, ибо своей деятельностью он создал такие ценности, социальные и духовные, которые выдержали испытание временем... Вспомним, что, когда создавался советский наборный орнамент, в нем художники и типографы использовали мотивы украшений из книг Ивана Федорова.

Что понимаем мы сегодня под просветительскими традициями Ивана Федорова? Что из этих традиций мы берем с собой в наш век?

2.

Прежде всего мы берем исторический опыт первопечатника, заложившего основы отечественного Книжного Дела.

Если первопечатник Иван Федоров счел не только возможным, но и необходимым, говоря современным языком, выделить

из «полиграфмошностей», которыми он располагал, «лимиты» на два издания «Часослова» (а это была, как известно, во многом учебная книга) и создать два уникальных учебника — «Азбуку» 1574 года и «Азбуку» 1578 года, — то сегодня на издательство «Просвещение» работают гиганты полиграфической промышленности в Смоленске и Саратове, в Калининне и Ленинграде, типографии во многих городах нашей страны. 250—270 миллионов учебных книг ежегодно — таков вклад «Просвещения» в народное образование страны!

Добрая традиция, заложенная Иваном Федоровым, получила законченное развитие в стране, каждая четвертая книга в которой — учебная книга!

3.

Иван Федоров жил и творил в бурную, драматическую эпоху. С первых шагов своей деятельности он оказался в центре ожесточенной борьбы, которую вел Иван IV за укрепление общегосударственной власти, за централизацию Руси.

Создание типографии, выпуск первой печатной книги четко определили его политические позиции. Он испытал на себе гонения «от многих начальник и священоначальник», от бояр и высшего духовенства, обвинивших Ивана Федорова в ереси. «Сие убо нас от земли и отечства, и от рода нашего, изгна и в иные страны незнаемы пересели», — писал Иван Федоров во Львове в послесловии к «Апостолу» 1574 года.

Но и там, «в иных странах», не остался Просветитель в стороне от социальных и политических бурь. Вся его деятельность была направлена на укрепление национальной самобытности братских украинского и белорусского народов, на развитие их культуры и просвещения. Каждое новое федоровское издание становилось глубоко патриотическим актом, оказывавшим большое идеологическое воздействие на духовное развитие народов России, Украины и Белоруссии.

Отвечая на культурную экспансию иноземцев, народы Украины и Белоруссии стали расширять сеть братских школ, преподавание в которых шло на старославянском языке. «Азбуки» Федорова как бы продолжали и укрепляли дело братских школ, способствовали их развитию.

Издание на старославянском языке, одинаково понятном всем братским славянским народам, «Азбуки» 1574 года во Львове, издание ее расширенного варианта в 1578 году в Остроге, отказ, как бы материально это ни было ему необходимо, от печатания латинских книг свидетельствуют о глубоком патриотизме первопечатника.

Учебная книга в руках Просветителя становится активным оружием прогрессивных сил в идейной борьбе своего времени. Она способствует углублению взаимопонимания, утверждению дружбы и братства трех великих славянских народов, борющихся в те далекие времена за свою независимость.

Эта славная традиция, развитая в просветительской деятельности Новикова и Радищева, Белинского и Чернышевского, получила законченное выражение в чеканной формуле В. И. Ленина: «...школа вне жизни, вне политики — это ложь и лицемерие» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 77).

4.

Духом глубокого демократизма пронизана вся просветительская деятельность Ивана Федорова. Ярко проявилась эта черта первопечатника при создании собственно учебных книг.

«Азбуки» 1574 и 1578 годов были предназначены для обучения детей самых широких слоев населения. Об этом говорит сравнительно большой для этого времени тираж первой и неоднократное переиздание (в том числе и после смерти Ивана Федорова) второй.

Об этом свидетельствуют и удобный формат, и скромное дешевое оформление, и простое, теплое, лишенное всякой вычурности обращение к детям: «Сыну мои приклони ухо твое и послушай словес мудрых и приложи сердце твое к научению моему, понеже украсит тебе».

О демократизме издания свидетельствует и обращение послесловия «Азбуки» 1574 года к «возлюбленному и честному... русскому народу», а не к царю, князю, высшим духовным чинам, как это делалось во многих книгах, в том числе и учебных, в XV—XVII веках. О подлинно народном образовании мечтал великий Просветитель. Достаточно сравнить «Азбуки» Ивана Федорова с роскошно изданным в 1696 году тиражом в 20 экземпляров «Букварем» Кариона Истомина, предназначенным для детей царских особ, и станет ясно, сколь разные задачи ставили перед собой авторы этих изданий.

Наконец, нельзя не отметить еще одну черту учебных книг Ивана Федорова: содержание их, при, естественно, внешней религиозности текстов,—светское. Передовых педагогических взглядов был наш первопечатник.

Именно это — широкий демократизм, массовость, гуманизм, глубокая научность — роднит сегодня нашу учебную книгу, много лет служащую благородному делу всеобщего образования подрастающих поколений страны, с книгами Ивана Федорова.

5.

Несомненная заслуга Ивана Федорова как создателя учебных книг заключается в том, что он заложил традицию органического единства их содержания (объем необходимого для изучения материала) и книжной формы, представляющей собой не простую «упаковку» содержания, а глубоко продуманную и тщательно выстроенную структуру учебной книги, поставленную на службу усвоения этого содержания.

Достаточно взять в руки любую из учебных книг Ивана Федорова, воспроизведенных факсимильно усилиями советских книгоиздателей, как сразу станет ясна ее предназначенность.

Все в этих книгах продумано: удобный формат, конструкции полос, размер и расположение шрифта, выделения в тексте, расположение иллюстративного материала.

Обозримость, я бы употребил слово осязаемость, структуры, высокая культура полиграфического исполнения (полное отсутствие опечаток!), простота и строгость оформления — все подчинено систематическому обучению, все говорит о том, что это — рабочие, учебные книги.

Эта традиция единства содержания и формы учебника, целостного функционального подхода к оценке учебной книги воспринята и усиленно развивается советским учебным книгоизданием. В том числе — в совместных исследованиях Проблемной группы издательства «Просвещение», книговедов Полиграфического института и Всесоюзной книжной палаты.

Последовательно и полно находит применение и развитие эта традиция в теории школьного учебника, существующей на стыке педагогики и книговедения и оказывающей в последние годы всевозрастающее влияние на развитие учебной литературы.

6.

«Азбука» 1574 года является своего рода уникальным учебным изданием, в значительной мере предвосхитившим развивающуюся и по сей день систему учебных книг.

«Азбука» состоит из собственно азбуки, в ее букварном понимании (алфавит, двуписьменные и триписьменные слоги), и так называемой акростихидной (толковой) азбуки.

«Азбука» включает в себя грамматику («А сия азбука от книги осмочастная, сиречь грамматики»), в 55 параграфах которой на конкретных примерах дается понятие о спряжении, о страдательном залоге, ударении, склонении, о единственном, множественном и двойственном числах и т. д.

Характерен подбор слов для показа системы спряжения, многие из которых имеют просветительный смысл, типа: «обновлять», «творить», «вразумлять», «миловать», «умудрять». Интересно, что из 28 слов только одно «крестить» имеет религиозный характер.

Третий компонент «Азбуки» — хрестоматийная часть, содержащая разнообразные тексты, предназначенные для чтения, овладения грамотой и элементами грамматики и одновременно формирующие нравственные устои учащегося.

И опять нельзя не отметить, что автор отобрал из религиозных текстов в основном те поучения, которые призывают к защите униженных и обиженных, к заботе о человеке.

Дополнения хрестоматийной части острожской «Азбуки» греко-славянскими текстами, а также замечательным памятником славянской литературы, созданным в IX веке Черноризцем Храбрым «Сказание, како состави святыи Кирил Философ азбуку по языку словенску и книги переведе от греческих на словенский язык», еще более усиливает ее познавательную, воспитательную и идейную направленность.

Наконец, Иван Федоров сумел создать оригинальную систему обучения числам: в первой части «Азбуки» материал разделен на параграфы, счет которых доведен до 100, а затем идут параграфы — 200, 300, 400 и 500, дальнейшее обозначение сотен и тысяч приведены в строку после акростиха.

Итак, Букварь, Грамматика, Книга для чтения. Основы арифметики! Если добавить к этому две страницы (69—70), содержащие «Слово к детям», и 10 страниц (71—80) — «Слово к родителям», которое, кстати сказать, в отличие от царившего в те годы домостроя, защищает детей от произвола отцов, призывает воспитывать в милости, в благоразумии, в смиренномудрии, в кротости, в долготерпении, «приемлюще друг друга и прощение дарующе», — выстраивается весьма четкий учебно-методический комплекс, строго продуманная, пережившая века, предвосхитившая гуманистическую педагогику система обучения и воспитания подрастающего поколения.

Анализ сложной методической системы, заложенной в первом русском учебнике, позволяет предположить, что на пути ее реализации встречалось немало трудностей, связанных с необходимостью подняться до уровня передовой педагогической мысли Просветителя.

Ныне действующий стабильный «Букварь» по праву является продолжателем традиций русской букваристики, заложенных Иваном Федоровым и развивавшихся в учебниках виднейших представителей отечественной педагогической мысли, и прежде всего К. Д. Ушинского. Сегодня в практику обучения введен и

новый букварь — «Азбука» для детей шестилетнего возраста. Это — результат многолетних, длительных поисков более совершенных способов обучения грамоте на основе звукового аналитико-синтетического метода, который был реализован еще в «Родном слове» великого русского педагога и в букварях, созданных его последователями. Как известно, исходными положениями звукового аналитико-синтетического метода является выработка у ребенка пристального внимания к слышимой и произносимой речи, приучение ученика анализировать ее. Это, бесспорно, на первых шагах трудно, требует усилий как со стороны учителя, так и со стороны школьника.

Опыт многих поколений учителей и методистов обогатил методику обучения немалым числом подлинных находок. Одна из них — включение в процесс обучения разнообразных средств наглядности, среди которых весьма эффективны схемы.

В новой «Азбуке» эта традиция получила дальнейшее развитие и совершенствование. Ученик, обучаясь по этому букварю, одновременно с овладением первоначальными способами чтения и письма постигает богатые выразительные возможности родного слова.

Материалы нового учебника доступны ребенку, развивают его мышление, воспитывают любовь к русскому языку, к родному народу, к Родине.

Каждый компонент «Азбуки» — подбор слогов, слов, текстов, рисунков, схем, занимательного материала — подчинен общей методической идее, лежащей в основе учебника: сделать для ребенка процесс овладения чтением и письмом интересным, посильным и увлекательным. Но становление нового всегда происходит в напряженной творческой работе.

Сейчас «Азбука» дорабатывается по замечаниям учителей и, хочется верить, на долгие годы ляжет в основу подготовки детей к большой школьной жизни.

«Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы» предусматривают уже с 1986 года начать в массовой школе обучение детей с шестилетнего возраста. Многие предстоит сделать для того, чтобы создать для наших детей школу радости, большая творческая работа предстоит и издателям учебно-педагогической литературы.

Несоизмеримы задачи, которые решал четыре столетия назад Иван Федоров, с задачами, которые стоят сейчас перед советской общеобразовательной школой. Но удивительно глубокие, мудрые, гуманные помыслы великого Просветителя, лежавшие в основе его деятельности, незримо пронизывают и вдохновляют деятельность тех, кто сегодня стоит у руля просвещения Отечества.

«УСТНАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»

Между поэзией и читателем установились сегодня новые, еще не очень известные широкому кругу, отношения. Они уже достаточно ощутимы в нашем искусстве. Книгу, оказывается, можно не только видеть, но и слышать.

Речь идет об «Устной библиотеке поэта», «выпускаемой» Центральным домом актера в Москве. Мир театрального искусства здесь не кажется удаленным, отгороженным от литературного процесса. Если даже бегло перечислить авторов, чьи стихи звучали в этих стенах, то можно получить представление о размахе работы «Устной библиотеки поэта». Назову хотя бы несколько имен: Александр Твардовский, Анна Ахматова, Павел Антокольский, Вероника Тушнова, Степан Щипачев, Семен Кирсанов, Михаил Луконин, Илья Сельвинский, Борис Пастернак, Сергей Наровчатов, Борис Слуцкий, Сергей Михалков, Андрей Вознесенский, Евгений Винокуров...

Что же представляют собой «звучащие книги», как они строятся, как «выходят» в свет, каков их читатель-слушатель, каковы взаимоотношения автора этих «книг» с их «редактором»?

I

Сначала немного истории. «Звучащие книги» в России появились в XIX веке, родоначальником их, пожалуй, был А. Ф. Мерзляков — поэт, теоретик поэзии, критик, ученый-педагог, оратор. Его современники считали, что он создал «живую академию» русского слова, русского стиха.

Публичные чтения Мерзлякова, на которые собирался не только весь цвет филологической Москвы, но и студенты, и офицеры, и чиновники, и артисты — все, влюбленные в русскую поэзию, прервались Отечественной войной 1812 года.

О публичных чтениях своих стихов поэты мечтали давно. Вот почему Н. В. Гоголь отозвался статьей на состоявшиеся в

1843 году в Москве «вечера для чтения произведений русских поэтов перед публикой». Статья Гоголя выражала взгляды русских писателей на искусство художественного чтения в России. Эти взгляды были близки и великим нашим артистам М. С. Щепкину, П. С. Мочалову, П. М. Садовскому... Интересен факт: Гоголь обращал внимание читателей на то, что «наши поэты до сих пор почти неизвестны публике», и утверждал: «Одно только искусное чтение может установить о них ясное понятие». Заметьте: «искусное чтение». Вот как формулировал Н. В. Гоголь принципы чтения поэзии с эстрады: «Прочсть как следует произведение лирическое — вовсе не безделица: для этого нужно долго его изучать; нужно разделить искренно с поэтом высокое ощущение, наполнявшее его душу; нужно душою и сердцем почувствовать всякое слово его — и тогда уже выступать на публичное чтение». Не правда ли, какими современными кажутся нам взгляды Гоголя на искусство художественного чтения?

Великий писатель, например, ратовал за истинно художественный стиль исполнения стихов. Ему нравилось величественное, спокойное чтение, а «не крикливое, не в жару и горячке». В голосе чтеца должна быть та неведомая сила, что свидетельствует об его «истинно-растроганном внутреннем состоянии». Такой стиль исполнения близок именно сегодняшнему искусству, а в ту пору это было большой художнической дерзостью. Это был взгляд в завтра.

Нельзя не удивляться гоголевскому предвидению: «...чтение наших поэтов может принести много публичного добра». И приносило. И приносит сегодня. И будет приносить.

Поэтическое произведение может быть целиком и всесторонне понято через звучание. Звуки голоса как бы вдыхают жизнь в слова, находящиеся в покое на печатной странице. Слово, произнесенное по всем законам его выразительных средств, делается живым и дает нам возможность еще раз судить о творческой силе того или иного поэта. Но вот что важно еще: трепетное, живое, звучащее слово помогает и самому автору — слушателю собственных сочинений.

В пересечении интересов автора и читателя протекает подлинная жизнь поэтического, да и вообще любого художественного произведения. Ведь только тот может называться поэтом, кто как бы подслушал наши тайные речи, понял наши мысли.

Авторская творческая сила, преобразованная в стихи, — это и воля, и страсть, и призыв к общению, это причастность к другому «я». Вот почему художественное чтение в нашей стране приняло грандиозный размах, многие читатели лучше понимают поэзию «с голоса», то есть благодаря мастерству и обаянию актера-

творца, благодаря его темпераменту. Так художественное чтение поистине сегодня становится «звучащей литературой».

Из суммы всех приведенных обстоятельств возникла потребность в создании «Устной библиотеки поэта». У нее уже своя история: отмечен 150-й выпуск.

II

Мысль о создании «Устной библиотеки поэта» принадлежит Льву Озерову, человеку и поэту, давно влюбленному в русскую поэзию. Но почему поэтические вечера он решил облечь в форму «книги»? Думаю, потому, что уловил нерв сегодняшних литературных проблем; книга вступает в живой контакт с различными средствами общения: театром, эстрадой, телевидением, радио, кино.

Чтение сегодня не может быть ограничено только печатным текстом, заключенным в книжный переплет. Эмоционально и интеллектуально развитый читатель стремится как бы раздвинуть книгу, озвучить ее, установить личную связь с ее автором. Причину интереса сегодняшнего читателя к голосу поэта надо искать также в особенностях русской поэзии, всегда носившей характер обращенности к людям, к обществу. Вот на чем основывался Лев Озеров, разрабатывая принципы создания «звуковой книги». А что, мыслилось ему, если соединить в такой «книге» авторское чтение с чтением актерским? Да предпослать «говорящей книге» устное предисловие, добавить, если понадобится, «звучащие примечания», а сверх того, отчертить «заметки на полях», не карандашом отчертить, а голосом?..

Центральный Дом актера Всероссийского театрального общества поверил в эту идею Льва Озерова. Идею осуществили. Актеры и режиссеры вводились в широкий круг проблем русской, главным образом, современной поэзии. Сколько возможностей открыла «Устная библиотека» для обозрения нашей поэзии, для знакомства с «запасниками» ее.

В чем же секрет долголетия «Устной библиотеки поэта»? «Звуковая книга» стихов — это особый организм, пожалуй, не менее серьезный, чем печатный сборник стихов. Контакт между читателем-зрителем и автором такой «книги» устанавливается обычно в одно мгновение. Ведь сцена — это импульс, это ощущение непосредственное, яркое, открытое. Здесь все — как на ладони. Голос поэта передает живое дыхание стиха, его дух, его суть. Слух поэта обычно так обострен, что слова для него не просто что-то означают — они звучат, «звучат всеми своими гласными и согласными», как говорил С. Маршак.

Выступление поэта Владимира Цыбина. Слева — ведущий Лев Озеров

Многие советские поэты начинали свой литературный путь не с книг, а с «голоса»: В. Маяковский, Н. Асеев, И. Сельвинский, С. Есенин, Э. Багрицкий, И. Уткин, С. Кирсанов, В. Каменский, В. Луговской... Новые формы жизни, которые принесла с собой революция, проявились и в искусстве, которое вышло на площадь, на улицу. Поэзия XX века обрела способность разговаривать с миллионами. «Поэзия бродит по улицам», — писал Гарсиа Лорка. «Улицы — наши кисти, площади — наши палитры», — утверждал Маяковский. Вот она — звучащая всюду — поэзия.

III

Как же составлялась «Устная библиотека поэта»? Прототипом для нее послужила основанная А. М. Горьким «Библиотека поэта». Горький мечтал создать грандиозный свод книг, целую библиотеку русской поэзии. Серия, по его мысли, должна дать читателю представление о творчестве не только великих поэтов, но и менее известных, полузабытых авторов, подчас незаслуженно забытых, каждый из которых так или иначе положил свой кирпичик в здание русской поэтической культуры.

А. М. Горький в беседах с редакционными работниками «Библиотеки поэта» не раз говорил: «Я забочусь о том, чтобы все богатство русской поэзии было охвачено нами».

Сколько осуществлено: вышли сочинения А. Кантемира, В. Тредиаковского, Г. Державина, А. Сумарокова, Н. Гнедича, А. Мерзлякова, И. Богдановича, Ф. Глинки, В. Озерова, В. Кюхельбекера, П. Вяземского, К. Рылеева, А. Дельвига, Е. Баратынского, А. Фета, Я. Полонского, Ап. Григорьева, П. Якубовича, А. К. Толстого, К. Случевского, И. Анненского, А. Блока и многих, многих других.

«Устную библиотеку поэта» Лев Озеров задумал как звучащее продолжение серии печатной. Ему представлялось возможным показать «книги» поэтов XX века, показать линию развития нашей поэзии, наших мастеров и молодых поэтов, известных и не столь известных, и просто неизвестных — одним словом, раскрыть перед слушателями, а также перед актерами, несущими поэтическое слово в массы, всю панораму нашей советской поэзии.

Как и печатная серия, «звучащая библиотека» имеет редколлегия, в которую входят известные поэты, актеры, режиссеры. Редколлегия определила планы и формы выпуска «книг», определила их «редакторов».

Все мы, люди, влюбленные в книгу, заинтересованы в том, чтобы читатель и книга встретились. Что для этого надо сделать? Надо помочь читателю понять книгу, дать представление о ней — не об отдельных страницах, но о книге как художественном целом.

«Говорящая книга» — не спектакль (хотя момент режиссерский и актерский в ней всегда ощутим). Впрочем, почему не спектакль?.. Книга печатная, если это книга, а не простой набор стихов, композиционно выстроена довольно строго, уже ее архитектура говорит о том, что это может быть драма или комедия в стихах; читатель как бы ставит в своем воображении спектакль — пока еще расплывчатый, смутный, зыбкий. Все зависит от степени талантливости читателя, но и, конечно, от степени талантливости автора. К книге стихов следует подходить свободно, непредвзято, доверяясь читательской интуиции. Этому-то и учит «Устная библиотека поэта», здесь чередуются зрительное и слуховое восприятия, здесь явственно проступает Книга Стихов как произведение искусства.

Режиссер такой «книги» стремится всеми художественными способами воздействовать на воображение слушателя. Для того, чтобы раскрыть индивидуальность автора, воссоздать его творческий, да и человеческий облик, нужно художественное исследование. «Устное эссе» должно лечь в душу слушателя еще до чтения

стихов, то есть до самого «текста книги». «Устное эссе» — это своего рода вступление, предисловие, введение в «книгу». Жанр весьма емкий, трудный, требующий знания предмета.

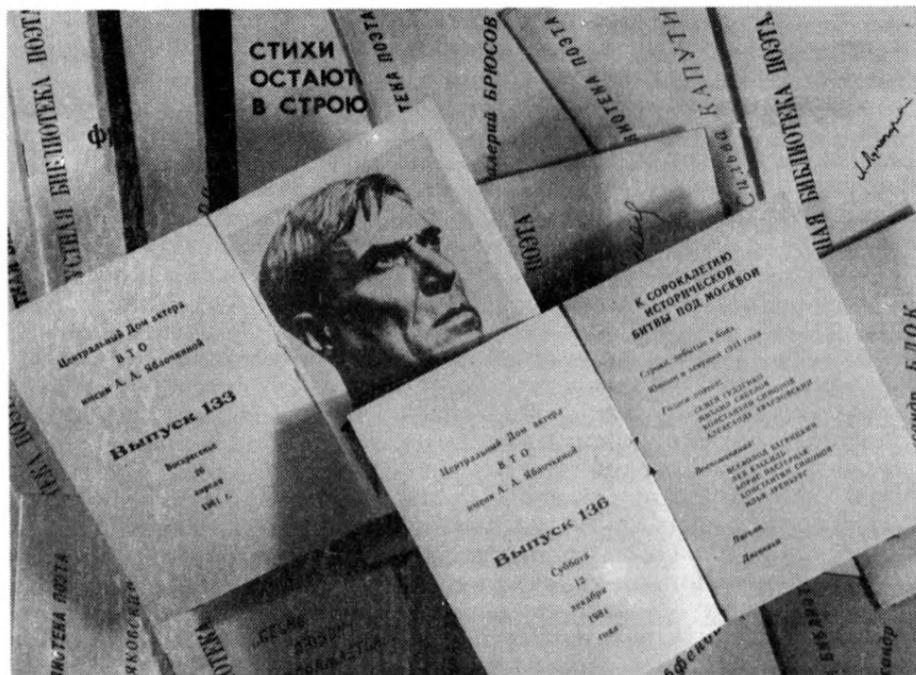
Авторы таких «предисловий», как говорится, «творят речь на людях»: думают на эстраде, размышляют вслух. Такова традиция. И вероятно, не случайно авторами «предисловий» здесь выступали многие известные поэты: Павел Антокольский, Сергей Наровчатов, Василий Федоров, Владимир Цыбин, Борис Слуцкий, Владимир Солоухин, Константин Симонов, Евгений Евтушенко, Марк Максимов, Андрей Вознесенский, Александр Межиров, Андрей Дементьев, Маргарита Алигер, Константин Ваншенкин... Не только поэты делали «устные предисловия» к «звуковым книгам», но и критики, и среди них такие, например, как Александр Михайлов, Владимир Огнев, Мариэтта Чудакова, Игорь Золотуский, Андрей Турков, Вадим Кожинов, Юрий Прокушев. Звучат у наших «книг» не только «предисловия», но и «послесловия». Евгений Винокуров оставил в моем дневнике такую запись: «Мой вечер был неплохой. Доклад, то бишь „вступление“, сделала Белла Ахмадулина, а содоклад, то бишь „заклучение“, сделала Анастасия Цветаева. И какой же это был увлекательный анализ (к счастью, моего) творчества!»

Особо хочу сказать о постоянных аннотациях главного редактора «Устной библиотеки поэта» Льва Озерова. Оригинальные мысли оратора при живости и демократичности самого высказывания сделали их особым «устным жанром». Подчас это — «визитная карточка» поэта, «показанная» до «предисловия». Лев Озеров сразу же создает особую атмосферу в аудитории и концентрирует внимание слушателей. От понимания смысла и красоты отдельного слова, эпитета, а затем стихотворного размера, метафоры он ведет собеседников к пониманию всего стихотворения, всего творчества поэта и — к пониманию важных нравственных и художнических истин. Именно так, постепенно, все мы, слушатели, обретаем крепкие корни любви к Отечеству, Поэзии, Книге.

Для каждого поэта выпуск его «звуковой книги» — творческий праздник.

Поэзия соединяет, она — гений общительности. Слушатель поэзии не только слушает, он творит. Поэт вместе со всеми переживает то, что написал. Синхронность этого переживания очень ценна. Она — творческого порядка. «Произнесенные слова принадлежат наполовину говорящему, наполовину слушающему», — отмечает Монтень. Это мудрое наблюдение всего более относится к «звучащей поэзии».

Читатель, сидящий в библиотеке или читающий дома, — одиночка. Но он как-то стремится выразить себя, стремится

Пригласительные билеты «Устной библиотеки поэта»

обменяться с другими своими впечатлениями. Он не хочет быть одиноким даже в процессе чтения. Он ищет читателей-единомышленников. Как было бы интересно создать у нас Институт Читателя. Сколько интереснейших проблем, связанных с чтением, можно было бы решать: психология чтения, типы читателей, формы читательского общения, читательский отзыв, чтение вслух, читательская конференция, участие читателя в литературном процессе, медленное и быстрое чтение...

Спорящий, неравнодушный, взволнованный читатель часто оставляет заметки на полях своих книг, заметки «молчаливые», не известные другим. В «Устной библиотеке поэта» «читательские заметки» озвучены, они тут же становятся известны другим читателям. Так происходит интеллектуальное общение читателей-слушателей. Так воспитывается вкус читателя, его эстетические критерии.

На наших глазах рождается новый вид зрелищного искусства — «звучащая библиотека», где оживает Книга, где активно проявляет себя читатель поэзии.

Для того, чтобы книга получила иное пространственное решение, ей нужен и редактор иного плана. В роли редактора здесь часто выступает режиссер. Он выстраивает «звучащую книгу» по законам, в ней самой содержащимся: важно только их выявить. Редактор-режиссер работает и с автором, и с актерами, как бы соединяя их,—так образуется «текст» звуковой книги. Здесь нет занавеса, декораций, костюмов у исполнителей, нет грима. Автор сидит в первом ряду зрительного зала, правда, он иногда поднимается на сцену...

Всего опасней составлять «звучащие книги» по схеме, по шаблону — определенного «формата», «объема», «оформления»... У каждого поэта своя книга, на него похожая и его выражающая. Из суммы стихов, прозаических периодов, музыкальных иллюстраций к текстам важно создать *портрет* автора, образ поэта.

В одних случаях автор сидит в стороне и наблюдает за действием, в других случаях он то и дело вторгается в него (репликами, замечаниями, восклицаниями, комментариями), в третьих — автор вступает в полемику с актерами, давая свое прочтение текста, свое понимание стихотворения. Во всех случаях обнаруживается темперамент, характер, облик поэта.

В зале создается тот поэтический климат, который идет от автора и его поэзии. Имя поэта могло быть известно читателю, но не слушателю. Могло быть знакомо тому и другому, но не имело успеха. Имело успех, но актеры предлагают переосмыслить его творчество. Как видим, проводится своего рода исследовательская работа, для чего привлекаются стихи автора, статьи о нем... «Устная библиотека» восстанавливала справедливость в отношении многих авторов. Так было с драматическими новеллами Александра Кочеткова, с одноактными стихотворными драмами Якова Апушкина, со стихами Николая Заболоцкого, Веры Звягинцевой, Николая Тарасова, Дмитрия Ковалева, Александра Яшина, Сергея Наровчатова, с лирикой Вероники Тушновой... Для многих памятные вечера, на которых прослушивались записи с голоса Бориса Пастернака. Он читал свои стихи и говорил о поэзии — неожиданно, открыленно. Вечерам предшествовала серьезная подготовка. Ее вел Л. А. Озеров, составитель книг стихов Б. Л. Пастернака, вышедших в Большой серии «Библиотека поэта» в 1965 году и в Малой серии в 1976 году, и автор предисловий к ним. Вечера, проходившие в Большом зале ВТО, собирали огромную аудиторию. Нередко с известных имен в «Устной библиотеке» снимался «хрестоматийный глянec».

Публика знает и любит только известные произведения поэта и на основе этих произведений строит свое представление о нем. Надо прочитать поэта. Да, просто прочитать. Маяковский — весь слышимый, весь на «голосе». Чтение стихов, декламация —

самые ранние увлечения поэта. Он сам все сказал о себе, он сам — великий актер-чтец. Его жизнь, его поэзия — все «театр одного актера».

«Звучащая книга» Маяковского называлась: «Непрочитанный Маяковский». На вечере прозвучали ранние стихи Маяковского, своими воспоминаниями о нем поделились современники (Рита Райт-Ковалева, Николай Голубенцев, Павел Антокольский, Виктор Шкловский, Василий Катанян). Говорили о выходе его первой книги. Она называлась «Я». В стихах Маяковского столько граней у «я», что надо было предоставить «слово» ему самому. И это великолепно сделали разные по темпераменту и стилю актеры: Вениамин Смехов, Рафаэль Клейнер, Яков Смоленский... Режиссер Николай Голубенцев, раскрывая «страницы» этой «звучащей книги», на каждой из них ставил эпиграф: «Я сам расскажу о времени и о себе...» (Маяковский).

Дружелюбно относился к «Устной библиотеке поэта» Василий Васильевич Казин. Несколько раз он выступал ведущим на вечерах своих друзей-поэтов. Интересно, что он давал согласие на свой вечер, но неизменно же и откладывал его. Восьмидесятилетие поэта послужило весьма весомой причиной, чтобы его вечер состоялся. В. В. Казин был рад, что вместо громоздких и пышных юбилейных вечеров, которых он, по скромности своей, побаивался, но которые на него надвигались, как «шаги командора», состоится простой, уютный, деловой, несуетный вечер в... «Устной библиотеке поэта». И вечер показал, что в лице В. В. Казина русская поэзия имеет проникновенного лирика, вдумчивого и сосредоточенного мастера. Певец «Рабочего мая», один из зачинателей советской поэзии, Василий Васильевич Казин предстал перед аудиторией всесторонне.

По мере выхода в свет «говорящих книг» уточнялись задачи всей серии «Устной библиотеки поэта», углублялось понимание проблем, стоящих перед ней. Жизнь вносила в первоначальный замысел свои поправки, обогащала его.

«Устная библиотека» изначально ставила перед собой задачу — показывать мало известное; много было вечеров, которые обозначались: «Впервые». На афише одного из них было обозначено: «Анатолий Васильевич Луначарский — поэт». Эта «звуковая книга» поистине стала исторической — через пятьдесят лет после смерти автора она родила на литературной эстраде поэта А. В. Луначарского. Необычность этой «звуковой книги» заключалась еще и в том, что «Устная библиотека поэта» — своего рода сестра Института живого слова, необычного учреждения, созданного в 1918 году А. В. Луначарским. И здесь хочется процитировать его слова, сказанные на открытии этого Института: «...я совершенно убежден, что целая бездна художественных наслаж-

дений, психологических глубин, сокровенных красот выяснится перед той культурой, которая будет культурой звучащей литературы, когда поэты, как древние трубадуры, будут петь свои произведения...»

«Звуковая книга» А. В. Луначарского, прочитанная замечательными артистами, в том числе Е. В. Гоголевой, показала наследие, которое будет, по его же мысли, «читаться на народных празднествах при множестве людей».

«Устная библиотека» знакомит актеров и слушателей не только с русскими поэтами, но и с поэтами наших братских республик. «Звучащие книги» Мустая Карима (Башкирия), Карло Каладзе (Грузия), Ивана Драча (Украина), Давида Кугультинова (Калмыкия), Ибрагима Кэбирли (Азербайджан), Сильвы Капутикян (Армения), Кайсына Кулиева (Кабардино-Балкария) много дали нашим слушателям.

С годами «звуковая книга» обрела еще большее разнообразие: возникли «Избранные страницы» актеров-чтецов, наиболее чутких к поэзии и поэтам, — Сергея Юрского, Аркадия Смирнова, Рафаэля Клейнера, Александра Кутепова, Валерия Токарева, Арамаиса Абрамяна, Якова Смоленского.

В «Устной библиотеке» стали «выходить в свет» не только «звучащие книги» одного автора, но и «звучащие антологии» — «Песнь любви», «Современная французская поэзия», «Поэзия разных стран», «О любви — в поэзии мира», «Поэзия Армении», «Поэзия Прибалтики», «Песнь о книге», «Звучащий лес», «Избранные переводы».

Здесь бывали замечательнейшие актерские дебюты, новаторские прочтения стихов, скажем, Маяковского, Бернса, Асеева, Пастернака, Сельвинского, Цветаевой, Блока, Кочеткова, Заболоцкого, Луговского, Чаренца, прочтения, вызывавшие бурные споры. И конечно же, «звучащие книги» бывали представлены традиционным классическим чтением. К сожалению, добрая классическая манера чтения сегодня уходит, ее надо хранить и беречь, чтобы не исчезла с нашей эстрады.

«Артист — это музыкант в оркестре. Чтец — это весь оркестр целиком», — писал знаменитый теоретик художественного чтения Легуве. «Устная библиотека поэта» своим существованием подтверждает это наблюдение. Многие чтецы нашли здесь свои «оркестровые краски». Смее думать, что «Устная библиотека» внесла свой вклад в развитие и распространение искусства художественного чтения.

Прошло 150 вечеров. Двадцать лет работы. А впереди — новые «говорящие книги» русских поэтов разных поколений, поэтов народов СССР, стихи из поэтического наследия мира.

Наталья Колесникова

СОВЕТСКАЯ КНИГА ЗА РУБЕЖОМ

Беседу вел С. Сергеев

Наталья Александровна Колесникова — главный редактор журнала «Книга и искусство в СССР», издаваемого Всесоюзным агентством по авторским правам. Издание выходит четыре раза в год на пяти языках. Читатели пятидесяти стран мира, в которых журнал распространяется, своевременно получают богатую и разнообразную информацию о последних достижениях советской культуры и искусства. По просьбе «Альманаха библиофила» Наталья Александровна рассказывает о журнале «Книга и искусство в СССР».

— *Наталья Александровна, расскажите, пожалуйста, когда возник журнал и какие задачи ставились перед ним?*

— Наш журнал существует уже 11 лет. Он родился вместе с Всесоюзным агентством по авторским правам с тем, чтобы информировать партнеров агентства — руководителей издательств, литературных и музыкальных агентств, а также авторско-правовые организации — о новых произведениях советской общественно-политической, научно-технической, художественной литературы, о новинках в области театра, музыки, изобразительного искусства. Первый номер вышел в начале 1974 года. Сейчас выпущено более сорока номеров. За эти годы издание сложилось не только как рекламно-информационное, но и как пропагандистское, несущее в разные уголки мира идеи Страны Советов. Это накладывает на нас, сотрудников журнала, огромную ответственность, и коллектив редакции всеми силами стремится их оправдать.

С 1981 года за рубежом ведется подписка на наше издание. Среди подписчиков — университетские библиотеки, культурно-просветительные центры, ассоциации переводчиков, книжные магазины и многие частные лица, интересующиеся жизнью нашей страны.

— *Какова тематика журнала?*

— «Книга и искусство в СССР» охватывает практически все области интеллектуальной жизни страны. Политика и социология, экономика и медицина, искусство и спорт, открытия в области науки и техники — таково содержание первого раздела

журнала. В разделе, посвященном художественной литературе, печатаются очерки о самых известных писателях, интервью с ними, сведения о произведениях, готовящихся к печати, отрывки из романов и повестей.

На страницах издания рассказывается о современной советской музыке, о грампластинках с записями новых произведений наших композиторов, о книгах по музыке и премьерах музыкальных спектаклей.

Обзорные статьи о художественных выставках и вернисажах, сведения о новых книгах и альбомах по искусству, очерки о творчестве живописцев и графиков сопровождаются цветными репродукциями.

Журнал постоянно представляет читателям молодых талантливых авторов, знакомит с наиболее заметными событиями культурной жизни всех советских республик. Он красочно иллюстрирован оригинальными рисунками, репродукциями произведений советских художников, цветными фотоснимками. Знакома зарубежным читателям с культурной жизнью многонационального Советского государства, мы, таким образом, противопоставляем нашу объективную информацию «кривому зеркалу» буржуазной пропаганды.

Другая сторона в работе журнала — рекламная эффективность, связанная с популяризацией за рубежом лучших произведений советских авторов. Мы располагаем множеством свидетельств того, что многие материалы, в том числе иллюстрированные, опубликованные в журнале, вызывают практический интерес у зарубежных издателей. Иногда их запросы бывают настолько неожиданными, что заставляют задуматься о неиспользуемых резервах в нашей коммерческой деятельности.

Журнал пользуется успехом у зарубежных издателей. Приведу несколько примеров. Нидерландские фирмы «Куглер» и «ВНЮ», получив информацию о серии книг по науке, предпринятой по контрактам с ВААП издательствами «Плиnum» США и «Шпрингер» ФРГ, этой серией очень заинтересовались и решили выпустить аналогичную. Несколько лет назад мы напечатали материал о детском художнике-иллюстраторе Викторе Чижикове. Спустя некоторое время он получил заказ от японцев на рисунки к «Русским сказкам». В 1982 году мы рассказывали о книге «Проблемы исторической психологии», которую выпустил Ростовский университет. И вот из далекой Австралии мы получаем отпечаток из нашего журнала и заявку с просьбой заключить договор на перевод и издание этой книги.

Мы часто помещаем рекламу, рассказывающую о нашей периодике. ВААП таким образом получило заявку на издание журнала «Квант» в ФРГ. Выход в Лондоне поэмы А. Блока

«Двенадцать» с иллюстрациями Ю. Анненкова и вступлением, специально заказанным английским издательством искусствоведа Ю. Молоку, стал возможен благодаря статье, опубликованной в нашем журнале. Так же получилось с запросом из ФРГ относительно публикации фотографий о нашей стране из альбома издательства «Планета», которые были помещены на шмуцтитулах журнала. Примеры можно продолжать...

— Не могли бы вы процитировать некоторые отклики зарубежных издательств?

— Вот, к примеру, отзыв Кена Кенeko — руководителя японско-советского центра авторского права: «Журнал очень помогает в работе. Дает разнообразную информацию о литературе, детской и политической, художественной и научной. По отдельным выпускам журнала мы имеем полное представление о том, что делается в тех или иных областях науки, искусства, литературы. Мы широко используем материалы журнала в своей деятельности. Так, статью о пьесе А. Галина «Ретро» мы полностью перепечатали в своем журнале, который рассылаем издательским фирмам и театрам. Известно, что некоторые из них уже заинтересовались этим произведением, а также другими нашими предложениями. Нам нравится, что в журнале нет ничего лишнего: статьи сжатые, хорошо подается необходимая информация!»

А вот еще один отзыв — Жана Максвелла, представителя английского издательства «Пергамон пресс»: «Журнал очень интересен, ярок, информативен. Делается на высоком профессиональном уровне. Помогает ориентироваться в огромном море советской литературы. Причем, обращает наше внимание на то, что важно, интересно, что публикуется советскими издательствами сегодня. Нравится тематический подход... Ведь если публиковать списки вышедших книг, все они будут на одно лицо, и мы в этом списке самостоятельно не сможем разобраться. Нам не нужна броская реклама, нас интересует серьезная информация, которая должна включать все данные о книгах: название, фамилию автора, издательство, его адрес, объем издания, цену. Если же дается расширенная информация о книге, то желательно указать количество глав в ней, содержание основных. Практически всем этим требованиям ваше серьезное издание отвечает. Полезная информация, которую мы получаем из вашего журнала, хорошо запоминается, и мы используем ее в беседах с представителями деловых кругов. Иногда берем материалы для издания в качестве главного ориентира. Так получилось с книгой об Алексее Арбузове. Мы выпустили ее, прямо используя информацию журнала „Книга и искусство в СССР“».

— *Отзывы весьма убедительные. На книжной Выставке-ярмарке, проходившей осенью 1983 года в Москве, вы, наверно, имели возможность встретиться с вашими читателями?*

— Конечно. На ММКВЯ-83 состоялась, например, беседа с директором индийского издательства «Арнольд-Хайнеманш» Гулабом Вазирани, который отметил высокий профессиональный уровень нашего журнала, хорошее качество полиграфического исполнения. Г. Вазирани особенно подчеркнул последний фактор, поскольку его издательство выпускает книги по изобразительному искусству. Материалы журнала дали возможность издательству Г. Вазирани заключить через ВААП с издательством «Аврора» три контракта на выпуск альбомов «Эрмитаж», «Русский музей», «Музей восточного искусства». Книги имели в Индии успех.

— *Каковы трудности, с которыми приходится сталкиваться редакции журнала?*

— Я уже говорила, что наш журнал адресован прежде всего зарубежным издателям и переводчикам советской литературы. Партнер ВААПа не просто читатель. Наш адресат требует информации немногословной и передающей самую суть предмета.

За десять лет существования журнала уже сложился присущий ему стиль — в языке, в форме подачи материалов. Мы стараемся избегать общих слов, пустых эпитетов, излишних восторгов и пространных описаний. Этот стиль надо было суметь почувствовать и воплотить в печатном издании. И, понятно, дался он нам не сразу...

Зарубежный читатель знает о нашей стране далеко не всё. Советские национальные культуры, например, ему мало известны. Поэтому часто приходится заниматься «ликбезом»: объяснять западному читателю вещи для нас привычные.

— *Расскажите, пожалуйста, о планах журнала.*

— 1985-й — год сорокалетия Победы над фашистской Германией, поэтому первый номер журнала за этот год целиком посвящен отмечаемому великому историческому событию. Мы рассказываем о писателях-фронтовиках Ю. Бондареве, В. Кондратьеве, В. Быкове, Д. Гранине, Г. Бакланове, о песнях советских композиторов, о художественных альбомах, посвященных войне. Весь номер будет пронизан этой темой.

Другие актуальные темы нашего искусства, нашей жизни, которые, уверена, найдут отклик у зарубежного читателя, будут широко отражены в следующих номерах журнала.

А. Кузнецов

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЙОКНАПАТОФУ

Советско-американская выставка
«Уильям Фолкнер: рукописи и книги»

Прошло сравнительно немного времени с тех пор, как мы впервые познакомились с главными произведениями У. Фолкнера — романами «Деревушка», «Город», «Особняк». Они были изданы «Художественной литературой» в 1964—1965 годах*, и, наверное, у многих хранятся эти, одетые в нарядные суперобложки, томики, приоткрывшие нам загадочный мир Йокнапатофы — вымышленного У. Фолкнером южного округа «размером на карте не больше почтовой марки», вымышленного, но в то же время реального — развернувшегося перед нами беспощадной правдой жизни некогда рабовладельческого Юга США. А перед этим мы узнали У. Фолкнера-новеллиста по небольшой, но удачно составленной книге «Семь рассказов» с послесловием нашего старейшего американиста И. А. Кашкина (Издательство иностранной литературы, 1958). Справедливости ради надо сказать, что о существовании У. Фолкнера советский читатель узнал гораздо раньше — в 1934 году, когда издательство «Художественная литература» в сборнике «Американская новелла XX века» опубликовало в переводе О. П. Холмской его рассказ «Когда наступает ночь». (В 1930—1950-е годы были опубликованы и другие рассказы У. Фолкнера.)

Эти, ставшие редкостями, но такие памятные издания, рассказывающие об истоках советской фолкнерианы, невольно обращали наше внимание на совместной советско-американской выставке «Уильям Фолкнер: рукописи и книги», организованной в июне — июле 1984 года Госкомиздатом СССР, Всесоюзной государственной библиотекой иностранной литературы и Институтом мировой литературы имени А. М. Горького в залах ВГБИЛ. На обширной выставке были показаны книги, рукописные материалы, фотографии, грампластинки и видеокассеты из частного

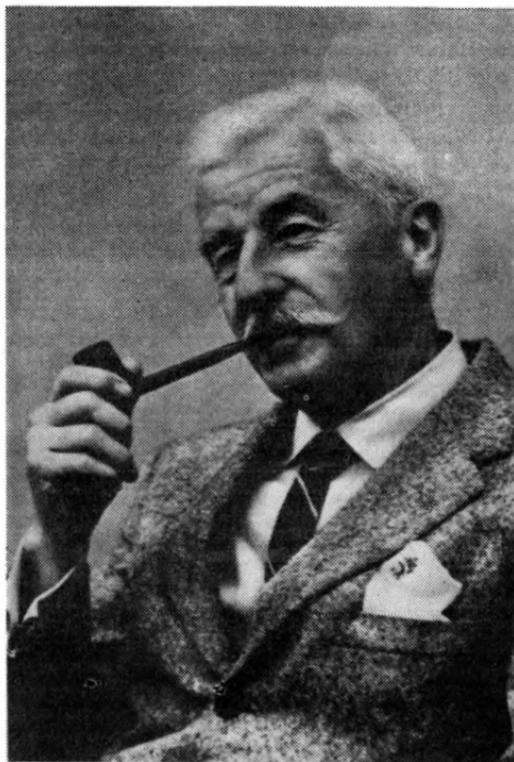
* В 1961 году заключительную часть трилогии — «Особняк» напечатал журнал «Иностранная литература» (перевод Р. Я. Райт-Ковалевой).

собрания известного американского коллекционера И. Т. Хольтсмана, из Исторического музея штата Миссисипи («Собрание Кофилда»), из фондов советских библиотек. Открытие выставки было приурочено к советско-американскому симпозиуму «Уильям Фолкнер и литература Юга США», проводившемуся в ИМЛИ.

Масштаб выставки задан, конечно, мировой славой писателя. Но обусловлен, не в последнюю очередь, и тем, о чем свидетельствовала представительная советская часть экспозиции — огромным опытом издания в нашей стране переводной литературы, в частности — американской. Не лишне напомнить красноречивые цифры: после 1917 года у нас были переведены произведения авторов из 130 государств мира на 159 языках (на 89 языках народов Советского Союза и на 70 языках народов зарубежных стран). Ежегодно в СССР переводятся произведения более двух тысяч иностранных авторов, издаваемые общим тиражом около 147 миллионов экземпляров. Выпуск в СССР книг и брошюр американских авторов (по различной тематике) только за послевоенный период составил более 9,1 тысячи названий. Изданы они суммарным тиражом около 330 миллионов экземпляров. Причем стоит отметить, что если в приобретении прав на перевод и издание научно-технической литературы между СССР и США сегодня сохраняется паритет, то американскую художественную литературу СССР импортирует в два раза больше, чем Соединенные Штаты — советскую. Число изданий художественной литературы США за годы Советской власти составило 4,5 тысячи произведений более 370 авторов общим тиражом около 275 миллионов экземпляров. В СССР изданы практически все классики американской литературы XIX—XX веков, чьи имена упоминаются в школьных учебниках США, причем у многих из этих писателей вышли собрания сочинений.

С 1980 года у нас издается многотомная межиздательская серия «Библиотека литературы США». В этой серии увидели свет произведения В. Ирвинга, Ф. Купера, Г. Джеймса, Д. Лондона, Г. Мелвилла, Т. Драйзера, Э. Хемингуэя, Д. Чивера, Д. Дос Пассоса, У. Дюбуа, Т. Вулфа, Д. Конроя, Р. Райта, У. Франка, Д. Болдуина, Р. П. Уоррена, Т. Уайлдера, Л. Лоренса, Д. Сэлинджера, К. Воннегута, сборник «Поэзия США». Однотомник произведений У. Фолкнера, изданный в серии «Мастера зарубежной прозы», можно было видеть на одном из стендов выставки.

Творчество У. Фолкнера, полнокровное, трагедийное, окрашенное тонким юмором, впитавшее поиски, которые велись в литературе первых трех десятилетий столетия, в нашей стране пользуется заслуженной популярностью. 20 лет назад критика писала: «Есть все основания думать, что Фолкнер останется писателем не только для нашего времени». Сегодня эти слова

Уильям Фолкнер, 1962

подтверждены и огромными тиражами, и количеством изданий и переизданий произведений У. Фолкнера, ростом числа научных публикаций о нем. У. Фолкнер сегодня один из самых читаемых в нашей стране американских писателей. Его произведения изданы общим тиражом более трех миллионов экземпляров на девяти языках народов СССР. По числу изданий его опережают только Э. Хемингуэй и Д. Стейнбек, но он обогнал таких популярных у нас писателей, как Д. Сэлинджер, К. Воннегут, Т. Вулф...

Первое, что останавливает внимание посетителя выставки,— фотостенды из Исторического музея штата Миссисипи («Собрание Кофилда»). Замечательна подборка увеличенных фотопортретов У. Фолкнера, сделанных в разные периоды его жизни. Большие впечатление производят снимки, хронологически отражающие жизненный путь писателя. Семейные фотографии... Маленький Уильям с братьями... В школе, в городке Оксфорд,

куда в 1902 году родители с детьми переехали из Нью-Олбени (где в 1897 году родился Уильям)... У. Фолкнер-бойскаут... Военнослужащий... Снимки, сделанные в Оксфорде, ставшем в книгах — Джефферсоном; на них изображены фермеры — прототипы книг У. Фолкнера, обитатели Йокнапатофы... Невеста, потом жена Уильяма — Эстелл Олдхэм... У. Фолкнер с дочерью и внуками... Литературное окружение У. Фолкнера... Эпизоды награждения крупнейшими национальными премиями... Вручение Нобелевской премии по литературе 10 декабря 1950 года... Выступления перед читателями... Престарелый Фолкнер в окружении родных... Скромный похоронный кортеж... (У. Фолкнер умер 6 июля 1962 года в Оксфорде, там же и похоронен.)

Коллекция И. Т. Хольтсмана имеет три раздела: «Жизнь У. Фолкнера», «Произведения», «Смысл творчества». В первом из них представлены в основном посмертные материалы о писателе, как, например, редкое издание «Уильям Фолкнер — Оксфордский период (1965)» — составленный Д. Уэббом и А. Уигфол Грином сборник воспоминаний родственников и земляков Фолкнера (41 рассказ). Как указано в аннотации, это первый сборник из задуманной серии воспоминаний о писателе.

Книги У. Фолкнера — это энциклопедия жизни американского Юга; недаром ведущие исследователи и пропагандисты творчества писателя М. Каули и П. В. Палиевский сравнивают романские циклы Фолкнера с другим эпическим полотном мировой литературы — «Человеческой комедией» Бальзака. Жизнь самого Фолкнера неотделима от жизни простых людей — белых и негров, населяющих его родной округ Лафайет, превращенный им в Йокнапатофу (в переводе с языка индейцев племени чикасо это слово означает «тихо течет река по равнине»). Писатель досконально знал их быт, их своеобразную речь, не похожую на речь жителей других районов страны. Показанное на выставке диалектологическое исследование Д. Уолтона (1967) раскрывает нам еще один облик У. Фолкнера — «фермера»; корневое происхождение писателя изучено здесь через стиль, языковые особенности его сочинений... Привлекают внимание добротное издание писем У. Фолкнера, предпринятое его биографом Д. Блотнером (1976), и, естественно, написанная Д. Блотнером самая обстоятельная биография писателя в двух томах (1984). К этим изданиям примыкает и ряд иконографических материалов: альбом цветных фотографий, сделанных У. Коннелом, на которых мы видим многие атрибуты писательского труда, а также загородный дом У. Фолкнера в Руан Оуке, виды Оксфорда... Оригинален портрет писателя, созданный в 1977 году художником Д. Соколом посредством слов, взятых из рукописи романа «Шум и ярость». А забавный шарж Д. Левайна, изображающий

У. Фолкнера в комбинезоне, с удочкой, книгой и неизменной трубкой в руке, известен нам ранее по некоторым публикациям. Редкий снимок зафиксировал писателя на фоне сельского пейзажа в последние месяцы его жизни (автор — М. Дайн, 1962)... А могла ли оставить нас равнодушной озвученная видеокассета беседы У. Фолкнера с жителями Оксфорда в 1953 году (длительность 30 минут)? Голос писателя можно было услышать и с грампластинок — У. Фолкнер читает отрывки из романов «Свет в августе» и «Шум и ярость».

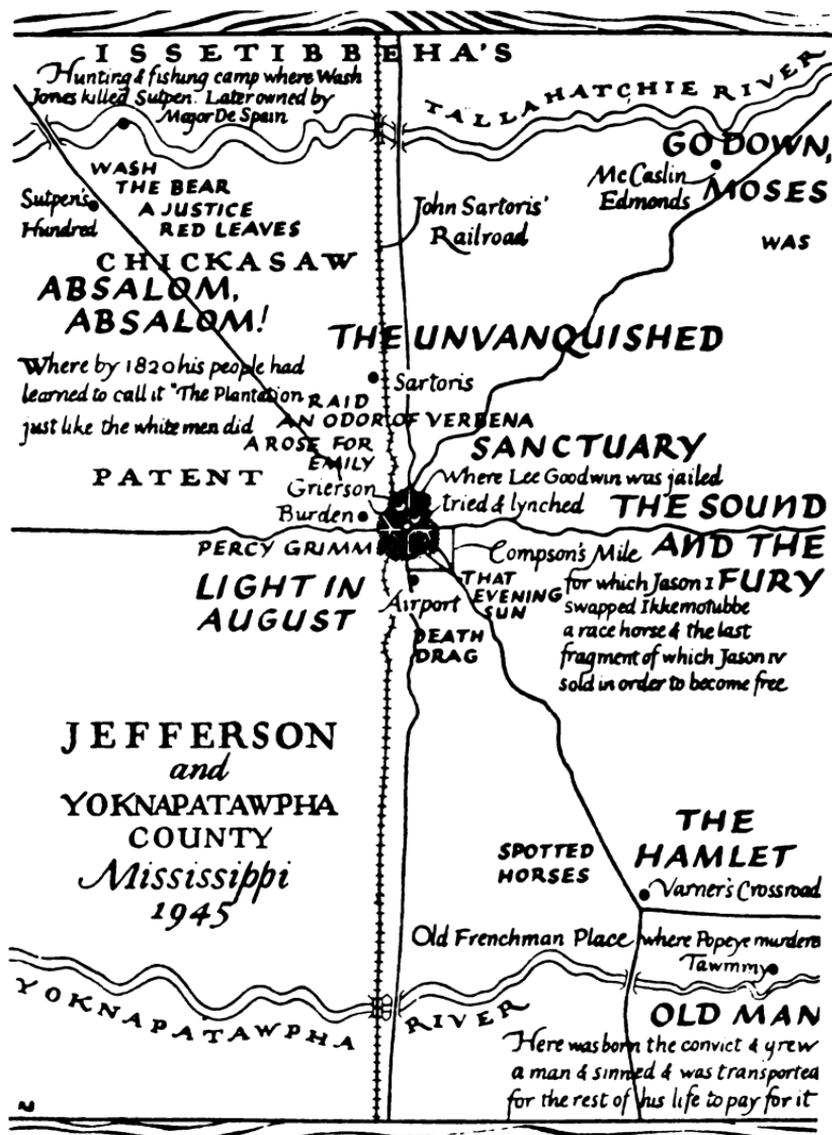
Во втором разделе коллекции И. Т. Хольтсмана — «Произведения» — мы знакомимся, в первую очередь, с книгами и документами, имеющими отношение к творческой мастерской творца Йокнапатофы. Эту часть экспозиции предваряет эпитафия из романа У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!»: «Расскажи мне о Юге. О том, что здесь нравится. О том, что они здесь делают, почему они здесь живут». Слова эти, конечно, не просто эпитафия к экспозиции. Они — девиз, а те книги, которые мы здесь видим, и есть воплощение этого девиза, творческого кредо писателя.

У. Фолкнер нередко возвращался к опубликованным текстам, внося в них те или иные изменения, иногда существенные. После смерти писателя издатели все чаще стали обращаться к ранним редакциям некоторых романов, открывая в них неведомые никому достоинства. Так было, например, с одним из самых жестоких и спорных романов У. Фолкнера «Святылище» (1931). На выставке представлен оригинальный текст этого романа, обнародованный в 1981 году издательством «Рэндом хауз» с предисловием и комментариями Н. Полка. (Успех, как известно, принес Фолкнеру не первоначальный вариант, отвергнутый в 1929 году издательством «Кейт и Смит», а новый, переработанный.)

Оригинальные тексты собраны и в книге ранней прозы и поэзии У. Фолкнера с рисунками самого писателя, увлекавшегося в молодости графикой. Однотомник, подготовленный К. Коллинзом, включает в себя практически все, что было написано У. Фолкнером в годы 1916—1935, в том числе его рецензии.

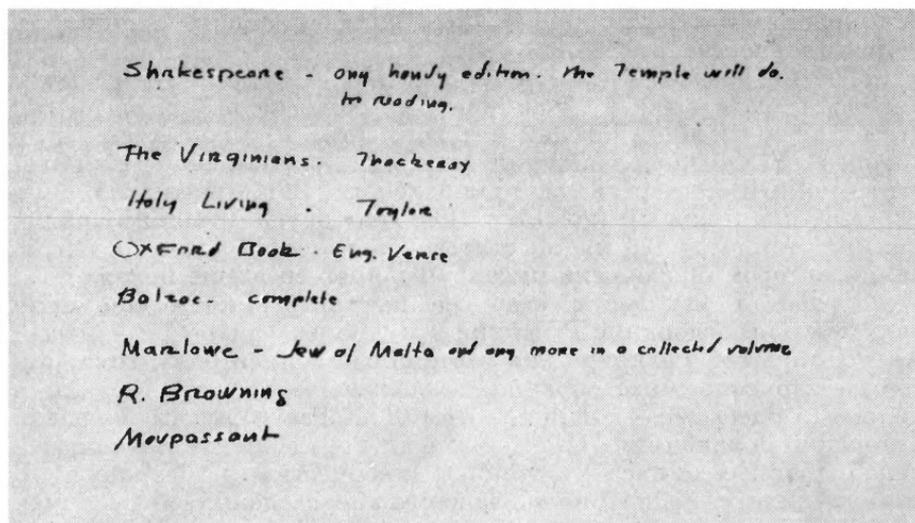
И. Т. Хольтсман показал несколько фотокопий автографов писателя, но также и подлинник — машинопись с правкой У. Фолкнера — сценария фильма, написанного У. Фолкнером в 1937 году по роману У. Эдмондса «Барабаны вдоль Мохока». Писатель долгие годы был связан с Голливудом, принимая участие в экранизациях собственных и чужих произведений, в том числе романа Э. Хемингуэя «Иметь и не иметь».

И. Т. Хольтсман привез и ряд первых изданий У. Фолкнера. Они малоизвестны и на родине писателя. Таковы сборники «Роза для Эмили и другие рассказы» с предисловием С. Комминса

Карта, вычерченная У. Фолкнером, на которой показаны места действия романов «Авессалом, Авессалом!», «Свет в августе», «Шум и ярость», «Деревушка» и других, ныне широко известных. Фолкнер писал так: «Йокнапатофа. Площадь около 2400 кв. миль. Население — 15 611 человек (белых — 6298, негров — 9313). Единственный владелец — Уильям Фолкнер»

Автограф У. Фолкнера. Перечень книг из библиотеки писателя

(1945), «Карманный Фолкнер» (1946) с предисловием М. Каули, критика — друга У. Фолкнера, первым расценившим его книги как «единый связанный рассказ», как «сагу» об американском Юге.

Фолкнеровская «сага» по мере выхода ее отдельных частей получила зафиксированное название — «Сага о Сноупсах» по имени главных действующих лиц романов «Деревушка», «Город», «Обособник». Сам писатель, приступая к «Деревушке», дал ей подзаголовок (как и последующим частям) «Книга о Сноупсах». Несколько изданий «Книги о Сноупсах» показано в американской части экспозиции, как, например, третье издание «Деревушки» (1956), характерное тем, что автор для него радикально переработал текст. «Город» в мягкой обложке (1961) привлекательно оформлен, хотя полиграфическое исполнение в целом уступает первым изданиям «Рэндом хауз», издательства, имевшего права на публикацию многих книг У. Фолкнера.

Почти все, что издано «Рэндом хауз», существует в фондах наших крупнейших библиотек. Стеллажи с десятками, а может быть, и сотнями книг У. Фолкнера, зачастую редчайшими (как, например, первые издания романов «Солдатская награда», 1926, «Шум и ярость», 1929, и других), продолжили экспозицию И. Т. Хольтсмана, существенно дополнив ее. Привлекают внимание иллюстрированные издания, в первую очередь оформленные

великолепным художником Э. Шентоном, сумевшим проникнуть в дух творчества писателя.

Третий раздел — «Смысл творчества» — представлен разнообразными работами о Фолкнере, в том числе статьями на английском языке советских авторов. Одна из первых статей, в которой У. Фолкнер получил высокую оценку как крупный современный мастер слова, принадлежит перу Арнольда Беннета. Этот влиятельный критик в 1930 году опубликовал в «Лондон ивнинг стандарт» (21 июня) статью о романе «Солдатская награда», в которой пророчески писал: «Фолкнер себя еще покажет». С этой работой мы знакомимся на выставке. Рядом еще один документ: исследование Р. Викри в журнале «Тайм» (1964, июль). Автор пишет о Фолкнере как о социальном писателе: «Йокнапатофа — это волшебное зеркало, позволяющее увидеть весь Юг в целом»... Здесь же — солидный том Л. Кокса «Уильям Фолкнер: авторский справочник» (1982) — хорошее пособие для литературоведов, занимающихся изучением творчества У. Фолкнера. В справочнике собраны библиографические сведения об изданиях произведений У. Фолкнера, о многих работах, посвященных писателю.

Представлена в этом разделе и коллекция документов ежегодных международных конференций «Фолкнер и Йокнапатофа», проводимых Миссисипским университетом с 1974 года. В 1982 и 1983 годах в них принимали участие советские ученые С. А. Чаковский, А. Ващенко, П. В. Палиевский. Их доклады представлены на выставке.

У. Фолкнер обладал обширной библиотекой, обзор которой приводится в одном из бюллетеней «Фолкнер и Йокнапатофа». Он собирал издания своих книг, отечественные и зарубежные, описание их занимает не одну страницу. Фолкнеровская коллекция книг отвечает строгому вкусу писателя; доминирующее место в ней занимала классика — от античности до начала нашего века. Назовем тех русских писателей, которые представлены в библиотеке У. Фолкнера: А. П. Чехов, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев и, конечно, Ф. М. Достоевский — на полках библиотеки писателя нашли место три издания «Братьев Карамазовых» и два издания «Преступления и наказания» в переводе К. Гарнетт.

Разнообразна литература о Фолкнере, представленная американским коллекционером. Можно лишь пожалеть, что он не показал документов, свидетельствующих о связях У. Фолкнера с Шервудом Андерсоном, — интереснейшая, но малоизвестная нам страница в биографии У. Фолкнера. Именно Ш. Андерсон, крупный прозаик, «живой классик», в 20-е годы одним из первых заговорил о «непомерно большом таланте» У. Фолкнера, кстати,

испытывавшем на себе сильное влияние Ш. Андерсона. Буржуазная критика в свое время фактически игнорировала мнение Андерсона,—она скептически отнеслась к художественным поискам У. Фолкнера. Писатель, преодолевая недоверие к его «непомерно большому таланту», слишком медленно входил в литературную жизнь страны. (Случай в чем-то сходный с судьбой другого великого американца XX века—композитора Чарлза Айвза.) Безоговорочное признание пришло к У. Фолкнеру лишь после присуждения Нобелевской премии...

«Смысл творчества» У. Фолкнера читатель по-настоящему может постигнуть, лишь углубившись в литературу о нем, щедро представленную советскими библиотеками. Это—книги, изданные по всему миру. Невозможно перечислить аспекты изучения творчества У. Фолкнера, затронутые в них,—это привилегия специалистов. Очевидно, что У. Фолкнер изучается сегодня повсюду в контексте мирового литературного процесса. Высказывание об У. Фолкнере, взятое нами из советской работы о писателе, выставленной на одном из стендов экспозиции, кажется в этом смысле убедительным: «Талант Фолкнера—удивительное и исключительно мощное явление в литературе XX века. Этот писатель был отмечен независимостью художественной мысли, неподвластной национальной, расовой, социальной и эстетической ограниченности, в пути которой попадали литераторы менее самобытные и цельные. В этом он походил на титанов Возрождения, умевших быть и глубоко национальными художниками и одновременно представителями Человечества».

...Переходим в зал, где демонстрируются советские издания произведений У. Фолкнера и литература о нем. Помимо тех, что упомянуты в начале нашего обзора, мы встречаем такие примечательные издания, как том У. Фолкнера в 200-томной «Библиотеке всемирной литературы», в полном смысле уникальное издание—«Собрание рассказов» У. Фолкнера в серии «Литературные памятники», подготовленное А. М. Зверевым (1977), множество других сборников и отдельных изданий. Конечно, не может не привлечь внимания посетителя выставки макет собрания сочинений У. Фолкнера в 6-ти томах, предпринятого издательством «Художественная литература».

На стендах множество журналов, в которых публиковались произведения У. Фолкнера, его статьи, письма, высказывания: «Иностранная литература», «Новый мир», «Звезда», «Сельская молодежь», «Дружба народов», «Вокруг света», «Ровесник», «Вопросы литературы».

Представительна витрина изданий У. Фолкнера на языках народов СССР. Здесь мы видим книги на украинском, грузинском, эстонском, литовском и других языках. Многие из них

оформлены красочно, проиллюстрированы с большим вкусом.

Отдельный стенд посвящен книгам и статьям об У. Фолкнере, написанным советскими исследователями. Посетитель выставки знакомится с работами Ю. В. Палиевской, А. К. Савуренок, Б. Т. Грибанова (монография в серии «Жизнь замечательных людей»), П. В. Палиевского, А. И. Старцева, М. О. Мендельсона, Д. В. Затонского, Е. А. Цургановой, А. М. Зверева, И. М. Левидовой и других. Вызвали интерес в этом зале и графические листы — иллюстрации Н. Г. Раковской к роману «Особняк» (1980).

Как известно, Советский Союз придает важное значение международному сотрудничеству в области книгообмена. Ежегодно в различных странах мира организуются сотни советских книжных экспозиций, прошли они и в ряде городов США. В свою очередь, в СССР в 1980-е годы с успехом были проведены выставки американской литературы, представленные издательствами «Академик пресс», «Харкурт брейс Джованович», «Плиnum паблишинг корпорейшен», «Джон Уайли энд санз». Московская книжная ярмарка 1983 года дала новый импульс советско-американскому «диалогу», который, к сожалению, не всегда поддерживается американской стороной.

И все же выставка «Уильям Фолкнер» — одно из свидетельств существования этого диалога. «Она должна утвердить нашу веру в основные ценности человеческой души, именно в то, что объединяет культуры советского и американского народов», — говорится в приветствии У. Ферриса, директора Центра изучения культуры Юга США при Миссисипском университете, посетителям выставки. Искренность и была чертой У. Фолкнера-гуманиста, высказавшего однажды если не пророчество, то слово надежды, с которым мы еще раз встретились здесь: «Я отказываюсь принять конец человека... Даже когда колокол судьбы ударит в последний раз, возвещая гибель, и последнее бесполезное эхо его пролетит и затеряется где-нибудь в последнем красном зареве на краю тьмы, и наступит мертвая тишина, даже тогда будет слышен один звук: слабый, но неистощимый голос человека, который будет продолжать говорить... Я убежден, что человек не только выстоит, но и восторжествует».

Следует отметить, что московская выставка, посвященная Уильяму Фолкнеру, получила высокую оценку и в печати США.

Антанас Дрилинга

ДВЕ НАДПИСИ
НА ТИТУЛЬНОМ ЛИСТЕ
КНИГИ ПАБЛО НЕРУДЫ

НАДПИСЬ ПЕРВАЯ. 1973

Маэстро Пабло Неруда,
Давно проснулись твои лесорубы
И крепко держат в руках топоры,
Крепко, как в сердце держат стихи.
Но вслед за песней любви и отрады
Опять, Неруда, звучит одна
Песня скорби и безнадежности,
На давнюю осень похожа она,
Песнь, которую юный поэт
Много лет назад, много лет,
Много десятилетий назад
Сочинил, нестерпимо страдая
От любви к одной индианке.
Сейчас любовь твою опечалили,
Сейчас любовь твою омрачили,
Нежную твою любовь — Чили.
Дает она счастье, терзает сердце,
Эта любовь не может сравниться
С той юношеской любовью,
С тою юношеской болью.
Велика любовь поэта к Отчизне,
Она живет в каждой кровинке.
Погибнет кровинка —
Живет страданье,
Живет страданье — поэт всех больше,
Поэт всех дольше страдать умеет.
Опять Отчизна твоя в тревоге,
Опять опасность ей угрожает,
Опять страдает
Маэстро Пабло.
О, как высекал ты в мгновенья счастья
Медным пером на камнях Чили
Свои сердечные письма.
Весь народ читал письма,
Врезанные маэстро Пабло
В неповторимые камни Чили.

Как порой письма забывались,
Как были похожи на кровоподтеки,
Как трепетало перо от гнева.
Опять, опять сегодня в опасности Чили,
Опять президент республики ищет
Выход в мучительном положении,
Из лабиринта опасного выхода.
И Пабло Неруда оружие поэта
На оружие дипломата меняет —
Это его помощь Отчизне,
В час опасности помощь Чили.
Враг твоей родины не понимает
Чудодейственной речи поэтов, —
Выстрелы — вот что его ласкает.
Вот почему наступает время,
Когда строки равны снарядам,
Когда поэзия выполняет
Высшую волю народа.
Маэстро Пабло, глазами сердца
Вглядываюсь в облик Чили,
В ее лицо светящейся меди,
В ее черты благородной чеканки,
К которым тянутся грязные руки,
Кровавые руки недругов Чили.
Но в меди есть ярости, гнева багрянец,
И этот багрянец — и есть тот пламень,
Который сожжет недругов Чили.
Гордый светящийся облик Чили,
Твердый восторженный облик Чили,
Как же идет к нему улыбка,
Улыбка той молодой индианки.
Я верю, маэстро Пабло Неруда,
Что та земля, что рождает поэтов,
Высекающая пламень из камня,
Земля в коричневых шрамах столетий
Будет свободной, будет свободной.
Потому что проснулись твои лесорубы,
Молчанье хранившие до поры,
Твои лесорубы,
Твои жизнелюбы,
Крепко держат в руках топоры,
С губ твоих получившие песни,
Пабло Неруда, они их поют.
Песни любви прозвучат повсеместно,
Славя Отчизну, молодость, труд.

НАДПИСЬ ВТОРАЯ. 1974

Я знал, что книги можно сжигать
И пепел их рассеять по свету.
Я знал, что поэту плюют в лицо,
Хотя плевок — это дело слабых,
Плевки не коснутся души поэта.
Я знал, что поэта можно сослать,
Но и в ссылке он сломлен не будет,
Ему на помощь — любовь к Отчизне,
И воля к жизни, и песнь о жизни.
Я знал, что можно лишит поэта
И чернил, и пера, и бумаги.
Однако и это его не подкосит.
И дух его окрепнет в отваге:
Строки свои он запишет кровью.
Я с тобой говорю, Пабло Неруда,
Как живой с живым, говорю с тобою.
Я знаю, что океанские ветры
Хозяйничают сегодня в доме,
В Исла Негро бесчинствуют ветры,
В доме, куда не вернется хозяин.
Я с тобой говорю, Пабло Неруда,
Хотя и знаю, что голос поэта
Уже никогда не услышат горянки
И никогда уже демонстранты
Тебя на руках носить не будут,
Они не знают, где твое тело.
Я с тобой говорю, Пабло Неруда,
Хотя и знаю, что новые строки,
Зеленого цвета чернильные строки,
Похожие на весенние травы,
Уже на бумагу больше не лягут.
Я с тобой говорю, Пабло Неруда,
Хотя твое имя убийцы твои
За железными прутьями замуровали.
Можно рукопись осквернить,
Можно тело твое осквернить,
Но никто не сумеет уже уничтожить
Твои письма на камнях Чили,
Начертанные твоею кровью.
Твои письма слились с чертами,
С морщинами на чилийской земле.
На любые пытки, любую смерть
Можно обречь поэта,

Однако смерть от него отпрянет,
Однако тлен его не коснется.
Поэт задумал и — гром грянет,
Поэт захочет и — мир встрепенется.
Пабло Неруда!
Вся планета
Видит сегодня: в облике Чили
Запечатлен облик поэта,
Не ищите его в могиле.
Поэзия — это вечное чудо...
Он врублен в скалы,
Он вписан в небо,
Он в людях мира, Пабло Неруда.

Перевод с литовского Льва Озерова

*Библиотека
и судно-
бонн*

Суть воспитания не приобретение, но употребление книг.

ПЛУТАРХ

Когда я вижу вокруг себя, как люди, не зная, куда девать свое свободное время, изыскивают самые жалкие занятия и развлечения, я разыскиваю книгу и говорю внутренне: этого одного довольно на целую жизнь.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Собирательство — чудесная, умная и правильная деятельность человека у нас, при советском строе.

А. А. СИДОРОВ

Н. Иващенко, Н. Коршунова

СОБИРАТЕЛЬ

Предисловие И. В. Поздеевой

Исполнилось 75 лет собирательской деятельности Михаила Ивановича Чуванова — одного из старейших и активных членов Общества книголюбов. Он был участником и других организаций, объединявших друзей книги, — начиная со знаменитого РОДК. 75 лет — срок громадный, но даже им невозможно объяснить притягательность личности Михаила Ивановича и его книжного собрания для самых разных по профессиям, образованию и интересам людей, как и то, почему именно это имя прочно вошло в плеяду имен самых известных библиофилов.

В чем же особенность книжного собрания М. И. Чуванова — ухтомского собрания, как его называют по месту, где живет собиратель? В чем неповторимая индивидуальность этого собрания? Какие субъективные факторы формировали его? Почему и как удалось Михаилу Ивановичу не только составить ценнейшее книжное собрание, но и самому стать его олицетворением — не фактом, а именно фактором нашей культурной и научной жизни? Как решается на примере коллекции Чуванова проблема сочетания собирательства и участия в общественном движении любителей книги?

Авторы книги, отрывки из которой вам предстоит прочитать, пытаются ответить на эти и многие другие вопросы, воссоздать некоторые эпизоды долгой человеческой жизни — жизни для книги, жизни в книге; раскрыть явление уникальное и одновременно типичное для нашей страны и нашего времени.

* * *

Когда я ищу причины, сделавшие ухтомское собрание заметным явлением в нашей культуре, — то нахожу одну из них, прежде всего, в его цельности. С первого взгляда это может показаться парадоксальным, поскольку собрание состоит из различных коллекций. Именно в решении проблемы — многообразие и цельность — и заключается главная особенность и одновременно ценность собрания Михаила Ивановича.

Казалось бы, в его доме собрано все, что имеет отношение к истории русской книги, — рукописи, от древнерусских манускриптов, которым более пятисот лет, до автографов М. И. Цветаевой и академика И. Э. Грабаря, от первых дофедоровских «анонимных» изданий середины XVI века до последних историко-филологических и книговедческих изданий.

Целостность собрания Чуванова, во-первых, объясняется тем, что оно отображает пятивековой период истории русской книги, и, во-вторых, — не книжной культуры вообще, а культуры московской.

Далеко не сразу выделились, сложились и были оценены, стали предметом особых забот Михаила Ивановича основные его коллекции, каждая из которых достаточно полно и интересно отражает определенный этап в истории нашей книжности.

Главное место среди них занимает значительная коллекция рукописных кириллических книг (более пятисот), в которой фактически представлены все жанры древнерусской литературы, — правоучительные и полемические памятники, повести, похвальные слова, жития, литературные сборники и многое другое.

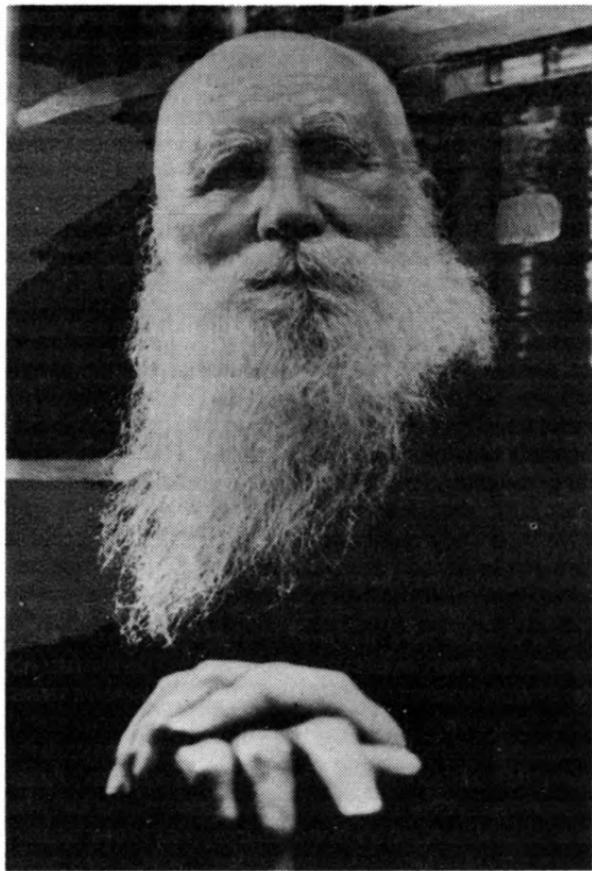
Вторая коллекция рукописей — автографы, машинописи, переписки, документы — отражает становление советской литературы и советского издательского дела в Москве с первых послеоктябрьских лет. Эти несколько тысяч гранок, рисунков, гравюр, программ — бесценный памятник сложных, блистательных, неповторимых лет молодой культуры. В коллекции трудно указать лакуны, назвать имя литератора, художника книги, так или иначе в ней не представленного.

Книги с автографами дополняют и продолжают собственно коллекцию автографов: за ними — бессонные ночи над рукописями, издательские волнения, поиски художника и редактора. Эти бесценные реликвии уводят нас в глубь истории литературной Москвы. «Московским» является автограф А. П. Чехова на «Сказках Мельпомены» — первой его книге, вышедшей в 1884 году, да и адресат — московский: И. А. Белоусов, поэт и переводчик, бывший портной, в будущем один из руководителей суриковского кружка, объединявшего московских поэтов-самоучек. «На Малую Спасскую, в дом Осиповой» другу поэту Г. Г. Бахману посылает Валерий Брюсов в октябре 1900 года новый сборник «Tertia vigilia» и пишет на нем целое стихотворное посвящение. Лев Толстой в октябре 1903 года надписывает только что вышедшую книгу «Мысли мудрых людей...» своему врачу В. А. Шуровскому. А еще дальше, к самому началу московского издательского дела уводят нас две других чувановских коллекции, одна из которых посвящена изданиям XVIII века, а другая — первым двум векам книгопечатания.

Коллекция кириллических изданий позволяет нам заглянуть в середину XVI века — когда появились первые русские книгопечатания, остающиеся для нас и сегодня «анонимными». Дофедоровское, так называемое «среднешрифтное» евангелие открывает эту коллекцию, воочию показывающую место и значение ранней московской печати в истории русской и славянской книги. Из 201 экземпляра древних книг, которые были у Михаила Ивановича к осени 1979 года — времени передачи их в фонды Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, 179 представляли 116 московских изданий XVI—XVII веков, вышедших из шести типографий. Львиная доля — 99 изданий в 159 экземплярах — продукция важнейшей из них — Московского Печатного Двора. Если снова напомнить о чувановской коллекции рукописной книги, значительную часть которой составляют памятники, возникшие или бытовавшие в Москве XVI—XVIII веков, становится ясным, насколько полно и интересно представлена в собрании именно московская ранняя книжность. Многочисленные записи на экземплярах книг доказывают, что большинство из них веками бытовали в самой Москве и Подмосковье или, уходя порой за многие тысячи километров — на Енисей, в Поморье, — снова возвращались в Москву. Книги, собранные Чувановым, в XVII веке принадлежали царю и царице, крупнейшему историческому деятелю того времени — Б. И. Морозову, жене его брата — прославленной боярыне Морозовой, известному полемисту и писателю Ивану Неронову... Одна из этих книг в 1654 году была в церкви, построенной в Москве «по обещанию московского государства всех православных... что в то время в царствующем граде Москве был на люди великий мор», вторая — в 1641 году была «на Петровке у старых багаделен», другие — «за Яузюю в старых Котельниках», «на Дмитровке», «на Кулишках», на Тверской улице...

Для понимания культурно-исторического значения книги и оценки ее конкретного экземпляра как исторического источника важно помнить, что книга, возникшая как осуществление духовных сил и материальных возможностей своей эпохи, становится фактором культурной, политической и духовной жизни эпох последующих. Нередко участие в жизни внуков и правнуков людей, создавших книгу, материализуется и доходит до нас в виде записей, помет, рисунков на ее

*Старейший книжник
Москвы — Михаил
Иванович Чуванов*

полях, рукописных и печатных дополнений. Все это и делает каждый экземпляр древнего издания неповторимым и ценным. Например, на книгах старопечатной коллекции Михаила Ивановича сохранилось почти 300 таких записей и более 250 из них сделаны русскими людьми в XVI—XVIII веках. Таким образом, ранние части собрания М. И. Чуванова могут рассматриваться нами в определенном смысле как часть территориального московского книжного собрания, отражающего историю кириллической книжности и близкого по типу к тем книжным коллекциям, которые в последние десятилетия составляют во время полевых работ ученые-археографы.

Однако наша характеристика собрания будет не полна, если не напомнить об еще одной коллекции, отражающей замечательный этап в жизни Москвы и отражающей его через иной тип печатной продукции — газеты. Вся напряженность и сложность борьбы за победу советской власти в самой Москве и в стране,

героика гражданской войны, голод и разруха, болезненная ломка старых устоев и романтика строительства нового общества, живоотражающий пульс героических дней — в этих старых листах желтой бумаги.

Коллекции, о которых шла речь, — только центральная, наиболее общезначимая часть книг Чуванова. Тысячи томов составляют, если так можно выразиться, периферию ухтомского собрания — они объясняют, дополняют, а еще точнее — помогают собирателю формировать, изучать и сохранять главное. Периферия — это справочники и литература по всем вопросам русского книговедения, истории и филологии, русскому и советскому литературоведению, искусству, художественная литература.

Вырастая на полках, эти книги формировали взгляды самого Михаила Ивановича, определяли и объясняли направление и рост его коллекций.

Несколько полок библиотеки занимают книги по русской палеографии, филигранологии, агиографии — без них не было бы столь представительной коллекции древнерусских рукописей. Почти целая полка — книги по истории древнерусской музыки, недаром именно певческие рукописи составляют заметную и ценную часть всего собрания рукописей Михаила Ивановича. Прекрасно подобрана справочная библиотека по истории старопечатной книги — тут труды А. С. Родосского, П. М. Строева, П. Каратаева, В. М. Ундольского, Ф. Титова и почти всех современных советских исследователей книги с их теплыми дарственными надписями.

Московская юность Чуванова совпала с напряженностью его духовных исканий, борьбой философских концепций, захвативших лекторов Московских рабочих курсов, усердным посетителем которых был Михаил Иванович. Позднее важнейшим разделом его библиотеки стали труды по истории философской мысли. Без них невозможно было бы понять содержание древних книг, литературно-художественную жизнь XIX и XX веков, историю русского искусства...

Эти и многие другие разделы собрания Михаила Ивановича не представляют что-то исключительное и редкое, но они позволяют почувствовать, как знакомство с новыми людьми, новыми идеями, новыми проблемами помогали собирателю в его деле. Ведь новые мысли, идеи, увлечения, влияния, прежде чем оставить свой след в собрании, должны были быть приняты или отвергнуты, но в любом случае признаны «достойными интереса» самим собирателем. В этом — причины тесной связи личности Чуванова и его детища. Связи прежде всего духовной, так как он никогда не собирал «все» — сначала не мог, а потом, понимая бессмысленность такого подхода, себе не позволял. Собирал же он постоянно только те разделы безграничного моря книжности, которые были ему, именно ему, близки и дороги.

Михаил Иванович — человек обаятельный, очень сдержанный, умеренный в разговоре, в выражении эмоций. При всей своей скромности он неизменно сохраняет спокойное, а с близкими — веселое или чуть ироническое достоинство.

Он всего себя отдает собирательству, находя «место» для нового прежде всего в своей душе, и только потом — на полках. Наверное, именно это и уберегло его от внутреннего старения, сохранило ту удивительную душевную молодость и активность, которая так в нем поражает. Сказываются эти черты Михаила Ивановича буквально во всем — в стремлении узнать новое, в неизменном интересе к людям, особенно к людям молодым. (Я только диву даюсь, как легко «приживаются» в доме «на Ухтомке» мои ученики — студенты-археологи и уже не теряют связи с его деятельным хозяином.)

Готова каталог, изданный затем ГБЛ (Коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М. И. Чуванова. М., 1981), все субботы, кроме нескольких экспедиционных недель, проводила я в гостеприимном ухтомском доме. И тогда по достоинству узнала и оценила труд, преданность делу и обширные знания хозяина.

Все эти три года Михаил Иванович был рядом — наблюдал, слушал, вносил уточнения в свои тексты, карточки. Мне хотелось все осмотреть, расспросить о

сотнях интересующих меня книг, людях, фактах, просто слушать хозяина дома... Хорошо написал об этом Чуванову друг—литературовед Н. С. Ашукин:

...Часы легко летят, как миги,
всегда, когда я вижу Вас,
и про автографы, про книги
Ваш снова слушаю рассказ...

Хозяину тоже не терпелось получить новую для него информацию. Но он ждал, когда я закончу работу и расскажу все сама. Долго ждать ему обычно не приходилось—мы оба сразу загорались новой, даже самой малой «находкой»—и далее работа шла «вслух».

С глубокой радостью вспоминаю я эти дни—и с глубокой грустью. Сколько замечательных историй могла бы я узнать тогда о дне вчерашнем... Но это был не мой удел—он выпал на долю моей ученицы, ставшей одним из авторов книги, главы из которой предлагаются читателю.

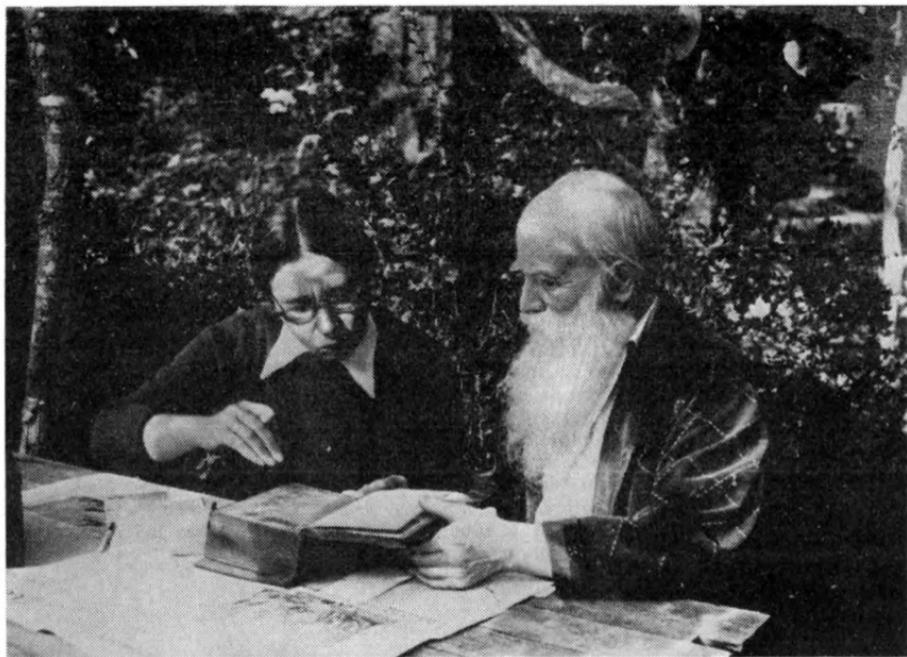
Я по-прежнему часто бываю в Ухтомской. И снова мы с Михаилом Ивановичем заняты—сесть и просто поговорить невозможно. Ведь передав в Библиотеку имени В. И. Ленина свои коллекции, он продолжает собирать, и в доме снова десятки рукописных и старопечатных книг. И опять приезд за приездом—определение и описание, уже для первой московской выставки «Русская рукописная и старопечатная книга в личных собраниях Москвы и Подмосковья». Для этой выставки Михаил Иванович предоставил в наше распоряжение все, что у него было,—смотрите и выбирайте. Было из чего и что выбирать! 28 памятников XVI—XIX веков из 95 представленных на выставке, в том числе несколько ее шедевров, например лицевые рукописные книги XVI—XVIII веков,—из собрания Чуванова.

* * *

Как удалося этому человеку—рабочему из крестьян—не только стать истинным интеллигентом, оказаться в среде крупнейших представителей культуры советской Москвы, но и достойно свершить свое замечательное и трудное собирательское дело? Почти абсолютное отречение, невероятная преданность главному делу—во всех жизненных ситуациях,—умение приносить, как нечто совершенно естественное, любые жертвы ради этого главного, упрямое непоколебимое упорство—нелегко это себе представлять!.. Но главное—каждый шаг этой жизни, каких бы жертв он ни стоил,—не потеря, а счастье приближения к мечте.

Однако сдержанность оставляет Михаила Ивановича, когда речь идет о судьбе его книг. Скорее к счастью, чем к сожалению, много лет я близко знала лишь одного крупного собирателя—Чуванова, и казалось мне все эти годы, что рассказы о людях, прячущих свои собрания и коллекции, придуманы журналистами. Однако, готовя московскую выставку рукописей и редких книг из частных собраний, узнала я с удивлением и огорчением, что справедливо это нередко даже по отношению к людям очень серьезным. И когда несколько собирателей, довольно известных библиофилов, чуть ли не теоретиков книголюбского движения, выступили против идеи добровольного учета личных книжных коллекций, поняла я истинную социальную и человеческую ценность собирателя типа Чуванова.

За множество лет я не знаю случая, чтобы Михаил Иванович не предоставил профессионалу нужный материал, не разрешил прийти снова, не дал нужную книгу или рукопись для работы домой. С радостью дает материалы журналистам, ученым, аспирантам, студентам. Сам всячески способствует введению в научный оборот и культурную жизнь собранных богатств. Безотказно отвозит самые ценные, уникальные экземпляры на выставки... и это продолжается уже многие десятилетия! Собрание Чуванова активно служит нашему обществу—научным, культурным, просветительским, пропагандистским целям...

*Археограф И. В. Поздеева и М. И. Чуванов
над книгой из коллекции собирателя. Ухтомская, 1960*

О судьбе своих коллекций он задумался давно, но решение этой проблемы не могло быть простым и однозначным — уж очень много в них вложено и слишком велика их ценность. Проблема обсуждалась много лет — предложения были одно выгоднее и почетнее другого. Пушкинский Дом, библиотека Академии наук СССР в Ленинграде, Новосибирск были готовы не только сразу приобрести все собрание, но и гарантировали в той или иной форме публикацию каталогов и целостность всех коллекций. Но в размышлениях Чуванова был главный аргумент, сильнее даже казавшегося ему совершенно обязательным — сохранения целостности собрания: любовь к Москве, понимание, что все его книги неразделимы с Москвой. Поэтому сам предложил свое собрание Государственной библиотеке имени В. И. Ленина... Именно там находятся почти все перечисленные мною коллекции. Непросто было с ними расстаться — и сегодня помнит каждую книгу. Ежедневно с нетерпением ждет, когда его книги войдут в оборот, будут использоваться, когда напишут о тех, что обработаны, приняты, вошли в каталоги общесоюзной книжной сокровищницы.

Помнит. Ждет. И снова ищет, собирает, изучает. Как много самых блистательных открытий и самых тяжелых утрат связано в истории нашей культуры с собирательством! Говорить о Чуванове и не сказать о значении собирательства в нашей сегодняшней жизни — невозможно. Точки зрения на его общественную роль резко расходятся, однако даже самые рьяные защитники

«собирательств» произносят свои слова с оговорками. Наверное, и я никогда не смогла бы так решительно формулировать и отстаивать то, что мне дорого, не стань я археографом и не пройди с коллегами тысячи километров, не столкнись с сотнями людей, сохранивших древние книги, которые ныне стали частью многих государственных фондов,— так и не сумела бы я вырваться из плена предвзятых, но пока общепринятых представлений. Но археографу доподлинно известно, как надо знать книгу, как трудно, но необходимо забывать об усталости, уметь найти ключ к любому человеку на твоём пути и, самое главное, никогда не прекращать, ни при каких сложностях не прекращать своего дела.

Проехав в поисках рукописных и старопечатных книг чуть ли не всю страну, убедилась я, что памятники столь древней, яркой, истинно народной, демократической, великой культуры не могут быть учтены, спасены и изучены только государственными и научными силами. Выполнить эту важную, колоссальную задачу можем только мы все— советское общество в целом. И не было еще в нашей истории периода, когда эта задача так глубоко освещалась бы и так последовательно, широко осуществлялась, как сейчас.

Две крупнейших общественных организации страны— Всесоюзное добровольное общество любителей книги и Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры— включились в это большое дело. Собственную немаловажную роль играют в нем собиратели— великие энтузиасты поиска. Без них обеднело бы не только наше знание прошлого, но, главное, обеднел бы сегодняшний день.

Интересы человеческие разнообразны и богаты, а сила человеческой страсти безмерна— они делают собирательство тем, чем оно есть, и еще больше тем, чем оно может стать для развития советской культуры.

Остается самая главная, самая сложная и трудная проблема— государственная, культурная, историческая, но прежде всего социальная— то есть общественная и каждый раз сугубо личная проблема судьбы собранного. Она, эта проблема, очень проста и зависит от множества факторов, почти всегда конкретных и индивидуальных, и невнимание к ней приводило и сегодня еще приводит к невосполнимым потерям.

Но сегодня, когда существуют, работают, прочно вошли в нашу жизнь и ВОО и ВООПИК,— эта проблема становится объектом еще большего внимания. Все это, я уверена, вызовет к жизни немало книг о собирателях, воспоминания о них, каталоги собраний и коллекций. И, несомненно, будет книга об академике М. Н. Тихомирове как о собирателе, и книга о члене-корреспонденте АН СССР А. А. Сидорове, которому посвящены многие страницы в этой публикации, и книга о... Но ведь не реестр славных имен нужен нам сейчас, а начало большого и важного дела: серии книг о тех, кто каждый по-своему воплотил старый и вечный девиз: «Жизнь для книги».

Уверена и в другом— любая из этих еще ненаписанных книг, а также и та, главы из которой публикует «Альманах библиофила», заставит каждого из нас задать главный, неизбежный вопрос себе самому: а как служат обществу мои книги? Что удалось сделать мне самому— собирателю, библиофилу, ученому— для нашей общей любви и заботы, общей страсти, общего знания— для книжной культуры России? Собрал ценную коллекцию... открыл неизвестное ранее издание... поделился богатством с сотнями других людей... написал нужную книгу... подарил книгу районному детскому дому или школьному музею... научил своих детей ценить и понимать такое простое и такое непостижимое чудо— книгу...

ОТ АВТОРОВ

Судьбы человеческой достанет не на одну книгу. Величайшая трудность для автора — выбрать из всего многообразия жизни самое важное, самое интересное. Особенно если эта жизнь объемлет почти целый век — и какой век! — если она включала множество лиц и событий, не безразличных для всех нас. Та же судьба, о которой пойдет речь, связана с историей интереснейшего книжного собрания, в какой-то мере воплощена в нем, — и это еще более усложняет задачу.

В своем повествовании мы решили идти от книги, от собирательства — к человеку: безусловно, это несколько обедняет образ нашего героя, но что же поделаешь... Остается рассчитывать на воображение читателей, которых Михаил Иванович Чуванов заинтересует не только как библиофил, но и как интереснейший, удивительный человек.

Публикуемые главы рассчитаны прежде всего на то, чтобы дать представление о Михаиле Ивановиче Чуванове как собирателе, познакомиться с его уникальной библиотекой, историей ее возникновения.

МОСКВА ПОСЛЕОКТЯБРЬСКАЯ

...Еще зимой, в конце 1917 года, приехав в отпуск, Михаил Чуванов узнал от дяди Ивана Васильевича Ильина о гибели своего первого книжного собрания. Вернувшись домой раньше племянника, Ильин застал опустошенный чулан: хозяйка Аксинья Антоновна все книги пустила на растопку.

— Пришел — а дети вроде подойти боятся... Я в чулан, а там...

Конечно, можно сказать: о чем жалеть, такое время было, люди больше теряли.

Однако понятия «больше», «меньше» — относительны. Для Ильина, рано осиротевшего, с восьми лет пошедшего «в люди», и для выросшего без отца Михаила, также рано начавшего самостоятельную жизнь, книги были всем: домом их души, поэзией жизни, ее смыслом. Они собирали книги не от безделья и не от избытка свободных денег, собирали, отказывая себе во всем, не имея и не желая другого «имущества». Книги были «вратами учености» — той самой учености, которой они оба, умные и одаренные от природы, недополучили в жизни.

Сколько же надо отрывать от сердца: и красным с золотом томик — подарок вельяминовского писаря к окончанию школы, и нелегальные, с таким трудом и риском добытые издания, и многотомную «Историю русского искусства» Игоря Грабаря —

Михаил Чуванов (слева) в годы первой мировой войны

предмет долгих мечтаний... Да ее толстые мелованные листы не только не годятся на растопку—еще сколько дров изведешь, чтобы их сжечь. Конечно, у Аксиньи Антоновны с мужем свои счеты, быть женой книголюба—нелегкая доля, но такими методами дела не поправишь.

Итак, нужно начинать все сначала. Теперь есть опыт, определились в общих чертах интересы, да и связи среди букинистов сохранились: в этом мире пока что мало перемен, вот только цены стремительно меняются. Книги дешевы как никогда—предложение явно превышает спрос. Пока что Михаил просто бродит по городу, навещает знакомых, приглядывается. Нужно срочно становиться на ноги, подыскивать хоть какую-то работу.

С работой трудно, большинство предприятий города простаивает из-за отсутствия топлива, сырья, электроэнергии, тысячи людей оказались без дела.

Михаил Чуванов — рядовой огромной армии безработных — ежедневно наведывается на биржу труда и получает стандартный ответ: запросов нет. От этого времени сохранилось в его личном архиве удостоверение, выданное московской общегородской кассой безработных.

Перебиваясь случайными заработками, Михаил Чуванов планомерно продолжает то дело, которое не оставлял и в армии: собирает все газеты — московские, петроградские — любые, какие удастся достать, а также листовки, спецвыпуски, бюллетени — все эти «моментальные снимки» стремительно бегущего, переполненного событиями времени.

С утратой библиотеки страсть собирателя не только не угасла, но разгорелась жарче. Комната его, вначале непривычно пустая, постепенно вновь начинает наполняться всевозможной печатной продукцией. Обычно спокойная река книжной торговли неожиданно вышла из берегов, в нее хлынуло сразу множество ручьев из частных библиотек, уже ненужных владельцам, поспешно уехавшим... Другой причиной книжного половодья был недостаток покупателей — кто же покупает книги в такое трудное, голодное время? А вот Михаил Чуванов покупает — конечно, когда удастся как-то заработать хоть немного денег. Много и не надо, книги баснословно дешевы, но даже и эти небольшие деньги бывают не всегда. Поэтому основное внимание приходится уделять периодике. Но не только поэтому. Инстинкт собирателя подсказывает ему: книги были и будут, книги долговечны, живучи, а вот эти бесчисленные, выпорхнувшие внезапно, как стайка бабочек-поденок, и столь же недолговечные газетки — это примета времени. Они исчезнут без следа и забудутся. А без следа исчезать ничто не должно — таково его глубокое убеждение.

Впоследствии именно газеты и листки первых лет революции составят интереснейший раздел собрания Михаила Ивановича Чуванова. И хотя эта коллекция в значительной части состоит из отдельных разрозненных номеров — в целом она создает картину бурной, своеобразной жизни тех лет.

За один только 1917 год здесь соседствуют мирная воскресная «Брачная газета», «Бюллетень революции» от 1 марта и от того же числа «Бюллетень совета рабочих депутатов», и петроградский «Вестник временного правительства», и «Ведомости комиссариата московского градоначальства» (за август).

Сохранил Михаил Иванович и экземпляры «Правды» тех дней — центрального органа РСДРП.

В том же году ежедневная газета «Война и мир» выпускалась «беспартийной военной группой», «Всероссийский церковно-общественный вестник» — петроградской духовной академией, «Земля и воля» — партией эсеров, «Анархия» — соответственно,

анархистами, «Москвич-избиратель» — партией «Народная свобода», «Народный социалист» — партией «трудовиков», «Московский день» — группой беспартийных журналистов... Газета «Мысль», выходившая по понедельникам, — «орган трудовой интеллигенции», «Наша воляность» — ежедневная казачья газета, «Свобода и жизнь» — «орган индивидуальной мысли»... И это лишь малая часть газет, выходивших в Москве и Петрограде. А в коллекции встречаются и газеты других городов: «Архангельск», «Астраханский вестник», «Бакинская жизнь», «Голос Калуги», «Елецкий рабочий», «Голос юга» (Елисаветград), «Вперед» (Владикавказ)...

Иные газеты представлены в коллекции лишь первым номером (не просто единственным, а именно первым) — в этом случае велика вероятность, что второго не было совсем: на издание накладывался запрет. Иногда запрещенная газета «воскресала» под другим названием, чтобы вновь прекратить существование на первом номере...

Отдельно стоит сказать о собственно газетах-однодневках, экстренных выпусках, листках, посвященных какому-либо событию — их тоже немало в коллекции Чуванова, выпущенных в разные годы и по разным поводам, как, например, однодневная газета «День печати» в пользу жертв войны (три выпуска, 1915 год), «Дни займа Свободы в Москве» (бесплатный выпуск, 1917 год) или «Новогоднее счастье», выпущенное в Москве «Благотворительным обществом попечения о беспризорных детях в лице В. Гиляровского, Н. Гиляровской, Н. Морозова» за 31 декабря 1912 года; «Дневник» — экстренный выпуск несуществующей газеты от 1 апреля 1918 года, предпринятый Л. И. Лушниковым, или экстренный бюллетень РОСТА о победе пролетарской революции в Германии; «Против угрозы войны» — однодневная газета федерации советских писателей (1927) или «Подвиг во льдах» — однодневная газета Президиума Осоавиахима (1928)...

В то время много продавалось книг из национализированных частных собраний. Национализации подлежали все собрания, нажитые чужим трудом и не требующиеся хозяину по роду его основных занятий. Директиву — кому, сколько и каких книг можно оставлять — написал В. Я. Брюсов, которому было поручено это деликатное дело. Конфискованные книги шли на комплектование фондов публичных библиотек, библиотек учреждений — по их профилю, — частью же поступали в продажу. Склад, как вспоминает Михаил Иванович, был на Сенной. Туда приходили «холодные» книжники — в основном молодежь — и подбирали себе товар.

Книги по-прежнему продаются в Москве на тех же традиционных местах: на Моховой, на Никольской, на Кузнецком мосту,

на Сухаревке — в магазинах, на лотках, прямо на земле. Особенно много «холодных», торгующих «развалом» на расстеленных рогожках, было на Лубянской площади, вдоль Китайгородской стены и у Ильинских ворот. Книги часто подбирались по простейшему принципу: все в одну цену. Стоит такой продавец и расхваливает товар: «Любая книга — пятнадцать копеек».

Позже, в двадцатых годах, особенно популярными стали книжные базары на Тверском бульваре. Цены на базарах и «развалах» оставались сравнительно низкими, хотя и упорядочились, в них появилась определенная логика. Чуванов вспоминает, что многотомное академическое издание «Истории русского искусства» Грабаря, пользовавшееся спросом в любое время, он приобрел по пятьдесят копеек за выпуск, и как раз на Тверском бульваре.

Более солидные торговцы имели на улицах, в подворотнях домов книжные шкафы и ларьки, запирающиеся на ночь.

Что же касается книжных магазинов, то они в те годы были самые разные: частные (старые и новые), кооперативные, государственные. Лишь после нэпа книжная торговля полностью перешла к государству.

Тем временем подвернулась работа — в 4-й типографии Моссовета. Здесь Михаил Чуванов избирается секретарем завкома, возглавляет группу рабочего контроля над предприятием. В его архиве сохранилось интересное удостоверение, выданное администрацией 4-й типографии, о том, что тов. Чуванов М. И., работающий в типографии в качестве метранпажа, «стоит на платформе советской власти, что подписями и приложением печати удостоверяется».

Если положение безработного предоставляло почти неограниченный досуг для «латонического» знакомства с книжным рынком, то постоянная работа дала наконец возможность начать закладку фундамента нового собрания — естественно, за счет удовлетворения более прозаических нужд. С самыми скромными средствами — при наличии необходимых познаний и знакомств и при великолепной дешевизне и изобилии книг — можно было преуспеть в собирательстве. Иногда не требовалось и денег — достаточно было предложить человеку пару-тройку поленьев для его «буржуйки» взамен собрания сочинений Тургенева, с помощью которого тот рассчитывал обогреться (как горючий материал книги представляли определенную ценность).

Книжный рынок живет и дышит. Какие исторические бури пронесли над Москвой — а здесь все те же лица: Фадеев и Астапов, Чумаков и Державин... Букинисты рады знакомому, не прочь побеседовать — торговля идет не бойко, — охотно выполняют заказы и поручения старого клиента. Самое время осуще-

М. И. Чуванов (стоит третий слева) — рабочий типографии «Мысль печатника». Москва, 1920-е годы

ствлять давние мечты: на каждом шагу встречаешь «раритеты», спрос на которые резко упал, а также прежде недоступно дорогие альбомы и монографии... Счастливый и гордый, как удачливый рыболов, несет метранпаж Михаил Чуванов домой бережно завернутую «Русскую старину» И. Снегирева, «Путеводитель по московской святыне» Д. Струкова, альбом Н. Рериха — он заглядывался на них еще до войны, да не по карману были.

Чрезвычайно интересное зрелище представляли собой кооперативные книжные магазины и лавки. Они появились в первые послереволюционные годы и приобрели большую популярность. В 1918 году в Леонтьевском переулке (ныне улица Станиславского) была открыта Книжная лавка писателей. По ее примеру создавались и другие. Открывали их на паях литераторы, букинисты и вообще люди, непосредственно связанные с книгой. Обычно пайщики сами и стояли за прилавком, что, безусловно, увеличивало популярность магазинов.

В 1920 году на Тверской улице, рядом с Моссоветом, появилась книжная лавка «Содружество писателей», созданная литера-

туроведом Ю. Айхенвальдом, философом Г. Шпетом и писателем В. Лидиным. На Большой Никитской (ныне улица Герцена) находилась книжная лавка работников искусств, там же была и книжная лавка поэтов-имажинистов, руководимая Есениным, Шершеневичем и Мариенгофом, а также бывшим владельцем издательства «Альциона» А. М. Кожебаткиным и библиофилом Д. С. Айзенштадтом.

Парадокс времени: при избытке книг — книжный голод. Целые массивы старых книг утратили читателя, новых же книг выпускалось крайне мало — из-за нехватки бумаги и типографий. Преимущественным правом пользовалась периодика, но и газет не хватало. Остро ощущалась нужда в дешевых изданиях классиков, современных писателей и поэтов.

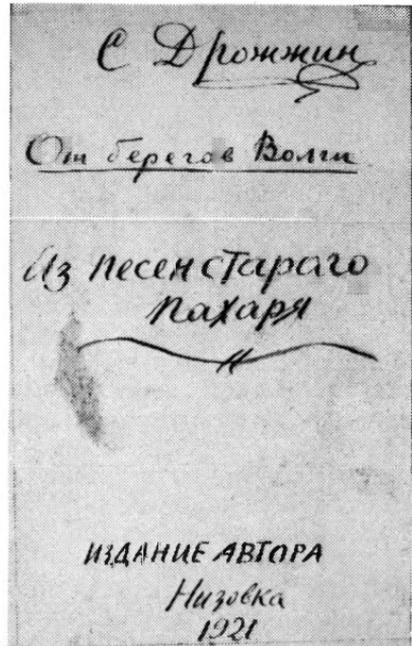
Тогда-то и появились в витринах кооперативных лавок рукописные книжки, «издаваемые» в одном-двух экземплярах самими авторами. Обычно это были самодельные маленькие тетрадочки, исписанные, а иногда и разрисованные автором от руки. Книжки хорошо раскупались любителями автографов, хотя и стоили сравнительно дорого.

«Сначала это издание, — вспоминает один из совладельцев лавки писателей М. Осоргин, — носило характер шутки, но потом оказалось, что такая книжка может подкармливать автора, и многие занялись этим серьезно. „Издано“ было около 250 книжек тридцати трех авторов и все до одной были проданы...»

Одну из таких рукописных книжечек приобрел и Михаил Иванович Чуванов — сборничек стихов «От берегов Волги» крестьянского поэта Спиридона Дрожжина (1921).

В то время он особенно интересовался фольклором, древнерусской литературой и искусством. Среди его приобретений — «Сказания русского народа» И. Сахарова (1836—1837), «Калики перехожие» П. Бессонова — все шесть выпусков (1861—1864), семь томов «Великорусских народных песен» А. Соболевского (1895—1902) и много других изданий, столь желанных для любителя родной старины. Но здесь мы несколько забежали вперед — необходимо вернуться в холодную, голодную, тифозную зиму 1918/19 года. После пожара, уничтожившего 4-ю типографию (поговаривали, что сжег ее сам директор, чтобы скрыть растрату), Михаил Чуванов работает в Полиграфотделе Московского Совета народного хозяйства. Пригласил его сюда давний знакомый еще по дореволюционному профсоюзу печатников З. М. Балакин, он предложил Чуванову должность инструктора. Фактически в обязанности Михаила Ивановича входит принимать и разбирать оборудование национализированных частных типографий. Работа не требует квалификации и не представляет интереса, она скорее подошла бы старичку в валенках со связкой

Обложка рукописной книги поэта
С. Дрожжина. (Из собрания
М. И. Чуванова)

ключей на поясе, чем двадцатичетырехлетнему, квалифицированному, полному энергии и широко образованному полиграфисту. При этом работа почти не кормит: с продовольствием положение в Москве крайне тяжелое, купить что-либо почти невозможно, обменять на вещи сложно, голод даже в деревнях. С наступлением весны горожане выходят в одичавшие парки и ближние рощи собирать всякую съедобную зелень.

Неожиданно подвернулось дело, сразу захватившее новизной и размахом.

Встретившись как-то в Доме журналистов со знакомым — Дмитрием Ивановичем Бразулем, — Чуванов узнал, что готовится к отплытию по Волге и Каме агитационно-инструкторский пароход «Красная Звезда», что на пароходе должна быть типография и что он, Бразуль, в качестве заведующего производственным отделом РОСТА как раз занят комплектованием ее штата.

Долго уговаривать Чуванова не пришлось. Он никогда не плавал не только на агитационно-инструкторском, но вообще ни на каком пароходе: в своей недолгой еще жизни путешествовал только по военным надобностям. А тут открывалось сразу столько

возможностей: работать по специальности, при этом плыть по Волге на агитпароходе в обществе людей чрезвычайно интересных. Активным участником поездки была Н. К. Крупская.

Инициатива организации специальных бригад и отправки их на агитпоездах и пароходах в разные концы страны исходила от самого В. И. Ленина. Задача их состояла в помощи местным органам советской власти, в разъяснении населению политики советского правительства и партии большевиков. В 1918—1920 годах было оборудовано четыре агитпоезда и агитпароход «Красная Звезда» — с книжным магазином, кинопередвижкой, радиостанцией и типографией.

Поездка на пароходе «Красная Звезда» была удачей из удач в жизни Михаила Чуванова. Он оказался среди людей ярких, значительных; даже у самых молодых из них оказалась за плечами удивительная, полная высокого смысла жизнь: они боролись, утверждали свое понимание справедливости, страдали за убеждения. Их работа имела цель. На происходящее они смотрели с какой-то особой, вершинной точки, с которой видно далеко во все стороны...

А потом была новая поездка. В ожидании ее было решено выпускать информационный бюллетень — малоформатную и малотиражную газету «Стенная РОСТА». Возглавлял ее упоминавшийся уже Дмитрий Иванович Бразуль (Брушковский) — один из организаторов РОСТА, энергичный и обаятельный человек, талантливый журналист.

В другом отделе РОСТА работал в то время Владимир Маяковский, оформлявший «Окна РОСТА» с художниками Д. Моором и М. Черемных. Их злободневные карикатуры со стихами Маяковского, выставленные в витринах на Тверской, привлекали внимание прохожих.

«Стенная РОСТА» печаталась в бывшей типографии Алмазова в Милютинском переулке. С электричеством нередко бывали перебои, вернее сказать, ток давали изредка, в остальное же время набирать газету приходилось при свечах, а печатную машину крутить вручную.

В типографию часто заглядывал Маяковский, которого связывали с Бразулем приятельские отношения, случалось — помогал уставшим рабочим вертеть маховое колесо. Потом отправлялся на квартиру к Бразулю — тот жил в доме напротив типографии. Через какие-нибудь полчаса из окон третьего этажа разносился, пугая прохожих, раскатистый бас: «Готово!» — это Маяковский звал полиграфистов обедать. Разумеется, никто не ждал повторного приглашения. Поднявшись к Бразулю, все с аппетитом уничтожали пшеничную кашу из концентрата, картошку в мундире и горячий морковный чай...

Впоследствии Михаилу Ивановичу Чуванову доведется еще не раз встретиться с Бразулем по работе — в «Гудке», в «Рабочей газете»... Неугомонный, веселый, легкий, обладавший, казалось, неисчерпаемой энергией, способный сутками работать без сна, сохраняя обычную свою доброжелательность и превосходное настроение, Бразуль был блестящим знатоком газетного дела. Он мог писать на любую тему, в любом жанре, пример тому — выпущенный им журнал «К солнцу», в котором все — от стихов до антирелигиозной статьи и от юморески до некролога, посвященного В. Володарскому, а также переводы — сделано одним человеком под различными псевдонимами. Вышел лишь первый номер журнала: денег ли не хватило или иссяк энтузиазм, только второго не было. Этот единственный номер с автографом Бразуля и две его статьи — о Лермонтове и о первопечатнике Иване Федорове — хранятся в собрании Чуванова.

Что касается Маяковского, то в это время Михаилу Чуванову случилось видеть его не только в типографии и у Бразуля, но и в Кафе поэтов во дворе Георгиевского переуллка, что находилось рядом с нынешним Домом Союзов (дом, где помещалось кафе, не сохранился — сейчас на его месте школа). Ходил туда Чуванов с новым знакомым, писателем Валерием Санчовым. Стены кафе были расписаны футуристическими рисунками, потолок — стихами. Есть там не предлагали, да никто и не спрашивал, курили, читали и слушали стихи. Среди разношерстной публики действительно попадались поэты: Василий Каменский, Вадим Шершеневич, Василий Казин... Кроме Маяковского видел там Чуванов и Сергея Есенина, уже известного и любимого за певучие, такие простые стихи.

А тем временем в Мытищах (Моск. обл.) готовился в долгий путь агитпоезд «Красный Восток». Чуванову поручено оборудовать вагон с передвижной типографией всем необходимым. Впервые такого рода типография вместо маленькой «Американки» оснащена плоскочечатной машиной — это даст возможность выпускать газету большого формата.

Жизнь типографского рабочего, с ее правильным течением и твердым распорядком, и даже — напряженная, хлопотная в период подготовки к рейсу, оставляет время для другой, параллельно текущей жизни «искателя сокровищ». В этой, второй, правят страсти, случаются сказочные удачи, но в ней есть своя логика. Она захватывает человека и не отпускает — каждый настоящий коллекционер знает это по опыту.

И трех лет не прошло, а место погибшей библиотеки заняла новая, едва ли не бóльшая и уж во всяком случае более ценная, подобранная толково и со знанием дела.

По случаю отъезда сына Евдокия Антоновна переезжает в

Усады, в старый дом. Вместе с ней должны отправиться туда и книги, на вывоз которых уже получено специальное разрешение Моссовета.

То, что книги — вещь в обиходе редкая, лишний раз доказывает переезд. Возчики, зашедшие оценить положение, просто не приняли их в расчет в качестве груза — и вместо пяти заказанных подвод пригнали три. Когда же погрузили всю библиотеку, лошади буквально не могли стронуть с места тяжелые возы. Хозяину спешно пришлось решать, что взять, а что оставить — и это было мучительной задачей. Забрать удалось едва ли половину библиотеки, с таким трудом, любовью и жертвами собранной.

В пути, когда не удалось преодолеть большой подъем, возчики побросали в придорожную канаву еще часть книг. Евдокия Антоновна, ехавшая с обозом, сделать ничего не могла. А хозяин остался в Москве — готовиться к отъезду в Среднюю Азию.

Агитпоезд был организован прекрасно. Как и на «Красной Звезде», здесь были книжный магазин и склад, один вагон оборудован под кинозал, еще в одном располагались выставки — санпросветовская и охраны материнства и младенчества.

Перед коллективом стояли неотложные задачи: пропаганда агромелиоративной политики советской власти, организация школ, клубов, библиотек, создание комсомольских ячеек, агитация за раскрепощение женщин Востока. Все эти вопросы были связаны с деятельностью только формирующихся органов советской власти.

Газета «Красный Восток» выходила на русском и местных языках.

Коллектив агитпоезда работал в тесном контакте с местными организациями, с литераторами и работниками культуры. В альбоме Чуванова в числе прочих оставили свои автографы бывший нарком просвещения Татарской республики А. Ахмадиев, редактор ташкентской газеты Агиев; киргизский поэт А. Юсупов вписал в альбом свое стихотворение «Песнь о соколе». Молодой журналист А. Тивель — приятель Михаила Чуванова, за время поездки изучивший несколько местных языков, — оставил в альбоме теплые слова: «Твое достоинство в том, что ты умеешь быть простым и интеллигентным. Славный ты, Чуванов».

Именно это свойство Михаила Ивановича Чуванова — простота без панибрательства, ровный тон в обращении — привлекали в нему сердца самых разных людей.

Из поездки удалось Чуванову привезти для своей библиотеки некоторые книги и брошюры, на взгляд библиофила-эстета, совсем не привлекательные, но как полиграфическая продукция первых лет и даже первых месяцев советской власти представляющие несомненный интерес.

УЛИЦА СТАНКЕВИЧА, 7

После возвращения в Москву Михаил Чуванов несколько месяцев жил в доме Федора Яковлевича Мишукова — гравера и чеканщика. Жил Мишуков с семьей на Ирининской улице, преподавал в художественно-промышленном училище неподалеку от Типинского рынка. Позже писал статьи и пособия по своей специальности (одна из его статей опубликована, в частности, в четвертом томе «Декоративного искусства»).

— Хорошо там жилось?

— Внучка там у него была... хорошая девочка. Дружили. Думал — поженемся.

— И что же?

— Да закрутился совсем с работой. Переехал в типографию, день и ночь занят — ничего не помню. Очень увлекся...

Чтобы герой наш не казался чересчур уж неживым, рискуем добавить, что это была не единственная романтическая история, закончившаяся таким образом. Он вовсе не был бесчувственным сухарем, но в нем всегда была потенциальная возможность «закрутиться», увлечься до самозабвения каким-нибудь новым делом. И девушки это чувствовали — всегда чувствовали, что не могут полностью завладеть им даже на время. Двум сильным страстям не ужиться в человеке, а одна у него уже была — книги.

Немного позже, в эпоху нэпа, когда многие накинулись на позабытые «радости жизни» после строгого «поста», он тоже попробовал из любопытства «прожигать жизнь»: ездил на бега на «дутиках», посещал игорный клуб возле сада «Аквариум» (у него сохранился даже членский билет этого клуба). Не понравилось. Это был не тот азарт; чтобы зажечься им, нужно было спуститься на несколько ступенек вниз, а это было не в его натуре. Только — вверх.

С работой же вышло так: сначала думал отдохнуть недельку-другую, съездить в деревню, заняться домом. Но на другой день после приезда встретил Сашу Борщевского — работника Полиграфотдела МСНХ, старого приятеля, — который предложил сразу возобновить работу по приемке типографского оборудования. (Для Михаила Чуванова он был «Сашей», Александр Борщевский, — работник типолитографии «Кушнерев и К^о», знаменитой Кушнеревки, известной своими революционными традициями, лидер рабочих в дни октябрьских боев, член Московского Совета и МК РСДРП(б), председатель ВРК Городского района. Именем Борщевского в 30-х годах было названо Полиграфическое училище.)

В первый момент Чуванов хотел отказаться, но, уступив

просьбе Борщевского, все же сходил, посмотрел, что и как. А через несколько дней уже приступил к исполнению обязанностей завскладом оборудования национализированных частных типографий. Склад находился в бывшей типографии газеты «Русские ведомости» в Большом Чернышевском переулке (ныне — улица Станкевича).

Конечно, наборщик Чуванов (как, впрочем, должно быть, и переплетчик Борщевский, и многие другие полиграфисты) предпочел бы работать по специальности. Но из трехсот национализированных частных типографий Москвы было к тому времени восстановлено и кое-как работало тридцать четыре.

Среди царившей разрухи на восстановление остальных не было ни сил, ни средств. Не было топлива, с электричеством случались перебои, большая часть рабочих разбрелась из голодной Москвы по деревням, кормилась от земли.

Посоветовавшись со своим помощником Михайловым, наборщиком из Петрограда, Чуванов отправляется в Полиграфотдел и предлагает Борщевскому: пусть он предоставит им полную свободу действий, а они берутся без отрыва от основной работы, без всяких дополнительных расходов смонтировать и привести в рабочее состояние типографию «Русских ведомостей».

Разумеется, от такого подарка Полиграфотдел отказываться не стал.

С этого момента — и надолго — Чуванов «закрутился». Не сразу удалось достать необходимые части к некомплектному оборудованию. А пока привели в порядок все машины и само помещение типографии, прошел не один месяц. Медленно и трудно мечта воплощалась в действительность.

Наконец наступил день, когда новая — 35-я типография была готова к работе. Заведующим был назначен Михаил Иванович Чуванов.

В этих хлопотах как-то незаметно кончилась осень, наступила зима. На пороге — 1921 год, четвертый год революции.

Заказчики не заставили себя ждать. Первым был редактор «Гудка» С. Б. Урицкий — брат руководителя петроградского чека, погибшего от рук эсеров.

Готовить типографию к работе было трудно и хлопотно, но и после пуска ее легче не стало.

— Вместо приводных ремней — веревки, трансформаторы горели, — вспоминает Чуванов. — Монтер у меня был Морозов, жил недалеко, на углу Тверского бульвара — я его в ночь по несколько раз будил. Так и работали втроем, все сами делали, всю работу.

— Тяжело?

— Весело. Сами хозяева, сами рабочие, никто не перечил.

Число заказчиков быстро растет. Вскоре типография печатает десятка полтора периодических изданий, в том числе газеты «Гудок», «На вахте», «Текстильщик», «Медработник», «Учительскую газету», некоторые журналы.

Увеличивается и штат: занимают свои места у машин наборщики, печатники, но дел у заведующего не убавляется.

Это было блистательное время в жизни скромных профессиональных газет, когда в редакциях толпились, острили, писали передовицы, фельетоны, стихи будущие классики советской литературы.

В пятидесятых годах, работая над книгой «Начало неведомого века», Константин Паустовский при посредничестве журналиста и искусствоведа В. М. Лобанова брал у Михаила Ивановича подшивки тех давних газет,—более ста наименований!—восстанавливая забытые подробности, псевдонимы и самый дух времени. Книга с автографом автора есть у Чуванова.

— А тогда, в двадцатых годах, вы не были знакомы с Паустовским?

— Видал, конечно. Они же все у меня в «Гудке» гужевались: и Булгаков, и Ильф, и Олеша (он произносит «Алёша»), и Шкловский... Это уж потом они начали греметь, а тогда кто их знал?

Он говорит «у меня в „Гудке“», как «у меня в саду». И дело тут не в занимаемой должности заведующего, мало ли кто чем заведует—сегодня одним, завтра другим,—а в том, что типография эта была его детищем, он создал ее своими руками, знал в ней каждый винтик, сам подбирал штат и мог в случае нужды сам подменить любого из рабочих, его же заменить было непросто, что впоследствии и обнаружилось. Он жил в типографии—и буквально, и фигурально—и чувствовал себя хозяином в том прекрасном смысле, в каком мы призываем каждого труженика быть хозяином: рабочего—на заводе, крестьянина—на земле. Хозяин живет своей головой, заботится об успехе дела, о добром имени, не тащит, не суетится, не торопится выполнять указания, лишь бы отчитаться...

Михаил Иванович был хорошим хозяином, и дело развернул широко, и беспокойную работу свою любил.

В редакциях московских газет Чуванов встречает «дядю Гиляя», давнего знакомого—В. А. Гиляровского. Узнать его было нетрудно—он мало изменился, те же пышные казацкие усы, совсем седые, на характерном запоминающемся лице. Сам Гиляровский, конечно, никогда бы не признал в коренастом мужчине с рыжеватой бородой—заведующем типографией—своего юного знакомого-книголюбца из чаеразвесочной. Однако нескольких слов оказалось достаточно, чтобы найти общий язык.

Цепкая репортерская память Гиляровского и в старости сохраняла множество лиц и событий. Продолжение разговора они перенесли на квартиру Гиляровского, куда теперь в свободную минутку стал заглядывать Чуванов.

Там, в Столешниках, он познакомился с семьей Владимира Алексеевича, в частности, с его зятем Лобановым — энергичным и общительным человеком, впоследствии — автором воспоминаний «Столешники дяди Гиляя».

Небольшая типография живет большой жизнью страны. Все новости, прежде чем стать достоянием читателей, обсуждаются здесь. Если прежде газета была всего лишь приятным дополнением к завтраку, то теперь она — хлеб насущный. И как хлеба, газет не хватает. В Музее истории и реконструкции Москвы можно увидеть плакат того времени из витрин РОСТА: «Товарищи, газет у нас мало...», стихотворный текст которого, написанный Маяковским, клеймит неосознательного служащего, уносящего домой учрежденческую газету.

Не хватает всего. В стране на исходе запасы топлива и металла, мал продовольственный фонд. Производство зерна в 1920 году составило половину от урожая 1913 года, но и его не представляется возможным своевременно доставлять в города, так как грузооборот транспорта невелик. Стоят трамваи, промышленность разрушена, улицы не освещаются, водоснабжение не функционирует... Это все не относится к числу новостей — это действительность, к которой люди успели как-то притерпеться, приспособиться, а новости — вот они: 19 марта 1921 года на сессии ВЦИК М. И. Калинин сообщил о подписании мира с Польшей. С его подписанием ликвидированы все внешние фронты. Это — главное, теперь, наконец, измученная страна может спокойно заняться восстановлением хозяйства, залечивать раны двух войн. 23 марта публикуется постановление Президиума ВЦИК о замене продрозверстки натуральным налогом. Страна переходит к новой экономической политике.

И в первый же мирный год — новое бедствие. Наиболее важные сельскохозяйственные районы страны поразила засуха, неурожай в Поволжье, на Украине и Северном Кавказе. На помощь голодающим приходит вся страна, мобилируются все резервы. На закупку зерна за границей пущен весь небольшой золотой запас страны, рабочие в выходные дни работают в фонд помощи голодающим, крестьяне по крохам собирают продовольствие. 1921 год прошел под знаком борьбы с голодом. Об этом времени напоминают в собрании Михаила Ивановича Чуванова два номера газеты «Помощь», отпечатанные в 35-й типографии (третий номер не был отпечатан и сохранился у Чуванова в корректуре — это один из чувановских «уников»).

Кажется, никогда еще жизнь не была так полна, так разнообразна: работа, которой и одной хватило бы за глаза любому для заполнения жизни, книги, старые и новые друзья, круг которых как раз в это время начал заметно расширяться...

И это не все. По выходным — в деревню, где строится на месте развалившегося старого новый дом, большой, красивый, резной. Пусть, наконец, мать, столько намыкавшись по чужим углам, поживет по-человечески. Да и книгам в новом доме найдется место. Есть и еще одна причина торопиться с завершением нового дома: все к тому, что быть в нем свадьбе. Тем более, что дом этот и познакомил молодых: ходил его хозяин в Кузьмино к кузнецу заказывать скобы, костыли и все, что нужно для стройки, а у кузнеца дочка красивая, Катя...

Свадьбу сыграли в Усадах. На родню и знакомых, надо думать, произвели впечатление полученные приглашения: на бристоальском картоне, с тонкой золотой виньеткой.

Когда Екатерина Авивовна предпочла новому дому в Усадах тесную комнатку в Большом Чернышевском переулке при типографии, едва ли она отчетливо представляла себе характер мужа, его жизнь и свою роль в ней. Первые же месяцы изменили многие ее понятия. Например, о том, что если человек работает ночью, то, значит, днем он должен отдыхать. И о том, сколько книг человеку нужно, и какое место они занимают в семейном бюджете... Сказать родным в деревне — не поверят: жена заведующего типографией едва сводит концы с концами. Дверей в книжные магазины она просто боится — хоть мимо не ходи. Тянет туда мужа как магнитом. Заглянет «на минутку» — и снова приходится возвращаться домой одной.

А дома тоже все не как у людей. Вот вроде бы стоит комод, прикрыт донизу полотняным накомодником. А приподними уголок — никакого комода нет, вместо него — книг наложено. И по всем стенам — одни книги, даже над столом нависает полка, того и гляди упадет.

Вернется муж из магазина — опять под мышкой сверток. Развернет и уткнется, ничего не видит, ничего не слышит, на вопросы не отвечает. Что за обед, как приготовлен — даже не заметит. Все вечера — на каких-то лекциях, ученых заседаниях, а зачем ему — ведь он не ученый, и ничего на этих заседаниях веселого нет. Уклад его жизни действительно «холостяцкий» — так он ее построил, и женитьба тут мало что изменила.

В 1922 году поэт Н. Мешков организует на кооперативных началах издательство «Земля и фабрика» (ЗИФ). Первые книги издательства — «Запретный Кобзарь» Т. Шевченко и повесть А. Демидова «Жизнь Ивана» — прошли через руки Чуванова в 35-й типографии, а экземпляры с автографом издателя заняли

место на его полках рядом с книгой стихов самого Мешкова «Четыре времени года».

Среди других заказов был и «Календарь сценических деятелей», составленный артистами Малого театра М. И. Комаровым и П. П. Ломоносовым-Лучининым. С Комаровым Чуванов был знаком и раньше, а со времени выпуска календаря началась их многолетняя дружба. Они были земляками—оба из Хатунской волости, но дело, конечно, не в этом. Сблизило их общее увлечение: оба—страстные книголюбы. Правда, сферы их книжных интересов не совпадали (Комаров собирал главным образом книги по истории театра), но это, пожалуй, было и хорошо: между ними сразу завязался оживленный обмен—и книгами, и информацией. Эта дружба много дала Чуванову.

Комаров был человеком образованным, разносторонним: искусствовед и литератор, режиссер и актер, он в свое время окончил вместе со Всеволодом Мейерхольдом трехгодичные Музыкально-драматические курсы Филармонического общества по классу В. И. Немировича-Данченко, играл сначала в провинциальных, потом в московских театрах. Большой поклонник драматургии Островского, он стал его биографом, устройтелем выставок, посвященных его творчеству.

Комаров писал статьи об искусстве для газет и журналов, до революции был сотрудником «Русского слова», издававшегося Сытиным. В сборнике «Полвека для книги», посвященном 50-летию деятельности И. Д. Сытина, есть и он на фотографии среди сотрудников театрального отдела газеты. На экземпляре этой книги, хранящемся в библиотеке Чуванова, рукой Комарова написано: «Михаил Иванович, как приятно встречаться с помнившими Ивана Дмитриевича и уважающими его полезную деятельность. Спасибо Вам. Сотрудник „Русского слова“, артист драмы Комаров».

Что же касается артиста Ломоносова-Лучинина, то ему Михаил Иванович обязан одним интересным автографом. Свою первую книгу рассказов, вышедшую в 1901 году в Петербурге в издательстве «Знание» и посвященную Алексею Максимовичу Пешкову, дарит «многоуважаемому Петру Петровичу Ломоносову» Леонид Андреев. Первая книга для автора особенно дорога, и если он подарил ее актеру Ломоносову-Лучинину (происходившему, между прочим, из того же рода, что и «архангельский мужик» Михайло Ломоносов),—значит, были на то веские основания.

Много лет спустя автограф Леонида Андреева занял свое место на полках bibliофила Чуванова рядом с автографами Бунина и Куприна, Телешова и Гиляровского. Все они были хорошо знакомы между собой, можно даже сказать, дружны. И

тут же, рядом,—автограф самого Льва Толстого, с которым все упомянутые были знакомы.

В 35-й типографии тем временем назревают перемены. Ею заинтересовался Трансиздат—и без больших затруднений отхлопотал типографию себе. Это не могло не сказаться на положении заведующего: Чуванов уступает руководство и теперь числится «ночным заведующим». Однако следом за актом сдачи типографии в архиве Чуванова идет акт приемки ее опять под свое руководство. Между этими документами сравнительно небольшой отрезок времени—всего несколько месяцев.

А вслед за тем—опять акт сдачи, уже другому лицу.

—...Наконец вся эта чехарда мне надоела, и я ушел в 13-ю к Балакину завпроизводством.

Нельзя сказать, что уходил он с легким сердцем. Сколько было вложено в 35-ю— времени, сил, души... Он привязался и к людям, и к месту, полюбил само здание в тихом переулке, из окон которого видны лепные украшения «дома Станкевича» и темная громада костела. Этого привычного вида, как ни странно, больше всего не хватало ему в комнате дома-коммуны рабочих 13-й типографии, куда пришлось переехать с семьей.

Двор дома номер семнадцать по Петровке отгораживается от улицы огромным зданием в стиле модерн. Справа и слева тоже многоэтажные дома, заслоняющие двор-колодец от солнца, а внутри тесно наставлены дома поменьше. Один из них—13-я типография «Мысль печатника», торцом к нему—дом-коммуна, или попросту общежитие; в то время еще держалась традиция: жить возле своей работы (или работать возле дома), традиция во всех отношениях хорошая—и для рабочих, и для предприятия.

Тесен мир: не так давно, кажется, расстались в 35-й с «Рабочей Москвой»—и вот опять довелось свидеться. Здесь же печатается и «Вечерка». Постепенно в 13-ю переключиваются и другие заказчики Чуванова.

Но основное в работе типографии—книги, главным образом художественная литература. Именно здесь появились у заведующего производством широкие возможности не только для знакомства с литераторами, но и для совместной работы с ними.

Труд полиграфиста и труд литератора связаны самым непосредственным образом. Они делают одно дело. Плод их совместного труда—чудо цивилизации—книга. Естествен их взаимный интерес: печатников—к тем, кто создает «душу» книги, писателей—к тем, кто облекает эту душу в плоть.

Литераторы, которым приходилось общаться с выпускающим 13-й типографии, всегда ощущали с его стороны живой к ним интерес. В свою очередь; многих из них увлекают беседы с Чувановым, его неожиданные и разнообразные познания. Так

завязываются знакомства, память о которых хранят автографы на книгах, выпускаемых типографией.

«Михаилу Ивановичу Чуванову... как чуткому администратору 13-й типографии» — адресована книга О. Мочаловой «Графика Дмитрия Соболева». «Другу писателей Михаилу Ивановичу Чуванову...» — дарит свою книгу «Записки рабочего» А. И. Свирский в 1925 году.

В середине 20-х годов на базе «Мосполиграфа» возникло кооперативное издательство «Недра», возглавляемое литератором и общественным деятелем, «искровцем» Н. С. Ангарским (Клестовым). Название его произошло от двадцатитомной серии сборников «Недра», вышедшей в «Мосполиграфе» под редакцией того же Ангарского и названной, в свою очередь, по известному рассказу С. Н. Сергеева-Ценского. Серию сборников «Недра» печатала 13-я типография. В ней вышли, в частности, первоизданиями «Железный поток» А. Серафимовича, повести и рассказы М. Булгакова, А. Неверова, П. Романова, Н. Ляшко...

Кооперативное издательство писательской артели «Недра» выпускало главным образом современную художественную литературу и объединяло различные писательские группы.

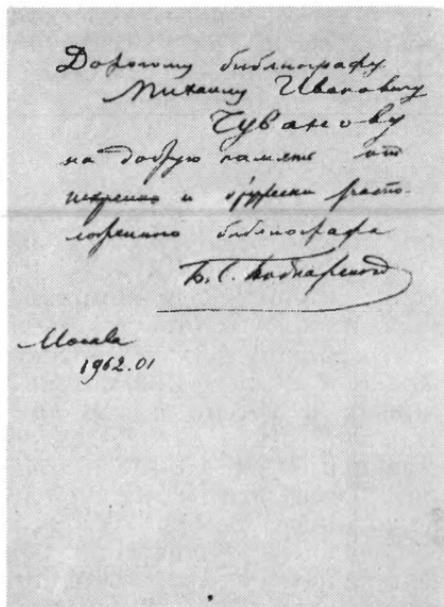
Издательство «Недра» стало одним из основных заказчиков типографии «Мысль печатника». Немногочисленный аппарат издательства состоял, помимо Н. С. Ангарского, всего из трех человек: писателя Б. Л. Леонтьева, бухгалтера В. Н. Попова и Н. П. Витман, которая выполняла большую часть работы по редактированию рукописей. В лице заводпроизводством 13-й типографии Н. П. Витман нашла единомышленника и прекрасного помощника. Михаил Иванович консультирует издательство в вопросах технического редактирования, используя для этого свободные вечерние часы. Процесс рождения книги, ее воплощения в материальную форму — зримую, осязаемую — всегда волнует его.

За сравнительно недолгий срок своего существования издательство «Недра» проделало огромную работу. Трудно переоценить его роль в период становления новой советской литературы. В нем вышли произведения, ставшие впоследствии нашей классикой. Десятилетия спустя небольшие книжки с маркой «Недра» все еще составляли заметную и ходовую часть фонда библиотек.

БИБЛИОГРАФЫ

Середина 20-х годов ознаменовалась для Чуванова еще одной встречей, имевшей для него чрезвычайное значение.

С давних пор была ему знакома фамилия Богдана Степано-

Фотография Б. С. Боднарского с дарственной надписью М. И. Чуванову

вича Боднарского. Для Боднарского библиография была делом всей жизни, которое выросло из горячей любви к книге. Он издавал «Библиографические известия» бесценно с 1913 года. С 1920 года он — председатель Русского библиографического общества при Московском университете. Он был также организатором и первым директором Всероссийской книжной палаты.

Издавать ежегодники он мог только благодаря содействию управляющего типографией Дмитрия Кузьмича Комкова, выполнявшего его заказы по самым низким расценкам. Таким образом, замечательное умение Комкова «сводить баланс» помогало издавать нужнейшее справочное издание.

В типографию «Мысль печатника» Боднарский пришел с предложением издать все те же «Библиографические известия», причем не за текущий год, а за пропущенные годы, когда печатать их не представлялось возможным.

Видимо, для тех, к кому прежде с этой просьбой обращался Боднарский, регулярная библиографическая информация не казалась необходимой, и он заметно волновался, пытаясь объяснить завпроизводством типографии Чуванову, какое это важное и нужное дело.

Однако, к радости Богдана Степановича, они быстро нашли общий язык. Так началось это знакомство. Чуванов делает для «Библиографических известий» то же, что в свое время делал Комков, то есть печатает их по себестоимости. Но на этом отношении ученого и типографа не кончаются.

Боднарский не был общительным человеком, путь к его сердцу лежал только через науку. О библиографии он мог говорить много и с увлечением, особенно если попадался внимательный и заинтересованный слушатель.

В библиотеке Чуванова появился новый раздел: каталоги, справочники, среди которых стали попадаться такие редкости, как «Каталог сочинений, составляющих русскую историческую и археографическую библиотеку» Н. Бокачева, его же «Типография Древней Руси», «Библиотека Российская, или Сведения о всех книгах в России с начала типографии на свет вышедших» епископа Дамаскина, «Материалы для истории цен на книги Древней Руси 16—17 веков» В. Адрианова... Для настоящего книголюба эти книги представляют интерес не только как справочные пособия—это всегда и увлекательное чтение.

Наконец, Боднарский решил, что его ученик может быть допущен в Русское библиографическое общество в качестве члена-сотрудника. Вступающий должен был представить на рассмотрение президиума Общества самостоятельную библиографическую работу.

Темой доклада Чуванов взял рукописные и старопечатные книги из своего собрания. Особый интерес представляла «Новая Пандекта», написанная в 1823 году апологетами старообрядчества С. С. Гнусиным и И. И. Федотовым в заточении, в Соловецком монастыре. Рукопись никогда не публиковалась. Сергей Гнусин, по словам писателя-современника Павла Любопытного, был наделен характером бунтаря. Ходили слухи, что он написал аллегорию на Александра I, за что и пострадал. Приговоренный к пожизненному заключению в Соловецком монастыре, этот «непокорный духом... злохульник» не успокоился и написал совместно со своим единомышленником Иваном Федотовым несколько книг, из которых основной—и по объему, и по значению—была «Новая Пандекта».

Доклад был со вниманием выслушан членами ученого общества. Надо заметить, что Библиографическое общество состояло главным образом из профессоров, крупных ученых; человека без университетского образования редко можно было встретить на его заседаниях. Стоит ли говорить, с каким волнением докладчик ожидал «приговора».

Ему задали несколько вопросов, и после ответов Чуванова Библиографическое общество пополнилось еще одним членом—скромным, аккуратно посещающим заседания.

В жизни Михаила Ивановича начиналась знаменательная полоса — близость с теми, кто создавал науку и литературу. Имена, прежде известные ему лишь по книжным обложкам, воплотились в живых людей.

Чуванов нередко появляется в деревянном особнячке возле Зоологического сада, где живет видный ученый Алексей Иванович Соболевский — специалист по славяно-русской палеографии, исследователь русского народного творчества, составитель семитомного собрания «Великорусских народных песен».

Соболевского явно заинтересовал молодой человек, который, не получив практически никакого образования, если не считать трех классов церковно-приходского училища и занятий на вечерних рабочих курсах, рискует тем не менее вдаваться в тонкости библиографии и палеографии — далеко не простых наук.

Соболевский не упускает случая проверить знания нового знакомого в разных областях. Как-то на выставке в Историческом музее, доверительно взяв Чуванова под руку, он подвел его к одной из витрин и стал расхваливать достоинства выставленных там старинных чернилниц.

— Действительно, хороши, — согласился Михаил Иванович, — только, кажется, это не семнадцатый век, как вы говорите, а восемнадцатый...

Соболевский рассмеялся, удовлетворенный ответом.

Был в Библиографическом обществе еще один член, также не имевший университетского образования, но пользовавшийся авторитетом большого знатока книги — Павел Петрович Шибанов, книговед и библиограф, крупный специалист по старопечатной и рукописной книге, знаток книжных редкостей, потомственный книготорговец.

Отец его, Петр Васильевич Шибанов, был известным букинистом, владельцем антикварного книжного магазина на Никольской улице возле Третьяковских ворот.

Как это было принято в старых купеческих семьях, Павел Петрович получил домашнее образование, основные же профессиональные знания приобрел, помогая отцу. После революции он стал работать в государственной книжной торговле, возглавил Антиквариат «Международная книга». Первоначально Антиквариат помещался на Рождественке (ныне — улица Жданова), а позже был переведен на Кузнецкий мост.

Михаилу Ивановичу приходилось встречаться с Шибановым на заседаниях Библиографического общества и Русского общества друзей книги, но это было обычное «шапочное» знакомство. Но вот Павел Петрович обратился в 13-ю типографию с просьбой помочь издать каталоги (кстати, замечательными каталогами Шибанова до сих пор пользуются товароведы и работники

букинистических магазинов). Известно, что Шибанов, как и Боднарский, приближал к себе только людей, по-настоящему преданных книге. Такого человека он и увидел в Чуванове.

Работа Антиквариата в то время состояла главным образом в приемке и разборке книг, поступивших из национализированных частных библиотек. Выкраивая по вечерам редкие свободные часы, Михаил Иванович ходит на Рождественку и помогает Шибанову в этой трудоемкой и кропотливой работе, проходя как бы практический курс истории книги. Много лет спустя он будет вспоминать часы, проведенные за работой среди этих книжных богатств, как едва ли не самые счастливые в жизни.

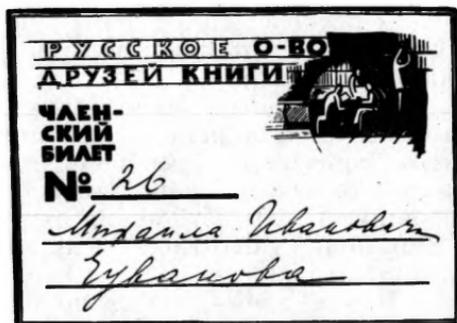
«Занятия» прекратились после перевода Антиквариата на Кузнецкий мост — магазин стал работать в обычные часы и никто уже не задерживался до ночи. Но незадолго перед тем своеобразный курс обучения завершился экзаменом. В Антиквариат поступили старопечатные книги и рукописи из собрания Викулы Морозова, богатого купца, брата знаменитого Саввы Морозова.

Вот тут и решил Павел Петрович проверить, на пользу ли пошли его уроки. Он предложил Чуванову самостоятельно разобрать и оценить привезенное. Задание было серьезное, однако за помощью к учителю ученик не обратился ни разу. Скупой на похвалы Шибанов работу принял без замечаний. Очень много дал Чуванову этот опыт: он научился с первого взгляда определять приблизительный возраст рукописи, ее качество, сохранность, датировать бумагу по филиграммам, давать достаточно полное и квалифицированное описание.

Но, по признанию Чуванова, Шибанов оставался для него недосягаемым образцом: он умел не только определить книгу, но и найти для ее описания такие слова, от которых, по выражению писателя В. Г. Лидина, у книголюбца «текли слюнки».

Еще одно усвоил Михаил Иванович от Шибанова: никогда нельзя полагаться на внешний вид книги или рукописи. В любом «мусоре», в стопке брошюр, в пачке перевязанных потрепанных листочков или тетрадей, могут оказаться крупницы золота — примеров тому было достаточно. Вот один только Чуванов в 20-х годах приобрел у бывшего владельца издательства «Альциона», а в то время работника Госиздата А. М. Кожебаткина, некоторое количество архивного «мусора», среди которого оказались письма Андрея Белого, В. Брюсова, Вс. Иванова, М. Кузмина и многое другое. В числе прочего там была ничем не примечательная на вид рукопись — пять сшитых листков из обыкновенной ученической тетрадки в обложке из серой оберточной бумаги: «Волшебство в поэзии Валерия Брюсова». Впоследствии выяснилось, что это — одна из ранних работ Марины Цветаевой. Рукопись прежде

Членский билет М. И. Чуванова —
 деятеля «Русского общества друзей
 книги»

не публиковалась и даже не была учтена в библиографии Цветаевой.

«ДРУЗЬЯ КНИГИ»

О существовании Русского общества друзей книги Чуванов узнал сразу по возвращении из Средней Азии. Организаторами его были В. Я. Адарюков, Д. С. Айзенштадт, А. М. Кожебаткин и А. А. Сидоров. Первое заседание Общества состоялось 20 сентября 1920 года. Вначале заседания проходили в помещении библиотеки бывшего Английского клуба (ныне — Музей Революции), позже — в Пименовском переулке неподалеку от «Кушнеревки».

Как замечает П. Н. Берков в своей книге «История советского библиофильства», «Русское общество друзей книги (РОДК) было самой крупной и яркой библиофильской организацией советских книголюбов 20-х годов. Оно работало интенсивно, разнообразно, интересно. Участники его по большей части люди богато одаренные, прекрасно образованные вообще и в особенности в области искусства книги; большинство их было в возрасте 30—35 лет, они отличались веселым остроумием и неистощимой изобретательностью. Поэтому заседания РОДК и ряд изданий... не только представляли научный интерес, но и привлекали своей жизнерадостностью».

Михаил Иванович Чуванов не помнит всех обстоятельств вступления в РОДК. Скорее всего это произошло в 1922 году, во всяком случае не позже 1923 года, поскольку заседания общества проходили еще в Пименовском переулке (с 1923 года они переносятся в Дом ученых на Кропоткинской).

Возможно, интерес к обществу возник после знакомства с его основателем и председателем В. Я. Адарюковым, с которым в те годы Михаил Иванович был соседом: Адарюков жил на улице Герцена, Чуванов — на улице Станкевича, жили они в двух

рядом расположенных домах на пересечении этих улиц. Михаил Иванович с удовольствием вспоминает совместные прогулки и беседы о книгах.

Характерный эпизод в их отношениях. Узнав, что Чуванов интересуется старопечатной книгой, Адарюков спросил, есть ли у него брошюра о старообрядческой типографии в Клинцах. Оказалось, что нет. И к следующей встрече Адарюков собственноручно переписал для Чуванова эту брошюру со своего экземпляра. Старинная галантность, в наш век почти исчезнувшая, к сожалению.

В свое время, служа по удельному ведомству в Петрограде, Адарюков работал под началом известнейшего библиофила Д. В. Ульянинского, который увлек его собирательством книг и экслибрисов. Впоследствии он оставил эту службу и перешел в Эрмитаж, в отдел гравюр и рисунков, а в 1919 году переехал в Москву.

Влияние Ульянинского было значительным в библиофильском мире, а приверженцы его собирательских принципов составили отдельное направление, для которого была характерна повышенная требовательность к внешнему виду и сохранности книги. Сам Ульянинский, как известно, отсылал обратно букинисту не совсем, по его мнению, безукоризненный экземпляр, даже если достать лучший не представлялось в то время возможным.

Сблизился Чуванов и с Н. Н. Орловым — известным книголюбом, владельцем уникального собрания книг по библиографии, замечательного не только своей исчерпывающей полнотой, но и изумительной сохранностью каждого экземпляра.

В течение десяти лет (1922 — 1932) Н. Н. Орлов был бессменным секретарем Русского библиографического общества, ближайшим другом и помощником Боднарского. Ему принадлежит свыше 170 трудов по библиографии, книговедению и экслибрисоведению, отличающихся образцовой точностью. Его собственная коллекция экслибрисов считалась в 20—30-х годах одной из лучших.

Так же, как и Боднарский, Орлов был активным членом РОДК в течение всего времени его существования.

Впоследствии основная часть собрания Орлова поступила в Фундаментальную библиотеку общественных наук. Это было в конце 40-х годов. Непосредственное участие в передаче собрания принимал Михаил Иванович Чуванов. В архиве Чуванова сохранилось около десятка писем Н. Н. Орлова.

Помимо профессиональных книговедов, в Общество входили и литературоведы — Л. П. Гроссман, М. А. Цявловский, искусствоведы Э. Ф. Голлербах, В. М. Лобанов, А. А. Сидоров, П. Д. Эттингер, А. М. Эфрос, художники-графики А. А. Круг-

лый, И. Н. Павлов, И. Ф. Рерберг, Н. С. Бом-Григорьева и представители других профессий.

Кроме действительных членов и членов-сотрудников в РОДКе выступали с докладами или чтением своих произведений гости Н. С. Ашукин, Андрей Белый, Д. Д. Благой, М. О. Гершензон, И. Э. Грабарь, Н. К. Гудзий, В. Н. Лазарев, Л. М. Леонов, В. Г. Лидин, М. М. Пришвин, И. Л. Сельвинский, В. А. Фаворский и многие другие. Имена говорят сами за себя.

Деятельность Общества сразу же захватила Чуванова. Практически каждую пятницу его можно было видеть в зимнем саду Дома ученых, на заседаниях РОДК.

В начале каждого месяца Общество устраивало книжные аукционы.

На заседаниях и аукционах РОДК завязывались дружеские отношения, иные из которых намного пережили само Общество.

...Если бы Михаила Ивановича спросили, когда он впервые услышал об Алексее Алексеевиче Сидорове,—он бы затруднился ответить. Это имя упоминалось в связи с деятельностью библиофильских обществ среди его знакомых-книжников еще перед первой мировой войной. Разумеется, в то время ученик наборщика в типографии и начинающий книголюб даже мечтать не мог о таком знакомстве.

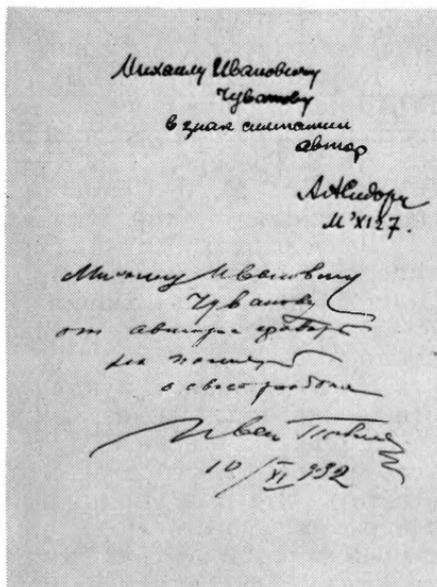
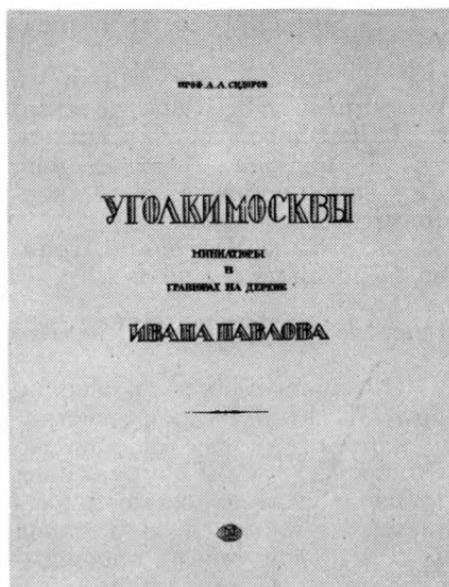
В 20-х годах, вступив в Общество друзей книги, бывая на заседаниях в Государственной академии художественных наук (ГАХН), Чуванов довольно близко сходитя с Алексеем Алексеевичем, заходит к нему домой и знакомится с его прославленной библиотекой, отражавшей разнообразие интересов владельца.

Блестяще закончив Московский университет по отделению истории искусств и археологии, многообещающий молодой ученый А. А. Сидоров был командирован в Италию, Австрию и Германию продолжить специальное образование, после чего был оставлен при университете на кафедре истории и теории искусств для подготовки к профессорской деятельности. В 1916 году он уже был профессором Московского университета, Архитектурного и Полиграфического институтов.

Еще со студенческих лет А. А. Сидоров начал печатать исследования по истории и теории искусства.

В 20-х годах, помимо преподавательской деятельности, А. А. Сидоров заведовал Гравюрным кабинетом Музея изящных искусств. Был он также ученым секретарем ГАХН.

«Ученый необычайно разнообразных знаний,—писал о нем один из активнейших членов РОДК С. Г. Кара-Мурза,—Сидоров... рисовал, гравировал, писал стихи, читал лекции и доклады, коллекционировал картины, гравюры, офорты, экслибрисы, книги и любил их почти плотскую, чувственной любовью».

Дарственные надписи А. А. Сидорова и И. Н. Павлова
на книге «Уголки Москвы»

Библиотека А. А. Сидорова, состоявшая почти из 30 тысяч томов, к концу жизни академика являла собой одну из самых замечательных книжных коллекций в стране. А. А. Сидоров обладал еще прекрасной коллекцией книжных знаков, которую он впоследствии передал Гравюрному кабинету Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

За время существования РОДК Сидоров прочитал в Обществе восемнадцать докладов. «Однажды,—вспоминает Кара-Мурза,—он поразил нас тематикой одного своего сообщения, казалось бы, совершенно несвойственного его научным интересам. В объемистом чемодане он привез с собой несколько десятков... английских романов, преимущественно детективных, и сделал интереснейший доклад о социальной психологии современной английской литературы. Так широк был диапазон научно-исследовательских тем талантливого искусствоведа».

По инициативе А. А. Сидорова РОДК установил у себя обычай устраивать в конце года обзоры книжной продукции. Издательства прислушивались к мнению Русского общества друзей книги, его оценки влияли на повышение художественного и технического уровня книг.

В архиве Чуванова имеется несколько рукописей А. А. Сидорова: стихи, проза, статья «Винкельман и история греческого искусства». Представляет интерес фрагмент коллективного романа — 16 страниц рукописного текста. Роман должны были написать по частям двадцать пять авторов, но замысел не был осуществлен, сохранился фрагмент, написанный Сидоровым.

У Общества друзей книги были свои летописцы, свои поэты и художники. Своя роль была и у Михаила Ивановича Чуванова. «Придворному печатнику РОДК...» — написал на одной из книг Чуванову «придворный издатель» общества П. Д. Эттингер.

Действительно, значительная часть пригласительных билетов, памяток и других «мелочей» РОДК печаталась у Чуванова и при его непосредственном участии.

Об этих «мелочах» хорошо сказано в предисловии к небольшой, прекрасно изданной книжечке «Наша библиография. 33 памятки Русского общества друзей книги. 1920—1925», изданной Д. С. Айзенштадтом и П. Д. Эттингером. В ней говорится о том, что ценность памяток и им подобных изданий редко понимают и помнят — в том числе и те, кто непосредственно занят их оформлением и изданием, а ведь «за каждой мелочью и безделкой, за каждым листком скрывается подлинно художественное творчество рисовальщика, гравера, мастера типографского искусства... Здесь использованы чуть ли не все способы современной художественной репродукции от простейшей цинкографии до редкого в наши дни офорта, от деревянной гравюры до автолитографии...»

Конечно, о членах РОДК нельзя было сказать, что они недооценивали «мелочи полиграфии»: к их оформлению привлекались крупнейшие художники, такие, как В. А. Фаворский, Н. И. Пискарев, А. И. Кравченко, Е. С. Кругликова, М. В. Матрин, И. Н. Павлов, И. Ф. Рерберг, Д. И. Митрохин... — блестящий и далеко не полный перечень имен.

В предисловии к библиографическому указателю изданий РОДК О. Ласунский пишет: «Высокий художественно-полиграфический уровень книг, брошюр, памяток и других изданий общества обращает на себя невольное внимание. Некоторые из них могут быть отнесены без всяких оговорок к лучшим образцам книжно-художественной продукции 20-х годов (а последние, как известно, остались в истории советской книги как эпоха расцвета подобной продукции)».

Михаил Иванович хранит значительное количество таких изданий, причем не только РОДК, но и других обществ — «Старой Москвы», «Чеховского», для которых он многое делал.

Итак, жизнь была заполнена до предела: ответственная и любимая работа в типографии, работа в качестве консультанта в «Недрах», встречи с литераторами, часы, незаметно пролета-

Художник-гравёр Иван Павлов.
Гравюра работы М. Маторина, 1926

ющие у книжных прилавков, и еще часы—за изучением и систематизацией приобретенного. По средам—заседания Библиографического общества, по четвергам—«Старая Москва». Пятницы отданы РОДК.

Все тесней и тесней становится в комнатке дома-коммуны, где живут Чувановы. От книг и подшивок буквально негде повернуться, они—везде: на полках, на подоконнике, под столом, стопками вдоль стен. Подрастающий сын проявляет к ним излишний интерес, а занятая хозяйственными заботами жена не может за ним уследить.

Решение разобрать и перевезти дом из Усад поближе к Москве Михаил Иванович принял уже давно, присматривал место, приценился.

Наконец подвернулся подходящий участок недалеко от станции Ухтомская по Казанской дороге—просторный, поросший соснами. Поселковый Совет потребовал, чтобы и дом был под стать участку—большой, красивый.

В этом хозяин участка вполне солидарен с поселковым Советом. Прежний дом нужно будет не просто перевезти, но и расширить, чтобы в нем могли удобно разместиться и мать, и растущая семья, и увеличивающаяся библиотека (книг уже собралось несколько тысяч).

Несмотря на самую строгую экономию, денег на строительство не хватало. И тут — к изумлению Екатерины Авивовны — пришли на помощь друзья мужа, эти чудачки-книголюбы, с виду совершенно «некредитоспособные», не имевшие зачастую приличного костюма, ходившие вечно в каком-то старье. С их помощью дело сдвинулось с места.

Февральским морозным утром, взяв отпуск на работе, он выехал в Усады. С транспортом и рабочими уже была договоренность. Старый дом разобрали, перевезли — и на участке в Ухтомской застучали топоры.

Михаил Иванович мечтал о доме наподобие васнецовского теремка. Однако считаться приходилось с реальностью: хозяин видит свой дом так, архитектор — иначе, а плотники исходят из наличного материала и своих привычных представлений. Результат — нечто среднее, однако это вполне красивый и удобный дом, а главное — просторный. Художник Г. В. Попов вырезал из березовой доски трех васнецовских богатырей, украшающих и ныне фронтон веранды.

У счастливых хозяев не хватило терпения дожидаться, пока дом будет закончен, — так и поселились под недостроенной крышей, благо дело шло к лету.

Для Михаила Ивановича наступили горячие дни. Его привычные к работе руки не знают усталости. Постепенно вдоль стен выстраиваются стеллажи — широкие, рассчитанные на два ряда книг: даже в новом просторном доме расставить книги в один ряд хозяин не предполагал.

Привезенные из Москвы книги сложены пока штабелями — ждут своей очереди. Разборка их идет медленно: ведь нужно сразу расставить литературу по разделам, попутно оформляя картотеку (для нее уже заказано специальное бюро). Пришла пора на практике применить свои знания библиографии и библиотечного дела.

Чуванов впоследствии вспоминал, какими короткими были те летние ночи: кажется, только стемнело — и вот уже рассвет, а спать некогда, пора на работу.

Беспокоили долги, хотя друзья с уплатой не торопили. Главное, расплатиться по векселям — ведь банк ждать не будет.

Михаил Иванович вспоминает, как отправился однажды с самыми благими намерениями в банк. На самом углу Кузнецкого расположился со своим столиком известный букинист Державин. Чуванов и подошел-то только поглядеть... А на столике — три тома «Волги» В. И. Рагозина с двумя атласами, отличной сохранности — и всего за восемьдесят рублей. В другое время у него просто не оказалось бы при себе таких денег, но сейчас в кармане лежат двести рублей, предназначенных на выкуп векселя.

Не хотелось даже и думать, чтобы упустить такую замечательную вещь. Рука сама потянулась к бумажнику — и «Волга», аккуратно завернутая, перекечевала со столика букиниста... в типографию, где ее припрятал до времени новый владелец, чтобы не расстраивать домашних.

МТП

Между тем в 13-й типографии — перемены. С ней сливается типография «Книгосоюза». Характер деятельности становится иным, сменяется администрация, и Чуванов переходит на работу в издательство МТП — Московского товарищества писателей (ныне «Советский писатель»). Еще раньше ему предлагали там должность выпускающего, теперь он решил этим предложением воспользоваться.

За время работы в МТП заметно пополняется тот раздел собрания Чуванова, который включает книги с дарственными надписями авторов владельцу библиотеки.

Каждый день приносит выпускающему издательства интересные встречи.

С Сергеевым-Ценским ему довелось познакомиться в один из приездов Сергея Николаевича в Москву из Алушты, где писатель жил постоянно.

Большинство книг Сергеева-Ценского выходило в издательстве «Прибой», но и Михаилу Ивановичу довелось ставить свою подпись на нескольких книгах писателя, в том числе на таких, как «Гоголь уходит в ночь» с иллюстрациями Н. П. Дмитриевско-го и «Мишель Лермонтов» с иллюстрациями Т. А. Мавриной.

На книге «Гоголь уходит в ночь» автор написал: «Дорогому Михаилу Ивановичу Чуванову с теплыми воспоминаниями о его работе над этой книжкой. С. Сергеев-Ценский». Позднее рядом с этими словами оставил свой автограф художник Дмитриевский.

Кроме того, сохранились у Чуванова письма Сергеева-Ценского.

С Николаем Сергеевичем Ашукиным — пушкинистом, историком литературы и библиографом — Чуванов познакомился еще в начале 20-х годов в обществе «Старая Москва», с удовольствием посещал дом на Серпуховке, где в просторном мезонине жили Ашукины. Одна из низеньких комнат — узкая, похожая на коридор — полностью отдана книгам. Здесь множество исследований о Пушкине, Некрасове, Тургеневе, Брюсове, Блоке, творчеством которых занимается Николай Сергеевич при активном содействии Марии Григорьевны.

В период работы в МТП Чуванов принимал участие в

издании двух книг Ашукина — «Живой Пушкин» и «Литературная мозаика».

Знакомство Чуванова с его семьей продолжалось много лет. Когда дом Ашукиных на Серпуховке был определен к сносу, Михаил Иванович принял самое непосредственное участие в хлопотах, связанных с переездом, помогал ликвидировать часть библиотеки, которую владельцы не могли взять с собой.

Переезжая, Ашукины подарили Чуванову овальный стол карельской березы, за которым Михаил Иванович обычно и работает.

В архиве коллекционера сохранились письма Н. С. Ашукина к нему, подаренные рукописи.

С уважением Чуванов относился к писателю А. С. Яковлеву — человеку удивительно разнообразных интересов, побывавшему в арктической экспедиции на «Малыгине», собравшему прекрасную коллекцию картин, написавшему немало хороших книг (издательство ЗИФ выпустило 12 томов его сочинений).

Михаилу Ивановичу приходилось работать с Яковлевым и даже выручать его из затруднительных положений. Об одном случае Чуванов вспоминает:

— ...Когда в «Недрах» выходил роман «Победитель», из него многое выкинули, а я, барахольщик, собрал и в свой экземпляр вложил. Потом, когда готовили собрание сочинений, нужен был полный текст, а у Яковлева его нет. Он звонит Витман, она говорит: если где и есть, то у Чуванова. Он меня нашел, обрадовался. Вышла книга в первоначальном виде.

«Дорогому Михаилу Ивановичу в знак искренней благодарности, А. Яковлев» — написано на пятом томе Собрания сочинений, в который вошел «Победитель».

На изданной в 1927 году книге «Без берегов» А. Яковлев оставил более пространную запись:

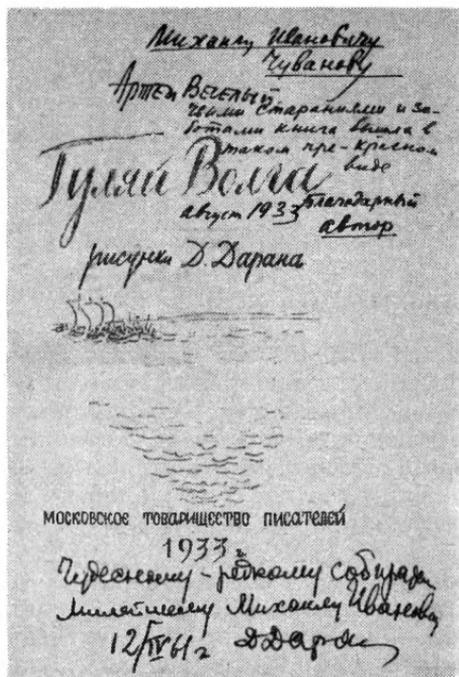
«Множество раз я убеждался, дорогой Михаил Иванович, в вашем хорошем ко мне расположении. Ваша дружба для меня радостна, — позвольте сказать Вам об этом со всей моей искренностью...»

С особым чувством вспоминает Чуванов о работе над книгой Артема Веселого «Гуляй Волга». А. Веселый — большой знаток народного быта и языка, яркий и своеобразный человек и писатель, среди книг которого особенно интересна «Россия, кровью умытая».

Бунтарский дух его книг захватил Чуванова — и при работе с рукописью он проявил немало энергии и настойчивости.

«Гуляй Волга», иллюстрированная другом Артема Веселого, художником Даниилом Дараном, была подарена ему с автографом писателя: «Михаилу Ивановичу Чуванову, чьими старани-

Автографы А. Веселого и
Д. Дарана на книге «Гуляй Волга»

ями и заботами книга вышла в таком прекрасном виде» и припиской художника: «Чудесному, редкому собирателю Михаилу Ивановичу».

У Михаила Ивановича сохранился также рукописный вариант этой книги, по поводу которого к Чуванову обратились много лет спустя дети Артема Веселого,— он до сих пор поддерживает с ними связь.

Пришло Чуванову работать и с А. С. Новиковым-Прибоем. Михаил Иванович принимал участие в издании знаменитой «Цусимы», после выхода которой, как вспоминает Чуванов, Алексея Силыча стали звать шутливо «Алексеем Цусимычем».

Одной из самых светлых встреч было знакомство с Мате Залкой, писателем, обаятельнейшим человеком, появление которого в издательстве каждый раз вызывало оживление.

Переброшенный с итальянского на русский фронт, попавший в плен в 1916 году, сражавшийся в рядах Красной Армии во время гражданской войны, член партии с 1920 года, бесстрашный командир 12-й Интернациональной бригады в Испании, изве-

стный как генерал Лукач, он геройски погиб, сражаясь против фашизма. Герои его книг были так же чисты сердцем и непримиримы ко злу, как он сам.

В память об этом удивительном человеке осталась у Чуванова его книга «Повесть о вечном мире» с прекрасным автографом: «Дорогому Михаилу Ивановичу Чуванову, крестному отцу моих книг. Матэ Залка».

Есть книги, которые ищут издателей, а есть такие, которые издатели ищут.

Узнав от Чуванова, что В. А. Гиляровский переработал и дополнил свою книгу «Москва и москвичи», выходящую в 1926 году совсем малым тиражом, директор издательства Г. М. Шульц обратился к Михаилу Ивановичу с просьбой — постараться получить последнюю редакцию рукописи для издательства.

Владимир Алексеевич в это время уже редко выходил из дома, но по-прежнему был общителен, все так же занимал гостей мастерскими рассказами.

Чуванов не мог не восхищаться Гиляровским. Обошедший за свою жизнь — беспокойную жизнь репортера — многократно все закоулки столицы, пролетевший над ней на аэроплане с воздухоплавателем Бергом, прошедший под ней по трубам коллекторов, он знал досконально быт всех слоев общества, был настоящей «энциклопедией московской жизни».

Стихи и поэмы Гиляровского пользовались значительно меньшей известностью, чем его статьи и рассказы. Однако его стихотворные экспромты и шуточные стихи «на случай» были популярны среди многочисленных друзей, а наиболее удачные из них широко ходили по Москве.

У Чуванова сохранилась памятка с портретом писателя и его коротким экспромтом:

Любитель книжкой старины,
Типограф опытный, московский,
Портрет мой — нет в нем новизны —
Прими на память.

Гиляровский.

Из других автографов «дяди Гиляя» хочется привести еще один — оставленный на титульном листе его ранней поэмы «Петербург»:

«Дорогой Михаил Иванович! В память наших всегда увлекательных бесед о литературе, а главное — о поэзии, прими, хранитель книжных редкостей, и эту библиографическую редкость, случайно уцелевшую у меня иждавшуюся лучшего помещения, в твое книгохранилище. Вл. Гиляровский».

Фотография и автограф В. А. Гильяровского

Михаил Иванович действительно большой знаток и любитель поэзии. На его полках — поэты-классики и современные поэты. Случайный посетитель обнаружит у него на столе раскрытую книжку, скажем, Беллы Ахмадулиной или сборник поэта Льва Озерова с еще «неостывшим», совсем недавним автографом: «Дорогому Михаилу Ивановичу Чуванову, — такой живой и такой правдивой легенде русского библиофильства почтительно и нежно автор» и с забавным автошаржем-подписью.

Говоря о периоде работы Чуванова в МТП, необходимо вспомнить еще об одном человеке, встреча и сближение с которым так много значили для него, — о Михаиле Михайловиче Пришвине. Он был особенно близок Чуванову как человек родственного склада, со сходными представлениями о «хорошей», правильной жизни, как человек светлого мироощущения, мудро и с мягким юмором воспринимающий жизнь. Было и еще немало родственного в их натуре, судьбе, несмотря на значительную разницу в возрасте.

Отец Пришвина, небогатый помещик из купцов, страстный игрок, проиграв все, что имел, внезапно умер, оставив жену и детей без всяких средств к существованию. Тяжелая, полная

трудов жизнь матери послужила для сына уроком на будущее, и страстная натура отца выявилась в нем совершенно в иных формах. Уже взрослым человеком, оставив налаженную жизнь, работу агронома, в которой к тому времени преуспел и даже имел «печатные труды», он пускается странствовать по глухим местам, начинает писать книги—необычные, не сразу и не в полной мере оцененные...

Точно так же преодолевал в себе отцовскую натуру Чуванов, для которого книги стали, по его словам, «сухим алкоголем». Сам Михаил Иванович считает, что нет плохой наследственности, а есть неверное направление в жизни, созданное обстоятельствами или людьми, и именно для натур увлекающихся такое неверное направление особенно губительно.

А то, что Михаил Иванович—человек увлекающийся,—доказывает не только история его собирательства, но и такой, например, факт: уже тридцатилетним человеком, в совершенстве освоившим любимую специальность, он вдруг увлекся геологией, перечитал немало книг и совсем было собрался менять «профиль».

Отсутствие ли специального образования его остановило или затянул водоворот культурной жизни столицы, но только вернулся он к прежним своим привязанностям.

А сложись иначе—кто знает, может быть, не было бы сейчас знаменитой «библиотеки Чуванова», а было бы какое-нибудь «урочище Чуванова» или алмазная трубка его имени—что-нибудь да было бы, такой уж это человек...

Библиофил-самоучка, человек незаурядного ума и знаний, он не мог, в свою очередь, не заинтересовать писателя и мыслителя, человека всесторонне образованного—им было о чем поговорить.

Внешне векторы их движения были направлены противоположно: в начале века, когда Миша Чуванов еще только, как говорится, пасет гусей, Михаил Пришвин слушает лекции знаменитых профессоров в Берлине, Лейпциге, Йене, занимается биологией и философией, увлекается химией и музыкой Вагнера, высшей математикой и натурфилософией Гёте.

В дальнейшем Пришвин большую часть времени будет вести простую жизнь охотника и странника, приобретет друзей среди лесорубов, сплавщиков и рыбаков, а Чуванова судьба, вернее, настойчивая любознательность приведет в общество ученых и библиофилов, писателей и художников.

Что дала эта дружба тому и другому—трудно судить со стороны, но один из «плодов» ее мы можем и сегодня видеть и даже осязать.

Издательство МТП было заинтересовано выпустить новую, только что законченную повесть Пришвина «Жень-шень»—

результат странствий писателя по Дальнему Востоку. Директор издательства обратился к Чуванову с просьбой взять для издания у автора эту рукопись. Кроме того, в его задачу входило предложить художнику Фаворскому, с которым он был знаком, в частности, по «Старой Москве» и РОДК, сделать иллюстрации к книге.

Владимир Андреевич Фаворский был во многом близок М. М. Пришвину. Главное, что их объединяло,— это подлинная самобытность, стремление идти своим путем, прислушиваясь к голосу своей художнической интуиции.

Фаворский высоко ценил творчество Пришвина. Безусловно, его не могла не вдохновить такая удивительная книга, как «Жень-шень». Его маленькие гравюры к этой книге — настоящие шедевры книжной графики.

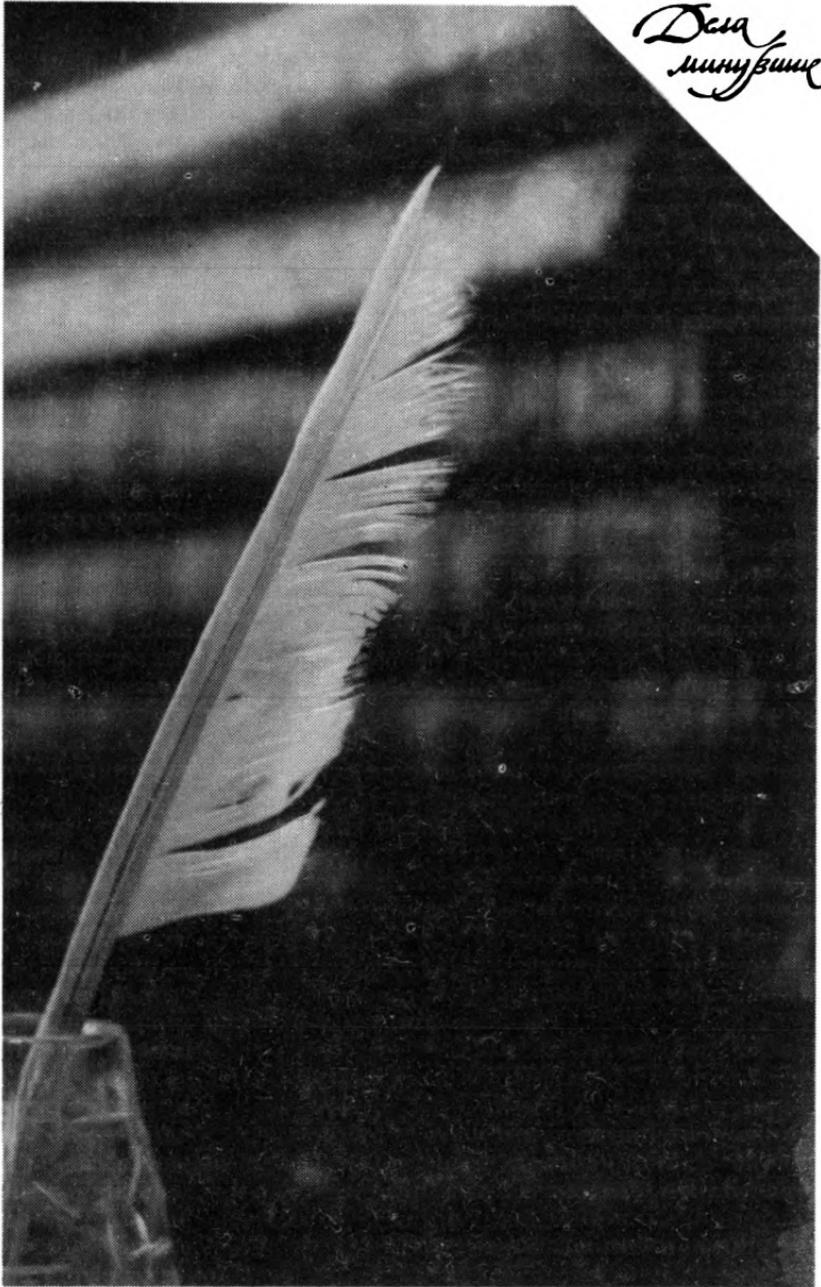
В библиотеке Чуванова имеется экземпляр этой небольшой книжки, которую сам сдержанный в оценках Михаил Иванович считает «жемчужиной», с автографом Фаворского, а также авторские оттиски гравюр к ней.

Среди автографов М. М. Пришвина в собрании Чуванова есть один — очень короткий и очень «пришвинский» (на книге «Колобок»): «Михаилу Ивановичу Чуванову с удовольствием и радостью».

Говоря о Пришвине, Чуванов обязательно вспомнит и Павла Александровича Радимова. «Деревенский живописец», как скромно себя называл художник и поэт, он никогда не расставался с этюдником и записной книжкой. П. А. Радимов был последним председателем Товарищества художников-передвижников и первым председателем Ассоциации художников революционной России. Им написаны сотни картин, хранящихся в музеях многих городов страны. Радимов выпустил в 10—20-х годах несколько сборников стихов. В библиотеке Чуванова находится его книжка «Полевые псалмы», отпечатанная в Казани в 1912 году в типолитографии окружного штаба, с автографом Радимова. На другой книге стихов «Деревня», вышедшей уже в советское время, автор пишет: «Михаилу Ивановичу Чуванову в память дружеских встреч и бесед. П. Радимов», — тех самых встреч и бесед с участием Пришвина, которые так дороги Чуванову.

(Окончание следует)

Два
минуты

Когда смотришь на полки с книгами, накопленными за много лет собирательства, вспоминаются не только их содержание, их авторы и издатели, но и обстоятельства, при которых эти книги появились на свет, последующая судьба многих из них, порой столь же интересная, как сама книга.

Н. П. СМЕРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

Ким Ляско

ШКАТУЛКА КЛИО, ИЛИ КОЕ-ЧТО ОБ ИСТОРИИ

В гостях у писателя-историка Натана Эйдельмана

Историк всегда пишет так, как если бы он сам присутствовал при том, о чем он рассказывает.

Гёте

Вы помните, как древние греки изображали Клио, музу истории? Непременно с грифелем и папирусным свитком. Или со шкатулкой для свитков. Нет ничего удивительного в том, что, придя в дом писателя, пишущего на исторические темы, я невольно осматривался в поисках атрибутов его профессии. Увы, меня ждало разочарование... В рабочем кабинете писателя — рабочий порядок: письменный стол почему-то не завален редкими книгами, рукописями, по стенам не висят скрещенные стрелы и мечи, а по углам не стоят пустотелые рыцарские доспехи; просто на обыкновенных полках — обыкновенные хорошие книги, которые хочется читать все подряд, устроившись удобно на тахте... А если говорить откровенно, некогда было не то что разглядывать — голову поднять от блокнота, куда торопливо я записывал то, о чем рассказывал Натан Яковлевич, как обычно, в своей скорострельной манере. Вы думаете, это просто? Какое это мучение, когда ты в себе совмещаешь одновременно слушателя, репортера, оппонента, заинтересованного читателя и бог весть кого еще! Один явно мешает другому, между ними постоянно идет борьба, то тот, то этот стремится стать лидером, но всякий раз, конечно, побеждает репортер.

И когда наступает пауза в нашей беседе, вызванная появлением неожиданного посетителя или срочным телефонным звонком, или когда жена писателя напоминает хозяину дома о каком-то неотложном деле, нам как будто и в самом деле приходится с огорчением свертывать длинный, шуришащий, похожий на перфоленту, испещренный таинственными иероглифами свиток...

Давайте мысленно переберем то, что вложено Эйдельманом в шкатулку Клио. «Герцен против самодержавия» и «Тайные корреспонденты „Полярной звезды“», «Апостол Сергей» и «Лунин», «Пушкин и декабристы» и «Грань веков», «Большой

Жанно» и «Последний летописец» — к ним добавьте несколько произведений для детей. Есть у этих работ, вышедших в самых разных издательствах — в Политиздате, в «Мысли», «Художественной литературе», «Советском писателе», «Книге» и других, — нечто общее. Все они повествуют о людях, оставивших глубокий след в истории общественного движения России.

За полтора столетия многими авторами написана целая библиотека о тех, кто являлся властителями дум многих поколений — о декабристах, Герцене, Пушкине. И все же, какой читатель пропустит случай приобрести новую книгу Н. Эйдельмана, а то и познакомиться с ней еще в журнальном варианте?

Казалось бы, сегодня такого рода исторические исследования могут претендовать на внимание специалистов или весьма просвещенных читателей, однако ж выходят книги Н. Эйдельмана, как и других писателей-историков, массовым тиражом и попробуйте их купить!.. Расходятся они, пусть в серии «Жизнь замечательных людей» или, скажем, «Пламенные революционеры», мгновенно.

«Что с нами происходит?» — любил в таких случаях вопрошать себя и других Василий Макарович Шукшин. А ничего особенного: ведь без прошлого, как известно, нельзя понять настоящее. И многое из того, что тревожит современного читателя, что требует от него ясного и недвусмысленного ответа или решения, уходит своими корнями в толщу лет. Сравнивая день сегодняшний и день минувший, человек познает жизнь и самого себя.

«ВРЕМЯ, ПРОДЛИСЬ!»

Сегодня 18 ноября 1983 года. Предвечерний час. Мне повезло: Натан Яковлевич дома один. Никто не будет мешать нашей беседе. Эйдельман всегда в работе, в его доме можно встретить самых разных людей — то заедет Булат Окуджава («с ним мы в дружбе давно, бывает, выручаем друг друга — обмениваемся книгами, да вот хотя бы тогда, когда я работал над книгой о Павле I»), то заглянет критик и литературовед Станислав Рассадин («он тоже пушкинист увлеченный, знаток поэзии, упрекает нас, что мы, мол, обладаем плохим слухом к стиху»), то попутным ветром занесет профессора из Новосибирска Николая Покровского («это сейчас один из крупнейших специалистов по древней истории Сибири, мы с ним учились вместе, дружка еще с университетской поры»), то из Ленинграда заскочит актер Большого драматического театра имени Горького Владимир Рецетер, то заявится с деловым визитом иркутский

Выступает
Натан Эйдельман

писатель Марк Сергеев («мы вместе с ним состоим в редколлегии серии „Полярная звезда“, это, как вы знаете, материалы о декабристском движении, выходящие в Восточно-Сибирском издательстве»), то, глядишь, снова кто-то звонит в передней...

Что ж, отсутствие гостей хорошо еще и тем, что хозяин позволяет снять пиджак и предлагает занять почетное место — кресло за письменным столом. Сам хозяин дома, махнув на этикет, усаживается где-то сбоку, словно не кто-то, а он у себя в гостях. Я вооружаюсь авторучкой. Натан Яковлевич пробегает глазами вопросы, которые я приготовил. Пока он обдумывает свой ход, я, естественно, не забываю о своем. Беседа и впрямь напоминает шахматную партию. Разница лишь в том, что интервьюируемый всегда играет черными, и первый ход, который я, интервьюер, делаю, как и все другие, продиктован стратегией репортерской беседы.

Мне хочется воспользоваться паузой и напомнить высказывание писателя во время одной из наших встреч. Я спросил: чем он объясняет повышенный интерес современного читателя к мемуарам, историческим исследованиям, к тем книгам, которые имеют под собой документальную основу?

— Да, так оно и есть: существует повышенный интерес к истории, к документу, к мемуарам,— *ответил он.*— Высказывают различные точки зрения на это явление. Один полагает, что настоящее проходит слишком быстро, аж рябит в глазах, вот и хочется отойти немного в сторону,— со стороны-то виднее! Другому кажется, что, хотя написано не про него, все же он может найти ответы и для себя. А я полушутя-полусерьезно считаю: обращение к истории—способ продления нашей жизни до 200, 500, 1000 и сколько хотите лет!.. Наш инстинкт продолжения жизни обращен не только в будущее, но и в прошлое. Есть читатели, неплохо представляющие себе прошлое, знающие немало об эпохе Петра Великого, Екатерины II или Павла I, имеющие даже собственное мнение,—и все равно они стараются не пропустить новой исторической повести, романа, монографии, потому что хотят найти подтверждение своим мыслям. Тут налицо, по-моему, усиление у современного читателя чувства историзма. Нечто вроде: «Время, продлись!».

Между тем он поднял на меня глаза:

— Готов отвечать. Вопрос первый: «„Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда“...—писала Анна Андреевна Ахматова, вводя нас, читателей, в свою творческую лабораторию и честно предупреждая, что вдохновить поэта способны не одни лишь благоухающие на клумбах цветы. А что рождает вдохновение писателя, пишущего на историческую тему? Ведь описываемые вами события были так давно, что тоже как будто не имеют ни цвета, ни запаха, ни даже реальных очертаний!..»

Скажу на это так. Медики определили: организм взрослого человека содержит до 65 процентов воды. Может быть, и больше. А если иметь в виду, что мы на 99 процентов состоим из истории, то так же, как человеку не прожить без воды, так ему не обойтись без истории!

Сейчас на нашей Земле-матушке 4,8 миллиарда человек, а за всю историю прошло примерно 400 миллиардов,—означает это вот что: мы, нынешние, составляем всего лишь 1 процент человечества, а 99 процентов—это то, что создало нас, это наши предки. Мы гордимся уровнем жизни, и чувство это закономерное, у нас в доме сегодня полным-полно вещей, которых не было в быту 100, 50, 30 лет назад, а вот человек, владелец этого богатства, он хоть как-то физиологически изменился? Ведь как он возник, homo sapiens, 40 тысяч лет назад, так и дошел до нашего времени без изменений. Мысли же, быт, нравы—все за тысячелетия не раз становилось другим. Я порой задумываюсь, глядя на чей-то костюм или на парадное какого-нибудь дома: «А сколько ему лет?» Это, конечно, самозащита от слишком быстро проходя-

щих событий. Так ли у других? Не знаю... Говорю о себе. С детства было ощущение, что я включен в историю и что она мною не оканчивается.

Скажу немного об истоках. Отец мой был журналистом, вел отдел театра в газете «Московский большевик» (предшественнице «Московской правды»), в «Литературной газете»; мать, которая, к нашей радости, поныне здравствует,—учительница английского языка. В школе у нас были хороший математик и хороший историк. Я заколебался... Не забудьте,—это был 1947 год. Хотя Борис Слуцкий еще не написал свое знаменитое стихотворение «Физики и лирики», но физики уже были в почете, и я чуть было не сделал выбор в пользу физического факультета МГУ, однако в последний момент передумал и решил поступать на исторический... А дальше? Учась в университете, я не представлял, чем займусь потом. Стал школьным учителем и шесть лет преподавал историю в 5—10-х классах. Понимаете, какая странная произошла история: в университете я историю учил, а в школе вместе с ребятами ее познавал. Каждый раз, готовясь к уроку, ясно видел перед собой вопрошающие ребячьи глаза, и можно ли было обмануть их ожидания! Только потом понял: я как бы репетировал тогда свою будущую профессию. Некоторое время после школы проработал в Московском областном краеведческом музее в Истре—там тоже было живое общение с ребятами и взрослыми.

До сих пор страсть как люблю читать лекции! Непосредственного общения с сегодняшними слушателями, которые станут, быть может, завтрашними моими читателями, ничто заменить не в силах! Это школьный синдром. Скажу честно: на устных выступлениях «прокатываю» еще неопубликованные вещи.

Вот, оказывается, в чем секрет популярности устных выступлений писателя! Мне приходилось слышать его в самых разных аудиториях—на книголюбских писательских вечерах в ЦДЛ и Доме политической книги, в Музее А. П. Чехова и в Музее А. И. Герцена, в первичной организации книголюбов Института радиотехники и электроники АН СССР и в Музее А. С. Пушкина на Кропоткинской. Он приковывает внимание слушателей не с помощью хорошо отрепетированных ораторских приемов или тщательно подготовленных «экспромтов»—нет, тут совсем иное: он предлагает вместе с ним погружаться в прошлое, искать, сопоставлять, задумываться над фактами, событиями, судьбами, он вовлекает всех в процесс мышления. Как учитель он хорошо знает, сколь убедителен рассказчик, не спешащий с готовенькими и аккуратно упакованными в целлофановую обертку истинами, удобными для зазубривания, а стремящийся заставить своих слушателей продираться к ним сквозь частокол вопросов, гипотез.

Помню, как увлек и захватил всех участников заседания в Музее А. И. Герцена публичный поединок (тема «Герцен и декабристы») кандидатов наук, историков, литераторов, пушкинистов—Натана Эйдельмана (Москва) и Вадима Вацуро (Ленинград). Трудно сказать, кто взял верх... Соперники оказались достойными друг друга. А в выигрыше остались, конечно же, мы, слушатели.

Еще одно небольшое воспоминание. Когда в ноябре 1983 года в московском Музее А. С. Пушкина проходило научное заседание, посвященное 150-летию окончания поэмы «Медный всадник» и 200-летию создания памятника Петру I скульптором Э. М. Фальконе, Натан Яковлевич выступил с докладом «Спор А. С. Пушкина с А. Мицкевичем о „Медном всаднике“». Был ли это доклад в строгом смысле этого слова? Конечно, нет. Сам писатель сформулировал содержание своего выступления так: «Мицкевич написал—Пушкин ответил. А в середине что? Целая космическая буря!» Это был диалог, исторический спор.

Тогда же Н. Эйдельман произнес запомнившуюся фразу—так, мимоходом, как бы реплику в зрительный зал: «Вроде бы область чувств—не история. Но это—история».

ИСТОРИЯ В ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

— Теперь, что касается книг. Должен сказать, у отца была прекрасная библиотека, книги окружали меня с детства. Да и потом, когда началась война и мы с матерью оказались в эвакуации в дальнем чувашском селе Сундырь, опять повезло с книгами. Как открывают новые земли, так я открыл для себя замечательную библиотеку, собранную, как узнал позднее, не одним поколением педагогов—основа ее была заложена еще земскими учителями, подвижниками народного образования. И если подумать о влиянии, о том, какие именно произведения резко усилили мой интерес к истории, то на память приходят не сочинения Пушкина, Толстого, Чехова—их воздействие на духовный рост подростка, конечно же, постоянно!—а совсем другие книги. И поныне магическую власть надо мной имеют «История Древнего Востока», серьезный труд Бориса Александровича Тураева в 2-х томах, и роман «Три мушкетера» Александра Дюма. Если у меня душевная смута, если не идет работа, я могу их открыть на любой странице и погрузиться в чтение, и ничем меня не оторвешь. Разумеется, в круг моего чтения входят и другие произведения, но об этих двух, любимых с детства, я и сейчас не могу говорить без волнения. Хотя, признаюсь, ни историей Древнего Востока, ни историей Франции я в дальнейшем так и не занялся.

том числе и я, доказывали, что может. Чем я аргументирую такой вывод? Тут, по крайней мере, три аспекта. Первый: по произведениям, письмам и свидетельствам современников мы можем судить о самом авторе, будь то Пушкин, Толстой или Достоевский,—это бесспорно. Если же мы возьмем «Слово о полку Игореве» или «Илиаду» и «Одиссею»,—это нечто другое. Автор как бы растворен в эпосе, его нет, пусть он даже зовется Гомер. Только по их творениям можно узнать биографию. Второй аспект: художественная литература прошлого дает нам неизмеримо больше сведений о характере людей и их взаимоотношениях, быте и нравах эпохи, чем многие тома исторических документов. Классический пример—«Евгений Онегин». Роман, действительно,—энциклопедия русской жизни своего времени. Однако не следует упрощать: пушкинское творение гениально не потому, что служит источником всякого рода сведений о моде, погоде, образе жизни провинциальных барышень или столичной элиты. Так можно дойти до провозглашения энциклопедистом какого-нибудь писателя средней руки, который подробнейшим образом, даже лучше Льва Толстого или Федора Достоевского, описывал жилище своего героя, но и только—большого мы от него ждать не можем.

А вот третий аспект—особый. Можно прочесть тысячи документов—отчетов, планов, военных реляций, всякого рода рапортов и донесений—и все-таки не узнать главного—идеалов, духа общества. Для нас важно не только то, как жили наши предки, но и что хотели, к чему стремились. Историки порою тонут в частностях, знают множество мелочей, но не знают, увы, главного. Поэтому, беря в руки роман «Евгений Онегин» или поэму «Медный всадник», читатели познают самое важное о той эпохе: мечты и судьбы людей, слитые с судьбой России. Кстати, это имело огромное значение для общества. Историки ведь тогда не писали историю своего времени. Н. М. Карамзин в своей «Истории Государства Российского» остановился на 1611 году, а С. М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен»—на 1774 году, хотя оба они жили много позже. Свое время в своих «Историях» они не запечатлели, ибо такое занятие не поощрялось.

А вот Пушкин, Гоголь, Толстой писали о XIX веке, их герои, хотя и вымышленные, действуют в реальных обстоятельствах, дух эпохи подлинный. Повторяю: много, очень много можно извлечь из талантливого художественного произведения, если делать это достаточно умело и осмотрительно.

Да ведь и наше время оседает не только в архивах подшивками газет и коробками киноплёнки. Будущие историки станут его изучать, например, по романам и повестям Ю. Трифо-

нова и В. Распутина, Ч. Айтматова и В. Быкова, песням Б. Окуджавы, стихам Д. Самойлова и А. Тарковского, как, впрочем, и по творчеству других писателей.

Какой следующий вопрос?

— Существуют исторические легенды, не перестающие будоражить воображение и наших современников. Хотелось бы напомнить некоторым. До сих пор ведутся поиски библиотеки Ивана Грозного... Есть энтузиасты, не теряющие надежды найти экземпляр рукописи второго тома «Мертвых душ», сожженной Гоголем... Среди пушкинистов есть люди, убежденные, что предстоят открытия неведомых нам бумаг поэта, вовсе им не уничтоженных... Все это не утопия и не фантастика. Мы знаем, что благодаря настойчивости исследователей в последние годы удалось найти новые материалы о жизни и просветительской деятельности первопечатника Ивана Федорова, книги из личной библиотеки М. В. Ломоносова, сделаны и другие впечатляющие открытия. Как вы, Натан Яковлевич, относитесь к легендам, историческим анекдотам и другим вещам подобного рода?

— Раньше, когда я начинал, по легкомыслию полагал, что надо обязательно искать и открывать,—будь то библиотека Ивана Грозного (которую мы с ребятами и в самом деле пытались искать) или десятая глава «Онегина», по сей день не найденная. Кстати, специалистами по истории литературы установлено, что, по крайней мере, несколько сот произведений и писем Пушкина до нас не дошло, а Лермонтова — целые пласты рукописей, целые архивы исчезли! Работая над книгой «Последний летописец» о Н. М. Карамзине, я пришел к выводу, что основная часть его богатейшего архива неведомо где. Мне казалось сначала, что надо искать и находить. Теперь я думаю, что надо искать и просто искать, не ожидая счастливых находок. Настоящий поиск не бывает без результатов — пусть даже так: ищешь одно, а находишь другое.

Возьмем легенду о библиотеке Ивана Грозного. Да вовсе это не легенда! Есть самые достоверные свидетельства о том, что она была — гигантская, тщательно подобранная, неслыханно богатая библиотека. Уж второй век ее ищут, а может быть, и третий. Искали ее археологи в московском Кремле (не зарыта ли здесь?), искали в шатровом храме Вознесения в Коломенском, вели поиски и в Александрове, где, как известно, жил в добровольном изгнании Иван Грозный... Я и сам, как уже вам признался, работая в музее, пытался ее искать в подземелье Ново-Иерусалимского монастыря, но, увы... Теперь раздаются голоса: а надо ли дальше искать? Все равно не найти, библиотека, вероятно, рассыпана по разным книгохранилищам. Правы ли те,

кто призывает прекратить поиск? Думаю, что нет. В процессе поиска мы узнали массу полезных вещей о XVI веке, о состоянии культуры того времени и нравах.

Иное дело — десятая глава «Евгения Онегина». Пушкин, как мы знаем, ее сжег. Но сохранился шифр. Скоро 75 лет, как его открыл П. О. Морозов. Сложнейшая и скрупулезнейшая работа была продолжена Сергеем Михайловичем Бонди. Ищут недостающие строфы и другие исследователи, и хотя найти ничего пока не удалось, попутно выяснили много нового и об Александре Сергеевиче, и о механике создания его любимого детища. Так что, искать необходимо. Я даже назвал одну из своих работ древней поговоркой: «Случай ненадежен, но щедр».

Что же тут удивительного? Любая тайна притягательна, в любой заключен интерес. Правда, люди бывают разные. Одни верят в каждый довод, когда речь идет об инопланетянах, библиотеке Ивана Грозного, Атлантиде, десятой главе «Евгения Онегина» — о чем хотите: им так хочется, чтобы подтвердилось, нашлось, отыскалось, открылось!.. И есть люди иного склада, к ним я отношу и себя, которые тоже очень хотят, чтобы была открыта... Атлантида. Кстати, есть целый ряд обнадеживающих находок, сделанных океанологами. Да, я тоже очень хочу, чтобы легенда перестала быть легендой, но при этом я себя истязую, задаю себе вопросы, тщательно проверяю факты, и все это делаю с тайной надеждой, что не сумею себя опровергнуть и наступит такой счастливый момент, когда никакой скепсис и никакие контрдоводы не сдержат радости открытия: «Да, Атлантида есть!»

— *Как-то вы сказали в интервью: «Великая удача — редка. Та, которая начинается словами „вдруг“ или „однажды“». Удачу надо организовывать. Я, например, к походу в архив или книгохранилище тщательно готовлюсь». Означает ли это, что вы всегда и твердо знаете, какое открытие и где вас ждет?*

— Когда я занимался историческими персонажами — Пушкиным, Герценом, декабристами, — мне нужны были открытия. Открытия новых документов, новых фактов. Такая удача действительно редка, и ее надо организовывать. Я продолжаю этим заниматься.

С другой стороны — появилась и увлекла другая идея. Я написал книгу «Грань веков». Это книга о России за четыре года в период правления Павла I. Тут у меня недостатка в материале не было: армия, государство, внешняя и внутренняя политика, груды документов — я отбивался от них. Задача здесь — не утонуть! Необходимо осмыслить судьбу не отдельно взятого человека, а жизнь целой страны. Невольно начинаешь отбирать, отсекаешь случайное и несущественное, оставлять только самое

основное и главное. Понимаете, что со мной произошло? Раньше я гонялся за какой-то частностью, за какой-то деталью, а теперь мне это иногда кажется скучноватым занятием...

Еще раз хочу сказать: раньше мною владел охотничий инстинкт — найти, отыскать, обнаружить. А теперь, хотя я и отдаю должное поиску выразительной детали, яркой подробности, без них ведь нет полнокровного изображения человеческой жизни, с годами меня все больше увлекают вещи нравственного порядка. Когда я делал на конференции доклад о «Медном всаднике», меня прежде всего интересовала буря чувств в душе Александра Сергеевича Пушкина, связанная с написанием поэмы. Вопросы честности, доброты, вопросы о целях и средствах воплощения идеи государственности, судьба отдельной личности — все это вопросы нравственные, все это представляется самым важным для писателя. Подытожим сказанное: раньше во мне преобладал охотник за деталями, теперь — искатель нравственной идеи.

— *Из вашего повествования о Николае Михайловиче Карамзине со всей неизбежностью следует, что историк творит и делает открытия, обложившись книгами, картами, документами, гравюрами... Какова вообще роль книги в вашем творчестве? Спорите ли вы с концепцией ваших предшественников в избранной для очередной работы теме?*

— Да, разумеется. Куда от книги уйдешь?.. Я вообще считаю, что активное чтение и активное конспектирование — это половина написанной работы. У меня нет библиофильских предрассудков — я пишу на полях книги, на первом попавшемся клочке бумаги.

Иногда, знаете, полезно прочесть книгу как бы впервые. Тут многое виднее. Вот пример: Пушкин написал записку «О народном воспитании» по приказу Николая I. Царь был недоволен. На полях пушкинской записки он оставил много вопросительных знаков. И нам хорошо известно, против каких именно слов. Я решил проделать один опыт... Сейчас я вам покажу, что получилось.

Эйдельман встает и вскоре приносит из другой комнаты том из Полного собрания сочинений А. С. Пушкина.

— Видите, я взял и перенес все замечания царя на страницу 11-го тома, где опубликована записка Пушкина. Вроде ничего нового, а получилась страшная в своей наглядности вещь. Получился диалог: поэт говорит — царь отвечает. Само существование уже напечатанной книги — это возможность сделать видимым такой заочный диалог.

Я согласен с замечательным ленинградским пушкинистом В. Вацуру: он говорит, что множество находок можно сделать в

уже известных книгах, мы просто не умеем читать. И порой зря ходим в архивы. Это большое зло — неумение читать, которым страдают даже некоторые ученые, не говоря уж о читателе, ленищемся протянуть руку к книжной полке, где он мог бы найти ответы на многие вопросы и недоумения.

Как известно, в спорах рождается истина. Да собственно говоря, любая наука и не может обойтись без дискуссий. Важно, чтобы участники научного спора никогда не забывали об интересах дела. Тут я полностью согласен с М. В. Ломоносовым, заметившим, что не стоящее это дело — указывать на недостатки других, — надо самому создавать нечто совершенное.

ЛОГИКА ГЕНИЯ

— В авторском предисловии к книге «Пушкин и декабристы» можно прочесть такие строки: «Специалистам по русской истории и культуре XVIII—XIX веков порою просто приходится в той или иной степени превращаться в пушкинистов: изучая архитектуру XVIII столетия или освободительные битвы XIX-го, историю государственных учреждений или землешеств, войну 1812 года или дворцовые тайны, народное мнение — историк должен время от времени советоваться с Пушкиным...» Насколько автобиографичны они? Считаете ли вы Пушкина историком такого значения, чьи взгляды актуальны и сегодня? И чем объяснить колоссальный интерес к личности поэта, растущий год от года?

— Весьма уместный вопрос. Дело в том, что я только что написал книгу о Пушкине-историке. Разумеется, не я первый. Известны работы в этой области — Б. В. Томашевского и И. Л. Фейнберга. Недавно вышла прекрасная книга А. А. Формозова «Пушкин и древности». Вслед за А. А. Формозовым я повторяю: Пушкин по многим предметам (простите за невольный школяризм!) знает меньше нас, живущих в 80-е годы XX столетия. Кто его герои? Петр Великий, Пугачев, Радищев, Павел I, декабристы... Обо всех он сумел сказать в прозе и в стихах. Сказать по-пушкински — ясно и точно. Пусть Пушкин знал формально меньше нас, пусть в чем-то ошибался, а в чем-то был не совсем точен, — в конце концов, он не мог знать того, что стало достоянием науки лишь много лет спустя... И все же он поражает нас грандиозной интуицией, совершенно потрясающим методом познания людей, вещей, явлений. Да, он недостижим как гений, но его подход к изучению мира поучителен для нас.

Что прежде всего бросается в глаза? Его неслыханная объективность. Никогда он не употребляет одной краски для

обрисовки своих героев, будь они, говоря современным языком, положительные или отрицательные. Таков у него Петр Великий, на челе которого пот и кровь. Таков и Пугачев, который повесил бы родителей поэта, попадись они ему. А Пушкин относится к ним со всей симпатией и со всем авторским интересом. Потому и нам любопытно все это!.. И ощущаем мы не холодное беспристрастие, не взвешенный объективизм, а постоянное умение взглянуть на каждого из персонажей то с одной стороны, то с другой... Поэт смотрит на Пугачева то глазами дворянства, то на дворянство глазами Пугачева. Как он умел ненавидеть, как умел презирать, а вот так сказать о смертельном враге своего сословия, сказать, по существу, против самого себя,—так сказать мог только Пушкин.

И еще одно характерное именно для Пушкина качество — он гений с положительным зарядом. Много в русской литературе гигантов, сильных прежде всего духом отрицания, при всем порыве к положительному идеалу. Мы с вами вспоминали эпизод сожжения Гоголем второго тома «Мертвых душ» — именно в нем писатель сделал попытку вывести героев положительно прекрасных в противовес Собакевичу, Ноздреву, Коробочке, Манилову... Возьмите Достоевского с его любовью к Пушкину — гармонической личности, которую Федор Михайлович пронес через всю свою жизнь. А сами его герои? Это люди взвинченные, беспокойные, с раздвоенным, расщепленным сознанием, мучительно ищущие истину и смысл жизни.

«Любовь много догадливее, чем ненависть», — это слова еще одного гения русской литературы, имевшего положительный заряд, — Александра Ивановича Герцена. Так вот, пушкинский плюс перетягивает минусы. Он историю не идеализировал, все видел, все подмечал, — перелистаем ли мы «Капитанскую дочку» или «Бориса Годунова». Немало темного, кровавого, страшного на их страницах, и все равно преобладает светлое, доброе начало. Знаменитая реплика: «Народ безмолвствует», — что же она все-таки означает? Для меня одно: нравственное чувство, осуждающее как старое, так и новое злодеяние. Так мог написать гений с положительным зарядом.

— От нашего читательского внимания не ускользнуло и другое ваше признание — в книге о Николае Карамзине: «Одно из любимых упражнений автора этой работы — по тексту сочинения определять характер, личность незнакомого сочинителя. Иногда это на поверхности, но чаще выявляется косвенно, многосложно...»

— Да, не отрекаюсь: это действительно так. Я мечтаю написать о людях, которые были первопроходцами в пушкиноведении, таких, как П. В. Анненков, П. И. Бартенев, Л. Н. Май-

ков, П. Е. Щеголев, Б. Л. и Л. Б. Модзалевские, Н. О. Лернер, М. А. и Т. Г. Цявловские, Ю. Г. Оксман, Н. В. Измайлов, Б. В. Томашевский, М. П. Алексеев, С. М. Бонди... Они многое сделали, открыли, уточнили, прояснили, они стремились быть объективными, многого достигли своей научной добросовестностью,—и в то же время немало в их трудах личного и сокровенного, ох, как немало!.. Глядишь, этот был западник, тот славянофил, в этом силен поборник семейного начала, в другом женоненавистник... Каким-то непостижимым образом личное и сокровенное присутствовало в их писаниях, непроизвольно проявлялось. Угадать характерное для каждого из них—необычайно интересное занятие. Да, вероятно, и по моим книгам можно судить о моем характере, если, конечно, это может кого-то заинтересовать.

Иногда сам автор приоткрывает завесу. Знаете, у А. А. Блока есть дневниковая запись от 1912 года по поводу гибели океанского парохода «Титаник». Поэт помечает для себя, что «есть еще океан». Помню, как меня потрясла своей жестокостью эта фраза. Как известно, Пушкин не стеснялся в выражениях, когда ему надо было излить свои чувства, но, право, ему и в голову не могло прийти написать такое. Хотя бы и в дневнике и для одного себя. Невольно перечитал более внимательно написанное Блоком. И я уже не удивился, найдя во многих его стихах некий взгляд на людей сверху. Да, конечно, у Александра Блока, как у всякого подлинного поэта, немало прекрасных стихотворений, в них есть доброта и широта души. Как же одно сочетается с другим? В столкновении этих противоборствующих начал, может, и заключена блоковская тайна?..

Валентин Распутин и Виктор Астафьев—наши современники, оба пишут как будто об одном, но как? Я не знаю лично ни того, ни другого писателя, однако, судя по их книгам, могу сказать, что Распутин мягче и добрее, а у Астафьева больше жесткости. Это ему отнюдь не в упрек—может быть, даже комплимент. Свои наблюдения думаю продолжить, анализ произведений станет своеобразным тестом для определения характера автора. Если суть человека отразилась в его писаниях, причем во всех противоречивых сочетаниях, что может быть поучительнее такого зрелища?

ПИСАТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬ

Теперь самое время порасспросить Эйдельмана о его взаимоотношениях с читателями. Вероятно, нет такого писателя, который в прозе, в стихах ли не объяснялся бы со своим читателем. Из этих признаний, вероятно, могла бы получить-

ся прелюбопытнейшая книга. Нечто вроде антологии объяснения в любви к читателю. У Эйдельмана большая читательская почта. В подавляющем большинстве авторы писем делятся мыслями о прочитанном, благодарят писателя за то, что помог лучше понять отодвинутые громадой лет события и мотивы поступков людей, которых зовут историческими личностями. Есть и такие письма, авторы которых спорят с писателем. В общем, нормальные взаимоотношения. Или, говоря современным языком, налицо прямая и обратная связь.

— Натан Яковлевич, есть одно примечательное место в «Последнем летописце», в главе «Слава», где речь идет о тиражах... «3000 экземпляров... пример единственный»,— приводите вы слова Пушкина о тираже «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина при выходе в свет первых восьми томов. И добавляете от себя: «Как трудно нам, в эпоху гигантских тиражей, сопоставлять числа: классический тираж XVIII—первой половины XIX века—1200 экземпляров. В таком количестве выходили главы „Евгения Онегина“, „Бориса Годунова“, а прежде—карамзинские повести, „Письма русского путешественника“. Потом, правда, следовали переиздания—еще 1200, еще... Но чтобы сразу 3000—неслыханно!» А кстати, сколько стоило это издание? Вы даете такой ответ: «Петербургская цена была по 50 рублей за восемь томов в обыкновенном переплете, в Москве продавали за 58, в провинции и того дороже: цена обычная, и немалая. Если бы грамотный мужик-средняк пожелал приобрести „Историю...“, она обошлась бы ему примерно в два годовых obroka». Из этих данных, сообщаемых вами, со всей неизбежностью следует вывод: простолюдину книга была попросту недоступна. Тут возникает соображение такого рода: зная о небольшой прослойке грамотных людей в России—в среде крепостных ли, солдат, ремесленников или иных «низших» сословий,—в какой мере писатели прошлого ориентировались на будущего читателя?

— Дело, конечно, не в тиражах, а в том, чтобы книга нашла настоящего читателя, того, который поймет писателя. Каков он, читатель? Тот, от которого слух по Руси пойдет, так что и другой захочет прочесть; тот другой прочтет и третьему даст, чтоб прочел... Так и пойдет книга по белу свету. Между прочим, Фаддея Булгарина издавали гораздо большими тиражами, чем Александра Пушкина. Что же из этого следует? А ничего ровным счетом. Того же «Ивана Выжигина» скопом читали и тут же забывали.

У общества замечательная способность к самоочищению. Не ошибусь, если скажу: это приложимо к любому времени. Пушкинские 1200 экземпляров «Евгения Онегина» оказываются куда

Иллюстрации Б. Жutowского к книге
 Н. Эйдельмана «Пушкин.
 История и современность в
 художественном сознании поэта»

весомее сотен тысяч экземпляров книг иных сочинителей! Вспоминается суровое предостережение М. Е. Салтыкова-Щедрина о том, что в литературу по протекции попасть очень даже легко, но остаться нет никакой возможности! Поэтому формула о массовом читателе не должна быть истолкована столь прямолинейно. И во времена Пушкина, и позднее большими тиражами выбрасывались на книжный рынок всякого рода нравоучительные книжонки типа «Голенький, ох! А за голеньким бог», произведения же, ставшие событием в нашей литературе, зачастую появлялись поначалу тихо и в скромном виде. Путь к народному сердцу лежал, как сказано, не прямо, а сначала через узкий слой настоящих читателей. Кто они? Да все те же молодые люди — лицеисты, декабристы, вообще люди с гражданским темпераментом, лучшие люди России. Они выступали в роли первооткрывателей талантов, от них зависела судьба произведения. Скажу вам так: я много спокойнее за авторов XIX века с их скромными — 1200 экземпляров всего! — тиражами, чем за иных нынешних, чьи книги выходят в сотнях тысяч экземпляров.

— *И все-таки, Натан Яковлевич, как с «будущим читателем»? С тем, о котором мечтали литераторы пушкинского времени?*

— Да, Пушкин, идя по Петербургу, не сомневался: по крайней мере 90 человек из 100 встреченных на улице его не знали и даже имени не слышали! Как он на это реагировал? Совершенно спокойно. Его это никак не беспокоило. Он знал: его время придет...

И долго буду тем любезен я народу,
 Что чувства добрые я лирой пробуждал,
 Что в мой жестокий век восславил я свободу
 И милость к падшим призывал...

— *Можно ли, перефразировав известное изречение, сказать: «Каков писатель, таков и читатель»?*

— Разумеется. Читатель всегда меняется. Были периоды общественно активного читателя, были и времена читателя усталого, равнодушного, замкнутого в себе. Что сейчас? Сейчас все поголовно грамоту знают, все читают, но все же, мне кажется, прежде читатель был иной — моложе, энергичнее, отзывчивее, что ли... А главное — писатель был моложе! Ю. Трифонов, А. Вампилов, Е. Евтушенко, Б. Окуджава, Б. Ахмадулина — было им всем меньше тридцати, когда они заявили о себе, кто в поэзии, кто в прозе, а кто в драматургии. И они в литературе задавали тон. Что-то не вижу я сейчас писателя моложе 40 лет, который задавал бы тон... Почему так, не берусь судить. Вероятно, на то есть свои причины. Одна из лучших форм

читательского отклика — появление новых писателей. Хрестоматийный пример: «Смерть Поэта» М. Лермонтова.

— *Стала крылатой пушкинская фраза: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная». Поделитесь вашими наблюдениями над тем, как и что читал поэт.*

— Судьба пушкинской библиотеки драматична. Известно, что Борис Львович Модзалевский в начале нашего века вывозил из подмосковного имения старшего сына поэта Александра Александровича Пушкина книги. Многие из замечательной библиотеки Александра Сергеевича было утрачено, но все же основная ее часть сохранилась. Это, конечно, большое счастье для исследователей. Б. Л. Модзалевский ее описал в своей книге «Библиотека А. С. Пушкина». Некоторые неточности в ней были исправлены в советское время. Оказалось, исследование библиотеки на этом не кончилось. Находки, связанные с темой «Пушкин-читатель», продолжают. Несколько лет назад Римма Ефремовна Терехина, сотрудница Пушкинского Дома, где хранится библиотека поэта, нашла закладки с записями, сделанными рукой Пушкина. Не обязательно, кстати, для такого рода находок брать то, что держал в руках поэт. Иногда надо просто внимательно читать то, что привлекало внимание Пушкина, — и тогда многое открывается твоему взору.

Скажем, когда я работал над темой Павла I, я интересовался кругом чтения Пушкина по этому поводу. Заинтересовавшись пушкинским конспектом книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», а также записями поэта о Макиавелли, я сопоставил пушкинские заметки с соответствующими книгами. Тут нужно было установить, какие листы разрезаны, а какие нет. И сразу открылось нечто важное, а именно — между разрезанными страницами и пушкинскими записями есть прямая связь. Весьма любопытная подробность. Я бы сказал так: Пушкин не умел молча конспектировать, его отношение к прочитанному было активно: он то вставлял слово от себя, то подчеркивал мысль автора, то еще как-то выражал свои эмоции. Так удалось сделать небезыңтересные находки.

МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ

Однажды, выступая перед весьма просвещенной аудиторией, Эйдельман задал риторический вопрос:

— *«Чем меньше женщину мы любим, тем?..»*

Последовавшая мгновенная пауза, зал замер, никто не решился подхватить оборванную пушкинскую строку, не без основания угадывая какую-то опасность, повисшую в воздухе.

— Ах, как соблазнительно сказать: «Чем меньше женщину мы любим, тем БОЛЬШЕ нравимся мы ей!» — разряжая обстановку, насмешливо бросил в зал писатель. — У Пушкина же в читанном-перечитанном нами «Онегине» сказано: «Чем меньше женщину мы любим, тем ЛЕГЧЕ нравимся мы ей». У нас, обычных людей, срабатывает обычная логика, и мы попадаем в ловушку: если «меньше» любим, значит «больше» нравимся. У гения иная логика, на несколько порядков выше обыденной...

Казалось бы, незначительный эпизод, если хотите, проходной, к теме публичного выступления писателя прямого отношения не имевший, но в нем вдруг коротко и ярко, как при вспышке молнии, высветилась суть творчества Эйдельмана: все рассматривать сквозь магический пушкинский кристалл — людей, события, скрещенья судеб, загадки и парадоксы российской истории.

В январском номере журнала «Знание — сила» за 1984 год в новой рубрике «Увидеть день века» — статья Н. Эйдельмана «17 сентября 1773 года». Итак, события двухсотлетиетней давности.

«17 сентября 1773 года Петербург готовился к многодневному празднику: ожидали бесплатную раздачу вина и снеди, позже потребуется специальная брошюра для перечня всего, что составляло церемонию бракосочетания наследника престола Павла Петровича (будущего Павла I) с гессенской принцессой Вильгельминой, переименованной в Наталью Алексеевну. Екатерина II жалуется по этому случаю чины, деньги, ордена, тысячи крепостных душ, чтобы запечатлеть в памяти подданных событие...»

И в это же время:

«17 сентября 1773 года за две тысячи верст от столицы, по уральским горам, степям, дорогам, крепостям разлетелись листки с неслыханными словами:

„Самодержавного императора, нашего великого государя Петра Федаравича всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.

Во имянное мое указе изображено ящичку войску: Как вы, други мои, прежним царям служили до капли своей до крови, дяди и оцы ваши, так и вы послужите за свое отечество мне, великому государю императору Петру Федаравичу...“»

Итак, воззвание Емельяна Ивановича Пугачева. Прокламация, редкая в России, пусть не шибко грамотная, зато весьма искусно составленная, дельная, проникавшая не только в неприступные крепости, но и в сердца людей, сильно сомневающихся в существовании Петра III, похороненного 11 лет

назад... Эти строки спустя 60 лет прочтет Александр Сергеевич Пушкин. Вот как высоко их оценит:

«Первое возмутительное воззвание Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более действовало, что объявления, или публикации Рейнсдорна были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиньяками, с глаголами на конце периодов».

Магический кристалл. Он возник у Эйдельмана сразу же, едва завязался рассказ о необычайной жизни и приключениях Пугачева, которые, по уверению автора, «стоят любого, самого искусного, захватывающего повествования». Основные факты, замечает он, правда, давно известны, «но не слишком ли мы к ним привыкли и уж не удивляемся, а не удивляясь, можем ли понять?»

Как же постичь невероятную историю Пугачевского восстания? Даже зная факты? Как тридцатилетний неграмотный донской казак, небогатый, младший в семье, обыкновенной внешности («лицом смугловат, волосы стриженные, борода небольшая, окладистая, черная; росту среднего...») сумел зажечь пламя на пространстве более 600 тысяч квадратных километров (три Англии или полторы Германии!), как мог поднять, всколыхнуть, повлиять на жизнь нескольких миллионов человек, поколебать государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов?

Снова в руках у писателя магический кристалл.

«Пушкин, который был ровесником Пугачева, когда о нем писал,— Пушкин, кажется, был из числа немногих, кто заметил молодость, краткость жизни крестьянского вождя: „Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я только тридцать три года?“ Пушкину было ведомо, что и до Пугачева действовали самозванцы, крестьянские „Петры III-и“, случалось, удалой солдат, отчаянный мужик или мещанин вдруг объявлял себя настоящим императором... Пугачев же, как видно, слово знал — был в своем роде одарен, талантлив необыкновенно. Иначе не сумел бы... Это свойство Пугача через толщу лет, сквозь туман предания и забвения, первым тонко почувствует Поэт...»

Сегодня 21 марта 1984 года. Я принес перепечатанный на машинке текст «на визу». На рабочем столе писателя лежит верстка книги. Это та работа, о которой Натан Яковлевич говорил в самом начале «наших colloquiumов», как сказано в его дарственном автографе на одной из его последних книг. С той поры прошло полтора года, как все же летит время!.. Читаю

название: «Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта» (М.: Сов.писатель, 1984). Открываю новый труд Эйдельмана, как будто вступаю в новый, неведомый, заманчивый мир. Читаю:

«„Правды чистый свет“: счастливое выражение Пушкина, которое мы можем отнести и к его вымыслам, и к трудам по истории.

Эта книга — об оригинальном, замечательном русском историке Александре Сергеевиче Пушкине...»

...Шкатулка Клио пополняется.

Герман Абрамов

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Я на книгу молюсь, как на хлеба ковригу.
Книга — пицца души. Книга — к жизни зовет!
Я принес переплетчику ветхую книгу.
Он листы перешил. Обновил переплет.
Он разгладил углы. Он обрывы заклеил.
Он работал с предельной отдачей сил.
Он ее обихаживал. Холил. Лелеял.
Он страницы умолкшие вновь оживил.
И в искусстве его есть свое вдохновенье.
Есть свое мастерство для добротнейших дел.
Дал он книге старинной второе рожденье —
И поэт вместе с нею помолодел.

МОЛОДОЙ ЧААДАЕВ: КНИГИ И УЧИТЕЛЯ

Без имени оригинального русского мыслителя Петра Яковлевича Чаадаева нельзя оценить своеобразие развития национального самосознания первой половины XIX века, трудно понять особенности русской культуры в эту эпоху. Чаадаев оказал влияние на развитие философии, публицистики и литературы. Он одним из первых остро и самобытно поставил вопрос об особенностях исторического развития России и Западной Европы в их взаимосоотнесенности и способствовал образованию славянофильского и западнического направлений в русской общественно-литературной мысли. В основе такой постановки лежали высокие жизнетворческие побуждения взыскующей совершенства личности, что отмечалось многими выдающимися современниками, представителями самых разных, порою противоположных, идейных течений.

«Почти все мы знали Чаадаева,— говорил Хомяков после его кончины,— многие его любили и, может быть, никому не был он так дорог, как тем, которые считались его противниками. Просвещенный ум, художественное чувство, благородное сердце — таковы те качества, которые всех к нему привлекали; но в такое время, когда, по-видимому, мысль погружалась в тяжкий и невольный сон, он особенно был дорог тем, что и сам бодрствовал и других пробуждал,— тем, что в сгущающемся сумраке того времени он не давал потухать лампаде и играл в ту игру, которая известна под именем: „жив курилка“. Есть эпохи, в которые такая игра есть уже большая заслуга. Еще более дорог он был друзьям своим какою-то постоянной печалью, которую сопровождалась бодрость его живого ума... Чем же объяснить его известность? Он не был ни деятелем-литератором, ни двигателем политической жизни, ни финансовою силою, а между тем имя Чаадаева известно было и в Петербурге, и в большей части губерний русских, почти всем образованным людям, не имевшим даже с ним никакого прямого столкновения»¹.

Известность Чаадаева возросла в результате возбуждающего воздействия на русское общественно-литературное мнение его первого философического письма, опубликованного в 1836 году в журнале «Телескоп». Вместе с тем отдельные отрицательные выводы о прошлом, настоящем и будущем России в этой единственной напечатанной при жизни крупной работе Чаадаева стали источником всевозможных легенд, в которых он предстал ненавистником родины, перешедшим в католичество апологетом римской церкви, безусловным поклонником Запада.

Подлинная осведомленность в особенностях его творчества зависит не столько от знакомства с на шумевшей публикацией и тем более с отзвуками на нее, сколько от внимания к внутренней логике всех философических писем, а также других его произведений в их неразрывном единстве. Осведомленность эта, а также понимание своеобразия мыслительной деятельности Чаадаева зависят и от раскрытия обстоятельств становления его мировоззрения, среди которых, наряду с общественными впечатлениями, большое место занимала книга, ее воспитательное воздействие.

С младых лет будущий создатель «Философических писем» оказался в кругу богатейшей коллекции книг (около 15 тысяч томов) своего деда М. М. Щербатова, а вскоре стал подбирать и собственное собрание. «Только что вышедши из детского возраста,— писал о Чаадаеве его племянник и биограф М. И. Жихарев,— он уже начал собирать книги и сделался известен всем московским букинистам, вошел в сношение с Дидотом (представителем старинной семьи французских печатников и книгопродавцев.— Б. Т.) в Париже... толковал с знаменитостями о предметах религии, науки и искусства, словом, вел себя, как обыкновенно себя не ведут молодые люди в эти годы и как почти всегда себя показывают люди, что-нибудь особенное обещающие»².

Учась в Московском университете, многообещающий студент Петр Чаадаев уже собрал библиотеку, где имелись редчайшие экземпляры. В 1813 году вышел «Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, написанных на словенском и российском языках от начала заведения типографий до 1813 года» Василия Сопикова. В одном из разделов «Опыта...» рассказывается о книге «Апостол, или Деяния и послания апостольские, переведены с латинского перевода, именуемого Вулгата, доктором Франциском Скориною из Полоцка, в Вильне, 1525». В сопроводительном комментарии говорится, что книга эта известна в России только в двух экземплярах — один находится в библиотеке профессора Московского университета Ф. Г. Баузе, а другой — в библиотеке П. Я. Чаадаева.

Петр Чаадаев не был библиотекафом (согласно этимологии, замечает Василий Сопиков, библиотекаф есть погребатель книг,

т. е. человек, не дающий их другим: «сии чудачки в рассуждении книг суть тоже, что скупец в рассуждении денег. На их сокровище нельзя взглянуть, не оскорбляя их») и охотно делился своими постоянными приобретениями с профессорами и студентами, сам, в свою очередь, пользуясь имевшимися у них нужными изданиями.

После возвращения из заграничных походов 1813—1814 годов Чаадаев продолжал собирать свою так называемую первую библиотеку, в которой преобладали сочинения французских рационалистов и английских эмпириков. Выйдя в отставку в 1821 году, он продал эту библиотеку мужу своей двоюродной сестры, Ф. П. Шаховскому. Потом стал собирать новую.

После смерти Чаадаева вторая его библиотека перешла к М. И. Жихареву, который впоследствии передал ее в Румянцевский музей. В отчете Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1866 год говорится: «Третье по важности место в числе прошлогодних наших приобретений занимает пожертвованное М. И. Жихаревым собрание из 3000 томов и брошюр, 36 атласов, карт и планов, 25 разных портретов и 6 бюстов. Большую часть этого собрания составляет замечательная в своем роде библиотека покойного П. Я. Чаадаева, заключающая в себе, кроме многих современных изданий, довольно большой и оригинальный выбор книг по части философии, истории, богословских и политических сведений и, наконец, по части беллетристики». Среди переданных книг имелись экземпляры с автографами А. С. Пушкина, А. Ф. Вельтмана, А. И. Герцена, Т. Н. Грановского, С. П. Шевырева, А. С. Хомякова. Так, Пушкин писал на первом издании «Бориса Годунова»: «Вот, мой друг, то из моих произведений, которое я люблю больше всего. Вы прочтете его, т. к. оно написано мною, и скажете мне свое мнение о нем. А пока обнимаю Вас и поздравляю Вас с новым годом».

Книги Чаадаева отражали черты духовного облика их собирателя, являлись своеобразными собеседниками и помощниками как в его общественной деятельности, так и в повседневном, достаточно одиноком, существовании. «На книгах Чаадаева,— замечает исследовательница его библиотеки О. Г. Шереметьева,— мы встречаем наброски частей „Философических писем“, афоризмы, различные заметки, отрывки из частных писем, мнения, адреса, рецепты, планы и даты, указывающие или время покупки книги, или время чтения, или вызванное книгой воспоминание. Кроме того, его книги покрыты массой значков, которыми он помечал поразившие его места. Эти карандашные отметки Чаадаев делал самым различным образом: иногда это просто вертикальная черта карандашом на полях справа или слева против текста. Против особо поразивших мест ставится

крест, звезда, круг, похожий на греческую омегу. Иногда на полях появляются отметки, вроде музыкального скрипичного ключа. Отдельные абзацы заключаются в простые или фигурные скобки. В местах, по-видимому, наиболее нужных, страницы перегибаются пополам, отчеркиваются или перечеркиваются. Отметки такого рода сопровождаются несколькими словами, большей частью на французском языке. Значки эти очень характерны, по ним можно сразу среди тысяч книг отыскать книгу Чаадаева, они имеют, по-видимому, каждый свое особое значение, которое, к сожалению, до сих пор не удалось разгадать и выяснение которого могло бы сделаться предметом дальнейшего изучения»³.

Исследование многогранной роли книг в личной и идейной жизни Чаадаева еще впереди. Сейчас расскажем об условиях воспитания и образования молодого человека, которые предопределили первоначальный выбор книг и затем сказывались в его последующем творчестве.

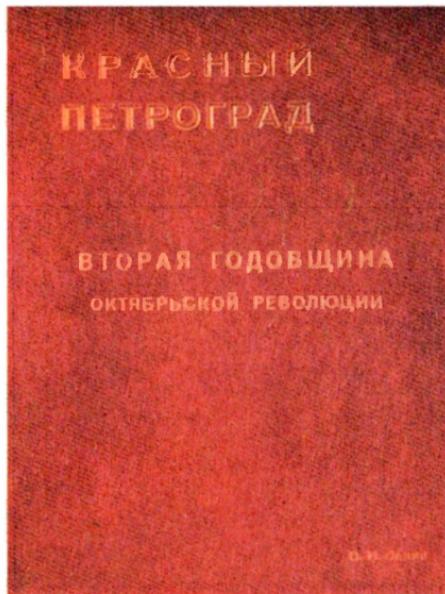
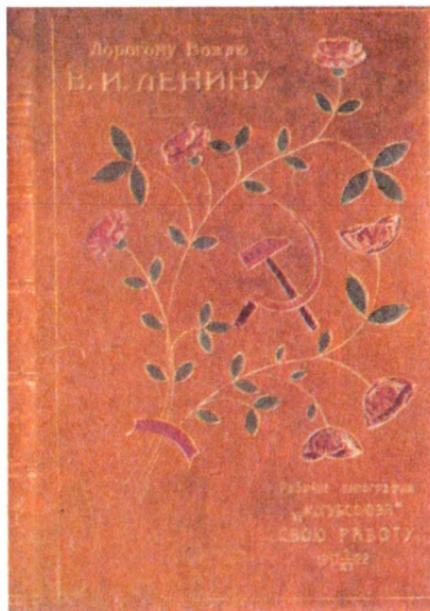
Вначале несколько слов о писательской деятельности деда Чаадаева, также повлиявшей на формирование мировоззрения и литературных склонностей будущего мыслителя. Князя Михаила Михайловича Щербатова еще в раннем возрасте записали в лейб-гвардии Семеновский полк. В 1762 году по объявлении манифеста о вольности дворянства в чине капитана он вышел в отставку. В 1767 году ярославское дворянство послало М. М. Щербатова депутатом в комиссию, работавшую над проектом нового Уложения, где он с особой энергией защищал привилегии своего сословия, выступил застрельщиком прений против законов Петра I, в которых стиралась грань между родовитым и чиновным дворянством и отдавалось предпочтение последнему. Постоянно пополняя свое образование, князь М. М. Щербатов увлекся написанием «Истории российской с древнейших времен», которая стала выходить с 1770 года (всего напечатано 18 книг). Екатерина II, втайне недолюбливавшая многознающего князя и вместе с тем испытывавшая уважение к его учености, присвоила ему титул историографа (он был также почетным членом Академии наук, сенатором и президентом коммерц-коллегии), поручила ему разбор бумаг Петра I и предоставила доступ в патриаршую и типографскую библиотеки. Работа требовала больших трудов и крепкого здоровья, но Щербатова поддерживало сознание, что она нужна и полезна, ибо «изучение истории своей страны,—как писал он,—необходимо для тех, кто правит, и те, кто освещает ее, приносят истинную пользу государству. Как бы то ни было, даже если я не буду вознагражден за мои мучения, надеюсь, что потомство отдаст мне справедливость».

Углубляясь в архивы Петра I, М. М. Щербатов обнаруживал противоречивое воздействие его реформы на духовное развитие русского общества. «Воззрим же теперь,— писал он в одном из самых значительных своих философско-публицистических произведений „О повреждении нравов в России“,— какие перемены учинила в нас нужная, но, может быть, излишняя перемена Петром Великим, и как от оных пороки зачали закрадываться в души наши». Благодаря Петру Великому заметно усовершенствовались науки, искусства, ремесла, бойчее стала торговля, возросла военная мощь государства, и Россия «приобрела знаемость в Европе и вес в делах». Все это помогало ввести «таковую людскость, сообщение и великолепие», которые изменяли бытовой уклад и нравственно-психологическую атмосферу повседневной жизни. Входили в моду изысканные наряды, утонченные напитки, эпикурейское времяпровождение. И «преобразовались россияне из бородатых в гладкие, из долгополых в короткополые», стали общительнее и галантнее. «Мы подлинно в людскости и в некоторых других вещах, можно сказать, удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению нашей внешности, но тогда же, гораздо с вящей скоростью, бежали к повреждению наших нравов».

Подобный парадокс М. М. Щербатов объяснял тем, что огромные усилия, затрачиваемые «на поправление нашей внешности», не искореняли, а, напротив, укрепляли один из коренных пороков человеческой природы — сластолюбие, которое «рождает беспорядочные хотения и обоживает охулителные страсти». «Вкус, естественное сластолюбие и роскошь» приводят к несоответствию доходов и расходов, заставляют первосановников и дворян и их завистливых подражателей привязываться к государю как к источнику богатства и вознаграждений. «Привязанность сия учинилась не привязанностью верных подданных, любящих государя и его честь и соображающих все с пользою государства, но привязанностью рабов-наемников, жертвующих все своим выгодам и обманывающих лестным усердием своего государя. Грубость нравов уменьшилась, но оставленное ею место лестью и хамством наполнилось. Откуда произошло раболепство, презрение истины, обольщение государя и прочие золы, которые днес при дворе царствуют и которые в домах вельможей вогнездились». Сама Екатерина II, замечает суровый критик, подает подчиненным худой пример торжества сластолюбия и роскоши.

Взаимодействие России и Европы, противоречивость социальных реформ Петра I — эти и подобные темы, освещаемые и рассматриваемые в иной плоскости, составят важный узел размышлений Петра Яковлевича Чаадаева, который не застал своего деда в живых, но наверняка должен был много знать о его

**К СТАТЬЕ Ю. ШАРАПОВА
«ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА В. И. ЛЕНИНА»**

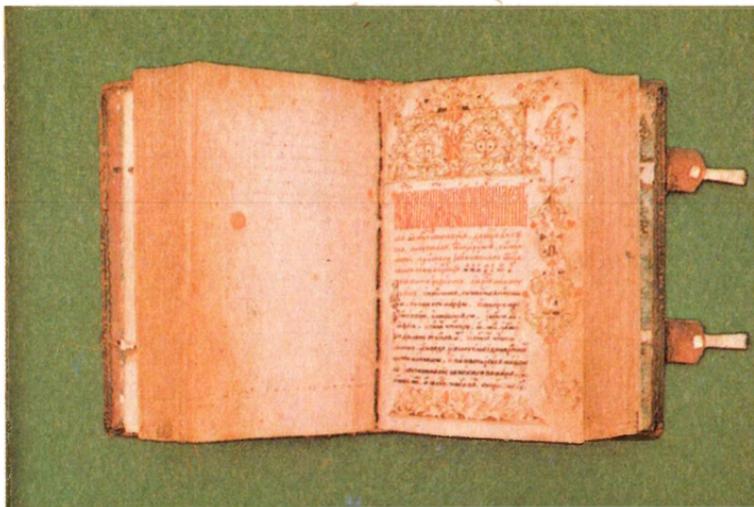

*Книги первых лет революции,
подаренные В. И. Ленину*

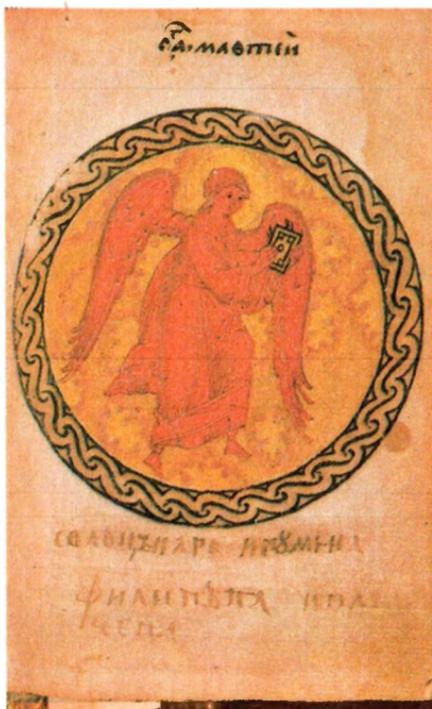
**К БЕСЕДЕ С ЛЕТЧИКОМ-КОСМОНАВТОМ СССР
КОНСТАНТИНОМ ФЕОКТИСТОВЫМ**

*Книги советских космонавтов и писателей-фантастов,
изданные в «Молодой гвардии»*

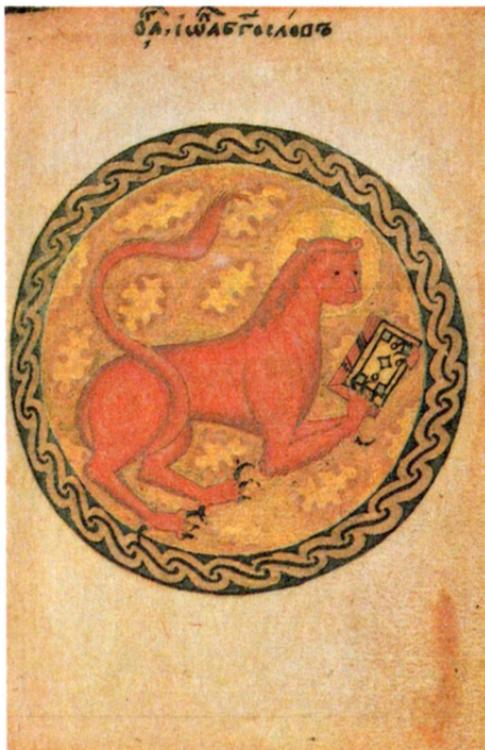
Рукописный устав, ок. 1637

Миниатюра из рукописной книги XVI века

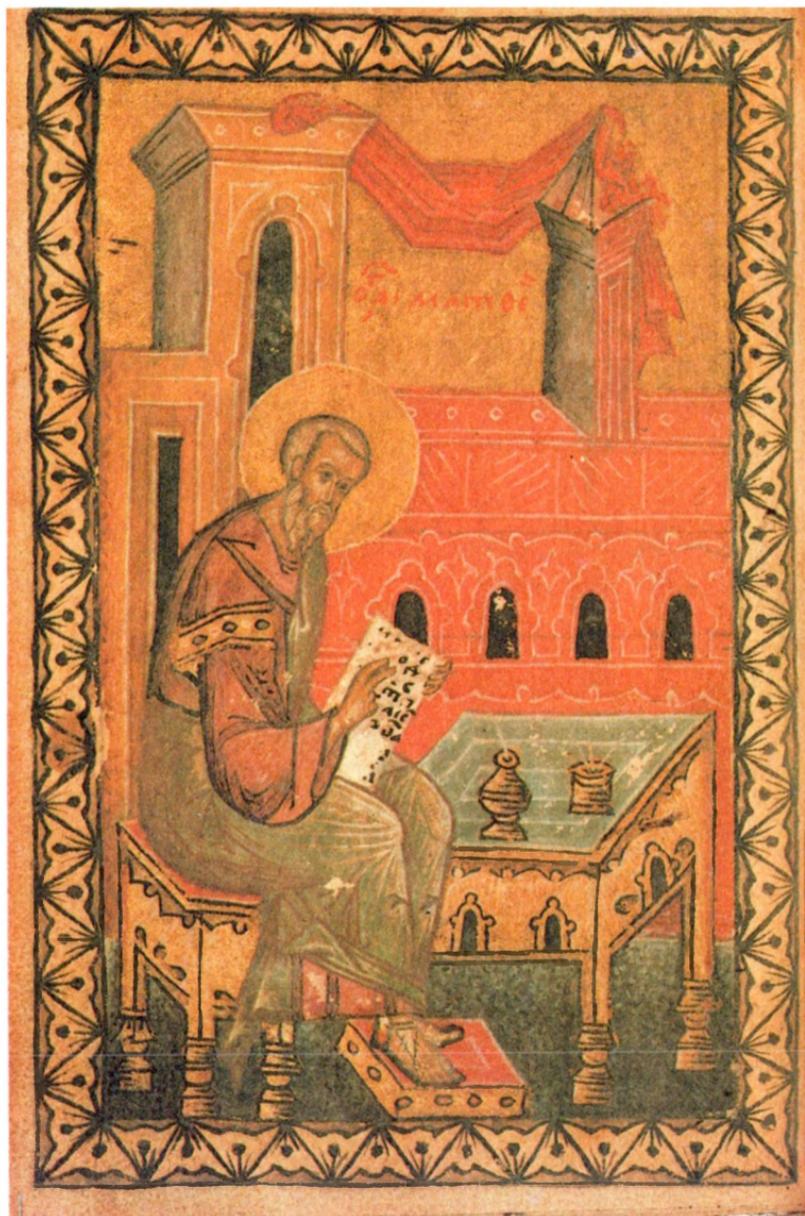
Иллюстрация к рукописной книге конца XVI века

Элемент оформления

Миниатюра и орнамент на нотном издании (крюковое письмо)

Миниатюра, XVI век

Лицевой сборник конца XVIII века

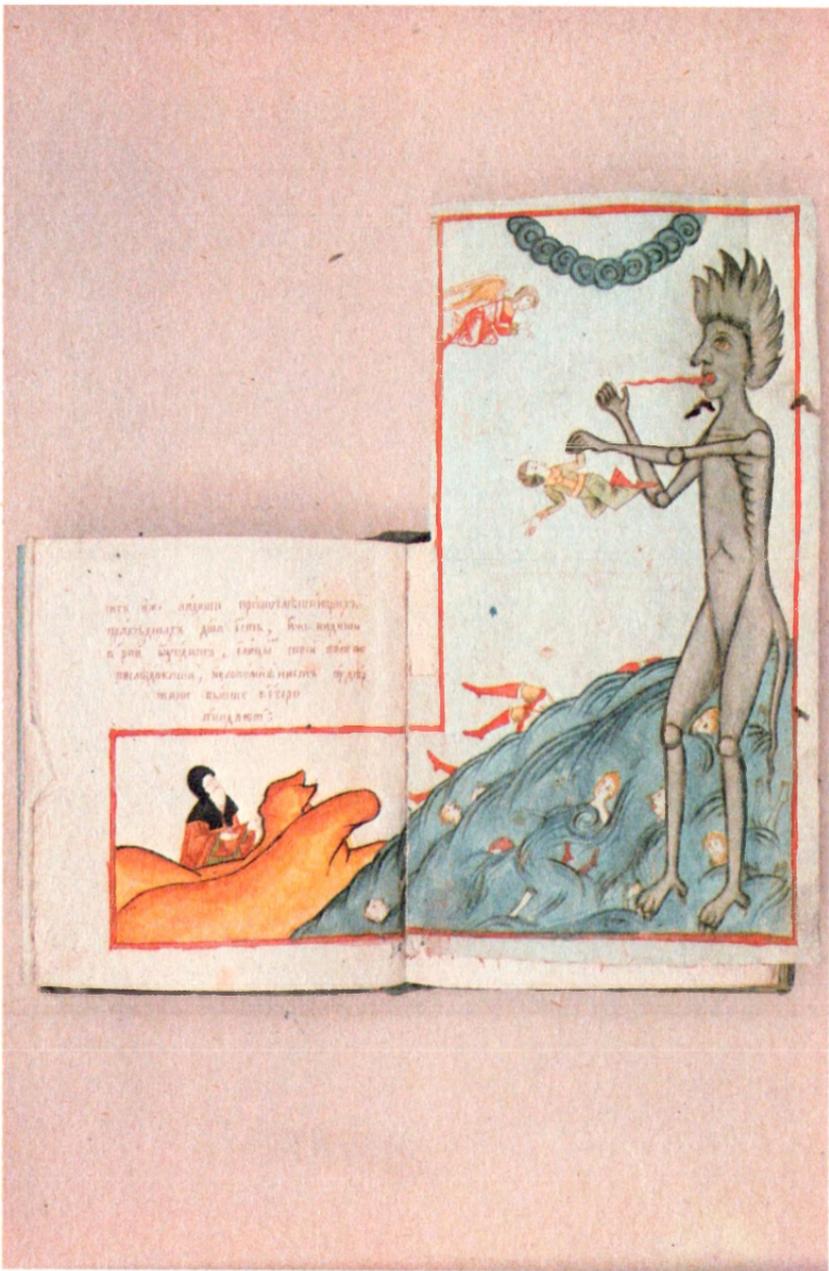
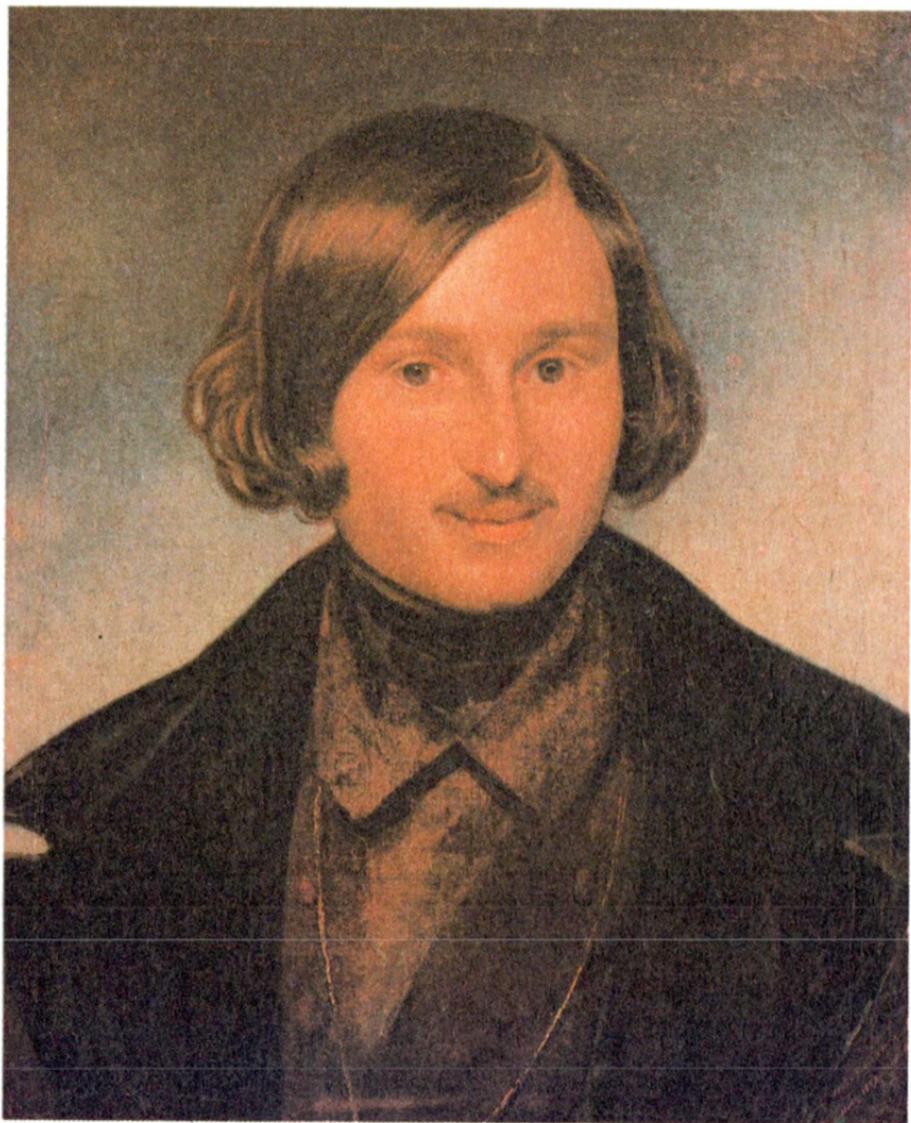

Иллюстрация из лицевого сборника

Праздники певческие на крюковых нотах, выполненные Петром Запольским

К СТАТЬЕ Е. ПЕНСКОЙ «НЕОБЪЯТНЫЙ МИР ГОГОЛЯ»
Из фондов Государственного Литературного музея

**Н. В. Гоголь. Прижизненный портрет
работы Ф. Моллера (копия художника
Бублика)**

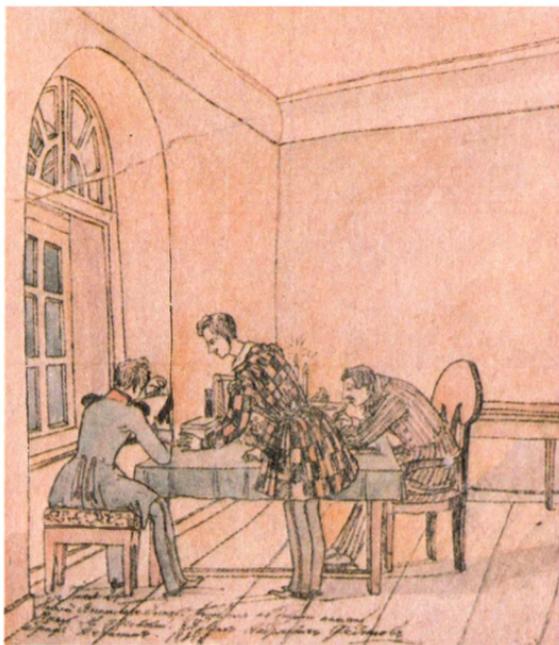
*Интерьер гостиной Дома Аксаковых,
в котором бывал Н. В. Гоголь*

Мария Ивановна Гоголь — мать писателя. Неизвестный художник, 1830-е годы

*Василий Афанасьевич Гоголь-
Яновский — отец писателя.
Неизвестный художник, 1830-е годы*

Гоголь, Одоевский, Панин. Рисунок
П. Федотова, 1838

*Переправа Гоголя через Днепр.
Картина крепостного художника
А. Ф. Иванова, 1845*

*Тарас Бульба над телом убитого
Андрія. Художник П. Соколов, 1860*

деятельности и трудах по рассказам родственников, по оставленным им рукописям и книгам. В 1908 году были изданы «О повреждении нравов в России» деда и «Философические письма» внука (в одном томе). «Сочинение Щербатова,—говорилось в редакционном введении,—было первой попыткой философии русской истории, и это еще более выдвигает его интерес. Много лет спустя эту попытку повторил П. Чаадаев...»⁴

Если литературная деятельность деда носила философско-публицистический характер, то у отца Чаадаева она была окрашена в сатирические тона. Выйдя в отставку после участия в Шведской кампании в составе лейб-гвардии Семеновского полка, Яков Петрович Чаадаев служил советником Нижегородской уголовной палаты, где сталкивался со злоупотреблениями должностных лиц. Особенно возмущало его поведение управляющего коллегией экономии в Нижегородской губернии Петра Ивановича Прокудина, который, ведая казенными крестьянами, вел роскошную жизнь. Назначенный в конце XVIII века вице-губернатором в Пензу, князь И. М. Долгорукий, ненадолго остановившийся в Нижнем Новгороде, вспоминал, что «плут» Прокудин «держал открытый стол на самой пышной ноге богатого вельможи. У него была домовая церковь пребогатая... зимний сад в одной из комнат просторного дома, птичник, в котором всегда происходил гармонический концерт разнородных пернатых; словом, он был в Нижнем то, что Шереметьев в Москве... Он дал мне большой пир и кормил меня на серебре, потом другой — на фарфоре, и, наконец, прощальный ужин на английском сервизе „аплике“». Для подобных каждодневных угощений требовались немалые деньги, при добывании которых управляющий коллегией экономии не гнушался разбойничьими средствами. Видимо, совладать с влиятельным чиновником законным путем оказалось невозможно и, наверно, небезопасно. Поэтому советник уголовной палаты Я. П. Чаадаев прибегнул к... литературе.

В 1794 году, в год рождения Петра Яковлевича Чаадаева, в Москве в университетской типографии «у Ридигера и Клаудия» была напечатана небольшая комедия «Дон Педро Прокодуранте, или Наказанный бездельник». На титульном листе значилось, что ее автор — Кальдерон де ла Барка, что переведена она с «гишпанского на российский язык» в Нижнем Новгороде. Имя же переводчика на книге не указывалось. Известный историк литературы и один из биографов Петра Яковлевича Чаадаева М. Н. Лонгинов писал, что «пьеса эта не перевод с испанского, а оригинальное сочинение Чаадаева... В ней выведены злоупотребления одного лица...—экономии директора... носившего фамилию, имевшую некоторое сходство с именем „Прокодуранте“. Фамилия этого должностного лица — Прокудин... Автор комедии

был из числа многих лиц, негодовавших на его поступки, и написал эту пьесу для его осмеяния, сделав указание на мало известного тогда Кальдерона, чем отклонял до некоторой степени подозрение в личности... Когда „Дон Педро“ был прочитан, изображенный в нем экономии директор пришел в ужасный гнев и отчаяние и придумал решительную меру для уничтожения обличительной для него книги. Он скупил через своих агентов все экземпляры комедии, сколько было возможно, и истребил их»⁵.

Разоблаченный герой потрудились настолько изрядно, что комедия стала величайшей библиографической редкостью. Сам Петр Яковлевич Чаадаев, большой знаток и любитель книг, смог познакомиться с текстом лишь к концу своей жизни. Следует добавить, что предприятие Якова Петровича, писательские склонности и сатирический талант которого найдут своеобразное преломление в литературной деятельности его сына Петра, носило, надо полагать, секретный характер, ибо многие современники верили, что авторство этого текста действительно принадлежит Кальдерону, несмотря на «нижегородский колорит» и русские выражения, немыслимые в устах испанцев.

Петру Чаадаеву не было еще и трех лет, когда он и его брат Михаил осиротели. Опекун сирот, родной брат их матери князь Дмитрий Михайлович Щербатов, взял на себя заботу об их имущественных делах. Воспитанием же их занялась тетка, княжна Анна Михайловна Щербатова. Анна Михайловна как могла старалась заменить сиротам мать. Много позднее, когда ее «малюткам» было уже за сорок, она писала Михаилу Яковлевичу Чаадаеву: «Благодарю всевышнего, что избрал меня служить вам матерью в вашем детстве, и в вас нахожу не племянников, но любезных сыновей; ваше благорасположение доказывает мне вашу дружбу, но и я, будьте уверены, что я люблю вас паче всего; нет для меня ничего любезнее вас, и тогда только себя счастливою нахожу, когда могу делить время с вами».

Тетка, которая, по словам М. И. Жихарева, была «разума чрезвычайно простого и довольно смешная, но, как видно из ее жизни, исполненная благодати и самоотвержения», баловала своих питомцев и воспитывала их в тепличной атмосфере барского быта. «Сначала за детьми ходили няньки; кстати и некстати, ради гигиенических причин, лишали их пищи и воздуха, а иногда без всякой благоразумной причины чересчур наделяли их тем и другим; в праздничные и воскресные дни брали к обеду, зимой возили кататься; осенью и весной выводили гулять, преимущественно туда, где собирается много народа; наряжали (как и теперь) самым bestолковым и безобразным образом; раз или два в неделю возили на поклон обедать к наиболее почетным

лицам из родни; изредка показывали театр. Лето, т. е. четыре и много пять летних месяцев, всегда проводили в деревне либо у себя, либо у родственников и даже у близких знакомых. Потом, по наступлении семилетнего возраста, вдруг совершалось коренное преобразование; устранялись няньки, принимались дядьки, учителя, гувернеры, наставники».

Когда дошло до дядек и учителей, то здесь, как и в имущественных вопросах, дело взял в свои руки Дмитрий Михайлович Щербатов. Дмитрий Михайлович тоже служил в лейб-гвардии Семеновском полку, вышел в отставку в чине полковника. Михаил Михайлович дал сыну и европейское образование — отправил его учиться в Кенигсбергский университет. Тогда в этом университете приобретал мировую известность философ Кант. Но, как уверял впоследствии М. И. Жихарева П. Я. Чаадаев, русский студент узнал об этом лишь много лет спустя... М. И. Жихарев приводит еще один курьезный случай из университетской жизни Дмитрия Михайловича Щербатова. Последнего как представителя родового русского дворянства избрали, в один из проездов через Кенигсберг великого князя Павла Петровича (будущего императора Павла I), для произнесения приветствия его высочеству. Но в самый нужный момент Щербатова не могли отыскать: он скрылся на каком-то чердаке, а великий князь последовал дальше без русского приветствия. Ни о своей военной службе, ни о заграничном учении Дмитрий Михайлович рассказывать не любил — он вел достаточно замкнутый и уединенный образ жизни. По словам М. И. Жихарева, «он был умен, богат, мало честолюбив, очень самостоятелен, донельзя своенравен и своеобразен, очень самолюбив, чрезвычайно капризен, барски великолепен в замашках и приемах, отчасти склонен к похвальбе и превозношению и имел неограниченное уважение, в то время понятное и основательное, к своему состоянию и к своему происхождению. Людей такой формации и такого закала теперь едва ли можно найти в России. Они начались и кончились с веком Екатерины II и складывались по образу и по подобию больших бар Лудовика XIV, напоминая собою строгую, недовольную и желчную фигуру Сен-Симона...». Другой свидетель жизни П. Я. Чаадаева, Д. Н. Свербеев, писал: «Князь Дмитрий Михайлович завел у себя весь утонченный европейский комфорт, порядок и управление в своем хозяйстве и был равнодушен, чтобы не сказать более, к народу и к правительству. Его индифферентность к религии считал я, может быть и несправедливо, следствием влияния на него философских мнений XVIII века».

Некоторые черты духовного облика своего дяди как бы унаследует Петр Чаадаев, который вместе с тем критически

отнесется к отдельным сторонам его мировоззрения, в частности к его религиозной индифферентности и отсутствию патриотизма.

Рано овдовев, князь Щербатов все свое время проводил в тесном семейном кругу — с сыном Иваном и двумя дочерьми Елизаветой и Наталией и старался дать им, по словам М. И. Жихарева, «образование совершенно необыкновенное, столько дорогое, блистательное и дельное, что для того, чтобы найти ему равное, должно подняться на самые высокие ступени общественных положений. Не говоря об отличнейших представителях московской учености, между наставниками в его доме можно было указать на два или три имени, известные европейскому ученому миру».

Таким образом, домашнее образование в семье Щербатова было лишено многих недостатков, о которых говорил Пушкин в записке «О народном воспитании», составленной в 1826 году: «В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное: ребенок окружен одними холопьями, видит одни гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем».

Среди нанятых Дмитрием Михайловичем учителей не было «каких-нибудь». Как свидетельствует Д. Н. Свербеев, ректор Московского университета П. И. Страхов преподавал детям Щербатова и его племянникам физику. Страхов хорошо знал философию, древнюю литературу и был послан за границу специализироваться в науке красноречия. По возвращении же ему не нашлось места на соответствующей кафедре; но появилась нужда в преподавателях физики. Страхов приступил к изучению новой науки и увлекся ею. Студенты охотно посещали его занятия. В 1804—1808 годах по просьбе попечителя университета М. Н. Муравьева он читал в большой аудитории публичные лекции по физике для всех желающих слушать. Популярный физик обладал богатой библиотекой и коллекцией редких русских летописей, грамот, писем, монет.

Другой преподаватель щербатовского дома Г. И. Фишер учился в крупнейших университетах Фрейбурга, Йены, Галле и Геттингена, после чего слушал еще лекции в Вене и Париже, где увлекся учением Кювье. Прочно обосновавшись в Москве, Фишер занялся описанием ископаемых животных, насекомых, минералов России, издав два труда, получивших известность в Европе: «Энтомография России» и «Ориктография Московской губернии». В России, где его называли «русским Кювье», он опубликовал более двухсот научных работ. Будучи основателем Московского

общества испытателей природы, Фишер знакомил юных Чаадаевых и Щербатовых с ботаникой, зоологией и минералогией, курсы которых читал в Московском университете по собственным учебникам. Но не только с этим. Наверняка он должен был им рассказывать о знаменитом путешественнике А. Гумбольдте, о Шиллере и Гёте, с которыми находился в дружеских отношениях.

Х. А. Шлецер, живший во флигеле щербатовского дома, учил их истории и основам политической экономии, которая с его приходом из Германии стала новым предметом в Московском университете. В 1805 году по поручению попечителя М. Н. Муравьева он напечатал первое такого рода сочинение в России под названием «Начальные основания государственного хозяйства», где придерживался учения Адама Смита.

Одним из самых известных преподавателей, занимавшихся с питомцами Дмитрия Михайловича Щербатова, считался бывший профессор Геттингенского университета, большой знаток богословия, философии и классической литературы И. Т. Буле, который к тому же хорошо знал греческий, латинский, древнееврейский и владел главными новоевропейскими языками. Своими богатыми знаниями Буле щедро делился как на лекциях в Московском университете, так и на частных уроках.

Но не только знаменитости обучали Щербатовых и Чаадаевых. Так, учитель математики в академической гимназии при Московском университете Ф. И. Чумаков преподавал им арифметику и геометрию, знание которых — наряду со знанием начатков истории, географии и одного из новых языков — было необходимо для поступления в университет.

Петру Чаадаеву учение по всем предметам давалось легко, и он быстро стал выделяться среди сверстников. «Молодой Чаадаев,— пишет о нем М. И. Жихарев,— по своему рождению и состоянию имевший право занять место и стать твердою ногою, как равный между равными, силою особенностей своей изобильно и разнообразно одаренной прихотливой природы, немедленно поместился как между равными первый. Он сей же час сделался лучшим перлом и благороднейшим украшением этой маленькой котерии московской детской знати и в самое короткое время симпатическими свойствами своего существа успел значительно расширить сферу ее знакомства и известности».

Основательное и многостороннее интеллектуальное развитие «лучшего перла» «детской знати» сделало для него привычной городскую книжную среду, родной — атмосферу общения с образованными людьми. И летние месяцы в деревне, в родовом имении дяди в Серпуховском уезде, становятся для него тягостным времяпровождением. «Любезный братец,— пишет в 1807 году в Москву тринадцатилетний Петр Чаадаев,— не завидуйте нашим

счастьем. Я вам правду скажу, что я умираю здесь от скуки и от нетерпения вас видеть, тем более что, говорят, мы еще долго отсюда не уедем. Слышно, что здесь будет спектакль. Это будет довольно весело. Мы все ездим купаться и с нами махинальный человек. Мы имели сражение в Егорьевском с собаками и остались победителями... Впрочем, здесь все как сперва, с той разницей, что все после обеда проходит в верчении на качелях...»

Скучающий юный отрок, как видно из письма, еще не потерял способности радоваться детским забавам, которые часто становились «игрой в войну», как бы подражанием военным действиям 1805—1807 годов между Францией и Россией. В 1807 году воевавшие стороны заключили так называемый Тильзитский мир, который считался постыдным в патриотических кругах русского общества: Александр I сделал ряд уступок Наполеону, в частности дал согласие участвовать в континентальной блокаде Англии, что противоречило экономическим интересам России. Юный Чаадаев чрезвычайно болезненно воспринял это событие и часто спорил о нем с дядей. Когда же Дмитрий Михайлович в очередном домашнем спектакле решил прославить Тильзитский мир, его племянник, как рассказывает М. И. Жихарев, ушел на целый день в поле и забился в рожь, а когда его отыскивали, то «с плачем объявил, что домой не вернется, что не хочет присутствовать при праздновании такого события, которое есть пятно для России и унижение для государства».

Братья Чаадаевы внимательно следили за последовавшими после перемирия военными действиями французов, которые в одном из сражений с австрийцами потерпели поражение. В Москве ходила по рукам довольно редкая немецкая реляция об этом сражении, которую правительство вследствие установившегося союза России с Францией приказало повсеместно отбирать. «И так как оба Чаадаева,—замечает М. И. Жихарев,—тогда еще несовершеннолетние, ее имели, то за нею к ним приезжал сам полицмейстер, которому Петр Чаадаев ее и передал, поставив ему в то же время резко на вид, что недостойно русской политики раболепствовать Наполеону до такой степени, чтобы скрывать его неудачи». Не прекращались и споры между племянником и дядей по внешнеполитическим вопросам, споры, в которых, по замечанию биографа, острый и бойкий мальчик почти всегда побеждал важного и строгого опекуна. Однако разногласия, по-видимому, заканчивались чаще всего примирением или хорошим обедом, например, в Бацовом трактире, находившемся между Охотным рядом и университетом, в котором в это время уже учился Петр Чаадаев.

Петр и Михаил Чаадаевы вместе с двоюродным братом Иваном Щербатовым поступили в Московский университет в

1808 году, в период его своеобразного расцвета. 5 ноября 1804 года был утвержден новый устав, в первом параграфе которого говорилось: «Императорский Московский университет есть высшее учебное сословие, для преподавания наук утвержденное. В нем готовится юношество для вступления в различные звания государственной службы».

Для надлежащей подготовки полезных государству и обществу ученых мужей товарищ министра народного просвещения М. Н. Муравьев, являвшийся попечителем университета, существенно пополнял книжные фонды, постоянно открывал необходимые для соответствующей практики учреждения, энергично закупал недостающее оборудование и приборы. Получив из-за границы сочинения Бентама, Лавуазье, Лаланда, Монжа, Смита, Стюарта, он докладывал министру: «...не преминул препроводить в библиотеку новейших великих писателей, которые распространили в краткое время пределы человеческих знаний в химии, высокой геометрии и экономии политической». Заботясь о развитии естественных наук, неутомимый Муравьев заказал в обсерватории «у Берже, искусного художника астрономических орудий, большой регулятор и полный круг, величиною три фута в диаметре», купил мощный телескоп и выписал хронометр из Лондона, где также приобрел полный комплект хирургических инструментов для оборудования клинической больницы. Химическая лаборатория еще не была создана, а он уже позаботился о необходимых сосудах, существующий же физический кабинет снабдил гальваническим аппаратом, Грейтоновой переносной лабораторией и Отвудовым снарядом «для показания ускорительного падения тел».

Интенсивное книжно-инструментальное оснащение университета дополнялось пожертвованиями московского дворянства: от известного богача Демидова поступили 100 тысяч рублей, ценная библиотека и кабинет для натуральной истории; бывший президент Академии наук Е. Р. Дашкова также передала богатую библиотеку и кабинет натуральной истории, насчитывавший более 15 тысяч предметов, а князь Урусов — коллекцию минералов, энкаустических и мозаических картин, монет и драгоценных камней. И в 1805 году был создан большой Музей натуральной истории, занимавший шесть больших зал и галерею, — он был доступен для широкой публики. В этом же году заложили ботанический сад, с двумя оранжереями, теплицей и каменной залой для чтения лекций, открыли клиническую и глазную больницы, а в следующем — повивальный институт и родильный госпиталь.

Расширение научной жизни в университете было ознаменовано и созданием в 1805 году двух научных обществ (истории и

древностей российских и испытателей природы), к которым через год добавилось третье — соревнователей врачебных и физических наук. Несколько позднее, в 1811 году, образовалось Общество любителей российской словесности.

Поклонник просветительской философии М. Н. Муравьев уделял равное внимание и развитию гуманитарных знаний, важной воспитательной целью которых он считал создание «новой породы людей», способных сочетать в своих действиях «разумную свободу в разбирательстве мнений» с «просвещением и благонравием». Видя образец для подражания в высших учебных заведениях протестантской Германии, попечитель энергично приглашал в Россию немецких профессоров, которые, кто для служения науке, а кто ради собственных выгод, покидали родину и отправлялись в Россию. В 1807 году, после смерти Муравьева, его место занял граф А. К. Разумовский.

В это время и поступали в Московский университет Петр и Михаил Чаадаевы. 30 июня 1808 года они присутствовали на торжественном собрании, которое открылось в 9 часов утра. Как писалось через несколько дней в «Московских ведомостях», по прибытии «попечителя сего Университета... графа Алексея Кирилловича Разумовского и приглашенных почтенно программами знаменитейших в здешней древней столице особ» доктор философии и профессор красноречия А. Ф. Мерзляков произнес слово «О духе, отличительных свойствах Поэзии первобытной и о влиянии, какое имела она на нравы, на благосостояние народов». Далее профессор эстетики П. А. Сохацкий стал называть студентов, защитивших «дипломы на ученые достоинства» и награжденных за лучшие «по задачам сочиненные диссертации» золотыми и серебряными медалями. Среди произносимых фамилий были и имена будущих университетских друзей Петра Чаадаева: Дмитрий Облеухов производился в магистры, Владимир Лыкошин и Александр Грибоедов — в кандидаты. Наконец, дошла очередь до объявления только что поступивших студентов, и Петру и Михаилу Чаадаевым вместе с другими новичками профессор Ф. Х. Рейнгард вручил по традиции шпаги. После этого профессор римского права Ф. Г. Баузе произнес «приличную на латинском языке речь» по случаю снятия с себя полномочий ректора, которые на следующий академический год принимал профессор статистики И. А. Гейм. При сем будущий ректор получил от бывшего большую университетскую печать и в свою очередь произнес «речь на русском языке и изъявил от имени Университета благодарность всему собранию. В заключение, по окончании хора, играна была пьеса на органах», подаренных университету его благодетелем П. Г. Демидовым, розданы в награждение книги «прилежным и отличным по

благоповедению ученикам» университетской гимназии и публично открыт «редкий в Европе» университетский музей. «Вечеру,—заканчивают свое сообщение о торжественном собрании „Московские ведомости“,—Университет был иллюминирован»⁶.

В такой приподнятой атмосфере принимали братьев Чаадаевых в студенты «по надлежащем испытании», о содержании и характере которого ничего не известно. Вот как описывает свои вступительные «экзамены» в Московский университет упомянутый на торжествах Владимир Лыкошин, которого вместе с братом Александром и гувернером Мобером мать привезла в древнюю столицу: «...профессор Маттеи согласился принять нас к себе в дом пансионерами, с нашим гувернером за 1200 р. ассигнациями в год. В назначенный день съехались к нам к обеду профессора: Гейм, Баузе, Рейнгард, Маттеи и три или четыре других... За десертом и распивая кофе, профессора были так любезны, что предложили Моберу сделать нам несколько вопросов; помню, что я довольно удачно отвечал, кто был Александр Македонский и как именуется столица Франции и т. п. Но брат Александр при первом сделанном ему вопросе заплакал. Этим кончился экзамен, по которому приняты мы были студентами, с правом носить шпагу; мне было 13, а брату 11 лет»⁷.

Трудно сказать, так или иначе происходило «надлежащее испытание» братьев Чаадаевых. Внешнее сходство их университетской жизни с жизнью братьев Лыкошиных обнаруживается в другом: как и братья Лыкошины, Петр и Михаил слушали своих профессоров вместе с гувернером (последний научил своих воспитанников изрядно английскому языку, а Петра вдобавок пить грог...).

В это время в Московском университете было четыре отделения—физических и математических наук, врачебных, или медицинских, нравственных и политических, а также словесных наук. Неизвестно, на каком отделении учились братья Чаадаевы, скорее всего, на словесном или этико-политическом. Судя по всему, они посещали лекции этих отделений, как и их товарищ Александр Грибоедов, приходивший в университет с гувернером Петрозилиусом.

На словесном факультете Маттеи разбирал речи римских историков и греческие эклоги. Каченовский читал историю красноречия, Сохацкий—эстетику, Мерзляков—теорию поэзии, Черепанов—всеобщую историю, Гаврилов—критическое чтение русских сочинений в стихах и прозе. Гейм преподавал статистику главнейших европейских государств и Российской империи, Снегирев давал общие понятия о философии и антропологии, а

Буле объяснял мифологию и археологию, историю древней живописи, скульптуры и архитектуры.

На этико-политическом отделении Цветаев читал теорию и историю законов, Баузе — римское право, Брянцев — логику, метафизику и эмпирическую психологию. Шлецер преподавал элементы политики и политическую экономию, Рейнгард — практическую философию и этику, а также историю европейских государств (на немецком языке) и историю XVIII века (на французском языке). Особенно был загружен Буле: кроме разъяснения естественного права, критической метафизики и разбора философских систем Канта, Фихте и Шеллинга, он читал private лекции по теории и истории изящных искусств, по греческой и римской литературе.

Философское умонастроение, обширные познания и тесное знакомство по домашним урокам особенно привлекали молодых Чаадаевых к лекциям Буле, который выделял Петра как одного из самых перспективных учеников. Надо полагать, что не без помощи Буле Петр Чаадаев уже на университетской скамье глубоко усвоил систему Канта и основы творчества Шеллинга; критическое осмысление их философских построений займет впоследствии важное место в построениях русского мыслителя.

Материал для своих будущих размышлений Петр Чаадаев получал и на занятиях кантианца Ф. Х. Рейнгарда, того самого «ученого, но молчаливого немца», который вручал шпаги братьям Чаадаевым на вступительном торжественном заседании. Одна из лекций Рейнгарда, прочитанная по-французски, сохранилась среди бумаг Михаила Чаадаева. В ней лектор стремился определить предмет философии на фоне других наук — физики, истории, антропологии, которые изучают соответственно свойства и отношения материальных тел, фактов и событий, чувств и мыслей человека. При всей разнице между этими науками в них есть нечто общее — они основаны на опыте и имеют дело с наблюдаемыми объектами, подчиняющимися определенным законам. Однако, продолжал «молчаливый немец», при исследовании и чисто физических явлений, и исторических процессов, и феноменов человеческой психики встают проблемы и возникают идеи, которые находятся вне наблюдений и опыта и, стало быть, выходят за пределы указанных отраслей знания. К таким идеям и проблемам относятся общая идея бытия и существования, вопросы, связанные с изучением природы человеческой души, свободы воли, высшей цели наших действий и т. п. Идеи и проблемы, истинность которых удостоверяется не ощущениями и экспериментами, а глубинными отвлеченными размышлениями и которые вместе с тем возвышают сердце и ум человека, — и составляют предмет философии...

Слушая лекции Буле и Рейнгарда, Петр Чаадаев учился и дисциплине мышления, и пониманию конкретных отраслей знания, и общих идей и проблем бытия. Но не тогда ли он впервые засомневался в целесообразности бесконечного аналитического расчленения мирового единства, в отделении философии, с одной стороны, от выводов частных наук, а с другой — от высшего осмысления человеческой деятельности? Не тогда ли он задумался над вопросом: а возможен ли вообще не зависящий от источника духовного начала автономный разум, о котором много говорили немецкие профессора; не является ли такой разум искусственным, сужающим философскую проблематику и неправомерно сводящим онтологическую сложность мира к рационально упорядоченной гносеологии? И не тогда ли возникли в его уме смутные очертания преодолевающей указанные противоречия идеи «высшего синтеза», которая в будущем станет центром его собственных философствований?

Развитие этих сомнений, вопросов, идей ожидало Петра Чаадаева впереди. Пока же он продолжал учиться. Одним из любимых его преподавателей был профессор кафедры права Ф. Г. Баузе, не замыкавшийся в узком кругу специальной терминологии и рассматривавший свой предмет в широком общекультурном контексте, что содействовало формированию у будущего автора «Философических писем» определенных навыков в выделении в той или иной конкретной науке главных составных аспектов «высшего синтеза». Законоведение, учил Баузе своих студентов, не есть сухая и тщедушная ученость начетчиков, удерживающих в памяти лишь слова и не понимающих их подлинного смысла и значения. Не есть оно и увертливое, коварное искусство крючкотворцев, склоняющих по желанию букву закона в любую выгодную им сторону. «Что же достойно имени юриспруденции?» — задавал профессор риторический вопрос и отвечал: «То, что древние римляне, создатели всякого права и законов, называли познанием вещей божественных и человеческих, справедливого и несправедливого, честного и бесчестного. Юриспруденция так обширна, что ее нельзя ограничить тесным кругом дел судебных; она стоит так высоко, что недоступна для людей легкомысленных и бесчестных. Как дело врача — заботиться о здоровом состоянии тела человеческого и всех его частей, так дело законоведца — заботиться о здоровье тела общественного и всех его частей, т. е. государства и его граждан. Потому юриспруденция исследует и исполняет самые важные, самые полезные и самые прекрасные дела».

В представлении Баузе будущий юрист для оправдания своего высокого предназначения должен получить широкую и основательную подготовку: пройти школу грамматики и ритори-

ки, досконально освоить родной язык и узнать несколько иностранных, изучить историю и географию, философию и математику. Две последние дисциплины, по его мнению, должны развивать в студенте логическое мышление и умение отличать главное и существенное от второстепенного и незначительного. Только после такой предварительной подготовки, считал Баузе, становится легкодоступным и эффективным изучение канонического, гражданского, уголовного, коммерческого и других видов права.

Теоретические положения словоохотливый профессор обильно иллюстрировал примерами из нашумевших судебных процессов и тяжб, а иногда, для отдыха студентов, рассказывал о своих новых приобретениях древнерусских рукописей, старопечатных книг и разнообразных старинных вещей, страстным коллекционером которых он стал после переселения из Германии в Москву. По отзыву К. Ф. Калайдовича, собрание российских древностей Баузе было «едва ли не единственным в своем роде». Это увлечение пробудило интерес профессора к русской истории, и темой одной из своих публичных речей он выбрал вопрос о состоянии просвещения в России до Петра Великого.

Признавая необходимость и значительность реформаторской деятельности русского императора, творчески пересаживавшего на родную почву достижения европейской промышленности, науки и культуры, автор речи вместе с тем, подобно деду Петра Чаадаева, М. М. Щербатову, показывал и сопутствовавшие ей отрицательные последствия. Нововведения Петра I способствовали, по его мнению, распространению в России «философии торгующего ума, который только измеряет, взвешивает, исчисляет выгоды физического человека и упускает из виду нравственное его состояние». А увлечение такими выгодами породило в имущем классе неестественные нужды и наслаждения, для удовлетворения которых стали развиваться «искусства человеческой промышленности», производящей ценой больших затрат и усилий «игрушку для минутного увеселения богатого человека, страдающего бесчувствием под тяжестью своего избытка».

Предки же современных поколений, размышлял Баузе, занимались более «образованием сердец, нежели украшением голов пустыми идеями, знаниями ничтожными и вредными для внутренних достоинств благонаправленного человека». Раньше считали, что направлять ум и воображение к роскоши и тщеславию — значит портить человека и засеивать семена порока в народе, который «имел собственный свой характер, суровый, может быть, для нашего века, но характер простой и честный, умевший чувствовать свое достоинство».

Но многие, переходил неожиданно оратор в область истори-

ческой науки, не заботятся об изучении прошлого своего Отечества, когда наглядно проявлялись черты этого достоинства, а предпочитают любопытствующее обозревание «полей Елисейских, царства Плутонова, грота Сивиллы и пр. и пр.», после чего «они почитают себя умнее, нежели были прежде...».

Неизвестно, слышал ли Петр Чаадаев эту речь, беседовал ли с ее автором о затронутых в ней проблемах, спорил или соглашался с ним. Ясно одно: тема, привлекающая внимание Баузе, станет для его ученика принципиально важной в духовном самоопределении и в философском осмыслении общего хода мировой истории...

Еще один профессор должен был живо заинтересовать Петра Чаадаева — Х. Ф. Маттеи, пользовавшийся величайшим уважением во всей ученой Европе. Издание и критическое исследование памятников древней словесности составляли основной предмет его научной деятельности. Поселившись в Москве, он долго трудился над описанием греческих манускриптов. На занятиях рассказывал студентам о многих греческих и римских писателях, принадлежащих к разным культурным эпохам.

Когда профессор Сохацкий, считавший Грецию образцовой в эстетическом отношении страной, рассуждал о гармонии и стройности как существенных признаках красоты, пытливый студент Петр Чаадаев должен был спрашивать себя: а какова природа такой красоты, не связанной с понятиями о Добре и Истине? В поисках ответов на подобные вопросы (вытекавшие из противо-поставления студентом классической древности и христианства) вырастут впоследствии темы чаадаевской мысли.

Судя по созданным много позднее «Философическим письмам», в которых в метафизическом плане рассматриваются математика, физика и естественнонаучное знание в целом, можно предположить, что Петр Чаадаев посещал лекции и других (кроме упомянутых) отделений, где к тому же преподавали опять-таки знакомые по домашним занятиям профессора (Страхов — физику, Фишер — естественную историю). Такое «универсальное» посещение, по выбору, курсов было распространенным явлением. Так, из воспоминаний Владимира Лыкошина, учившегося на словесном отделении, видно, что он слушал лекции и на этико-политическом, и на физико-математическом отделениях. Он же приводит живописные детали из лекционного быта. Самые интересные, по его мнению, лекции читал ректор П. А. Страхов: «...это были публичные лекции, и аудитория устроена иначе, чем в других залах: полукруглым амфитеатром возвышались скамьи слушателей, каждый ряд отделен перегородкой с пюпитрами, и Страхов, преподаватель красноречивый, хорошо усвоивший по тогдашнему времени свой предмет, обстав-

ленный разными физическими инструментами, объяснял нам законы электричества, магнетизма и пр. весьма увлекательно. Лекции истории всеобщей профессора Черепанова, преподававшиеся по Шреку, были иногда забавны по его объяснениям, вроде следующих: „Милостивые государи, с позволения вашего, Семирамида была великая б...“—и когда нам надоест, бывало, слушать эти глупости, мы, как школьники, зашаркаем ногами, и профессор-добряк, рассердясь, уходит. Старик Гейм со своею статистикою всякий раз лишь отворит дверь, начинает на скором бегу к кафедре бормотать под нос себе лекцию, так что начало ускользало от нас и не могло быть записано на тетрадах наших. Какая галерея оригиналов!!»⁸.

Однако «галерея оригиналов» не всегда могла удовлетворить ученого отрока, который с ранних лет поражал окружающих необыкновенным умом и многосторонней начитанностью. Стремясь к постоянному самообразованию, он делился своими знаниями с университетскими товарищами, среди которых были его двоюродный брат Иван Щербатов, автор еще ненаписанной комедии «Горе от ума» Александр Грибоедов, будущие декабристы Иван Якушкин, Артамон и Никита Муравьевы, Василий и Лев Перовские. Петра Чаадаева с Иваном Щербатовым и Александром Грибоедовым сближала, помимо общих научных интересов, привязанность к профессору Буле, который выделял их среди прочих учащихся, а последнему даже подарил французскую книгу Дежерандо «Сравнительная история философских систем». На своих собраниях студенты разбирали самые разные философские, исторические, естественнонаучные и социальные проблемы. Сохранился текст сообщения Михаила Чаадаева, в котором он делал опыт характеристики французского оратора и историка Боссюэ. Последний, размышлял докладчик, был истинно красноречивым оратором, поскольку живо исследовал свой предмет, последовательно раскрывая чувство за чувством, идею за идеей. Этот рассказ увлекал слушателей непреодолимой силой и поражал их души величественной гармонией жизни, смерти и вечности. Казалось, будто оратор стоит над миром, откуда он хорошо видит великие исторические события, происходящие перед его глазами, и рассказывает о них находящимся внизу людям. Мысли, связанные с жизнью, смертью и вечностью, продолжал Михаил Чаадаев, переводили внимание слушателей от конкретных реалий в некую беспредметную область, где воображение теряется и приобретает нечто вроде священного ужаса, который вселяет в душу трепетные чувства и возбуждает в уме бесчисленное множество возвышенных идей...

За юношеской риторикой сообщения только что поступившего в университет студента чувствуется интерес к целостному

взгляду на историю, к ее рассмотрению с «высокого места», с точки зрения общих и возвышенных идей. Интерес этот разовьется и станет характерной чертой творческого облика и П. Я. Чаадаева, проявлявшего в совместных с Михаилом студенческих занятиях «необыкновенную самостоятельность и независимость мышления, чудесную интуитивную способность с раза, одним взмахом глаза чрезвычайно верно примечать в каждом явлении то, что не видят другие».

О редком своеобразии ума Петра Чаадаева и его проникновенной наблюдательности, подмеченных М. И. Жихаревым, свидетельствует и М. Н. Лонгинов: «Он до конца жизни рассказывал, с удивительными подробностями и верными замечаниями, об особенностях нравов, общественной жизни и интересов допозжарной Москвы. В его рассказах оживала как бы волшебством картина этой своеобразной, пестрой, шумной жизни, которая так не похожа на последующую эпоху. Все эти черты прежних нравов, в которых нам трудно узнать самих себя, не прошли незамеченными со стороны Чаадаева и сохранились в его памяти с впечатлениями, оставшимися в нем неприкосновенными со времени его юности»⁹.

Умение видеть значение фактов и событий не только с «высокого места», но и метко характеризовать «особенности нравов» в «шумной жизни» тесно сблизило Петра Чаадаева с будущим автором «Горя от ума», и они часто встречались помимо ученых собраний. «Крайне огорчен, князь,—писал в одной из записок Александр Грибоедов Ивану Щербатову,—быть лишенным удовольствия присутствовать на Вашем собрании, тому причина мое недомогание. Рассчитываю на Вашу любезность, надеюсь, что Вы доставите мне удовольствие отужинать у нас сегодня вечером. Вы меня очень обяжете, согласившись на мое приглашение, так же, как Ваши кузены Чаадаевы, члены собрания...»

«Несокрушивая дружба», основанная и на научных интересах, и на чисто человеческих симпатиях, связала с университетской скамьи братьев Чаадаевых с Иваном Якушкиным, который с большим интересом изучал античную историю и любил выделять в ней в студенческих разговорах черты демократического республиканского правления.

С каждым годом все заметнее становились для окружающих выдающиеся интеллектуальные качества и многосторонняя ученость Петра Чаадаева, в которой был, однако, пробел, характерный для всей системы просвещения этого времени в целом. В 1811 году журнал «Вестник Европы», рассуждая о постановке обучения в Московском университете, выражал надежду, что скоро должно наступить время, «когда университет будет иметь

своих кандидатов по всем частям учености, а следовательно и не будет принужден вызывать чужестранных наставников для преподавания наук российскому юношеству на чужестранных языках». Но не только университетские, а часто даже и публичные лекции читались на иностранных языках, что приводило к определенным противоречиям. Так, прекрасно владея основными европейскими языками, свободно читая по-гречески и по-латыни, Петр Чаадаев, как и многие его современники, не изучал русского языка. Овладев методологией научного мышления, основанной на преемственных идеях западной культуры, он гораздо менее был осведомлен в традициях русского просвещения, что явилось следствием многочисленных парадоксов послепетровского периода развития русской истории. Одним из таких парадоксов было и слабое знание общего хода и конкретных фактов отечественной истории, кропотливое и объективное изучение которой в эту пору, по существу, еще только начиналось и в которую Петр Чаадаев был посвящен менее, нежели в западноевропейскую. Позднее он, говоря о себе, что ему легче излагать свои мысли по-французски, видел в таком положении результат «несовершенства нашего образования», усвоение, а затем и критическое осмысление плодов которого составит одну из существенных сторон духовной драмы П. Я. Чаадаева.

И опять-таки полноправным участником этой драмы станет книга. Как уже говорилось, страницы многих произведений в библиотеке Чаадаева испещрены отметками, условными знаками, подчеркиваниями, записями и т. п. Даже беглый взгляд на привлечение внимание русского философа книги показывает своеобразие его отношения к разным мыслителям, ученым и писателям, открывает неизвестные стороны его духовных исканий. Пристальный анализ круга чтения П. Я. Чаадаева должен стать одним из неперемных и важнейших условий целостного понимания его личности как в биографо-психологическом, так и в историко-философском плане.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1861, т. 1 с. 720—721.

² Вестн. Европы, 1871, № 7, с. 181—182.

³ Каталог библиотеки П. Я. Чаадаева. М., 1980, с. 125.

⁴ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России; Чаадаев П. Я. Философические письма и апология сумасшедшего. М., 1908, с. 8.

⁵ Современник, 1856, № 7, отд. 5, с. 1—2.

⁶ Моск. ведомости, 1808, № 54.

⁷ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 33.

⁸ Там же, с. 35.

⁹ Рус. вестн., 1862, № 11, с. 122.

Е. Пенская

НЕОБЪЯТНЫЙ МИР ГОГОЛЯ

По залам выставки «Николай Васильевич Гоголь»
в Государственном Литературном музее

Дом, в котором на этот раз «гостит» Гоголь, Дом Аксаковых (Сивцев-Вражек, № 30),— один из новых филиалов Государственного Литературного музея. Выставка, приуроченная к 175-летию писателя, размещена здесь на длительный срок...

Сам дом имеет долгую и богатую историю. Фундамент его был заложен еще в XVII веке, при реставрации удалось обнаружить колоссальные сводчатые подвалы того времени. В XVIII веке здесь находился центр огромной усадьбы, занимавшей два квартала. Владения постепенно сжимались, и к началу следующего столетия остался особняк с небольшим количеством прилегающих строений, в основном сгоревших во время московского пожара 1812 года. Дом сохранился благодаря своей редкой конструкции: бревна уложены здесь не горизонтально, как принято, а вертикально. Снаружи он был оштукатурен и значился каменным в строительных циркулярах (в Москве сохранилась еще одна постройка такого же типа — Кусково). Конечно же, этот дом нам дорог особенно тем, что связан с именами Аксаковых и Гоголя.

Семья Аксаковых любила Арбат, снимала дома в его тихих зеленых переулках— в Большом Афанасьевском, на Сивцевом-Вражке... В 1848—1849 годах Сергей Тимофеевич снял и этот особняк, который стал одним из центров московской литературной жизни.

Выставка расположилась по всей анфиладе залов нижнего этажа. На ней представлена целая панорама жизни, дан историко-культурный срез эпохи. «Образ времени» воссоздан посредством самых разнообразных материалов: рукописей, фотографий, произведений изобразительного искусства, вещей, но прежде всего— книг. Книга в литературной экспозиции играет первостепенную роль; книжный ряд— своеобразный каркас, который собирает множество тем выставки, фиксирует ее содержание.

В уютной гостиной аксаковского дома происходили литературные чтения, устраивались вечера, собиралась семья, общались

друзья Аксаковых: Щепкин и братья Киреевские, Хомяков, Погодин и Герцен. Первый раз Гоголь приехал в Москву в 1832 году. Двадцатитрехлетний юноша был представлен в доме Аксаковых Погодиным, у которого поселился на Девичьем поле, недалеко от Новодевичьего монастыря. Московские литераторы устроили автору «Вечеров на хуторе близ Диканьки» восторженную встречу.

Один из самых значимых предметов гостиной — книжный шкаф, на полках которого собраны редкие издания: сборники, журналы и книги 1830—1840 годов, многие из авторов которых стали «героями» этой выставки. Рядом стоят: «Библиотека для чтения», «Театр» Коцебу и сочинения Шатобриана, «Пантеон. 1841», «Московский сборник. 1846», «Тарантас» В. Соллогуба, «Русские народные песни, изданные Петром Киреевским», «Уголино. Драматическое представление Н. Полевого», «Повести» М. Погодина, «Москва и москвичи» М. Н. Загоскина, «Теория поэзии в истории развития у древних и новых народов» С. Шевырева, «Стихотворения» А. С. Хомякова, «Иван Савельич» — шутка-водевиль Ф. Кони и альманах «Молодѣк на 1844 г.», «Записки и письма» М. С. Щепкина. Есть и сочинения младшего хозяина дома, страстного поклонника гоголевского таланта, — К. С. Аксакова: «О русских глаголах», «О грамматике вообще», «Стихи, читанные в день празднования учреждения императорского университета. 12 января 1835», «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. Рассуждение кандидата московского университета К. Аксакова, писавшего на степень магистра философского факультета 1 отделения» с автографом: «Александру Николаевичу Попову от сочинителя. В уверенности, что он навсегда останется москвичом и в знак приязни». На выставке представлен целый ряд изданий с ценными автографами, надписями владельцев, пометами неизвестных читателей. Интереснейшей судьбой этих книг исследователям еще предстоит заняться.

Гостиная — единственная комната в доме, в которой детально восстановлен быт (собрана типологическая обстановка 1840-х годов), сохранено ощущение присутствия живых людей. Выходя из гостиной, мы попадаем в условное пространство витрин, переносимся из Москвы в Полтаву и Нежин, где прошли детство и ученические годы будущего писателя. В Кишиневе, имении родственника матери Трошинского, бывшего екатерининского вельможи, и у Капнистов, в Обуховке, маленький Гоголь познакомился с настоящей библиотекой.

Богатое собрание книг было и в нежинском Лицее. Сохранилось воспоминание о Гоголе — «хранителе книг», он выписывал их в складчину. Книга выдавалась библиотекарем для чтения по

очереди. Получивший ее должен был в присутствии библиотекаря усесться чинно в классной зале и не вставать с места до тех пор, пока не возвратит книгу. Этого мало: библиотекарь собственноручно завертывал в бумажки большой и указательный палец каждому читателю и тогда только вверял ему книгу.

Гоголь берег книги, как драгоценность, но особенно любил миниатюрные издания. Страсть к ним до того развилась в нем, что, не любя и не зная математики, выписывал «Математическую Энциклопедию» Перевощикова только за то, что у нее малый формат¹.

В этой комнате условно представлен книжный шкаф юного Гоголя: «Певец во стане русских воинов» В. Жуковского (Спб., 1813), альманах «Северные цветы», издаваемый А. Дельвигом, «Ябеда» В. Капниста (Спб., 1792), «Опыт собрания старинных малороссийских песней» (Спб., 1819) — экземпляр, посвященный составителем Цертелевым Трощинскому, «Недоросль» Д. Фонвизина (Спб., 1817). Лицейсты переписывали все, что выходило под именем Пушкина (так, представлен список «Кавказского пленника» того времени), в складчину выписывали альманахи, среди которых самым популярным до 1825 года было издание А. Бестужева и К. Рылеева «Полярная звезда».

Сохранился экземпляр, на котором под их именами рукою неизвестного владельца альманаха надписано: «Вы други оба повешены, прощайте, аминь». (Ошибка: повешен М. Бестужев-Рюмин; А. Бестужев-Марлинский — известный писатель, автор романтических повестей.) В витрине — еще одна скромная книжка из числа тех, по которым учились лицеисты, — «О должностях человека и гражданина». После 1825 года эта книга была признана крамольной.

В 1829 году, окончив Лицей, Гоголь отправился в Петербург, мечтая о столице, о государственном поприще, о театре. А с собой он привез поэму «Ганц Кюхельгартен», на которую возлагал большие надежды. Но издание не принесло ожидаемого успеха, критика встретила поэму неодобрительно. Молодой автор, скрывшийся под псевдонимом В. Алов, скупил и уничтожил весь тираж, так что оставшиеся экземпляры — огромная библиографическая редкость (их меньше, чем экземпляров первого сборника Н. Некрасова «Мечты и звуки», тоже уничтоженного автором). В Петербург была привезена еще одна вещь — огромная конторская книга, названная им «Всякая всячина, или Подручная энциклопедия», начатая еще в нежинском Лицее в 1826 году и сохранявшаяся Гоголем почти до конца жизни. Муляж книги мы видим на выставке. Рисунки, пометы на все случаи жизни, записи анекдотов, слышанных где-то рассказов, описание обычаев Малороссии и целые листы диковинных слов — все заносилось туда.

«Всякая всячина» была кладовой, неисчерпаемым запасником материала для гоголевских произведений.

В Петербурге молодой литератор знакомится с В. Жуковским, В. Одоевским, наконец,—с А. С. Пушкиным. Желание творчества еще сильнее возбуждается в этом писательском кругу, и вот уже в журнале «Отечественные записки» появляется «Бисаврюк, или Ночь накануне Ивана Купалы»; Гоголь печатается в «Литературной газете» Дельвига, а вскоре выходит сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки».

На витрине экспозиции первая книга Гоголя соседствует с «Балладами и повестями» В. Жуковского, «Русланом и Людмилей» и «Сказкой о царе Салтане» А. С. Пушкина, «Пестрыми сказками» В. Одоевского, которые выходили при участии Гоголя. Последнее издание вышло с литографскими картинками Ф. Рисса и с гравированной на титульном листе заставкой, вырезанной на дереве Ф. Русселем, при участии «изобретательно-го художника А. Ф. Грекова». Издавая «Пестрые сказки», автор их хотел «доказать возможность роскошных изданий в России и пустить в ход резьбу на дереве»².

Полка с книгами 1830-х годов — основание выставки. Единство, какое-то даже архитектурное начало присутствует в печатной продукции этого времени. «Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто-русской поэзии... и те же самые зодчие выведут и стены и купол, на славу векам... Когда-то приобщусь я этой божественной сказки?» — писал патетически Гоголь.

«Сто русских литераторов», три тома, выпущенные А. Ф. Смирдиным (1839, 1841, 1845), наглядно воплощают этот процесс «строительства». Издание само по себе уникально. В нем нет гравированных титулов; «титулы здесь заполнены не только сложным набором текста, сообщающего о содержании книги, но и архитектурной рамкой, сложной и эффектной; не сразу можно сообразить, что вся она состоит из отдельных наборных элементов. Эти титулы — шедевры чисто типографского умения, и заметим, что они национальны не только по рисунку, но и по принципу архитектурного обрамления. Можно быть уверенным, что составители их имели в виду не что иное, как бессмертную рамку — арку вокруг фигуры Луки в „Апостоле“ Ивана Федорова»³. Первый том «Ста русских литераторов» завершает книжный ряд зала.

Облик молодого Гоголя дошел к нам на портрете 1834 года. Это — автолитография Венецианова. Художник рисовал прямо на камне и поэтому подпись зеркальная. Отпечатано было около 20 экземпляров. Но портрет, видимо, не понравился Гоголю, и писатель старался о нем не напоминать.

Н. В. Гоголь в изображении художников-современников

В следующей комнате из-под витринного стекла на нас смотрит совсем другой Гоголь. Это — гравюра И. И. Иордана, копия с работы Моллера, которую Гоголь подарил матери. В завещании он писал, что хочет видеть все свои сочинения только с этим портретом, гравированным Иорданом.

В 1834 — 1835 годы Гоголь увлечен историей, читает лекции в Петербургском Патриотическом институте и в Университете, задумывает написать многотомную историю Малороссии. Разгадка истории виделась ему — в личности, судьбе, характере. А материалом и источником вдохновения должны были служить народные песни — «поющие летописи». В витрине — украинские песни — автографы Гоголя, список русских песен, которые он посылал М. А. Максимовичу. «Я очень порадовался, услышав от вас о богатом присовокуплении песен в собрании Ходаковского. Как бы я желал теперь быть с вами и пересмотреть их вместе, при трепетной свече, между стенами, убитыми книгами и книжной пылью... Я сам теперь получил много новых, и какие есть между ними!.. Я вам их спишу... Да, я вас прошу, сделайте милость, дайте списать все находящиеся у вас песни, включая печатных и сообщенных вам мною. Сделайте милость, и пришлите этот экземпляр мне. Я не могу жить без песен. Вы не понимаете, какая это мука...»⁴

В «Тарасе Бульбе» скрестились два начала: струя народная, фольклорная, песенная и традиция осмысления, писательского освоения русской истории в литературе 1830-х годов. Издание повести нашло свое место в «исторической библиотеке» того времени, рядом с «Дмитрием Самозванцем» А. Хомякова и «Освобождением Москвы» К. Аксакова.

Эта полоса высшего напряжения творческих сил, когда один за другим выходят «Арабески» и «Миргород», а в первом номере пушкинского «Современника» печатается «Коляска», «Утро делового человека» и статья «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», написан «Ревизор» — этот плодотворнейший период жизни Гоголя в экспозиции отмечен своего рода «парадом» изданий.

После неудачной премьеры «Ревизора» Гоголь в отчаянии уезжает за границу, не попрощавшись с Пушкиным, не известив близких. С 1836 года начинаются его годы странствий, скитальчества по городам Европы, недолгие приезды в Россию. Творческое беспокойство и одиночество постоянно гнали его в дорогу. И только в Италии, в Риме, теплое солнце и вечно голубое небо которого так напоминали родную Малороссию, Гоголь находил успокоение и радость каждодневного труда. Очертания грандиозного замысла «Мертвых душ» уже носят в его воображении.

Пожалуй, единственная комната, в которой нет книг,— «итальянский зал». В нем действительно удалось создать какое-то совершенно особое, камерное пространство пейзажей, портретов людей, с которыми Гоголь встречался в Риме. Здесь — Н. М. Языков и В. А. Жуковский, А. А. Иванов и А. О. Смирнова-Россет, З. Н. Волконская и С. М. Виельгорская. Главным делом Гоголя на протяжении тех семи лет оставалась работа над «Мертвыми душами», тем великим трудом, который станет залогом его славы и бессмертия.

В Литературном музее есть все прижизненные издания «Мертвых душ», но особенно ценно первое, 1842 года, к которому Гоголь сам сделал набросок обложки.

Обложка, придуманная Гоголем, как бы раскрывает авторское отношение к оформлению его книги. На желтом поле, сплошь покрытом рисунками и завитками, бросается в глаза слово — ПОЭМА — крупными белыми буквами на черном фоне. Выше, немного мельче, но четким округлым шрифтом, читаем. МЕРТВЫЕ ДУШИ, а сверху мелко: похождения Чичикова или... Станционное здание с журавлем у колодца, тройка с ямщиком и верстовой столб венчают весь лист обложки, символизирующей дорогу и как будто предвещающей ряд веселых, увлекательных историй. Но ниже, начиная со слова «или», атмосфера сгущается, завитки и росчерки остаются, но в черных провалах между ними появляются черепа и скелеты. Они теснятся вокруг четко высеченной надписи: «Мертвые души». Черный провал, на котором сияет белыми буквами надпись: «Поэма», — воспринимается как разверстая могила... В росчерках и завитках теряется имя автора: «Н. Гоголь». В этой художественной композиции бесчисленное множество затей, но главный секрет в том, что вся она читается снизу вверх, стягиваясь к двум главным строчкам — «Мертвые души», «Поэма». Это единственная авторская обложка того времени, которая дошла до нас.

В 1846 году наперекор желанию Гоголя выходят «Сто рисунков к „Мертвым душам“», сделанные А. А. Агиным, в гравюрах Е. Е. Бернардского. Агин обращался к Гоголю с просьбой указать те места в поэме, которые автору хотелось бы видеть проиллюстрированными, — и встретил решительное сопротивление. «...Я враг всяких политипажей и модных выдумок. Товар должен продаваться лицом, и нечего его подслащивать этим кондитерством»⁵, — передавал Гоголь через П. А. Плетнева Бернардскому. И все же Агин сделал рисунки, самостоятельно подобрав к ним подписи из «Мертвых душ». На выставке представлены подлинные агинские листы, среди них — относящиеся к «Повести о капитане Копейкине», перечеркнутые красным карандашом цензора. Типы, указанные Агиным, станут

самыми характерными, их повторит Боклевский и будут повторять другие,—кажется, единственный в истории случай такого единодушного прочтения текста художниками.

Свидетельство огромной прижизненной популярности творчества Гоголя—анонимные списки его произведений. Один из первых списков «Мертвых душ» появляется сразу же по выходе издания в 1842 году. В Государственном Историческом музее хранится редкий рукописный экземпляр «Старосветских помещиков» с великолепными иллюстрациями П. П. Соколова, выполненными в 1860-е годы. По всей вероятности, этот экземпляр был сделан специально с расчетом на художника: в тексте остались незаполненные, для рисунков, места. Об издании книги Гоголя с рисунками Соколова рассказывает художник в своих записках: «„Старосветских помещиков“ издал Маркс, но в таком скверном издании, что, правда, было больно видеть свое произведение в подобном виде. Эти рисунки попали к нему от семейства Бенкендорфов, живших в своем имении под Москвою и купивших у меня эти иллюстрации за сто рублей. Но не этот скромный гонорар был мне наградою за этот вдохновенный альбом, а то, что когда моих „Старосветских помещиков“ рассматривала одна англичанка, гостившая у Бенкендорфов, которая ни слова по-русски не понимала, то она по рисункам поняла сюжет повести Гоголя... без всяких объяснений... и под конец заплакала»⁶.

Так, выставкой в Государственном Литературном музее был отмечен четвертый и последний в нашем столетии гоголевский юбилей. Гоголь и культурная жизнь России XIX века—главная тема этой экспозиции. Судьба отдельных гоголевских изданий, а также книг его современников—второй тематический круг выставки. Книга в жизни, в писательском труде Гоголя приобрела колоссальное значение. Поэтому принцип, заложенный в основе экспозиции, глубоко оправдан, оправдан всем творчеством, биографией Гоголя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя. Спб., 1856, т. 1, с. 28.

² Сидоров А. А. История оформления русской книги. М., 1964, с. 236.

³ Там же, с. 232.

⁴ Гоголь Н. В. в письмах и воспоминаниях. М., 1931, с. 76.

⁵ Там же, с. 303.

⁶ Соколов П. П. Воспоминания. Л., 1930, с. 113.

Леонид Зиман

«ПОЭТ, ОТКРЫТЫЙ ГОГОЛЕМ»

Об одном эпизоде
русско-итальянских литературных связей

«У синьора Доменико Бьяджини находится ящичек с моими стихотворными рукописями. Их необходимо сжечь» — так писал римский поэт Джузеппе Джоакино Белли в своем завещании в 1837 году, во время вспыхнувшей на берегах Тибра холеры. Но ему суждено будет еще более четверти века прожить после составления этого завещания. В минуту сильной душевной тревоги он сам захочет сжечь свои стихи, но не выполнит, к счастью, этого намерения... И более двух тысяч сонетов — ярких, сочных диалогов и сенок из жизни римского простонародья, — написанных на римском (транстевринском) диалекте, так называемом «романеско», и при жизни автора ходивших в списках, через 23 года после его смерти будут опубликованы солидными издательствами. Творчество Белли исследуют, изучают в школе, он теперь признанный классик итальянской литературы.

А началом этого признания стал тот день, когда Николай Васильевич Гоголь услышал стихи в исполнении самого рапсода. «В них, в этих сонетах, столько соли и столько остроты, совершенно неожиданной, и так верно отражается в них жизнь нынешних транстеврян, что вы будете смеяться, и это тяжелое облако, которое налетает часто на вашу голову, слетит прочь вместе с докучливой и несносной вашей головной болью», — писал Николай Васильевич своей ученице М. П. Балабиной из столь милого его сердцу Рима в «год 2588 от основания города»¹.

Об открытом им народном поэте Гоголь рассказал выдающемуся французскому критику Сент-Бёву, который поведал о Белли читающей Европе. Можно поражаться, конечно, глубокому знанию не только итальянского языка, но и его диалекта, а также тонкому чутью и вкусу Н. В. Гоголя, который расслышал в изустных сонетах выразительность, сочность, остроту, мелодичность языка римского простонародья, как и ранее расслышал он и передал нам выразительность, сочность, остроту и мелодичность малороссийской речи — речи своих земляков.

Взаимоотношения Гоголя с Белли — малоизвестная страница биографии великого русского писателя. Правда, еще в 1899 году П. Д. Боборыкин на страницах «Русских ведомостей» (№ 123, 149) рассказал об этом своеобразном итальянском поэте, попытался провести небезынтересные параллели между жизнью и творчеством Белли и Гоголя, объяснить тот интерес, который питал писатель к римскому стихотворцу. Затем в начале нашего века литератор В. Горленко в статье «Поэт, открытый Гоголем»², повторив и развив ряд положений Боборыкина, привел несколько сонетов Белли в прозаическом пересказе³.

Гоголь и Белли — эта тема привлекает внимание и итальянских исследователей. Она получила отражение в научном сборнике, посвященном итальянскому поэту (Рим, 1965). Последуем и мы за итальянскими исследователями, приведем некоторые сведения о поэте, почти не известном русскому читателю.

Он родился в 1791 году в семье чиновника. С детства терпел нужду, занимался самообразованием. Перебивался то канторской службой, то частной секретарской работой. По замечанию П. Д. Боборыкина, он «кончил прозябанием старого пенсионного чиновника» (Белли умер в 1863 году).

Писать начал рано, но, по словам В. Горленко, долгое время писал «банальные, напыщенные вещи, не имеющие никакой цены». Расцвет творчества Белли — тридцатые годы, когда он создает свои знаменитые «Римские сонеты». Их более двух тысяч, и все вместе они являются своеобразной энциклопедией быта и нравов римского плебса. Эти сонеты, как уже говорилось, ходили в списках, но Белли не терял надежды на издание своих произведений. Он даже написал предисловие, которое начинается словами: «Я решил воздвигнуть памятник римскому простонародью. В нем наличествует особый тип оригинальности: его язык, воззрения, характер, нравы, привычки, обычаи, сознание, вера, предрассудки, суеверия — в общем, все, что так или иначе связано с ним, носит на себе печать отличия от любого другого народа».

Именно народную речь решил сделать Белли достоянием литературы. «Продемонстрировать то, что исходит из уст римлянина, не приукрашивая, ни в коем случае не искажая, не прибегая к синтаксическим инверсиям и даже к позволительным усечениям» — так определял свою цель поэт. Негладкая народная речь диктовала ему законы поэтики и законы грамматики. Среди ныне опубликованных сонетов есть и нескромные, с очень «солевыми», «не парламентарными» выражениями. Это и понятно: ведь «римлянки, — писал В. Горленко в 1908 году в уже упоминавшейся нами статье, — обладают богатейшим запасом оскорбительных слов, выразительность которых не допускает никакой

Джузеппе Джоакино Белли.
Рис. Д. Пурификато

возможности перевода». Гоголь писал об итальянских «героико-комических» поэмах XVIII века, питавшихся фольклором и питавших потом сонеты Белли: «Во многих из них блещет такой юмор, такой оригинальный юмор, что дивишься, почему никто не говорит о них. Впрочем, нужно сказать и то, что одни итальянские типографии могут печатать их. Во многих из них есть несколько нескромных выражений, которые не всякому можно позволить читать» (письмо Гоголя М. П. Балабиной, апрель 1838 года).

Но конечно же, не в этих выражениях суть поэзии Белли, главное — то, что в ней «поселился» действительно живой римский простолюдин. «Я писал правду», — заявлял он, обращаясь «к тем немногим чистосердечным и добродетельным людям», которым однажды попадут в руки его сочинения.

И еще одно положение из его предисловия к неизданным сонетам хочется процитировать: «Каждый римский квартал, любой его горожанин, начиная со средних слоев и ниже, мне доставляли эпизоды для моей драмы». Драмы... А ведь это сонеты, классические четырнадцатистишья, которые традицион-

*Дом в Риме, в котором жил
Н. В. Гоголь*

но считаются предназначенными для лирической поэзии. А у Белли — диалоги, монологи, многие сонеты являют собой как бы небольшие пьески. Римским Гольдони без комедии, Гольдони без подмостков называют его некоторые итальянские исследователи. Впрочем, так ли уж нужны традиционные подмостки для театра одного актера? Актером этим не обязательно был автор. Гоголь, однако, считал, что сонеты Белли «нужно слышать, когда он сам читает». Кстати, именно Гоголь, по мнению современного итальянского литературоведа Марио Вердоне, определил и поэтическое своеобразие сонетов римского рапсода; в беседе с Сент-Бёвом он говорил, что они как бы продолжают друг друга и образуют поэму.

У Белли сонеты не только объединяются в циклы, но есть целые сценки (пьесы?), составленные из двух и более сонетов, — с едиными героями, единым сюжетом. Так, в одном из сонетов (№ 1647) некая кума, по-видимому повивальная бабка, по форме живота своей «крестницы» определяет, что новорожденный будет мальчиком. И тут же следующий сонет (№ 1648) — ответ будущей матери:

О господи, пожалуй, это слишком!
Кума моя, вы б лучше помолчали.

Родить мальчишку? Не было печали!
Не буду ни за что рожать мальчишку!

Ведь он, едва просунется из чрева,
Тотчас наперекор разинет глотку,
А повзрослеет — выхлещет всю водку,
Что в лавке у папаши Календреа.

Не поступай, Мадонна, безрассудно!
Пошли мне дочку! Меньше с ней заботы,
Ее и коркой накормить нетрудно.

Мужчинам зачастую в жизни тяжело,
Глядишь — опять без денег, без работы...
А женщина прокормится, бедняжка!*

Конечно, трудно передать в переводе все своеобразие сонета, написанного на диалекте, с вольным стихом и раскованной, разговорной интонацией, но при этом со строгой сквозной рифмовкой. И все же, убежден, здесь передана разговорная — притом чисто итальянская интонация, своеобразие народной лексики и главное — иронический подтекст, лукавый подвох в финальных стихах, которыми автор, как заметил комментатор флорентийского шеститомника сонетов Белли, мстит своей героине за ее «обвинительную речь» против мужчин.

Иронические концовки как следствие незримого, но безусловного присутствия автора — одна из характерных черт беллиевских сонетов.

Персонаж одного из них, возмущенный зверским, прямо-таки садистским убийством, в результате которого преступник завладел... кольцом и четырьмя эку своей жертвы, так заканчивает свои гневные тирады: «Вы хотите убить человека? Берите нож и убивайте его, по крайней мере, как добрый христианин». Подобный «черный юмор» можно встретить и в других произведениях. В. Горленко, в прозаическом пересказе которого мы процитировали концовку сонета, приводит и такой образчик: из диалога двух могильщиков мы узнаем, что брат одного из них угодил на каторгу, а жена в больницу, но эти сведения передаются довольно спокойно, чуть ли не равнодушно, больше того, после таких сообщений следует вопрос: «Как делишки, хороши?» — и тут же начинаются волнения и возмущения персонажей, клянущих судьбу за то, что холера прошла, — и у них, погребальщиков, теперь мало работы: «Времена совсем стали плохи».

От цикла к циклу меняются и темы, и персонажи, и интонации, и настроение беллиевских стихов. «В его двух тысячах с лишком сонетах, — писал П. Д. Боборыкин на страницах „Русских ведомостей“, — вы найдете лучше, чем в каком-либо

* Сонеты даются в переводах Елены Гиляровой и публикуются впервые.

другом документе, весь тогдашний Рим, и как раз Рим Гоголя (Боборыкин, естественно, не раз вспоминает в своей статье гоголевский отрывок „Рим“). Нет ни одной стороны политических, церковных, гражданских порядков, ни одной крупной особенности нравов и быта, которых бы не коснулся Белли... В своем свободомыслеии (не шедшем, однако же, дальше того, чтобы папа был действительно отцом народа) Белли не пощадил никого. Всего сильнее достается от него высшему духовенству, римским патрициям, чиновникам, сбирам, фискальным порядкам и всевозможным видам произвола, насильничества и мракобесия».

Все свои неизданные произведения Белли назвал книгой, но такой, которую можно читать с любого места и бросить чтение в любой момент, ибо «каждая страница — это начало книги, каждая страница — ее конец».

Последуем совету автора. Выберем

СОНЕТ № 1266. КРЕЩЕНИЕ СЫНА

Скажи мне, в честь чего все представленьё —
Костюм с иголки, и пряжки, и карета?

Зачем вино, пирожное, конфеты?

Ты, видно, просадил все сбереженья?

Зачем ослу изысканная шляпа,
Когда под ней коротенький умишко?
Супруга родила вчера мальчишку? —
Лакея для монахов и для папы!

Вам радостно, но если разобраться,
Не крестик он получит, а вериги,
Раз обречен юлить и пресмыкаться.

Глупцы! И кто вам объяснить возьмется,
В чем настоящий смысл крестильной книги:
В ней ваших мертвых душ учет ведется.

Ну конечно же, мы выбрали этот сонет не случайно. Мы пошли вслед за итальянским ученым Джорджо Виголо, заметившим сходство словосочетания «книга мертвых» и названия поэмы Гоголя «Мертвые души». И переводчик сонета здесь шел за Виголо, включив в русский текст это, по характеристике Герцена, «наводящее ужас заглавие». «Совпадение не случайно, — считает Виголо, — оно основано на внутренней близости двух поэтов»⁴. Но слышал ли Гоголь этот сонет Белли? На этот вопрос итальянский исследователь не дает ответа. И вообще — какие сонеты наш великий писатель знал? И где он мог их услышать?

Не раз писали у нас о палаццо Поли у фонтана Треви, в котором жила княгиня Зинаида Волконская, собиравшая у себя

литературно-музыкальный салон. На площади Поли жил и Белли. Он прославил ее в одном из сонетов (№ 1141). Но как? Он проклинает разъезженные, немощные дороги, по которым ему приходится пробираться. Сонет называется «Римская грязь». Не напрашивается ли сравнение со знаменитой миргородской лужею? Но зато когда «прошлепаешь» по этой грязи и доберешься-таки до виллы Волконской, открывается совершенно особый мир литературы и искусства. Здесь бывали П. А. Вяземский, Д. Верди, Стендаль. Здесь-то и встретились Гоголь и Белли.

Из тех сонетов, которые мог слышать Гоголь, итальянские комментаторы с большей или меньшей уверенностью указывают на два. Первый (№ 1412) посвящен княгине Волконской.

Прекрасная синьора Зинаида!
Не гош я для публичного показа!
Любой знаток меня раскусит сразу,
Хоть не подаст из вежливости вида.

Ведь муза моя слишком неказиста.
А чем обычно глупость награждают?
По мне, наверно, палка здесь страдает,—
Спасибо, если буду лишь освистан.

Синьора, я пишу простым манером,
Красиво говорить я не обучен,
Как вы с синьором Вяземским, к примеру.

Довольно, хватит! Нет к нытью причины!
Измучу ль вас иль заслужу я взбучку—
Вперед! Ведь я в конце концов мужчина!

Белли описал здесь действительный случай, когда он по просьбе Зинаиды Волконской, преодолев собственную робость, выступил перед знаменитыми гостями со своими «неправильными» сонетами. В один из подобных вечеров Гоголь впервые услышал итальянского поэта.

Второй сонет (№ 1421), судя по надписи на рукописи, был написан по просьбе Волконской специально к празднованию Нового 1835 года—по старому стилю, как он праздновался в России (сейчас бы сказали: старого Нового года), и посвящался графу Миньято Риччи.

Когда наш Новый год уже на блюде,
В Московии его нет и в помине,
Еще двенадцать дней, по слухам, минет,
Пока его отведать смогут люди.

О дон Миньято, нас не надувают?
Но говорят, что эти слухи точны,
Что Новый год как раз сегодня ночью
До нас второй ногою дохромает.

Я жду в дверях, готова поздравленья
С младенцем, что, вот-вот покинув лоно,
Нас изумит вторичным появленьем.

И, как велит обычай, о друг Риччи,
Из рук моих примите благосклонно
Сей славный вертел с запеченной дичью.

Об адресате сонета в комментариях миланского издания сказано только, что он был близким другом Белли, девять лет провел в России и там женился на русской.

В Музее А. С. Пушкина в Москве, в первом зале, выставлены портреты московских знакомых поэта. Среди них, конечно, и Зинаида Волконская. С одного небольшого портрета маслом, выполненного неизвестным художником в 1810-е годы, на нас смотрит молодой привлекательный итальянец. Это Миньято Риччи. В книге А. Черейского «Пушкин и его окружение» (Л., 1976) Риччи характеризуется как поэт, композитор, певец-любитель, переводчик произведений А. С. Пушкина на итальянский язык. В течение восьми лет он был мужем певицы Екатерины Луниной, двоюродной сестры известного декабриста. После развода уехал в Италию. Итак, родственник Михаила Лунина, московский знакомый Пушкина был и римским знакомым Гоголя, близким другом Белли.

Оба сонета, как и другие рукописи, подписаны: 996. Этот номер поэт присвоил себе на том основании, что начальные буквы имени и фамилии Джузеппе Джоакино Белли — рукописные латинские G. G. V. — напоминают две девятки и шестерку. На полях помета: «Не входит в собрание, как противоречащий его духу». В свой «памятник римскому простонародью», который он мечтал увидеть напечатанным, Белли эти сонеты не включил: у них иная тематика, они стоят особняком в его творчестве. Но для нас они представляют несомненный интерес как страница русско-итальянских литературных связей.

Кроме «Римских сонетов» Белли писал лирические стихи — поэтические послания в духе Петрарки. Они были опубликованы в 1930 году. А уже в последнее десятилетие обнаружены письма к адресату посланий — Винченце Роберти (по мужу — Пероцци). В переписке, охватывающей тридцать лет (1823—1853), перед нами раскрывается личная драма поэта. Любовь к «дорогой Ченце» остается неразделенной, их взаимоотношения — мучительными. Не удастся и наметившийся было брак между его сыном Чиро и дочерью Винченцы, Матильдой.

Резкий перелом произошел в творчестве Белли после революции 1848 года, испугавшей его. «Из либерально мыслящего и чувствующего римлянина, — писал П. Д. Боборыкин, — он превратился в узкого консерватора». Поэт-сатирик, он пишет теперь

панегирики римским папам. Тогда-то он и решает сжечь все свои сонеты — лишь усилиями друзей они были спасены (не один исследователь обращает внимание на близость судьбы Белли и его «крестного» — Гоголя). Автором «Римских сонетов» Джузеппе Джоакино Белли и вошел в историю итальянской литературы. Предсказание Гоголя сбылось — о сонетах Белли заговорил мир.

Римский «Гольдони без подмостков» теперь получил и сцену — в итальянской столице есть театр его имени. На сцене этого театра был воссоздан и образ самого поэта — в исполнении Антонио Салинеса, в спектакле о взаимоотношениях рапсода с тысячеликим героем его произведений — римским народом (автор пьесы Роберто Бонанни).

Сезон 1974/75 года Театр имени Белли открыл моноспектаклем по повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» в постановке Джорджо Бандини. На вмонтированных в огромную клетку панелях — одновременно это и грифельные доски — появлялись безнадежные послания гоголевского вечного титулярного советника, которого играл один из популярнейших в стране актеров Флавио Буччи.

В сезоне 1983/84 года, ознаменованном 175-летним юбилеем со дня рождения Гоголя, на римские подмостки поднялись сразу два Аксентия Ивановича Поприщина. Один из них — вновь Флавио Буччи, но в новой редакции пьесы, принадлежащей перу известного драматурга Марио Моретти. Другой — Антонио Салинес (он же и режиссер спектакля по пьесе Роберто Леричи). На сцене Театра имени Белли Салинес представил историю безумия «маленького человека» как острую социальную болезнь.

В свое время Гоголь пытался познакомиться европейскую публику с сонетами Белли, а теперь уже Белли (Театр имени Белли) знакомит итальянскую публику с бессмертной повестью великого русского писателя, заставляя зрителя вникать в сложный, многозначный текст этого шедевра. А рецензент газеты «Унита» услышал в спектакле Салинеса еще более серьезный призыв: «Прочитать заново всего Гоголя».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В этой датировке 1838 года Гоголь допустил неточность — был уже 2591 год древней столицы цезарей.

² См.: Отблески. 2-е изд. Слб., 1908, с. 59—78.

³ В 1980 году на страницах «Литературной газеты» (№ 30) были опубликованы три сонета Белли в переводе Е. Солоновича, а в 1984 году в «Иностранной литературе» (№ 7) — еще 20 сонетов, с предисловием Н. Томашевского.

⁴ Vigolo Giorgio. Il genio del Belli. Milano, 1963, p. 295.

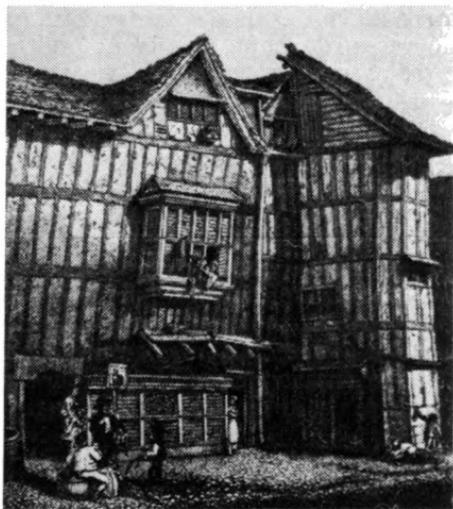
«ВЕЛИКИЙ ХАН ЛИТЕРАТУРЫ АНГЛИИ»

Сэмюэл Джонсон и книжное дело в его эпоху

Джонсон... Эта фамилия столь же распространена в Англии, как Иванов — в России. Немало Джонсонов оставило след в английском книжном мире. Из них, пожалуй, наиболее известен в нашей стране младший современник и конкурент великого Шекспира — Бен Джонсон (1573—1637). Однако не Бену Джонсону было суждено стать при жизни непререкаемым литературным авторитетом, организатором литературно-художественных кругов Лондона и всей Англии. Эту роль сыграл Сэмюэл Джонсон (1709—1784) — журналист и драматург, критик и лексикограф, поэт и прозаик, философ и историк, — личность которого наложила столь яркий отпечаток на историю английской литературы второй половины XVIII века, что английские литературоведы называют эту эпоху не иначе, как «эпоха доктора Джонсона». Вынесенная в заголовок статьи фраза принадлежит Смоллетту, но под ней могли бы подписаться Стерн и Голдсмит, Шеридан и Крабб, безоговорочно признававшие главенство Джонсона в литературе тогдашней Англии.

Лучшими из созданных знаменитым придворным художником Джошуа Рейнольдсом двух тысяч портретов по праву считаются портреты его друга Сэмюэла Джонсона. Одна из наиболее занимательных литературных биографий — «Жизнь Сэмюэла Джонсона». Она написана его секретарем и другом Джемсом Босуэллом на основе двадцатилетних ежедневных дневниковых записей. В Великобритании эта биография сейчас известней самого творчества Джонсона (поскольку Джонсон-собеседник интересней Джонсона-литератора), а ее герой почти не уступает в популярности Пиквику или Шерлоку Холмсу.

Чем же привлекал Джонсон своих современников и в чем секрет его огромного влияния на умы читающей публики? Его характер, манера поведения и внешность были далеки от идеальных, а высокообразованных и склонных к парадоксам людей в эпоху Просвещения было не так уж мало. Причина

Последний портрет Сэмюэла Джонсона.
Худ. Дж. Рейнольдс, 1784

Пристанища «чердачных»
литераторов в Лондоне

популярности «славного доктора Джонсона» заключалась не в его чудачествах, а в том, что этот пробившийся на вершину Олимпа литературный труженик олицетворял собой новый тип интеллигента-разночинца, не желавшего зависеть от прихотей кучки аристократов. Он, как никто другой, ярко воплотил в своих взглядах все противоречия эпохи, был человеком «золотой середины», столь милым сердцу расчетливого и не любящего крайностей английского буржуа. Карлейль справедливо называл Джонсона литературным Джоном Булем. (Нелишне указать, что созданный в начале XVIII века сатириком Арбетнотом образ простоватого фермера Джона Буля — ставшего нарицательным именем английского буржуа — никак нельзя назвать идеально добродетельным. Буль честен, храбр, доверчив и трудолюбив, но весьма ограничен в своих убеждениях и помыслах и пропитан идеями национального превосходства над всеми иностранцами.)

Эту мысль разделял и пионер русской англистики А. В. Дружинин. В статье «Джонсон и Босвелль» полнее всего на русском языке представлены взгляды и высказывания С. Джонсона, некоторые из них приводятся ниже¹.

Джонсон вел борьбу с олигархией (и ее литературным орудием — классицизмом), но борьба эта всегда была умеренной и компромиссной. Джонсон гневно отказался от запоздалого покро-

вительства лорда Честерфилда, но принял пенсию от короля; достаточно ясно понимая двойственность буржуазного прогресса, с грустью отмечал: «...в нашей повседневной жизни деньги... значат больше, нежели наши добрые качества», — но считал, что «наживать деньги — самое невинное занятие»; был, казалось бы, убежденным материалистом и, в то же время, крайне суеверным человеком; верил в воспитывающую и облагораживающую силу искусства и литературы, но сам же указывал, что «надо быть дураком, чтобы писать не ради денег»; сочувствовал беднякам и ненавидел рабство, но проповедовал якобы необходимую для счастья человека строжайшую социальную «субординацию» (недаром сильный гнев Джонсона по поводу выпущенного Руссо «Общественного договора» был смягчен лишь предположением, что Руссо «знает, что говорит вздор, и смеется над изумленно взирающим на него миром»).

Взглянем еще раз на один из портретов Джонсона, созданных Рейнольдсом. Художнику удалось передать в нем и небрежность туалета, и тяжеловесную тучность портретируемого, и — что самое главное — сложный характер Джонсона — человека-скептика, умудренного жизненным опытом, смелого ученого, умеющего проникнуть в сущность вещей и, в то же время, сознающего некоторую тщетность и бесполезность даже самых благородных идей и мыслей в циничный век безжалостной ломки всяких барьеров, стремительного роста бездушного частного предпринимательства и всеобщей погони за наживой. Наш герой достаточно ироничен, чтобы посмеяться и над собственными философскими изысканиями, порой беспомощными, а уж тем более — над попытками своих коллег пофилософствовать, особенно из лагеря «сентименталистов».

Сэмюэл Джонсон родился в семье бедного книготорговца в Личфилде — крохотном городке в самом центре Англии. Будучи небогатым, он проучился всего лишь один год в Оксфорде и смог получить свои поистине энциклопедические знания в основном самообразованием, из книг отца. В 1731 году умер отец Сэмюэла, оставив сыну всего 20 фунтов стерлингов. Сэмюэл в течение ряда лет перебивался случайными заработками, помогая школьному учителю в Личфилде и выполняя переводы с латыни и древнегреческого, которые он знал блестяще.

В 1737 году под угрозой нищеты Джонсон в компании с Дэвидом Гарриком приехал искать счастья в Лондон. Джонсон возлагал свои надежды на издателей тамошних журналов. Его замечали довольно быстро, но раскошелиться никто не спешил, предпочитая давать способному новичку мелкие заказы за ничтожную плату. На некоторых письмах Джонсона того времени стоит подпись «Johnosn impransus», что в переводе со столь

Обложка
«Журнала джентльмена»
за март 1738 года, в котором
впервые были напечатаны
статьи С. Джонсона

The Gentleman's Magazine:
St JOHN'S GATE.

For MARCH, 1738.

CONTAINING,
Articles in English, and greater Extent, than any Part of the third and fourth

I. Original Pieces in great Variety: As
1. The Lady's Adventures, Part I. concluded. 2. The first Sin of the fallen Angels, their Branch of a Covenant. By R. T. 3. Tythes opposed, and defended. 4. Difficult Places in Scripture explained, and others proposed. 5. Milton's PARADISE LOST censured. 6. The Christian Revelation set in a new Light, so as to be one of the strongest Proofs of natural Religion. 7. Of the Quantity of the Retraction of Light in the Moon's Atmosphere. By Mr. FACTO. With Curcs, &c.

II. Some of the most curious Weekly ESSAYS, viz. Of contemplative Enthusiasm, or Superstition, with a Parallel between the two Branches of Enthusiasm. Vindication of a young M— of P—t. The Temple of

DETRACTION. Tragical Effects of AVARICE. Of the Spanish Guardia Callos. Conclusion of the Bishop of Gwerler's Sermon before the Lords, &c.

III. POETRY: The Volunteer Laureat, No. 7. By Richard SALTER, Esq; Poem by a Welch Curate on his native Country. In obitum Georgii Dvelli Albemarii, Aulicæ R. Allectæ, & T. P. The Pleasures of Jamaica. To the E. of Orerry; by the Rev. Mr. EVERTON. 107 Hymn Paraphras'd; by LYDIA. On Mr. URSAN's Adversities. By SYLVIVS and others, &c.

IV. HISTORICAL CHRONICLE.
V. List of Ships taken by the Spaniards.
VI. FOREIGN Translations.
VII. REGISTER of Books.
VIII. TABLE of CONTENTS.

By **SYLVANUS URBAN**, Gent.

LONDON: Printed by E. CAYE at St JOHN'S GATE, and Sold by the Booksellers of Town and Country; of whom may be had any former Month, also complete Sets on Royal or Common Paper beginning with the Year 1731. and a Supplement for the Year 1737. with a Map of the Garden of Edes.

любезной его сердцу латыни означает: «Не обедавший Джонсон». Лишь в 1738 году ему удалось, наконец, получить постоянную работу в знаменитом «Журнале джентльмена» Э. Кейва, который издавался с 1731 года и не имел себе равных по популярности не только в Лондоне, но и во всей Англии.

Вкратце охарактеризуем книжное дело Англии той эпохи.

Основанная еще в 1557 году лондонская гильдия книгопечатников и книготорговцев подчинялась лишь королевской власти и почти полтора столетия занимала доминирующее положение в издании и распространении книг по всей Англии, фактически монополизировав все национальное книжное дело. Основная

масса английских книг в XVI—XVII веках издавалась по лицензиям, выдаваемым издателю и разрешающим печатать ту или иную рукопись. В гильдии регистрировалась каждая рукопись, получившая одобрение и разрешение на издание.

В 1695 году было отменено обязательное членство в гильдии для юридической защиты издательских прав, а также лицензирование рукописей. Было разрешено повсеместное издание газет и журналов без предварительной цензуры, что, впрочем, не очень облегчало работу авторов и издателей, постоянно рисковавших подвергнуться гонениям и штрафам за любую публикацию, не угодную властям, прикрывавшимся весьма расплывчатым «законом о клевете».

Тем не менее, эти нововведения позволили Англии превратиться в лидера мировой журналистики (к концу XVIII века в стране выходило до 2500 названий газет и журналов, хотя большинство периодических изданий было крайне недолговечно).

Журналистика оказала большое влияние на английское книжное дело. Роль периодических изданий, быстро вытеснявших привычные тогда памфлеты, оценили и в правительстве Англии, поскольку лишь один премьер-министр Уолпол между 1731 и 1741 годами истратил на подкуп различных журналистов и издателей около 50 тысяч фунтов стерлингов из фонда секретных служб!

Отмена лицензирования фактически ликвидировала защиту легальных издателей от книжных пиратов, которые перепечатавали только что вышедшие и пользовавшиеся успехом книги, не неся расходов на приобретение и подготовку текстового и иллюстративного оригиналов. Для борьбы с анархией необходимо было попытаться узаконить правовую систему бурно растущего буржуазного книжного предпринимательства. Не случайно инициаторами первого в мире закона об авторском праве, принятого парламентом в 1709 году, были лондонские книготорговцы. Согласно вошедшему в силу с 1 апреля 1710 года закону издатели получили небывалую в Англии свободу действий.

Ликвидация монопольного положения лондонской гильдии привела к стремительному росту числа книготорговцев и издателей на периферии, где была меньшая конкуренция, более дешевая рабочая сила и было легче в погоне за прибылью обходить законы, предусматривавшие суровые денежные штрафы для уличенных своими коллегами пиратов-издателей. В целом подтвердилась старая истина, что законы легче принять, чем контролировать их исполнение.

Тем не менее Лондон в целом сохранил свое доминирующее положение в британском книжном мире XVIII века. С одной стороны, это было вызвано стремительным ростом населения

столицы (около одного миллиона человек при общем населении Англии семь миллионов в 1760 году), что обеспечивало широкий и единственный в своем роде рынок сбыта внутри города для лондонских издателей, с другой — тем, что богатая верхушка книжных предпринимателей усиливала и расширяла сотрудничество друг с другом для сохранения своей традиционной монополии на издание и распространение наиболее прибыльных книг и периодических изданий.

С этой целью создавались различного рода объединения крупнейших лондонских издателей-книготорговцев; наиболее известное называлось «Чаптер кофи хаус», куда входили Эндрью Миллар, Джон Мюррей, Томас Лонгмэн, Джеймс Додсон и другие наиболее известные предприниматели. Подобные объединения способствовали длительной монополизации прав на издание классики и прав, наиболее прибыльных, поскольку их номинально аукционные торги проводились лишь в узком кругу, а также снижению риска пиратских перепечаток со стороны своих же лондонских коллег-издателей или финансовых потерь при издании и распространении наиболее дорогостоящих книг. Для этого авторское право делили между многими заинтересованными издателями. «Доли», т. е. своего рода акции в совместных книгоиздательских и книготорговых предприятиях, фиксировались в реестре лондонской гильдии как поделенные не только пополам или на четыре части (что иногда бывало еще в XVI веке), но и на 16, 24, 48 и еще большее число частей.

Выступавшим единым фронтом крупным лондонским издателям-книготорговцам удавалось до 1774 года блокировать все легальные попытки издания английской классики их конкурентами (в основном иностранцами). Хотя по закону 1709 года все издательские права на произведения Шекспира, Бена Джонсона или Мильтона истекли в 1731 году, решения судов были неизменно в пользу прежних владельцев издательских прав (часто совершенно незаконно перепродававших их в 40—60-е годы), запрещая «пиратам» (обычно из Шотландии) продажу своих книг. Лишь специальное решение парламента в 1774 году юридически ликвидировало это фактически пожизненное издательское право кучки монополистов, которые благодаря капиталам продолжали, тем не менее, сохранять командные высоты в книжном деле Англии.

Обуржуазивание книжного дела вызвало и изменение отношений автора с издателем. Патронажу наступал конец, автор все больше зависел от капиталиста-издателя, рассматривавшего все (даже гениальные) творения литературы как обычный товар, который можно и нужно выгодно продать на книжном рынке. Именно в Англии XVIII века литература перестала быть заняти-

ем дилетантов, перестала зависеть от щедрот меценатов, именно тогда начал складываться тип профессионального литератора, апеллирующего к новой читающей публике из третьего сословия, к общественному мнению, от которого зависит теперь не только характер его творчества, но само существование. Уже к середине XVIII века из английских книг почти полностью исчезли пышные посвящения аристократам, зато стали обычными обращения авторов к благосклонным читателям. Так, Филдинг еще в 1736 году посвятил свой «Исторический календарь» читающей публике.

Печатающие свои произведения авторы могли быть уверены в гарантированной оплате их труда, но издатели оценивали прежде всего имя, а потом литературные заслуги. Поэт Поп получил в 1725 году астрономическую сумму в 5000 фунтов стерлингов (укажем, что в Англии XVIII века прожиточный минимум для одного литератора, по мнению Джонсона, составлял около 30 фунтов стерлингов в год) за издание его переводов Гомера, в то время как Стерн не смог найти в течение десяти лет издателя, который согласился бы дать ему 50 фунтов за «Тристрама Шенди». Голдсмит отмечал, что у подавляющего большинства английских авторов выработалась «привычка писать ради куска хлеба, а не славы»², и лишь немногие из этих, метко названных «чердачными», литераторов могли благодаря своему таланту, упорству и железному здоровью достичь признания, материальной обеспеченности и независимости.

Этого удалось достичь Джонсону — человеку, прошедшему почти все ступеньки книжного дела своей эпохи, живому символу тогдашней английской литературы.

Джонсон получил постоянное место в «Журнале джентльмена» Кейва в марте 1738 года. В журнале еще с 1732 года давались эпизодические сообщения о дебатах в парламенте, однако лишь с приходом Джонсона, который писал основную массу статей самого различного содержания (от богословских трактатов до мадригалов), начали регулярно печататься и отчеты с текстами речей знаменитых ораторов. Для защиты от обвинений в нарушении парламентской неприкосновенности Кейв использовал остроумную идею Джонсона: печатать отчеты под общим названием «Дебаты в сенате Лилипутии», а имена ораторов обозначать анаграммами. Джонсон получал сырой информационный материал от репортеров-стенографов Кейва и переписывал его с той скоростью, на которую были способны его руки, после чего лист за листом без какого-либо дополнительного редактирования шли в набор. Иногда репортеры не могли дать информации, и Джонсон полагался лишь на собственное воображение. Зная в общих чертах обсуждаемый вопрос, ситуацию и

стиль изложения оратора, Джонсон сочинял яркие «речи», которые еще долго восхищали мистифицированных читателей не только в Англии, но и за ее пределами. Джонсон закончил свою каторжную работу на Кейва в 1744 году; его преемнику не удалось сохранить прежний уровень публикаций, и они навсегда прекратились в 1746 году.

В 1738 году Джонсону удалось напечатать свою первую книгу — оду «Лондон», за которую он получил от издателя-книготорговца Роберта Додсли всего 10,5 фунта. Закупив авторское право, Додсли уже через неделю выпустил второе издание книги и получил большую прибыль. Оборотистый предприниматель постарался сблизиться с Джонсоном, и последний все чаще стал продавать свои рукописи Додсли и сотрудничать с ним.

Некоторое время Джонсон работал на крупнейшего книготорговца того времени Томаса Осборна. Осборн купил в 1742 году для перепродажи по частям крупнейшую в Англии частную библиотеку Роберта Харли (50 тысяч томов и около 350 тысяч памфлетов) и для подготовки аннотированного каталога нанял Джонсона, который должен был изучить содержание всех книг. Даже при скорости чтения Джонсона (а ему, как отмечали современники, было достаточно 10—12 секунд для запоминания текста двух страниц) это оказалось делом слишком трудным для одного человека. Первые три тома каталога вышли в 1744 году, но до конца работы было еще далеко. Осборн пришел в бешенство, застав как-то Джонсона за чрезмерно долгим, по мнению книготорговца, рассматриванием библии 1594 года издания. Джонсон, отличавшийся вспыльчивым характером, нокаутировал Осборна библией (что резко повысило ее цену на аукционе в 1812 году). Остальные два тома каталога готовились уже без Джонсона и вышли в 1745 году.

Додсли от себя лично и от имени ряда издателей из «Чаптер хауса» предложил Джонсону подготовить толковый словарь английского языка. Джонсон долго колебался, но в июне 1746 года подписал контракт с группой известных издателей-книготорговцев, которые совместно финансировали эту гигантскую работу. Техническое руководство подготовкой издания и сбыт словаря были доверены предприимчивому дельцу Эндрью Миллару, умевшему увеличивать спрос и цены на все издания, проходившие через его руки. Предварительно намеченный срок подготовки рукописи — три года, выданный авансом гонорар Джонсону — 1575 фунтов. Эта сумма казалась многим огромной, но издатели рассчитали точно и далеко вперед. Джонсон должен был нести все огромные издержки по подготовке рукописи, платя из своего кармана нанятым им шести переписчикам, а также за все необходимые для работы книги.

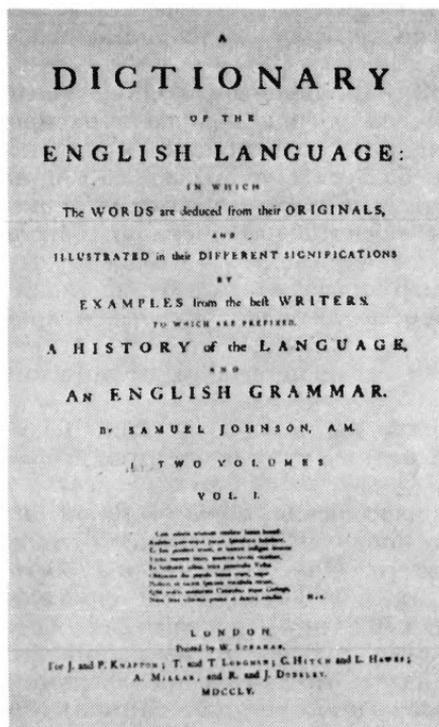
В 1747 году Джонсон опубликовал «План словаря» в виде письма, адресованного, по настоянию Додсли, Филиппу Дормеру (графу Честерфилду) — одному из государственных секретарей, известному литератору («Письма к сыну» Честерфилда широко известны). Честерфилд при личной встрече обещал Джонсону всемерную помощь, однако единственное, что он сделал, было вручение посетителю 10 фунтов.

Джонсон работал не на пустом месте. Первые, хотя и примитивные, толковые словари английского языка появились еще в начале XVII века, а «Универсальный этимологический английский словарь» Натана Бейли с 1721 года выдержал ряд переизданий. Толковые словари к тому времени были изданы еще лишь в Италии и во Франции, причем над подготовкой словаря французского языка работали 40 членов Французской Академии в течение 40 лет.

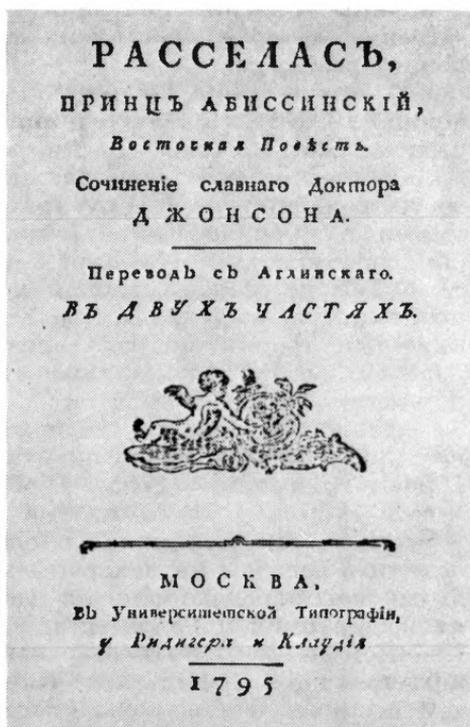
Впервые в Англии Джонсону удалось подготовить научное издание словаря национального языка. Все расположенные по алфавиту слова выверялись Джонсоном по ранее изданным словарям, давалась их этимология, дефиниция и указание норм применения в разных контекстах. Помощники Джонсона отвечали за переписку и точность указанных им цитат из произведений классики, иллюстрирующих научную часть словарной статьи. Подобный метод применяется до сего времени в толковых словарях типа Оксфордского.

В 1754 году Джонсон закончил свою титаническую работу. Не вспоминая до сих пор о Джонсоне «просвещенный меценат» Честерфилд напечатал в издававшемся Додсли еженедельнике «Мир» две статьи с комплиментами Джонсону и прозрачным намеком заполучить от автора очень лестное посвящение. Джонсон резко отверг поздравление «патрона», справедливо заметив: «Я совершил долгое и трудное кругосветное путешествие по английскому языку, а он сейчас высылает мне две судовые шлюпки, чтобы отбуксировать в гавань». Джонсон имел полное основание утверждать в своем предисловии: «Словарь написан с малой помощью ученых и без всякого патронажа великих мира сего... если наш язык здесь не полностью представлен, то лишь потому, что мне не удалось сделать того, чего не удавалось пока ни одному человеку»³.

В начале 1755 года, перед самым выпуском словаря из печати, друзья помогли Джонсону добиться в Оксфорде присвоения ему ученой степени магистра искусств, которую было весьма важно указать на титульном листе для повышения престижности словаря. 15 апреля 1755 года двухтомный «Словарь английского языка» вышел из печати. Джонсон получил от «благородных» издателей, «терпеливо» ожидавших окончания

Титульный лист первого тома
«Словаря английского языка»
С. Джонсона, 1755

Титульный лист первого издания
«Расселаса» на русском языке, 1795

затянувшейся на целых восемь лет работы, дополнительные 100 фунтов, а издатели в считанные месяцы — прибыль, исчисляемую многими тысячами фунтов. Об огромном успехе «Словаря» говорит тот факт, что четвертое его издание было предпринято уже в 1773 году. Автор же еще долго оставался бедняком — издатель-книготорговец и знаменитый писатель Ричардсон своего друга Джонсона выкупил из-под ареста за долг в 1756 году.

Из-за постоянной необеспеченности (несмотря на исключительно скромный образ жизни) Джонсон, трудясь над «Словарем», должен был заниматься разными литературными работами, в том числе написанием многочисленных предисловий для книг. В 1749 году была напечатана его поэма «Тщета человеческих желаний». Этой поэмой восхищались Байрон и В. Скотт. В том же году в постановке Гаррика, игравшего одну из главных ролей,

лондонцы увидели малоудачную юношескую трагедию Джонсона «Ирена», которая прошла на сцене театра «Друри-Лейн» всего девять раз.

С марта 1750 по март 1752 года Джонсон издавал свой журнал «Скиталец», выходявший два раза в неделю и распространяемый Додсли. Доминировавшие в журнале морально-дидактические эссе пользовались большим успехом, хотя и не могли соперничать в популярности с занимательными публикациями в журнале Кейва (тираж «Скитальца» составлял около 500 экземпляров, а «Журнала джентльмена» — около 15 тысяч). Тем не менее, каждый номер приносил автору жизненно необходимую выручку в две гинеи; к тому же, журнал в виде книжных сборников издавался при жизни Джонсона 10 раз тиражом по 1250 экземпляров (не считая пиратских ирландских и шотландских перепечаток).

Аналогичными по содержанию были два других, более поздних, журнала Джонсона — «Искатель приключений» (1753—1754) и «Досужий» (1758—1760).

В 1759 году была издана философская повесть Джонсона «Расселас», написанная за одну неделю по вечерам, чтобы оплатить расходы на похороны матери. Повесть только в 1759 году трижды переиздавалась в Англии, в 1760 году была переведена во Франции и Голландии, а в 1762 году — в Германии. Хотя Джонсон не мог знать о содержании только что вышедшей во Франции повести Вольтера «Кандид», сюжет обоих произведений, тем не менее, очень схож. «Расселас» явно уступал «Кандиду» в изяществе и остроумии и не имел никакой революционной окраски. Идеи Джонсона пессимистичны: все человеческие желания суетны, сама человеческая жизнь — обилие страданий и лишь немного радостей. Власть имущих устраивало стремление Джонсона доказать, что каждый человек должен принимать жизнь такой, какая она есть.

В 1762 году Джонсону была пожалована правительственная пенсия за литературные заслуги без каких-либо обычных для того времени политических обязательств. Сам Джонсон дал такое определение пенсии в «Словаре»: «Содержание для кого-либо... В Англии... обычно... это означает плату государственному наемнику за измену своей стране и народу»⁴. Джонсон принял пенсию, гарантировавшую ему безбедное существование, но не изменил формулировку в новых изданиях «Словаря».

В 1765 году под редакцией Джонсона выходит подписной восьмитомник пьес Шекспира, снабженный знаменитым введением в защиту гения Шекспира от нападок Вольтера. Все английские литературоведы XVIII века высоко ценили мастерство гениального драматурга и, тем не менее, считали не только возмож-

ным, но даже нужным вносить всевозможные «поправки» и «исправления» в его тексты. Джонсон не признавал подобных нововведений и, имея за плечами опыт составления «Словаря», снабдил тексты Шекспира объяснениями устаревших слов и толкованиями целых выражений и фраз.

В 1775 году Оксфорд почтил заслуги Джонсона званием доктора юриспруденции.

Последнее из крупных достижений Джонсона — «Жизнеописание наиболее выдающихся английских поэтов» (1779—1781), в которых была отражена практически вся литературная жизнь Англии XVII—XVIII веков. Работу отличают великолепное изложение биографий и в то же время явная слабость некоторых критических суждений Джонсона. Драйдена и Попа он поставил выше Шекспира и Мильтона. Насколько точно Джонсон разобрался в исторической лингвистике, настолько произвольно судил он о литературном процессе.

9 февраля 1784 года Джонсон указывал в своем письме к Эстер Трейл: «Одна вещь, о которой я только что услышал, превосходит... все ожидания. Капеллан английской колонии в Петербурге сообщает, что „Скиталец“ по приказу императрицы переводится сейчас на русский язык, и он обещает прислать мне экземпляр книги, когда она будет напечатана»⁵.

Этим капелланом был Уильям Тук, друживший со многими членами учрежденного в 1768 году Собрания, старающегося о переводе иностранных книг. Благодаря деятельности Собрания в России до 1783 года было издано 112 произведений европейских авторов, многие из которых (особенно английские) и не подозревали о своей известности в России. Были, например, переведены (хотя и с французского, а не английского языка) «Путешествия Гулливера» Свифта (1772), «Джонатан Уайльд» и «Джозеф Эндрюс» Филдинга (1773).

С сентября 1783 года ответственность за переводы была возложена на вновь учрежденную Российскую академию во главе с княгиней Екатериной Дашковой, проживавшей ряд лет на Британских островах и хорошо знавшей английскую литературу. По неясным причинам, «Скиталец» так и не вышел из печати в виде книги, хотя отдельные выпуски журнала были давно известны в России. Так, переводы № 19 и 102 «Скитальца» были включены в 1776 году в книгу под названием «Забавный философ» — русское переложение Лукой Сичкаревым сборника разных моралистических эссе, составленного женой печатника Томаса Слака из Ньюкасла в 1756 году (почтенная составительница относилась к категории издателей-пиратов).

В 1761 году Михаил Пермский сделал фрагментарный перевод: «Описание истории абиссинского принца Расселия», который

появился в апрельской книге ежемесячного студенческого журнала «Доброе намерение», печатавшегося в Московской университетской типографии. Издателем выступил студент В. Д. Санковский — ранее сотрудник журналов М. М. Хераскова. Полный, но весьма слабый перевод «Расселаса» появился в 1795 году в той же Московской университетской типографии («Расселас, принц абиссинский, восточная повесть»).

В 1813 году журнал «Вестник Европы» опубликовал перевод «Опыта об эпитафиях» Джонсона, оригинал которого был впервые напечатан в журнале Кейва в 1740 году.

Многие произведения Джонсона печатались на русском языке без указания имени автора, поскольку сами переводчики не знали его, пользуясь обычно французскими текстами. (Например: «Жизнь Иоанна Милтона, автора поэмы „Потерянный Рай“. Пер. с французского. М., 1799».)

В 1811—1817 годах в Москве был издан четырехтомный «Англо-русский словарь» Михаила Граммата-Перенаго, составленный, как указывал автор, по словарю «г. Джонсона». Это было одно из первых изданий англо-русских словарей в России.

Ценил Джонсона и неоднократно ссылаясь на него А. С. Пушкин, который, защищая подлинность древнерусского оригинала в своих заметках «Песнь о полку Игореве», писал: «Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока... Джонсон тотчас уличил Макферсона»⁶.

В 1984 году отмечалось 275-летие со дня рождения и 200-летие со дня смерти Сэмюэла Джонсона.

Время — самый строгий экзаменатор всех наших дел и свершений. Сэмюэл Джонсон с честью прошел эту проверку...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Дружинин А. В. Собр. соч. В 8-ми т. Спб., 1865, т. 4, с. 7—245.

Все цитаты из статьи Дружинина даются по этому изданию.

² Цит. по кн.: Kent E. E. Goldsmith and his Booksellers. Clifton (USA), 1973, p. 4.

³ Johnson S. The Dictionary of the English Language. London, 1755, vol. 1, p. C2(b).

⁴ Johnson S. Op. cit., vol. 2, p. K2(b).

⁵ Johnson S. Letters. Ed by K. W. Chapman. Oxford, 1952, vol. 3, p. 131—132.

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. 4-е изд. Л., 1978, т. 7, с. 344.

Поліска
и народка

Книга освещает и утверждает место человека на земле... Все самое лучшее, самое дорогое, самое мудрое и чудесное несет в себе книга.

Ф. В. ГЛАДКОВ

Леонид Вышеславский

ПОЭТА НЕВЕДОМЫЙ ДРУГ

Так чувство выражать одно лишь может
чувство.

Е. А. Баратынский

Среди великого множества киевских квартир есть, на первый взгляд, самая обычная двухкомнатная квартира на первом этаже. Отличает ее от других, может быть, то, что, несмотря на отдаленный район, в двери ее очень часто звонят гости.

В этом году исполнилось двадцать пять лет с того дня, как Евдокия Мироновна Ольшанская начала собирать книги и другие материалы об Анне Андреевне Ахматовой, поэте, бесконечно ею любимом, и все свободное время она посвящает этому главному делу своей жизни. Не один из посетителей квартиры воскликнул вслед за известным украинским поэтом Дмитрием Павлычко, побывавшим здесь в мае 1981 года: «Да ведь это музей!»

Сама Евдокия Мироновна называет этот домашний музей скромнее: «Собрание», и несмотря на то, что здесь побывали сотни людей, в том числе из многих городов Союза, в печати об этой уникальной коллекции не было ни слова. Поэтому я и решил познакомить всесоюзного читателя и с этим собранием, и с его хранителем, записав нашу беседу.

— Евдокия Мироновна, когда вы впервые открыли для себя поэзию Анны Ахматовой?

— Это было, когда я пошла в 9-й класс. Лишь год, как закончилась война. Я уже пробовала писать стихи, и некоторые из них были даже опубликованы. Очень любила Пушкина, Тютчева. И вот, в читальном зале для юношества мне выдали двухтомную «Антологию русской поэзии» (больше я ее нигде потом не встречала). Там было напечатано стихотворение Анны Ахматовой, начинавшееся словами: «Небывалая осень построила купол высокий...». Эти стихи потрясли меня. С двух чтений я запомнила их наизусть. С того времени и навсегда Анна Ахматова стала самым необходимым для меня поэтом.

У меня была школьная подруга, мать которой, детская писательница Вера Евгеньевна Карасева, даже в Ленинградской блокаде сумела сохранить многие любимые книги и привезла их в Киев. До сих пор я благодарна ей за то, что сохраненные с таким трудом сборники она щедро давала читать всем, в том числе и мне, школьнице. И в своей жизни я стараюсь следовать ее примеру.

Первая книга была приобретена в магазине по заранее оставленной открытке. Это: «Стихотворения» Анны Ахматовой (М., 1958).

Вот с нее я и веду отсчет своего собрания. В нем 23 книги Ахматовой, изданные у нас в стране на русском языке, десять книг, изданных в ГДР и Польше, Чехословакии и Венгрии, Болгарии и других странах, часто с параллельными текстами, множество антологий и альманахов со стихами Ахматовой, газетные и журнальные публикации и т. д. И хотелось бы отметить, что лишь очень немногие из этих книг сумела приобрести я сама: большинство было подарено людьми, знавшими, что для меня значит Ахматова!

С чем, например, можно сравнить щедрость замечательного поэта Арсения Александровича Тарковского? В 1970 году, будучи у меня в гостях, он познакомился с частью собранных материалов, а уже через несколько дней, вернувшись в Москву, прислал мне бандероль с бесценными дарами, среди которых была и редкая книжка: «Избранные стихи» Анны Ахматовой (М.: Советский писатель, 1943). Книжка эта была издана в Ташкенте в грозные военные дни и напечатана на газетной бумаге тиражом в 10 тысяч экземпляров. Сама Ахматова любовно называла ее «Азиатка». В последующие годы Арсений Александрович подарил мне ахматовский «Подорожник» (1921), ее книги на болгарском и чешском языках. Но самый удивительный его подарок мне — книга Анны Ахматовой «Стихотворения» с такой надписью: «Арсению Тарковскому, автору чудесных и горьких стихов. Ахматова. 12 ноября 1958. Москва».

«Четки» Ахматовой (1914) мне подарила наша харьковская приятельница Лиля Карась. «Белую стая» подарил мой муж, Олег Степанович, в тяжелое для нас время. Я тогда легла в больницу на операцию, и вдруг пришло письмо из Ленинграда: продается «Белая стая». Олег Степанович сказал: «Как только благополучно пройдет операция — сразу же вышлю деньги». И выслал, хоть хлопот у него тогда было слишком много.

А сколько книг Ахматовой подарили мне вы, Леонид Николаевич! «Стихотворения и поэмы», вышедшие в Большой серии «Библиотека поэта», книгу ее переводов «Голоса поэтов» — последнюю из прижизненных книг, а недавно сделали совсем

царский подарок — «Anno Domini» издания 1922 года. Вами подарена и уникальная антология «Образ Ахматовой», изданная в 1925 году тиражом в 50 нумерованных экземпляров! И теперь в моем собрании недостает только первой книги Ахматовой — «Вечер»...

Практически все книги об Ахматовой удалось собрать. Многие из них — с дарственными надписями авторов: Алексея Павловского и Ефима Добина, Льва Озерова и Валерия Нефедова... В собрании свыше 60 сборников стихов, содержащих посвящения Ахматовой, они украшены авторскими надписями. Этот раздел собрания я особенно ценю, так как он в какой-то мере является признанием важности поставленной мною задачи.

Автографы более ста стихотворных посвящений Ахматовой собраны в два альбома. Переписанные от руки, они впечатляют больше, чем в книгах и в машинописи: кажется, это ближе к «серебряному веку», когда посвящения не печатались на машинке, а вписывались в альбом! Среди них — два стихотворения Льва Озерова, пять — Арсения Тарковского, стихи А. Кушнера и П. Ойфы, В. Азарова и Д. Самойлова, Н. Панченко и А. Лядова, Е. Стюарт и многих других. Есть автографы ушедших от нас поэтов: шесть стихотворений Всеволода Рождественского, два — Надежды Павлович, стихи Н. Сидоренко и И. Снеговой, М. Петровых и В. Смиренского — это уже история...

А вообще стихотворные посвящения Анне Ахматовой особенно интересуют меня, их накопилось около пятисот, и это при том, что я собираю лишь стихи, написанные на высоком профессиональном уровне. Анна Ахматова откладывала в «Полосатую папку» стихи, посвященные ей, и хотела составить из них сборник «В ста зеркалах». В моем собрании есть такой сборник, составленный и прокомментированный мною, со вступительной статьей «Анна Ахматова в ста поэтических зеркалах».

Но все это — лишь небольшая часть собрания. В нем выделены главные разделы. Один из них — «Иконография и образные материалы». Образ Ахматовой в фотографиях и портретах художников представлен довольно полно. На стенах висят подлинные портреты Ахматовой, некоторые из них подарены авторами: это портреты работы Б. Неменовой и Б. Могилевского, Н. Калиты и О. Суходубовского... Фотографии близких и друзей Ахматовой собраны в отдельные альбомы, где пояснительные надписи рассказывают о каждом из этих людей и о том, что связывало их с Ахматовой.

Сюда же входят фотографии, репродукции, слайды, открытки, значки и экслибрисы «По ахматовским местам», фотокопии автографов Ахматовой и ее писем.

В разделе «Воспоминания современников» хранятся книги,

журнальные и газетные публикации — некоторые тоже с дарственными надписями, как, например, книга М. Алигер «Тропинка во ржи» и журнал «Москва» с ее воспоминаниями об Анне Андреевне, журнал «Простор» с воспоминаниями Нины Татариновой «Анна Ахматова в Ташкенте», газетная публикация воспоминаний В. Маңуилова, книги «Воспоминания с комментариями» В. Виленкина и «Сумка волшебника» И. Бражнина... Есть воспоминания не опубликованные, но очень интересные: Г. Глекина, Е. Белявской, художницы А. Любимовой... А воспоминания художника А. Тышлера были написаны по моей просьбе в марте 1972 года. Автор тогда же прислал мне машинописный текст воспоминаний, а впоследствии они были опубликованы в «Панораме искусств».

Я сделала записи рассказов многих людей, близко знавших Ахматову (например, Ф. Г. Раневской, Е. М. Браганцевой и др.). Этот раздел я считаю особенно важным. Конечно, ни одно из этих воспоминаний не претендует на то, чтобы дать цельный образ Ахматовой. Но воспоминания каждого автора — это, образно выражаясь, как бы маленькое цветное стеклышко. И если таких стеклышек накопить побольше, то потом из них можно составить мозаичный портрет, довольно точно отражающий образ Анны Ахматовой.

Например, в одном из первых писем ко мне Фаина Георгиевна Раневская так сформулировала основные качества Анны Андреевны Ахматовой, с которой ее связывали долгие годы дружеских отношений: «Она была *ангельски доброй* (подчеркнуто три раза! — Е. О.), очень ироничной, строгой и снисходительной, она обладала громадным чувством юмора и больше всего в жизни любила Пушкина». (Письмо от 26 марта 1972 года.) Не правда ли, так мало слов и так много сказано!.. За эти годы мною получено от замечательной актрисы свыше ста писем — и среди них лишь несколько без упоминаний об Анне Ахматовой!

Один из разделов составляют письма, в которых находятся ответы на мои вопросы об Анне Ахматовой. Среди них — письма К. И. Чуковского, Ф. Г. Раневской, Д. Д. Шостаковича, А. Г. Тышлера, Г. М. Вечесловой, В. Е. Ардова, сына Ахматовой профессора Л. Н. Гумилева и многих других.

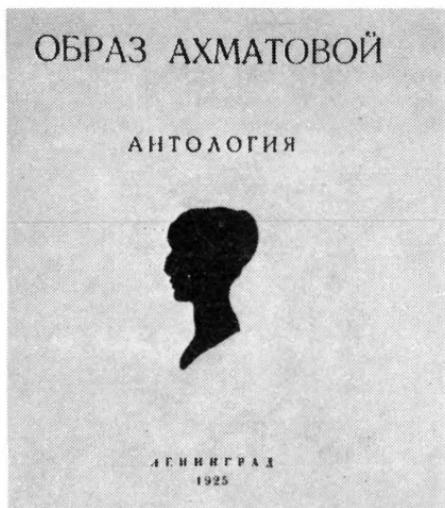
Стдельные разделы составляют литературоведческие работы об Ахматовой, рецензии на ее книги. Далее идут разделы «Анна Ахматова — переводчик», «Анна Ахматова за рубежом».

Есть раздел, где собраны пригласительные билеты и афиши вечеров, посвященных Ахматовой, буклеты, программы и прочие материалы.

Интересен раздел грампластинок. Сюда входят пластинки, на которых записано авторское чтение, в конвертах с портретами

Книжный знак Е. М. Ольшанской.
Худ. К. С. Козловский

Поэтическая антология,
посвященная Анне Ахматовой

Ахматовой и с литературоведческими статьями. Пластинки с записью стихов, исполняемых мастерами художественного чтения. Пластинки с записью вокальных произведений на стихи Ахматовой. Сюда же входят пластинки с записью музыкальных произведений, упоминавшихся в стихах или письмах Анны Ахматовой. Ноты романсов, написанных на стихи Ахматовой (некоторые с дарственными надписями).

Выделена полка любимых авторов Анны Ахматовой и книг, которыми она пользовалась в своих пушкинских штудиях.

Отдельный раздел составляют экслибрисы. Их собрано 70, в том числе 22 экслибриса выполнены для моего собрания художниками К. С. Козловским, А. С. Мистецким, Ю. Черепановым, О. Суходубовским и другими.

Впрочем, все разделы собрания перечислить трудно. Собрано свыше четырех тысяч единиц хранения... Материалы постоянно находятся в работе: с ними приходят знакомиться люди, интересующиеся творчеством и личностью Анны Ахматовой; многие материалы неоднократно экспонировались на выставках во время ахматовских вечеров и чтений в Киеве, Одессе, в Иваново. Ежегодно в клубе поэзии «Родник», которым я руковожу уже 16 лет, проходят ахматовские вечера и чтения, охватывающие целый круг вопросов, и собранные материалы оказывают неоценимую помощь в подготовке таких вечеров. С лекциями об

*Пригласительный билет на
литературно-музыкальный вечер
«Анна Ахматова и музыка»,
состоявшийся в Киеве 23 июня
1982 года*

Ахматовой я выступаю очень часто в киевских клубах любителей книги, в научно-исследовательских институтах. Эти лекции сопровождаются выставками книг и портретов Анны Ахматовой.

Собранными мной материалами пользовались и художники. Н. А. Родин создал два акварельных портрета Ахматовой (один приобретен Картинной галереей г. Калининна) и портрет на эмали. А. С. Мистецкий стал автором многочисленных экслибрисов, посвященных Ахматовой, и т. д.

Большая переписка и обмен материалами ведется с «ахматовцами» других городов: С. Д. Умниковым из г. Пушкина, А. М. Румянцевым из Ленинграда, Г. М. Абольяниным из Новосибирска, семьей Баженовых из Москвы и многими другими, кто посвящает свое время собиранию материалов об Анне Ахматовой, изучению и популяризации ее творчества.

Приходят письма и от начинающих собирателей — с просьбой ответить на вопросы и прислать материалы. На такие письма отвечаю в первую очередь, радуясь тому, что, по образному выражению Л. А. Озерова, прибавляются «войска ахматовского солдаты».

Много времени отнимает составление картотеки. Ее я веду

все годы, но в этом году стала составлять картотеку аннотированную: это много труднее, зато она станет хорошим библиографическим пособием для многих людей. Я знаю, что в Ленинграде очень серьезно работает над картотекой А. М. Румянцев, но думаю, что мы своей работой дополним друг друга.

— Евдокия Мироновна, я знаю, что вы, при всей своей любви к Ахматовой, не встречались с ней в жизни. Отчего так произошло?

— Сейчас я, конечно, жалею об этом. Но причиной было мое совершенно особое отношение к ней, для меня она была... недосягаемой. Впрочем, об этом хорошо сказал поэт Александр Межиров. Из неопубликованных воспоминаний мне известно, что Ахматова не только ценила его стихи, но и приглашала поэта в гости. Узнав, что он так и не побывал у Анны Андреевны, я удивилась, а Межиров на это ответил: «Не мог. для меня она, как Пушкин».

Это чувство я хорошо понимаю!

Впрочем, я столько раз видела Анну Ахматову во сне, что мне иногда кажется, будто и вправду встречались. Анне Андреевне я посвятила множество стихов, одно стихотворение опубликовано в моем сборнике «Диалог» (Киев, 1970), и даже — «Венок сонетов».

— Но вы не сказали о главной реликвии своего собрания — о письме Анны Ахматовой к вам.

— Действительно, это письмо мне очень дорого. Я получила его в марте 1963 года. В нем содержалась добрая оценка моих стихов, тогда; возможно, еще незаслуженная. Но все последующие годы я старалась, чтобы за них не было стыдно перед светлой памятью Анны Ахматовой.

Георгий Крылов

СОЖЖЕННЫЕ КНИГИ

Блокадные сугробы, непогода.
Да хлопья снега, словно толокно.
И мерзнет брат, ему всего два года.
И взрывом бомбы выбито окно.
Проем стены пожарами освечен,
И на обоях изморозь видна.
И растопить «буржуйку» больше нечем —
Уже давно вся мебель сожжена.

Студеный ветер. Близкие раскаты.
Сверкание негаснущих зарниц.
Библиотека деда... Фолианты
Нам отдают тепло своих страниц.

Да, гибнут книги. Не могу смириться!
Кормлю огонь, почти сходя с ума.
Листает пламя мудрые страницы,
Съедает почерневшие тома.

Я эту боль ношу, будто вериги,
С тех страшных лет она живет во мне.
Горят в огне святыни наши — книги —
Проклятием фашизму и войне!

Ленинград

Резцом
и кистью

Книга, как и архитектура, воспринимается во времени. От страницы к странице мы движемся по книге. Но движение по книге не должно быть машинальным. Подчиняясь определенному ритму, оформление движения по книге организует наше восприятие прочитанного.

В. А. ФАВОРСКИЙ

Отношение к книге—это тончайший прибор, которым можно определить склад души народной.

А. МУХТАР

Юрий Молок

КНИЖНАЯ ГРАФИКА И ЕЕ СОБИРАТЕЛИ

Среди разных видов собирательства произведений искусства коллекционирование оригиналов книжной графики, кажется, сегодня мало кого привлекает.

Сложилось некое пренебрежение или чисто производственное отношение к книжным оригиналам художников, как не имеющим самостоятельной ценности, хотя еще в начале века мастера «Мира искусства» многое сделали для того, чтобы поднять их достоинство.

Может быть, поэтому так много оригиналов затерялось в свое время в типографиях или издательствах. Может быть, поэтому так скудны и мало изучены они в музейных собраниях, традиционно классифицирующих графику по разным видам техник: отдельно — гравюру на дереве, отдельно — литографию, отдельно — рисунок. Может быть, поэтому и среди любителей искусства столь редкой сделалась фигура собирателя всех этих мелочей графики — от эскиза переплета до варианта заставки.

Такова и сама природа книжного дела. С выходом книги в свет связь между ее судьбой и судьбой графики закрепляется в книжном пространстве. И на этом — пути их расходятся. В тот самый момент, когда книга только начинает свою жизнь, оригиналы художников как будто отживают свой век. Их редко можно увидеть, разве только на выставках, а хранение отдельных листов в музейных папках — это уже какая-то вторая, вроде не настоящая их жизнь.

Но проходит срок, книга стареет — стареет шрифт, стареет оформление, — и мы начинаем распознавать те тонкости ее художественного облика, которые не замечали прежде, видя в них черты отошедшей эпохи. Тогда исторически значимой для нас становится биография самого издания. Тогда нам интересно про него и вокруг него — все. И тогда мы вспоминаем о книжной графике, существующей где-то и помимо самой книги, понимаем, что она может открыть нам нечто новое не только в истории

Н. Кузьмин. Рисунки к «Евгению Онегину»
А. Пушкина, 1933.
Вариант и иллюстрация

целого жанра искусства, но и в хорошо знакомом издании. Однако вспоминаем порой слишком поздно. Многие утрачено или разбросано по разным адресам и существует отдельно.

Поэтому, казалось бы, сугубо личная прихоть тех библиофилов, у которых в заботах о своей библиотеке интуитивно возникает вкус к собиранию книжной графики, есть не такой уж частный случай. Иначе, возникшая несколько лет назад при Московском обществе книголюбов небольшая выставочная комиссия (позднее переименованная в Научно-методический совет по выставкам) не сумела бы объединить людей разных занятий, по-разному причастных к книге, и устроить целый ряд выставок, на которых книга и графика были представлены в своих исторических и в тоже время очень личных связях.

Вероятно, неутоленная книжная страсть к определенной полноте собирания подсказала свою библиофильскую типологию этих выставок. Но только ли библиофильскую? К примеру, историю театральной культуры можно составить не только по биографиям некогда популярных актеров и знаменитых в свое время премьер, но и реконструируя историю отдельных театральных трупп. Так и судьбы книжной культуры можно воссоздать по ее издательским координатам.

В. Бехтеев. Эскиз суперобложки и иллюстрация к «Девуице де Монэн» Т. Готье. 1932—1933 (не издано)

Вот почему так увлекла собирателей и искусствоведов, художников и историков книги сама идея выстроить в рамках выставок биографию крупнейших русских издательств и художественных изданий, составивших эпоху в русской культуре. Замысел этот сохранял и чисто библиофильский привкус. Очертить резко индивидуальный профиль того или иного издательства (собиратель всегда ищет индивидуальное: уникальное издание, уникальный экземпляр) в то же время означало выстроить целую библиотеку любимых книг, которые ты выискиваешь по одной, годами. Ощутить себя в историческом книжном пространстве, воссозданном при твоем личном участии.

Надо ли говорить, что за каждой из этих скромных выставок стояла кропотливая работа по выявлению полного репертуара изданий и отбору коллекционных экземпляров, разысканию графических оригиналов и разного рода издательских реалий: от проспектов—до афиш и фотографий; работа по подготовке планов экспозиции и составлению каталогов особого рода, которые вместили бы в себя и очерк истории, и полную библиографию, и перечень графики. Здесь нужны были не только профессиональные знания, ревностная энергия, но и личная книжная память знатока.

Из задуманного таким образом цикла по истории русской книги были устроены выставки изданий И. Кнебеля (1974, повторена в 1980), изданий М. и С. Сабашниковых (1975) и сатирических журналов первой русской революции 1905—1907 годов (1975).

Но, пожалуй, самым заметным событием книжной Москвы последних лет стала развернутая в мае 1981 года в старом Румянцевском зале Ленинской библиотеки выставка изданий и книжной графики издательства «Academia»*.

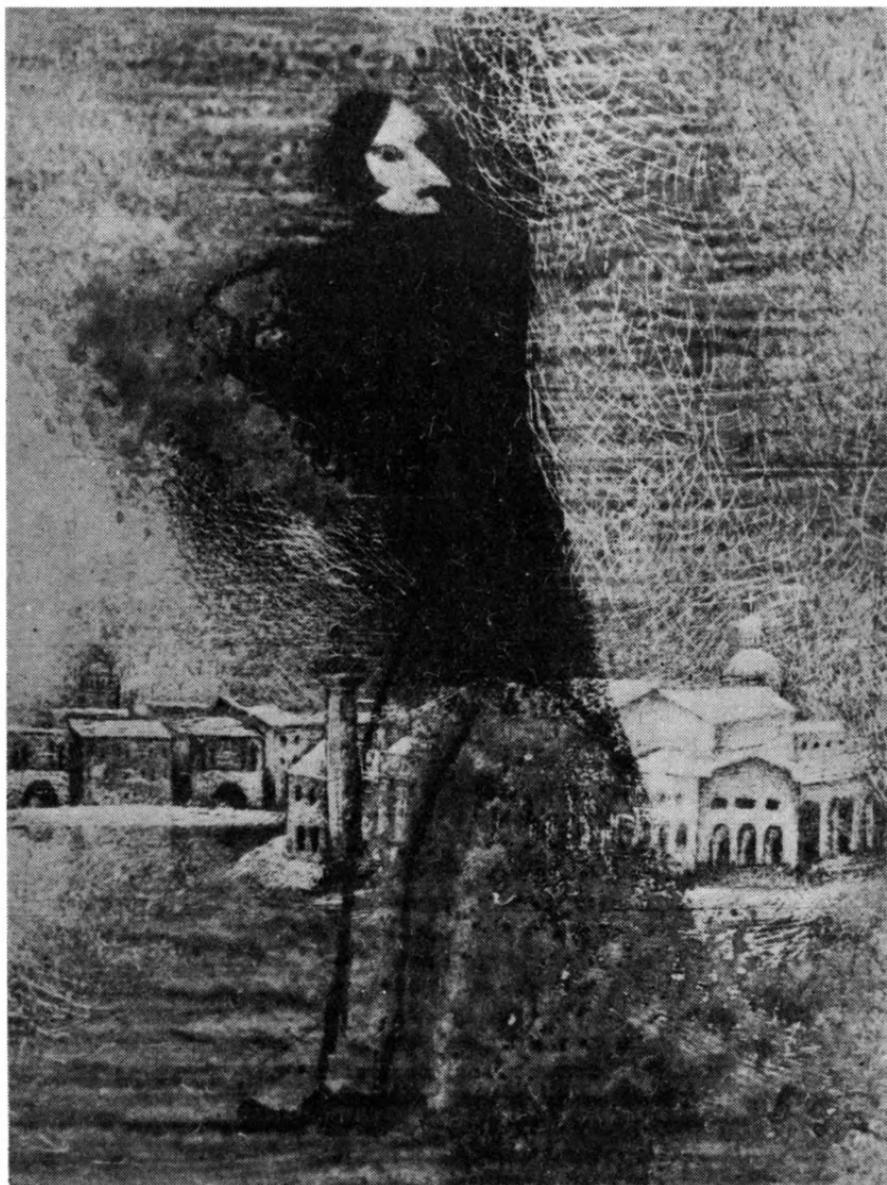
Это издательство просуществовало пятнадцать лет, но оно осуществило обширнейшую и очень последовательную программу. Можно сказать, что из всех наших издательств «Academia» была едва ли не самым универсальным, самым культурным и самым художественным. Не случайно до сих пор в букинистических магазинах имеется отдельная полка книг с томиками «Academia» (привилегия, на которую не может претендовать, кажется, ни одно другое издательство).

Издания «Academia» как будто говорят сами за себя. Книжная графика здесь так плотно вошла в книгу, так органично легла на ее страницы, что вроде не нуждается в отдельном экспонировании. Но участие книжных оригиналов на выставке сделало свое дело, создав рядом с изданиями свой графический экран образов мировой литературы.

Так по эпохам и издательским сериям и была расположена графика. За томиками античных авторов следовали гравюры Л. Мюльгаупта к Менандру, автолитографии Д. Митрохина к Аристофану, рисунки В. Конашевича к Лукиану, В. Милашевского к Лисию, В. Бехтеева к «Дафнису и Хлое». Таким же образом вместе с графикой экспонировалась литература Востока, английская, французская, немецкая, русская литературы, пушкиниана, издания по искусству и т. д. и т. п. Одно дополняло другое, создавая трехмерное историческое пространство, в котором мы сегодня могли предметно себе представить, как «сокровища мировой литературы» (так называлась одна из самых популярных серий издательства) входили в круг чтения полвека назад.

Мы оказывались в здании, которое — книга за книгой, серия за серией, год за годом — выстраивала сама «Academia», попада-

* К выставке был выпущен каталог: «Academia» (1922—1937). Выставка изданий и книжной графики. М.: Книга, 1980. Издание составлено М. В. Рацем, под редакцией Ю. А. Молока. Вступительные статьи М. В. Раца и Э. Д. Кузнецова. Составитель каталога экспонатов книжной графики Т. А. Ермакова, каталога изданий — В. И. Якубович. Тираж 3 тысячи экземпляров, 50 из них пронумерованные с приложением оттиска гравюры В. А. Фаворского к «Vita nova» Данте, отпечатанной с авторской доски. Отметим, что, если библиографический перечень изданий в каталоге почти исчерпывающий, то графических оригиналов удалось собрать в экспозиции значительно больше, чем зафиксировано в тексте каталога.

*Н. Альтман. Вариант фронтисписа
к «Петербургским повестям» Н. Гоголя. 1933. Публикуется впервые*

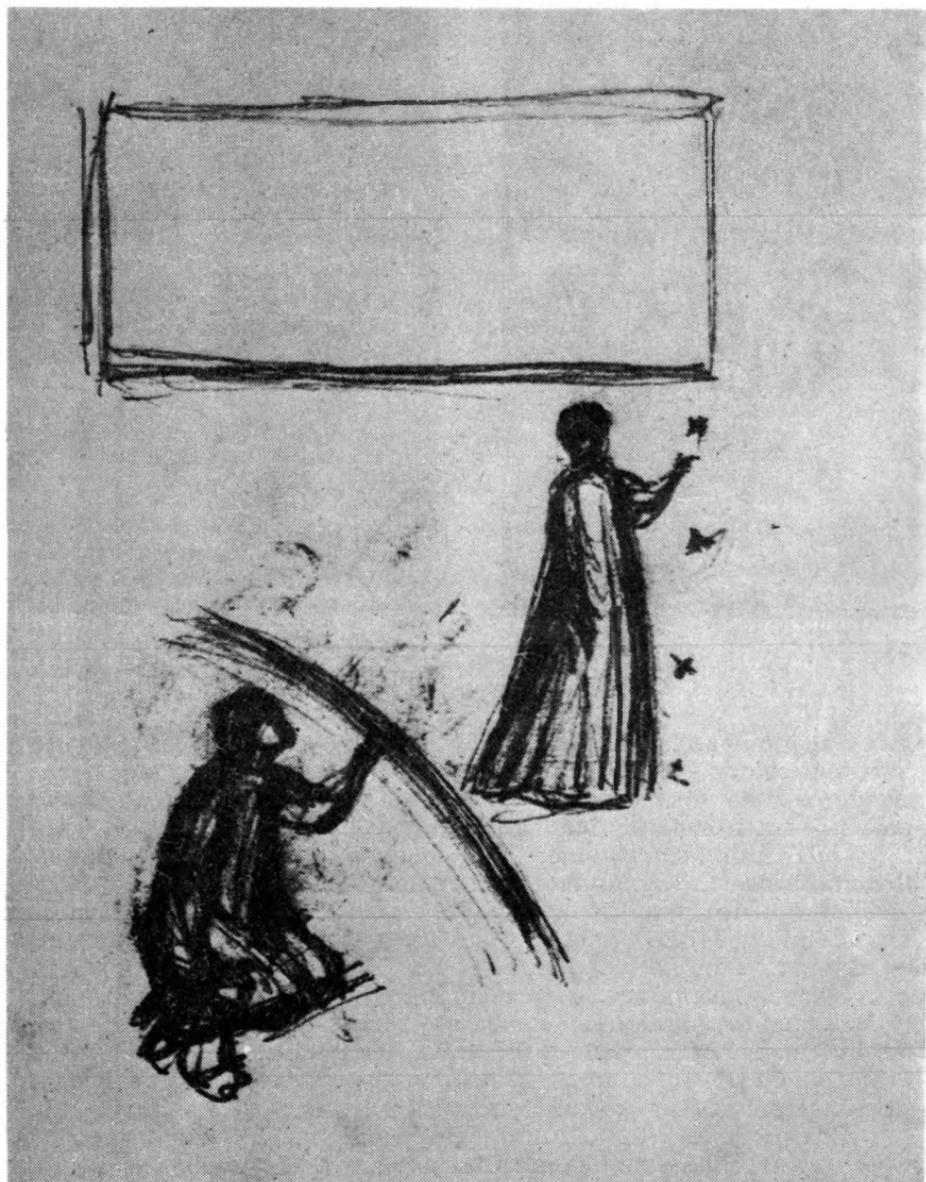
ли в залы какой-то идеальной библиотеки, ее не под силу ни собрать одному человеку, ни сохранить в общем читальном зале, где книга всегда в работе, и невозможно так любовно, одно к одному, подобрать и издания и графику.

Они и собирались по многим адресам, но уже на этой выставке свое место заняли книги и графика из коллекции одного московского библиофила. Годами собирая библиотеку русских иллюстрированных и художественных изданий первой трети XX века, отыскав первоклассные, а нередко и уникальные экземпляры, доктор геолого-минералогических наук, профессор Марк Владимирович Рац уже довольно давно начал коллекционировать и графику. Его интересы сосредоточились, главным образом, вокруг изданий «Academia», ему принадлежит ряд статей по ее истории, он собрал воспоминания многих ее сотрудников, был одним из главных инициаторов и организаторов выставки. Отстаивая идею программного собирательства, он за последние годы существенно пополнил свою коллекцию графики.

Что же прибавляет знакомство с графикой в оригиналах к нашим представлениям о книгах «Academia»? Приоткрыв дверь в историю эскизов, вариантов, пробных оттисков, оно позволяет внести множество коррективов в наши представления о художественном замысле того или иного издания. Установить тонкие различия, интересные сами по себе и столь милые глазу и душе любителя книги.

Уже простое сопоставление иллюстраций в книгах и оригиналов к ним может кое-что рассказать. Известно, что гравюры и литографии в изданиях «Academia», вышедших небольшими, по нынешним временам, тиражами (3—5—10 тысяч экземпляров), печатались прямо с досок или камней: здесь ценили и культивировали графику в материале. В этом смысле «Academia» по-своему осуществляла идеи 20-х годов о связи иллюстраций со шрифтом. И все же полного равенства между авторским и тиражным оттиском не существует. Пробные ручные оттиски, как правило, лучше, а тронутые автором после печати, еще и проясняют замысел художника. Так, раскрашенные авторские оттиски Е. Белухи к старофранцузской повести «Мул без узды» или С. Пожарского к роману Г. Филдинга «История Тома Джонса, найденныша» говорят о том, что художники, вероятно, предполагали решить их в цвете, но по книге мы об этом не узнаем, там они черно-белые.

Обретает какие-то новые качества и графика в материале, «вынутая» из книги даже такого большого формата, в каком была издана «История одного города» с автолитографиями А. Самохвалова. На пробных оттисках (редкое по полноте собрание которых имеется в коллекции М. Раца) видно, что они часто

В. Фаворский. Страница макета к «Vita nova» Данте, 1933.
Публикуется впервые

*Н. Дмитриевский. Портрет П. А. Вяземского, 1933.
Вариант и гравюра для фронтисписа*

литографировались по несколько изображений на одном камне, как, например, четыре портрета градоначальника. И это позволяет не только проследить ход работы художника, но и увидеть выстроенные в один ряд образы города Глупова.

Особенно выигрывают при сравнении с книгой оригиналы, исполненные в уникальных графических техниках. Сильно уменьшенные при печати, они часто теряли и в изданиях «Academia» остроту первого рисунка или тонкость колорита акварели.

Перебирая папку за папкой, лист за листом, можно углубиться и в разные варианты, наброски, эскизы, возникшие еще вдали от окончательного решения, либо, напротив, лежащие к нему столь близко, что не так уж просто понять, почему при издании предпочтение было отдано другому варианту.

В этом плане коллекция насчитывает множество интереснейших работ, представляющих нам редкую возможность сравнивать, следить за ходом рождения графического образа.

Это и вариант фронтисписа Натана Альтмана к «Петербургским повестям», который показывает, как художник искал свой

А. Гончаров. Гравюра к «Диким людям» Вс. Иванова, 1933.
Вариант и гравюра для переплета

символический образ Гоголя и гоголевского Петербурга (другой, более известный вариант, находится в Русском музее в Ленинграде). Это и вариант гравюры А. Гончарова для переплета книги рассказов Вс. Иванова «Дикие люди», от которого потом далеко отошел мастер, но где видно, какое воздействие в начале работы оказали на него гравюры В. Фаворского к рассказам Б. Пильняка, напечатанные на несколько лет раньше и в книге совсем другого издательства. Это и гравюра Н. Дмитриевского для суперобложки «Мемуаров» Талейрана, на которой была изображена фигурка Наполеона: в книге ее сменил овальный портрет самого мемуариста. Это и варианты рисунков В. Лебедева (раньше они принадлежали собранию И. Эренбурга) к редчайшему изданию «Academia» детских стихов С. Маршака, иллюстрации к которому были резко критически восприняты в свое время, а теперь эта книга переиздается с теми же рисунками. Это и совершенно законченный вариант рисунка Н. Кузьмина к «Евгению Онегину»: сам художник через много лет, надписывая его по просьбе владельца, признал его лучшим, чем рисунок, вошедший в издание.

Уникален и авторский предварительный макет маленького шедевра В. Фаворского к «Vita nova» Данте, во многом еще далеко отстоящий от макета будущей книги. В одних рисунках, помещенных на его листках, мы узнаем эскизы гравюр, вошедших потом в издание, другие так и не были реализованы, и среди них эскизы, отдаленно напоминающие его знаменитые гравюры к «Книге Руфь».

Все это примеры, так сказать, из области сравнительного изучения книги и графики, графики и книги.

*В. Лебедев. Варианты иллюстраций
к «Сказкам, песням, загадкам» С. Маршака, 1934*

Но в коллекции можно обнаружить и работы, которые вообще остались неизвестными, даже в свое время. Это гравюры и рисунки, по тем или иным причинам оказавшиеся либо за рамками книги, либо исполненные для изданий, которые так и не были осуществлены. Среди них есть прекрасные работы. Рисунки В. Бехтеева к роману Т. Готье «Девушка де Мопэн» (часть из них хранится ныне в Третьяковской галерее) или офорты Г. Филипповского к «Ардингелло и блаженные острова» В. Гейнзе, едва ли известные даже знатокам. На полях одного из офортов, предназначенного для фронтисписа книги и изображающего мецената в мастерской художника, автор через сорок лет после исполнения работы сделал надпись нынешнему его владельцу со словами признательности «за сохранение этих вещей».

Свой интерес для нас представляют не только сами издания, не только графика, но и все, что лежит вокруг них и за ними. Так, надписи, встречающиеся на оригиналах, возвращают нас к временам издания той или иной книги, напоминают о людях, работавших над ними. Некоторые оригиналы прямо-таки испещрены надписями самого разного рода и назначения: от рабочих указаний типографии до дружеских посвящений. Последних

особенно много на гравюрах А. Суворова, адресованных художественному редактору издательства М. Сокольникову, часть оригиналов коллекции которого перешла теперь в собрание М. Раца.

Многое можно извлечь из этих надписей. Особенно любопытна полустертая карандашная надпись, сделанная на обороте одной из гравюр к томику стихотворений П. Вяземского автором предисловия и составителем издания В. Нечаевой. Одобрительно отозвавшись о заставках и концовках, она резко отрицательно отнеслась к портрету поэта («стиль не могу счесть... согласующимся моему пониманию Вяземского — изысканность, жеманность позы противоречат представляемому мною образу»). И художник Н. Дмитриевский награвировал другой, теперь хорошо известный, портрет поэта.

Так мы оказываемся втянутыми в самую историю издания, реально представляем себе, что за кулисами этих строгих томиков осталось множество художественных замыслов, упорный труд, настоящее кипение книжных страстей.

Разумеется, одна коллекция одного коллекционера не может, да и не претендует на полноту. Работы одних художников собраны почти исчерпывающе, других — отсутствуют вовсе.

Дело здесь, однако, не в пристрастиях достаточно целеустремленного собирателя, а в трудностях самого собирания подобного рода графики, хотя «Academia» — не такое уж далекое прошлое. Кажется, еще вчера, даже в не очень старых домашних библиотеках вы обязательно натыкались на несколько, пусть и разрозненных ее томиков. Сегодня их теснят другие книги, точнее — другие издания.

Но если литературное произведение можно читать и в современных переизданиях, то сложнее обстоит дело с книжной графикой. Она больше привязана к своему времени и уходит вместе с первым изданием книги. Или переходит в музей, на страницы истории графических искусств, где она, естественно, лишена своего книжного пространства, своих книжных реалий, той марки с античной фигуркой, которой была очерчена целая эпоха нашей культуры и деятельность замечательной «труппы» издателей, переводчиков, художников, редакторов.

Тут многое может сделать личная книжная память и страсть собирателя.

Виктор Вакидин

СЧАСТЬЕ ГРАВИРОВАТЬ

Заметки художника

Московский график и живописец Виктор Николаевич Вакидин учился в ленинградском ВХУТЕИНе, в Москве в Полиграфическом институте у таких мастеров изобразительного искусства, как Л. Е. Бродаты, В. А. Фаворский, К. Н. Истомин, Н. А. Удальцова, А. Д. Гончаров. Их школа прочно поставила глаз и руку одаренного ученика. Талант В. Н. Вакидина за десятилетия творческой деятельности ярко раскрылся во многих областях, прежде всего в графике. Его зарисовки уголков старой и новой Москвы известны очень широко. Весьма ценятся книги, оформленные Виктором Николаевичем за последние тридцать лет. Вспомним хотя бы некоторые: «Стихи» Пабло Неруды, «Освобождение негров» Г. Хейвуда, «Мы вернемся за подснежниками» Ж. Лаффита, «Индонезийские сказки и легенды» М. Р. Дайо, «451° по Фаренгейту» Рея Бредбери — книги Издательства иностранной литературы; «Давитиани» Д. Гурамишвили в переводе Н. Заболоцкого, «Избранное» Г. Тукая, А. Лахути, Х. Алимджана — книги ГИХЛа, ряд изданий «Советского писателя». Одна из последних работ художника — оформление третьего издания книги Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы» (М.: Наука, 1979)... Менее известны экслибриеты Виктора Николаевича Вакидина — быть может потому, что не делает их по заказу, а только, как он сам говорит, по душевной склонности. А награвировал он их множество — этих филигранно, с тонким вкусом выполненных книжных знаков, частично осевших в мастерской художника, в большинстве же рассеянных по личным собраниям, а потому малодоступных. Они бесспорно заслуживают всеобщего внимания, и редакция альманаха попросила художника познакомить читателей с некоторыми из них, а также поделиться своими наблюдениями над искусством гравировки, тесно связанным с жизнью книги.

В далекие отроческие годы в Воронеже мой школьный учитель по математике Сергей Владимирович Федоров однажды показал мне томики Мериме издательства «Academia», оформленные Фаворским, — позднее они были объединены в один том. Гравюры в этих книжках поразили меня. Я никак не мог предположить, что через несколько лет Фаворский станет человеком, душевно расположенным ко мне более чем кто-либо, несмотря на большую разницу наших лет.

Владимир Андреевич от гравирования меня освободил — наверное, он заметил, что мне тогда для этого ремесла не хватало терпения. По окончании института я помогал ему в театральных делах — в писании декораций, в разработке эскизов

... не сделать ли
из всего этого
Экслибрис Юре?

2

7

1

4

3

6

цветы
Т. А. МАЛАТ

ex libris
А. С.

Потрес-
ова

5

костюмов. А однажды сказал ему: «Все-таки жалею, что когда-то не позволил себе гравировать, теперь же это дело меня начинает привлекать...». Владимир Андреевич поинтересовался, сохранились ли инструменты, а когда я приехал к нему с ними, он их собственноручно наточил и подарил несколько самшитовых дощечек.

Через некоторое время мне кто-то сообщил, что Владимир Андреевич интересуется — приступил ли я к гравированию. Новому же моему занятию довольно долго мешали разные обстоятельства, а когда приступил к нему, то сперва, как и прежде в других работах, всякий промах казался слишком досадным. Но все же я продолжал упорствовать, а от этого стал терпеливее. Для приобретения необходимых навыков придумывал себе разнообразные упражнения и именно тогда, гравировав, скопировал заставку из одной древнерусской книги (1). А после того, как награвировал несколько незамысловатых натюрмортов (2), захотелось сделать кому-нибудь экслибрис.

Должен оговориться — не только гравирование, но и всякое рисование или же периодически повторяющиеся увлечения живописью всегда происходили в промежутках между работами для издательств — шрифтовкой или оформлением разной книжной продукции.

Один из первых экслибрисов был сделан для искусствоведа Елены Ефимовны Тагер — друга Цветаевой, Пастернака, пианистки М. В. Юдиной. Этой работой мне хотелось как-то выразить ее особое умение восхищаться всякими проявлениями подлинной талантливости (3).

Другой экслибрис сделал я для скульптора Ильи Львовича Слонима, неожиданно согласившегося, на время моего довольно длительного пребывания в больнице, приютить мою собаку (4).

Изображением человека, парящего на крыльях, хотелось выразить свое восхищение деятельностью Александра Сергеевича Потресова, который уже не в молодые годы сумел стать инструктором парашютного спорта (5).

«Цветы на память» награвировались как бы между прочим — отиски с этой гравюры я посылал друзьям с моими поздравлениями или для того, чтобы просто напомнить им о своем существовании (6).

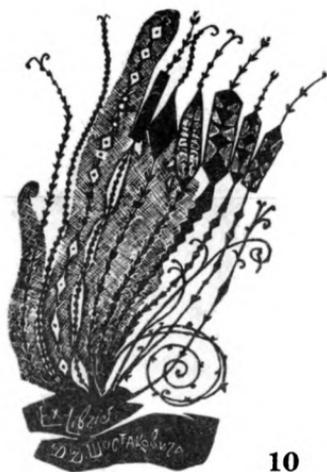
И тогда же, почти одновременно, награвировалось нечто для обертки, в которой иногда я посылал отиски заинтересовавшимся любителям (7).

Упомяну книжный знак, сделанный для художника Виктора Борисовича Эльконица. Захотелось как-то откликнуться на то, что любил он изображать на своих полотнах (8).

Экслибрисом, сделанным для Юрия Карловича Ризеля, тоже

9

11

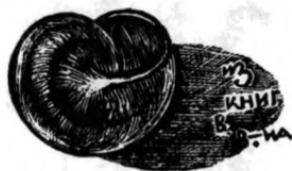
13

12

14

15

старался выразить нечто, характеризующее его как художника (9).

Музыка Дмитрия Дмитриевича Шостаковича всегда была по-особому близка мне и понятна, а следовательно, была и любима. Слушал и восхищался ею еще в студенческие годы, когда учился в ленинградском ВХУТЕИНе. Так что желание сделать экслибрис и для Шостаковича зародилось во мне вполне естественно. Награвировав, послал ему отписки. В полученной от него открытке были пожелания здоровья и счастья (10).

Уже не помню, как и почему было поручено мне оформить каталог и сделать пригласительный билет для последней прижизненной выставки работ скульптора Александра Терентьевича Матвеева. Именно тогда с ним и с его женой Зоей Яковлевной я и познакомился. Экслибрис же для их книг мне предложили сделать сотрудники библиотеки МОСХа, так как именно туда, после кончины супругов, поступили принадлежавшие им книги (11).

С Дмитрием Исидоровичем Митрохиным я познакомился уже после войны. Ко дню его рождения (художник был уже в преклонном возрасте) кроме экслибриса награвировал по его рисунку цветок, сопроводив его подписью (12).

Был знаком я и с художником Николаем Михайловичем Чернышевым. Изобразить на экслибрисе флейтистку с античного рельефа предложил он сам (13).

Очень хотелось мне, чтобы что-то подходящее для изображения на экслибрисе подсказал и один склонный к созерцанию филолог. Быть может, незаметно для себя что-то и подсказал, так как изображенным он остался доволен (14).

Когда-то я прочитал у Карела Чапека строки, показавшиеся

мне очень близкими. Писатель признавался в том, что «наибольшее наслаждение получал от созерцания раковин и кристаллов...»; «...конечно, и мамонты и праящеры очень симпатичны, а также рыбы, бабочки, антилопы и прочие звери лесные, но раковины лучше всего, потому что вид у них такой, будто игривый дух божий, вдохновленный собственным всемогуществом, сотворил их для собственного развлечения». Я процитировал эти слова, чтобы пояснить, почему для своего книжного знака мне захотелось награвировать то, что восхитило Чапека (15).

Сам процесс гравирования замечателен. В нем несколько ступеней—самостоятельных, каждую из которых надо освоить. Сначала следует награвировать дощечку, потом сделать оттиск, прокорректировать доску по оттиску... опять оттиск... снова корректировка... Помню, как работал Владимир Андреевич Фаворский, в частности, над иллюстрациями к «Пиру во время чумы», первые экземпляры которых он сам привез и подарил мне. Он делал оттиск, потом кусочками бумаги закрывал отдельные места гравюры—искал точного соотношения белого, серого, черного: «Серое должно стать белее...» и т. п. В этой игре контрастами заложена музыкальность графики Фаворского.

Я и не предполагал, что существует счастье гравировать. А увлекшись, понял, что это именно счастье. Гравирование формирует художника, учит его работать. Если раньше я считал, что для художника необходимо только вдохновение, то потом убедился—одного вдохновения мало, нужна работа. Гравирование—это работа. Рука, пальцы учатся проходить многие стадии, необходимые и живописцу, и рисовальщику. А при гравировке этот процесс закрепляется упражнениями, контролируемые глазом с математической точностью. Рисование, живопись допускают приблизительность, гравирование—никогда. Гравируя, доводишь свою работу до такого состояния, когда чувствуешь: дальше делать нечего, полное завершение.

Экслибрис дает пережить ощущение творческой завершенности, полноты. И как приятно передать эту завершенность владельцу хорошей книги. Книга, сделанная художником с душой, доставляет радость автору. Экслибрис, выполняющий свое назначение, дает душевную радость владельцу книги.

Михаил Фильштейн

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

Импровизация

«Картинки с выставки» созданы Модестом Мусоргским под впечатлением посмертной выставки работ художника Виктора Гартмана, с которым композитора связывала сердечная дружба. Воспроизведены в издании: М. Мусоргский. Картинки с выставки. М., 1975.

ПРЕЛЮД

Иду сквозь глухоту к извечным звукам.
Они восходят на моем пути.
Еще тревожит с Мусоргским разлука,
Печаль ее немеет позади.

Уже легко, как нотные росинки,
Все зримей пробиваются из мглы
Озвученные Гартмана картинки,
Проявленные волшебством игры.

Что мне без их животворящей нивы?
Я без нее, как тень, и глух и слеп.
В ней музыки и красок переливы,
Времен переплетенье и судеб.

По ней глухие пробегают волны,
Суля душе надежду впереди.
И свет ее — как этот вздох невольный,
Звучащий откровением в груди...

1. ГНОМ

Ах, детство, тихий сон навеи!
Я накануне чуда.
В лесное царство добрых фей
Уже плыву отсюда.

Там, под горой, хрустальный дом,
И клад зарыт в пещере.
Там открывает старый гном
Серебряные двери.

Там, в заколдованной ночи
Над безголосым бором,
Звенят тяжелые ключи,
Как колокол собора.

И стынет трепетная тень,
Как зябнущая птица,
Когда на серый, дряхлый пенъ
Усталый гном ложится.

Он стар, и скрючен, и горбат,
Лежит на жестком ложе.
И жажда — столько лет подряд! —
Его нещадно гложет.

Не спит. Во сне о жаркий луч
Боишься уколотся.
И он глядит в разрывы туч,
Как в темный сруб колодца.

В непостижимой глубине,
Глухой порою поздней,
Над ним мерцают, как во сне,
Полуночные звезды.

Висит над ним литая гроздь —
Бери, насытись каждый.
Он пьет росистый отблеск звезд —
Но не проходит жажда.

Росинки мечутся в глазах,
Словно крупинки соли,
На деревянных башмаках
И на цветном камзоле.

И нет ему ни воли злой,
Ни доброго исхода...
...Чу! Голубою кисеей
Плывет туман с восхода.

И филин ухаает в рассвет,
И гном бежит — потеха!
И катится ему вослед
Раскатистое эхо.

2. ТЮИЛЬРИЙСКИЙ САД

Дремлют нянюшки сутуло
 Меж теней густых.
 Время тихое уснуло
 На руках у них.

Прикорнул фонтан. Лишь дети
 Стайкою галчат
 Машут щеголю в карете,
 Озорно кричат:

«Жил король смешной и странный,
 Говорят, ложился рано.
 Не корону, а колпак
 До утра носил чудак!»

Но уже не Тюильрийский
 В зное статуй и оград —
 А, как детская, российский
 Наплывает Летний сад:

«Как по речке по реке
 Ехал рыжий на быке.
 Рыжий красного спросил:
 — Чем ты бороду краси́л?

— Я на солнышке лежал,
 Кверху бороду держал.
 Солнышко светило,
 Бороду краси́ло...»

Дремлют нянюшки сутуло,
 Чуть не падают со стула...

3. БЫДЛО

Курганные травы шуршат за оврагом,
 Висит, словно тень, над дорогою птица.
 И тянут, качаясь, волны колымагу,
 Как будто в корчме побывали с возницей.

Кто этот возница и что он за парень?
 Не прихвостень панский ли в теплом жупане?
 Не хлоп ли в сермяге? — Нет, вольною ратью
 Его поджидают сермяжные братья.

Они поднесут вместо ситного хлеба
 Холодный ломоть бесприютного неба.

Не меду хмельного — лепечущий еле
Родник у замшелых корежистых елей.

Ах, кончит он, верно, веревкой пеньковой,
Что в страдную пору снопы обвивала,
Что звонкую, гнутую, как подкова,
В натопленной горнице зыбку качала.

На красном пиру он пображничал славно.
Буланый — как ветер, и братья — как турки.
И шляхтич валился, не кончив заздравной,
Не доплясавши последней мазурки.

Ясновельможные, станьте исчадьем!
Лишь с истинным паном — запанибрата.
К чему ему бричка с гербом и печатью —
Ему на серьмяге довольно заплаты.

Зачем на миру воеводою славить —
На робкую челядь глядеть ему больно.
И сам он не дьявол, чтоб душами править.
Была бы своя неподкупной и вольной!

4. ЛИМОЖСКИЙ РЫНОК

Толпа, как тесто, в синем дыме
Текла у сводчатых ворот.
Смеялись на прилавках дыни,
Беззубый разевая рот.

Душил гусей внезапный гогот
До судорог, до хрипоты.
Смеяться так, наверно, могут
Одни безумцы да шуты.

Арбузы лопались от смеха,
Лоснясь, как медные тазы.
И перекатывалось эхо
С ларьков на ближние возы.

И баклажаны в синих рясах,
Катясь, валились на бочок.
И перцы, потешаясь, красный
Показывали язычок.

Язычества веселый идол
Над яркой ярмаркой царил.
И клоун с отрешенным видом
Смешливой пастве говорил:

«Нет у меня ни яств, ни крова,
Но слушайте, что вам скажу.
Нашлась пропавшая корова
У господина Пьюсанжу.

Горят фарфоровые зубы
У лавочницы Рамбурсак,
Хоть у нее и голос грубый,
И нос корявый, как бурак!..»

Ах, как воинственно и лихо,
Простушек взяв под локоток,
Заглядывали парни в лифы,
Как у торговков под лоток.

А те, ловчась и строя рожи,
Бежали с ними — от тоски.
Веселость их была похожа
На шутовские колпаки.

Над ними тенью, как расплата,
Как вещей знак добра и зла,
Плыл человек. На шрамы пяток
Толпа таращила глаза.

Качалось маленькое тело
С назойливым мотивом в лад.
Вокруг оси земля вертелась —
Той зримой осью был канат.

Земля кренилась. А народец,
Смешав в одно и сон и быть,
Все ждал, когда канатоходец
Сорвется вдруг в глухую пыль.

5. КАТАКОМБЫ

Гаснут вечерней звезды два луча.
Голос и глохнет и тонет, как эхо.
Белую тенью мерцает свеча —
Века забытого слабая вежа.

Камень надгробный — немой алфавит,
Знак бесконечности стьлому оку.
Створки глухих итальяйских плит,
Словно квадраты монашеских окон.

Бездна. Ни радости. Ни тоски.
Мраком покрыты глубинные дали.

Годы — как тонкие ремешки
Пыльных, изношенных римских сандалий.

Быстротекущей минуте равно
Медленное седое столетье.

Здесь — расставанье. Упало на дно
Первое утро и вечер последний.

Здесь первозданная царствует тень.
Кара свою проявляет позу
В гибельном свете, похожем на день,
Который подделывается под бронзу.

Тлен торжествует... Но корни — в земле!
В них оживут голоса былого.
В плотной, густой, онемевшей мгле
Вспыхнут поблекшие отзвуки слова.

Дали забрезжут. Стозвон и стоуст,
Ветер грядет, словно рок неминучий.
Призрачный свет, как разбуженный куст,
Взмает гармонией добрых созвучий.

И разорвется мрака кольцо
Над глухотою недвижимого стана.
Станет вечерней зарею лицо,
Очи вечерними звездами станут.

Мир заискрится округлой слезой.
Жизнь в непокое пребудет нетленной.
Гулко сольются, как ветер с грозой,
Наше дыханье с дыханьем вселенной.

6. БАБА-ЯГА

Где на глухой дорожке
Не топнет конь лихой —
Стоит на курьих ножках
Избушка под ольхой.

К земле склонилась низко.
Ни окон, ни дверей.
Всю ночь, кидая искры,
Дымит труба над ней.

Восходят, будто небыль,
Над крышею огни.
И звездами на небе
Становятся они.

Но лишь ольха задремлет,
Забудется сосна,
Из той трубы на землю
Вдруг явится она.

Вниз скатится со свистом,
И чашу кинет в дрожь —
Возьми меня, нечистый,
Если это ложь.

Вот тропкою лесною,
Озорничая, мчит.
Ногою костяною
По дряхлым пням стучит.

Юлит, петляет в танце,
Вихляет, ищет лаз.
Как пуговица, глянцем
Отсвечивает глаз.

Не волосы — а пакля.
Не смех — а хриплый гром.
Не зуб — остаток граблей
В той ступе с помелом.

Она горячей сажей
Корявый метит ствол.
И прыгает на сажень,
И — через топь и дол.

Вбирает звезд дыханье,
И — через стынь и лють.
Возней и чертыханьем
Ее отмечен путь.

Под нею глушь лесная —
Угрюмое жильё...
Один лишь леший знает,
Кто породил ее.

Сидит он, в руки дует
У кладки дымовой.
И ждет ее, колдуя,
Как добрый домовой.

Он ей велит: — Являйся!
Твоя бессмертна плоть.
И детям представляйся,
И в сказке колобродь!

7. БОГАТЫРСКИЕ ВОРОТА

То не сорока к небу прикипела,
Не ворон два крыла свои простер —
То ворог черный стяг с хоругвью белой
Втащил на шаткий княжеский шатер.

Уже звенела сладкою отрадой
В его руках струящаяся цепь.
Уже орал он, будто бы оратай,
До лукоморья наступив на степь.

Но не снопы — на дымном поле ратном
Он лучников косил, и ряд редел.
Но не цепом — мечом своим булатным
Он веял души из кровавых тел.

Усеянная белыми костями,
Лежала степь, от крови почернев.
И вдовьями, великими скорбями
По всей Руси поднялся тот посев.

Заголосили лебеди в испуге.
Но, силу богатырскую копя,
Сошлись куряне за рекой в яруге,
Рождены в латах, вскормлены с копья.

Они с шатра сорвали лик печали,
Подвластны долгу и своей судьбе.
Они добыли острыми мечами
Дружине — славы, почестей — себе.

Отечество! Тебе они служили,
А не наделу княжеской земли.
И головы чубатые сложили,
Чтоб рядом с ними вражьи полегли.

С крутых ворот, что по-над стольным градом,
С крутых времен о том глаголет медь.
Она с их гулкой колокольни рада
И впредь высокой здравицей греметь.

Несется гул над лугом и над логом,
Достойное венчая торжество.
И вторю я ему не древним слогом,
А по былинам времени сего:

Будь здрав, народ, и вся дружина здрава!
И Родине моей вовеки — слава!

ФИНАЛ

...Стынут краски — им не возродиться,
Затухая с музыкою в лад.

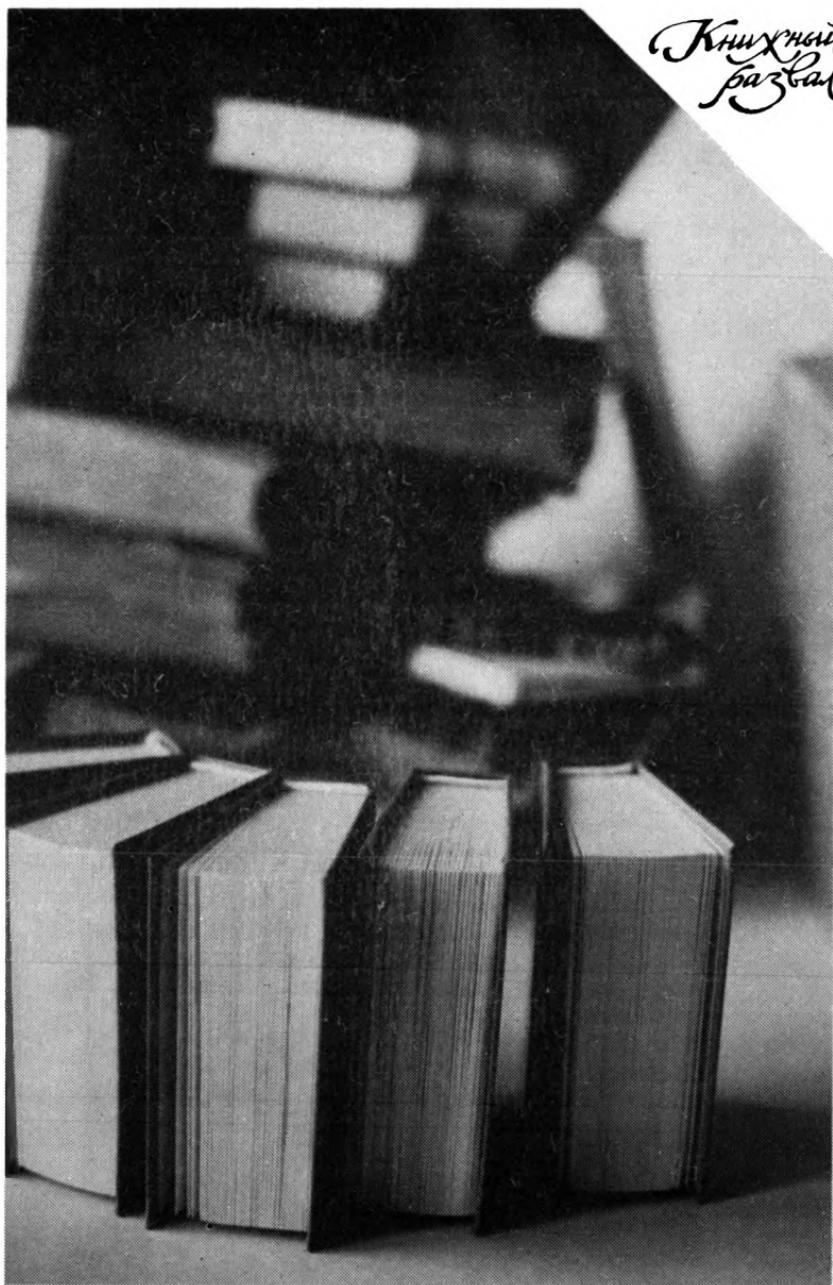
На последней, на глухой странице,
Словно возглас сдавленный, звучат.

Но волна, что немоте грозила
И сминала слепоту, — жива!
Медленно вбирал я эту силу,
Чтоб оправить в гулкие слова.

В рифах зыбких рифм не утонула —
В росной отражается пыли.
И раскрыто, как клавиатура,
Это семицветие земли.

Я наполнен гулом до предела.
Звуками прошита тишина.
И иду я, напружинив тело,
Ветру отзываясь, как струна.

Книжный
развал

Умножай свою библиотеку,—но не для того, чтобы иметь много книг, но чтобы просвещать свой разум, образовывать сердце, чтобы творческими произведениями великих гениев возвышать свою душу.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Б. Черемисин

«...МОЙ ТОМ ДАВНИШНИЙ»

Книги и автографы К. М. Фофанова

Передо мной на столе книги Константина Фофанова. Всего их 16 — собранных в период исследовательской работы, а также подаренных в 1979 году дочерью поэта Е. К. Фофановой-Устиновой.

До сих пор хорошо помню нашу первую встречу в ноябре 1977 года. После долгих поисков мне удалось в Москве найти последнего из одиннадцати детей поэта — восьмидесятидвухлетнюю Екатерину Константиновну. Надо ли говорить, какую радость я испытал! «Я очень долго ждала, что кто-то, наконец, еще раз всерьез займется творчеством папы», — тихо сказала она в тот, помнится, холодный, уже снежный осенний вечер. С него-то, по средам («фофановским средам», как мы решили их назвать) начались наши регулярные встречи в уютной комнатке в доме № 36 по Каляевской улице. Встречи, полные воспоминаний, поэзии, открытий и находок. Почти два года Екатерина Константиновна помогала мне воссоздавать облик Фофанова-художника, Фофанова-человека. А в один из вечеров она открыла для меня свой заветный шкаф с личным архивом, а также с прижизненными изданиями поэта...

Много лет бережно хранила Е. К. Фофанова-Устинова этот небольшой архив и сборники стихотворений отца, частично сохранившиеся с далекой поры детства, частично попавшие к ней из библиотеки ее старшего брата Константина. Обширный архив (свыше 4500 единиц), долгое время находившийся в большом деревянном сундуке, после тщательной систематизации и составления описи в 1938 году был передан Е. К. Фофановой-Устиновой в фонд Гослитмузея, в котором она работала литсотрудником под началом В. Д. Бонч-Бруевича. Затем, через три года, архив Фофанова был передан в ЦГАЛИ, где хранится и по сей день.

Книги же отца как самую дорогую реликвию и память Екатерина Константиновна оставила у себя, берегла их в

тяжелые военные годы, одновременно разыскивая в собраниях московских библиофилов отдельные недостающие томики...

Напомню вкратце основные творческие вехи самобытного русского поэта К. М. Фофанова (1862—1911), «одного из самых талантливых и искренних поэтов конца XIX — начала XX века», по точной оценке литературоведа Г. А. Бялого.

Первое свое стихотворение («Из библейских мотивов») Фофанов публикует в 1881 году, после чего много печатается в различных газетах («Новое время», «Голос правды», «Биржевые ведомости», «День» и др.) и журналах («Север», «Русское богатство», «Нива», «Всемирная иллюстрация», «Осколки», «Северный вестник» и др.), а также в альманахе «Северные цветы», издаваемом русскими символистами. Нередко имя поэта можно было встретить в сборниках и альманахах русской поэзии разных лет (сведения об этом см. в книге: Библиотека русской поэзии И. Н. Розанова: Библиографическое описание. М., 1975). Подписываясь Фофанов обычно псевдонимами — их известно более десятка: К. Ф., КОМИФО, КО-МИ-ФО (по начальным слогам имени, отчества и фамилии), Лидин (по имени матери — Лидии Тупылевой), Каев (трансформированные инициалы К. Ф.), Барон Клакс, Маркиз Пауза, Мимфо, Егор Кривоглазый, Захар Темноструйный, Акакий Оранжевый (последние три псевдонима Фофанов ставил под своими пародиями на декадентскую поэзию). Фофанова заметили в литературных кругах, привлек он к себе внимание и издателей.

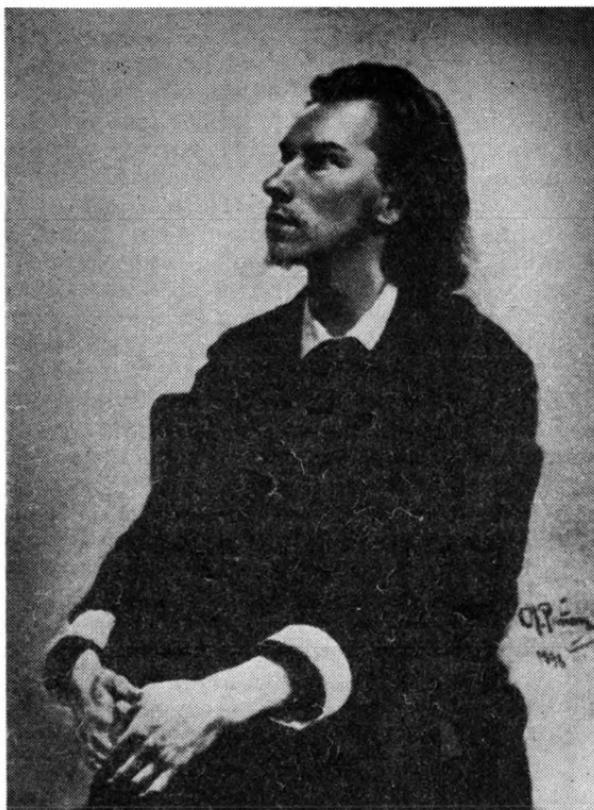
В 1887 году в петербургском книгоиздательстве Германа Гоппе тиражом в две тысячи экземпляров вышел первый сборник стихотворений молодого поэта Константина Фофанова «Стихотворения (1880—1887)». Сборник вызвал благожелательные рецензии, по рекомендации Я. П. Полонского и при участии Я. Грота он даже был представлен на соискание Пушкинской премии.

В моей библиотеке хранится этот сборник. Он был подарен мне Е. К. Фофановой. На форзаце — небольшое посвящение поэта сыну Константину:

Мой первый том, мой том давнишний,
Тебе, мой сын, послал всевышний
Через много рук, через много лет!
Тогда я был поэт чуть слышный,
Теперь прославленный поэт...
Но вяну я, как вянет пышный
В стакане комнатном букет!
1908 г. 15 авг. К. Фофанов

Страницы книги испещрены многочисленными пометами Е. К. Фофановой-Устиновой, представляющимися мне немало-

К. М. Фофанов. Портрет
работы И. Е. Репина,
1888

важными,— это уточненные даты создания ряда произведений, текстологические исправления, сделанные при сверке с рукописями, указания периодических изданий, в которых впервые печатались стихи поэта.

Делая дарственную надпись, Фофанов предчувствует: несмотря на определение себя как «прославленного поэта», в элегическом тоне строк выказывает смутное ощущение заката славы, пришедшей к нему в 80—90-е годы прошлого столетия.

Второй сборник «Стихотворения Константина Фофанова» (Спб., 1889) вышел в издательстве А. С. Суворина и снова вызвал одобрительные отзывы критики. 21 марта 1889 года Фофанов писал в одном из писем: «Книжка моих стихов производит на всех благоприятное впечатление...», а чуть позже, тому же адресату: «...радуют меня присылаемые из провинции письма от неизвестных мне поклонников...»¹ Критики единодуш-

но сходились на том, что второй сборник еще ярче раскрыл дарование Фофанова-лирика. На экземпляре из моей библиотеки рукой дочери поэта также сделаны интересные пометы.

Многие из книг Фофанова, изданных при его жизни, стали библиографической редкостью. Например, книга небольшого объема «Барон Клакс. Рассказ в стихах» (М.: Московская иллюстрированная газета, 1892). В этом же, 1892 году, вышел один из лучших сборников поэта «Тени и тайны», изданный в Петербурге книгопродавцем М. В. Поповым. Поэт, живший многотрудной жизнью, подчас на грани нищеты, так вспоминает об эпизоде продажи подготовленной к изданию книги: «В одно ненастное утро, когда грозила опись движимого имущества, я запродам издание своей третьей книги книгопродавцу Попову, что у Пассажа,— за двести рублей 2000 экземпляров, по десять рублей с печатного листа, всего будет двадцать листов... А книга, она уже печатается довольно изящно в типографии Богельмана (типография «Муллер и Богельман» на Невском проспекте, дом № 148.— Б. Ч.). Эта книга, в отличие от предыдущих, будет носить название — „Тени и тайны“». Примечателен тот факт, что этот сборник имел в своей личной библиотеке А. М. Горький — его рукой в книге сделаны пометы.

Сборники стихов К. Фофанова (1887, 1892, 1896) были и в библиотеках В. Брюсова и А. Блока. Читались они внимательно, с карандашом в руках.

В 1896 году вышло первое собрание стихотворений К. Фофанова в пяти частях, изданных А. С. Сувориным: «Маленькие поэмы», «Этюды в рифмах», «Снегурка», «Майский шум», «Монологи». Все части вышли почти одновременно. Собрание стихотворений стало итогом пятнадцатилетней литературной деятельности К. Фофанова.

В моем собрании имеются все пять книг; на двух из них автором оставлены автографы. «Этюды в рифмах» поэт сопроводил надписью, обращенной к сыну Константину:

Ни золотой, ни медной руды —
 Не приобрел я ничего
 Со дня рожденья своего,—
 Но написал сии «Этюды».
 И слава богу. Очень рад,
 Что рифмой и стихом богат,
 Что милый сын мой без стыда
 Заглянет в книжку иногда.

21.XI.1908 г.

К. Фофанов

Ему же, Константину, посвящен автограф на книге «Майский шум»:

Милый сын, живи счастливей маем,
Чем живет несчастный твой отец.
Жизнь вначале кажется нам раем,
А в аду всегда ее конец.

К. Фофанов

Под этими строками дата не проставлена, но, пожалуй, они относятся к тому же времени — к 1908-му или 1909 году.

О книгах К. Фофанова, вышедших в 1896 году, писал А. В. Жиркевичу дружески расположенный к поэту И. Е. Репин: «Какая досада, вчера, опять в мое отсутствие, был Константин Михайлович и оставил свои четыре симпатичные новые книжечки (кроме не вышедших еще «Монологов». — Б. Ч.); теперь я их и читаю и наслаждаюсь. Сколько таланта!..»².

На рубеже веков в издательстве А. С. Суворина вышла еще одна книга теперь уже хорошо известного поэта «Иллюзии. Стихотворения К. М. Фофанова» (Спб., 1900). Незадолго до этого события Фофанов пишет: «Новая книга моих стихотворений под названием „Иллюзии“ будет издана с портретом моим, гравюрованным с портрета, написанного И. Е. Репиным 12 лет тому назад... Эту книгу я посвящаю жене моей...»³. Действительно, «Иллюзии» открываются посвящением: «Эту книгу „Иллюзии“ посвящаю жене моей Лидии. Автор».

Фофанов с трепетом ждет откликов критики и читателей о вышедшем весьма объемистом сборнике (почти 500 страниц). В письме А. Жиркевичу от 3 октября 1900 года он пишет: «Наконец стали кое-где появляться отзывы о моей новой книге. Читали ли? Все благоприятные...». Здесь поэт не совсем прав: не все были благоприятные. Так, например, в «Русском богатстве» с резкой статьей выступил представитель демократического крыла русской критики П. Ф. Якубович, заметивший намечающийся спад творчества Фофанова.

Автору этих строк удалось разыскать и приобрести еще одно редкое издание тех лет, в котором принял участие Фофанов. Название его необычно: «„Скуки ради!“ листки стихов и прозы из альбома А. Льва. „Старый Себастьян“. Драматическая новелла в трех сценах К. М. Фофанова. Издание А. Е. Альева» (Харьков, 1900). На книге имеется штамп: «Одесское отделение книжного магазина Т-ва А. С. Суворина „Новое время“, Дерибасовская, 3».

Драматическая новелла «Старый Себастьян», написанная Фофановым еще в начале литературной деятельности, в 1887 году, была приобретена издателем в 1889 году и лишь спустя 11 лет опубликована.

Дочь поэта — Екатерина
Константиновна Фофанова-Устинова

1900 год ознаменовался тем, что поэзия Фофанова перешагнула границы России: в Лейпциге появилась книга стихов поэта в переводе Ф. Ф. Фидлера (Fofanov K. M. Gedichte. Leipzig: Reclam, 1900). Интересен отзыв Ф. Фидлера о работе над переводами. «Нет другого такого поэта, как К. М. Фофанов,— писал он,— которого я переводил бы с большим увлечением и наслаждением — честное благородное слово!»⁴ Следует отметить, что еще в 90-х годах стихи Фофанова переводил Р. М. Рильке.

В 1900-х годах поэт печатался в основном в газетах и журналах. В одном из писем этого периода он замечает: «У меня хватит еще на два больших новых тома уже напечатанной лирики, но где взять издателя?..» В августе 1903 года Фофанов из Старой Руссы обращается к В. Брюсову с просьбой посодествовать в издании нового тома стихов под названием «Эфиры», а также «книги прозы» — через издательство «Скорпион». Брюсов не отозвался — видимо, не смог выполнить эту просьбу.

Поэт с радостью встретил 1905 год, без колебаний принял революцию, которая внесла новую, живительную струю в его стихи, помогла выйти из творческого тупика. Естественно, многие гражданские стихи, направленные против самодержавия, так и не увидели света, например, целый ряд эпиграмм, драма в стихах «Железное время» (1906) — прямой отклик Фофанова на

события первой русской революции. Но и то, что появлялось в печати, кромсалось цензурой подчас до неузнаваемости. «Что делает цензура с писателями теперь,— пишет Фофанов в письме А. В. Жиркевичу,— этого вообразить не можете! Я испытываю это тяжелое ярмо!..» В одном из его стихотворений того периода есть такие строки:

Моя же муза, в самом деле,
Дрожит, как люди под замком,
Или в редакторском портфеле,
Или под цензорским ножом!..

(«В горе», 1906)

Лишь в 1910 году появились две небольшие книги Фофанова тиражом 550 экземпляров каждая: «После Голгофы (Мистерии-поэмы)» и «Необыкновенный роман (Повесть в октавах)» — обе вышли в издательстве А. С. Суворина. Это — последние и не лучшие прижизненные книги поэта. А. Блок, например, писал о первой из них: «Хотелось бы говорить с почтением о поэте, создателе нескольких прекрасных стихотворений, К. М. Фофанове; но откроем его новую книжку „После Голгофы“ — и пропадет охота»⁵.

На обороте обложки «После Голгофы» в моем экземпляре есть автограф — обращение к сыну: «Дорогому и любящему меня сыну — благодарный ему отец-автор. К. М. Фофанов. 1910 г. Февраль». На четвертой странице еще одна обширная запись, обращенная к читателю. Приведем четверостишие:

Из мрака горя и насилья
К сиянью неба поднимись...
Расправь измученные крылья,—
И вместо бездны — взглянет высь!

5 февраля 1910 г.

К. Фофанов

В письме А. М. Горького Е. К. Фофановой-Устиновой от 8 февраля 1935 года упоминается еще об одном издании поэта. «Имеете ли Вы,— спрашивает Горький,— первое его издание, вышедшее в 1895 году в Самаре у Валле де Бара?»⁶ К сожалению, наши поиски названного издания не увенчались успехом: или это издание какой-либо частной типографии, или Горький ошибся, имея в виду другого автора,— на это указывают и слова «первое его издание» (к 1895 году, как уже было отмечено, у Фофанова вышло четыре книги).

Примечателен и тот факт, что поэт, стремясь посылить помочь простым людям, участвовал в многочисленных благотворительных сборниках. В 1891 году Фофанов, отозвавшись на всенародное горе — голод, охвативший часть страны, — принял деятельное участие в подготовке сборника «Отклик» в пользу голодающих. В письме редактору сборника А. Е. Кауфману он писал: «Русский народ — это богатая, нетронутая целина нравственных сил, сокровищница непочатых умственных и духовных начал».

В 1900-е годы так и не были изданы подготовленные к печати сборники произведений поэта «Эфиры» и «Крылья и слезы».

В советское время стихи К. Фофанова издавались трижды: в 1918 году в издательстве московского журнала «Доброе утро» под редакцией и со вступительной статьей Г. Д. Деева-Хомяковского вышла небольшая по объему книжечка «Избранные стихотворения с биографией». К сожалению, она была издана неряшливо, со многими ошибками в тексте.

Удачным было издание «Стихотворения» (Л.: Советский писатель, 1939), вышедшее в Малой серии «Библиотека поэта» (кстати, у этой книги был перепутан порядковый номер: 9 вместо 51). Важно подчеркнуть: в подготовке этого издания принял личное участие А. М. Горький, высоко ценивший поэтический талант Фофанова⁷. На форзаце этого сборника стоит надпись: «Глубокоуважаемой Екатерине Константиновне Фофановой-Устиновой от редактора. 3.IV.1939».

Последнее издание «Стихотворения и поэмы» К. Фофанова было выпущено в Большой серии «Библиотека поэта» к 100-летию со дня рождения поэта (М.; Л.: Советский писатель, 1962). Это наиболее полное и научно подготовленное издание, в появлении которого большая заслуга принадлежит как дочери поэта Е. К. Фофановой-Устиновой, так и единственному биографу, знатоку и ценителю поэзии Фофанова — ныне покойному литературоведу В. В. Смиренскому. На форзаце этой книги, подаренной мне в числе других сборников Фофанова, — бесценный для меня автограф Екатерины Константиновны: «Дорогому Борису Ефимовичу Черемисину в память его бережной работы над творчеством моего любимого отца — поэта К. М. Фофанова от Е. Фофановой-Устиновой. 31.XII.78 г.».

К этому остается добавить, что избранные стихи К. Фофанова вошли во многие антологии: «Русская лирика XIX века» (М.: Художественная литература, 1977, т. 2.); «О, русская земля!» (М.: Молодая гвардия, 1971); «Песнь любви» (М.: Молодая гвардия, 1971); «Русская поэзия конца XIX — начала XX века» (М.: Изд-во МГУ, 1980); «Отчизне посвятим» (М.: Воениздат, 1980) и др.

В наши дни имя К. Фофанова вызывает интерес и за рубежом: в Италии стихи Фофанова переводили Серджо Леоне, Этторе Ло Гато. Творчество Фофанова стало темой исследования итальянского профессора Чезаре Де Микеллиса — в 1973 году в издательстве «Марсилио» вышла его большая монография «Иллюзии и символы: К. М. Фофанов».

Все лучшее из творческого наследия К. Фофанова, бесспорно, созвучно и современной поэзии, близко современному читателю. Чем же, какими сторонами? Прежде всего, как отмечают авторитетные исследования, «искренним и глубоким лиризмом, мелодичностью стиха, чистотой нравственных помыслов лирического героя»⁸. Способностью, добавим мы, передать тончайшие движения человеческой души. В целом же, творческий путь К. Фофанова представляет собой сложную эволюцию, в основе которой лежало желание поэта разделить судьбу народа и родины в эпоху решающих социальных сдвигов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Письмо К. Фофанова А. В. Жиркевичу от 21 марта 1889 г.—ОР ГМТ, архив А. В. Жиркевича. Все цитируемые в статье письма Фофанова к Жиркевичу хранятся в этом архиве.
- ² Репин И. Е. Письма к писателям и литературным деятелям. 1880—1929. М., 1950, с. 132. Письмо А. Жиркевичу от 14 апреля 1896 года.
- ³ Репин писал портрет Фофанова, по отзывам современников — одну из лучших своих портретных работ, в 1888 году. В настоящее время местонахождение портрета неизвестно.
- ⁴ ЦГАЛИ, архив К. М. Фофанова, ф. 525, оп. 3, ед. хр. 16.
- ⁵ Блок А. А. Собр. соч. В 8-ми т. М.; Л., 1962, т. 5, с. 438.
- ⁶ ИМЛИ им. А. М. Горького. Архив А. М. Горького.
- ⁷ В 1935 году А. М. Горький начал оказывать свое содействие в издании этой книги. Е. К. Фофановой-Устиновой он писал: «Ваше письмо мною передано в издательство „Академия“, и представитель издательства сообщил мне, что на днях предложит Вам начать подготовку к изданию стихотворений Константина Михайловича». — ИМЛИ им. А. М. Горького, там же; см. также: Смирнский В. В. М. Горький и К. Фофанов. — В кн.: Учен. зап. Горьк. пед. ин-та. Горьк. сб. 1968, вып. 110, с. 190—195.
- ⁸ История русской литературы XIX века. В 2-х ч. М., 1963, ч. 2, с. 587.

А. Баглей

«ТАК ПРОХОДИТ МИРСКАЯ СЛАВА...»

«...Может быть, среди смоленских краеведов есть люди, которые видели книгу Плутарха с суперэкслибрисом Наполеона и знают о ее дальнейшей судьбе?»

Так заканчивалась заметка «С книжным знаком Наполеона», опубликованная в одном журнале несколько лет тому назад.

Автор Д. Абрамов, историк, рассказал: в библиотеке Тартуского университета хранится седьмой том собрания сочинений Плутарха с суперэкслибрисом Наполеона. Во время бегства из России Наполеон, спасаясь от преследования, бросил свою карету. Среди плененных казаками императорских вещей находился и томик Плутарха. Затем книга попала в Тарту, где и осталась на постоянном хранении. Сотрудники библиотеки лет сорок пять тому назад посылали запрос в Париж. Оттуда ответили. В библиотеке Наполеона есть пятнадцатитомное собрание сочинений Плутарха. Но в нем недостает двух томов, в том числе седьмого.

При дальнейших поисках второй недостающий том был обнаружен в одном из музеев Смоленской области. Затем началась война, и следы книги затерялись.

Хотя я и не смоленский краевед, но решил попытаться найти ответ на поставленный журналом вопрос.

Длительные поиски в мире книг и переписка с крупнейшими библиотеками страны дали возможность получить достоверные сведения о Наполеоне как библиофиле и судьбе некоторых его книг. Наполеон много читал и особенно любил античных авторов Полибия и Плутарха. Из библиотек парижских и пригородных дворцов, в которых насчитывалось более шестидесяти тысяч томов, комплектовалась дорожная библиотека императора. Она состояла из тысячи книг, с которыми он не расставался во время частых походов. Книги перевозились в специальных, транспортно-рочных ящиках, книги до отказа заполняли его собственную карету.

Наполеон весьма бесцеремонно относился к не понравившимся ему изданиям. Он их просто выбрасывал из окна кареты на дорогу, где они доставались счастливым из окружающей свиты.

При отступлении из России Бонапарт потерял дорожную библиотеку: она погибла в пожарах, на дорогах, частично захвачена русскими войсками. Спасаясь от погони, державный библиофил вынужден был выбрасывать большие по формату издания, чтобы сохранить маленькие.

Река Березина стала пределом, за которым закатилось «солнце Аустерлица». В ледяной воде, на заснеженных берегах нашла свою гибель бывшая «великая армия».

Отряды казаков мчались к Березине с целью пленить «завоевателя мира». По словам пленных, лишь несколько часов быстрой езды отделяло преследователей от Наполеона. И вот небольшому отряду под командованием адъютанта генерала Дибича удалось настичь карету императора. Наполеон поспешно пересел на верховую лошадь и бежал. Дверцы кареты были открыты. Не желая терять ни минуты драгоценного времени, командир отряда не позволил казакам сойти с лошадей и осмотреть карету. Он приказал только взять лежавшую на сиденье раскрытую книгу императора. Казак, стремившийся выполнить приказ как можно быстрее, своей длинной пикой старался энергично извлечь ее из кареты. Сделать это оказалось нелегко, и только после шестой попытки ему удалось достать книгу и передать офицеру.

Офицер, фамилия которого осталась неизвестной, с разрешения начальства оставил необычный трофей у себя и впоследствии хранил под особым колпаком на бархатной подушке.

Эта небольшая книга в красном сафьяновом переплете, тисненном золотом, с суперэклибрисом Наполеона на обеих крышках, оказалась десятым томом собрания сочинений Плутарха.

Казачьи из арьергардного отряда тщательно осмотрели брошенную императорскую карету и в каретной сумке нашли еще несколько книг.

Наполеон как библиофил и его книги издавна привлекали внимание библиофилов и исследователей в России. При поисках удалось выявить более десяти различных статей и заметок по этому вопросу. Следовательно, могли быть и любители, хранившие у себя редкостные издания.

И вот я узнал—у известного советского литературоведа, библиофила В. И. Десницкого было несколько книг с суперэклибрисами Наполеона. В. И. Десницкий скончался в 1958 году, а большая часть книг поступила в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина. Можно было с уверенностью предпо-

ложить, что такие редкости, как книги Наполеона, не могли уйти от внимания сотрудников библиотеки.

На мой запрос получаю любезное и обстоятельное письмо от бывшего тогда заведующим отделом редких книг библиотеки имени В. И. Ленина — Е. Л. Немировского. Действительно! В библиотеке имеется пять книг Наполеона в сафьяновых переплетах с его суперэкслибрисами. Четыре из них поступили из собрания В. И. Десницкого в 1963 году. И среди этих четырех — восьмой том собрания сочинений Плутарха.

Итак, на поставленный вопрос есть ответ. Но появились еще вопросы. А какова же судьба десятого тома Плутарха, о котором рассказано выше? В письме из Парижа сообщалось о двух недостающих томах в пятнадцатитомном собрании сочинений Плутарха. Значит, десятый, вероятно, уже много лет стоит на книжной полке наполеоновской библиотеки во Франции. Как он мог туда попасть? Из многочисленных сообщений в дореволюционных газетах и журналах известно, как много редких и ценных иностранных книг продавалось за границу, навсегда покидая пределы России. Среди них, по-видимому, был и десятый том Плутарха.

Возник и такой вопрос. А нет ли в других библиотеках страны книг Наполеона? И вот что обнаружилось! В Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде находится четырехтомное фолиантное издание книги «Путешествие Лаперуза вокруг света» (Париж, 1797). Переплеты из красной кожи с золотым тиснением и суперэкслибрисами Наполеона.

В библиотеке Государственного Эрмитажа хранятся три книги с экслибрисом уже бывшего императора. В инвентарной описи поступлений есть приписка: «Эти три книги из библиотеки Наполеона на св. Елене. Они имеют пометки лорда Голанда, который их отправил Наполеону». Экслибрис — круглый книжный штамп с гербом Наполеона. Напечатан коричневой краской.

Ирония судьбы. От сверкающего золотом суперэкслибриса на роскошном сафьяновом переплете — до круглого коричневого штампа! Как не вспомнить мудрое латинское изречение: «Так проходит мирская слава».

Велимир Петрицкий

СУДЕБ СЛУЧАЙНОЕ СПЛЕТЕНЬЕ?..

1.

Личная библиотека — своеобразный документ времени. В ней, как в зеркале, отражаются живые черты эпохи. Значение такого документа возрастает особенно тогда, когда библиотека принадлежит человеку, который оставил заметный след в истории отечественной культуры. В такой библиотеке каждая книга может оказаться свидетельницей многообразных и сложных связей ее владельца с современниками.

К числу подобных книг по праву можно отнести сборник рассказов К. М. Станюковича «Современные картинки» (Спб., 1892) из личной библиотеки знаменитого русского книгоиздателя Флорентия Федоровича Павленкова. Свидетельство тому — дарственная надпись на титуле книги: «Флорентию Федоровичу Павленкову от автора. 15 мая, 92». Книга Станюковича была приобретена мной в 1976 в одном из букинистических магазинов Ленинграда. (Автограф публикуется впервые.)

Казалось бы, обычное дело: свою только что вышедшую книгу писатель дарит издателю. Однако догадка наша не подтверждается фактами: среди издателей произведений К. М. Станюковича значатся имена И. Д. Сытина, М. А. Ледерле, М. Н. Слепцова, Н. А. Лебедева, Н. Н. Морева. Нет среди них только имени Ф. Ф. Павленкова.

Каковы же в таком случае мотивы дара? Может быть, К. М. Станюковича и Ф. Ф. Павленкова связывали дружеские отношения, обусловленные общностью взглядов и жизненного пути? Почти ровесники, выходцы из семей военных, Станюкович и Павленков обучались в специальных учебных заведениях, но отринули военную карьеру ради литературы. Оба подвергались заключению в Петропавловской крепости и ссылке: Павленков — в Вятку в 1869 году, Станюкович — в Томск в 1885-м.

Историко-литературные источники не подтверждают, однако, выдвинутого нами предположения. Дружеской близости между

писателем и издателем не существовало. Примерно за год до того, как книга была подарена, в письме к Павленкову Станюкович даже ошибается в написании отчества издателя, именуя адресата Флорентием Петровичем. Это не описка, вызванная забывчивостью,— имена близких людей, друзей не забываются,— а подтверждение лишь обычного официального знакомства. Содержание и тон письма носят исключительно деловой характер:

*Сергиевская, 60
27 февраля, 91*

Многоуважаемый Флорентий Петрович!

Простите великодушно за мое бесовестное молчание и на Ваше письмо и на Ваше посещение. Но если бы Вы знали, сколько разных передраг, забот и всяческих неприятностей было это последнее время!¹

Совестно мне перед Вами. Обещал Ротшильдов давно и не сдаю. Ради бога, повремените, дайте окончить одну работу (я рассчитываю закончить ее раньше) и я примусь за Ротшильда².

Боюсь назначить точный срок, но полагаю, что в конце следующего месяца сдам Вам рукопись.

Еще раз прошу извинения за поздний ответ. Не сердитесь.

Искренне уважающий Вас

К. Станюкович³.

Значит, Станюкович все-таки был связан с Павленковым как с издателем. И связь эта существовала, как видно из письма, в течение довольно длительного времени.

Минул месяц, о котором писатель просил в письме. Минул и год, но рукопись книги о Ротшильдах так и не была передана Станюковичем Павленкову. Вот тогда-то, в мае 1892 года, очевидно, снова надеясь на пролонгацию, писатель и преподнес издателю только что вышедший сборник рассказов.

Когда же все сроки, испрошенные К. М. Станюковичем, были нарушены, Павленков передал заказ написание книги другому лицу. Книжка «Ротшильды» была написана для павленковской серии «Жизнь замечательных людей» Е. А. Соловьевым-Андреевичем, известным литературным критиком и историком литературы, близким к социал-демократическим кругам, и вышла в свет лишь в 1894 году. Таким образом, подарок Станюковича Павленкову — свидетель желательного, но так и не состоявшегося делового сотрудничества с издателем...

Книга из библиотеки Ф. Ф. Павленкова имеет и еще один владельческий знак. Бумажная издательская ее обложка заменена позднейшим владельцем картонным переплетом с кожаным корешком. На корешке вытеснены инициалы «Н. Р.». Зная о

судьбе библиотеки Павленкова, расшифровать их нетрудно. Инициалы означают — «Николай Рубакин».

Флорентий Федорович Павленков скончался в 1900 году и по его завещанию библиотека перешла к Н. А. Рубакину⁴. Последний высоко ценил личность и деятельность покойного и, естественно, с большим вниманием отнесся к книгам, полученным от издателя. Не может быть сомнений и в том, что книги, подаренные знаменитому издателю авторами, были выделены Рубакиным и не вошли в состав его библиотеки, предназначавшейся для широких слоев читающей петербургской публики.

Дальнейшая судьба книги из библиотеки Павленкова таит немало загадок. В декабре 1907 года Рубакин, опасаясь репрессий со стороны царского правительства, вынужден был переехать на жительство в Кларан (Швейцария)⁵. Из своей более чем стотысячной библиотеки он отобрал особенно дорогие и необходимые для работы книги и отправил их за границу. «В состав этих 7 тысяч книг входили, по-видимому, зарубежная (вольная) русская печать, «Биографическая библиотека Ф. Ф. Павленкова», часть библиотеки Р. Р. Минцлова, подаренные Н. А. Рубакину книги с автографами, словари, справочные издания, книги, необходимые ему для его научно-популярных работ, и т. д. Точный состав этого «ядра» сейчас установить очень трудно»⁶.

Судя по всему, сборник рассказов Станюковича, подаренный им Павленкову, должен был войти в состав этого «ядра». Но вошел ли?

В книге помимо дарственной надписи К. М. Станюковича и владельческих помет Н. А. Рубакина оказалась необычная «закладка» — почтовая карточка с текстом письма известного ученого-океанолога, впоследствии академика Л. А. Зенкевича ленинградскому ученому-зоологу В. Д. Зеленскому.

12/1-26. Дорогой Владимир Данилович!

И открытку и со вложением resumeé получил. Мария Евгеньевна и я шлем Вам и Варваре Ивановне поздравления с Н. Г., очень сожалеем о постигшем Вас несчастии с квартирой... Ведь это прямо ужасно!!! Вероятно, это влило ложку дегтю в бочку удовольствия полученного в солнечном Неаполе.

Ваш Л. Зенкевич⁷.

На первый взгляд, присутствие странной «закладки» в книге из библиотеки Павленкова — Рубакина совершенно случайно. Однако внимание библиофила-разыскателя привлекают два обстоятельства: 1) можно предположить, что почтовая карточка — «закладка» — попала в книгу Станюковича в 1926 году и что, следовательно, книга в это время либо читалась профессором Зеленским, либо могла принадлежать ему; 2) в письме Л. А. Зен-

кевича упоминается о пребывании В. Д. Зеленского в Неаполе, а из биографии К. М. Станюковича известно, что писатель скончался именно в этом городе в мае 1903 года.

Вновь обращаюсь к свидетельствам современников писателя. Н. Н. Фирсов, один из друзей и биографов К. М. Станюковича, повествуя в своих воспоминаниях о последних днях жизни писателя, сообщает: «Он скончался около полуночи (в ночь с 6 на 7 мая.—В. П.) тихо, как бы заснул, при нем были тогда, кроме дочери (Зинаиды Константиновны.—В. П.), Кольцов⁸, доктор Манна де-Менна, студент Спб университета В. Д. Зеленский (курсив наш.—В. П.) и Е. П. Мельникова⁹, на руках которой (она поддерживала мешок с кислородом) К. М. и испустил дух»¹⁰.

Таким образом, в книге рассказов К. М. Станюковича с его авторской дарственной надписью оказалось письмо к человеку, который присутствовал в доме писателя в час его кончины. В записках Н. Н. Фирсова имя В. Д. Зеленского встречается еще не раз. Студент-биолог был, оказывается, искренним и глубоким почитателем творчества писателя. Работая в летние месяцы на располагавшейся в Неаполе Зоологической станции Российской Академии наук, Владимир Данилович Зеленский все свободное время проводил в кругу близких и друзей К. М. Станюковича.

Впоследствии крупный ученый-зоолог В. Д. Зеленский в 1919 году стал профессором Петроградского университета, заведовал кафедрой зоологии. Он знал несколько иностранных языков, славился как выдающийся лектор. В последние годы жизни ученый по поручению неаполитанской Зоологической станции обрабатывал материалы по пиявкам Зоологического музея АН СССР, Зоологического музея в Берлине, Стокгольмского и Копенгагенского музеев и Зоологического музея в Упсале (Швеция). По свидетельству современников, «будучи богато одаренным человеком, В. Д. не замыкался в одну научную деятельность, он прекрасно знал изящную литературу, был тонким знатоком и любителем музыки и искусства. Благородство и мягкость характера, большая чуткость и отзывчивость к нуждам людей, готовность помочь им были свойственны этому прекрасному и доброму товарищу»¹¹.

Для нашего рассказа важно подчеркнуть, что В. Д. Зеленский как ученый работал в Неаполе и после 1903 года, вплоть до последних лет жизни. Можно предположить, что В. Д. Зеленский, как выяснилось, человек, не чуждый литературе и искусству, блестящий лектор, еще до отъезда Н. А. Рубакина за границу был знаком с ним, а в последующие годы, путешествуя из Петербурга—Петрограда—Ленинграда в Неаполь, мог иногда навещать Рубакина в Швейцарии. Возможно, что, в последний раз возвращаясь из Неаполя, города, в котором Станюкович

скончался, и остановившись в Кларане, где писатель провел счастливые дни отдыха с семьей, Владимир Данилович Зеленский мог поведать Николаю Александровичу Рубакину о своей дружбе с Константином Михайловичем и получить от Рубакина в дар книгу рассказов писателя с его автографом.

Это пока только гипотеза. Мною еще не отысканы документы или факты, прямо подтверждающие знакомство В. Д. Зеленского и Н. А. Рубакина. Но верное направление линии поисков подтверждают следующие соображения.

Книга рассказов К. М. Станюковича соответствует совокупности критериев отбора Н. А. Рубакиным «ядра» его будущей библиотеки в Кларане.

На книге имеются владельческие пометы, свидетельствующие о ее принадлежности в разное время *лишь* Ф. Ф. Павленкову, Н. А. Рубакину и, косвенно, В. Д. Зеленскому.

Если книга была оставлена Н. А. Рубакиным в России, на ней должны были бы быть пометы Всероссийской Лиги образования, Общества народных университетов, Губполитпросвета Петроградской губернии. Их нет. Книга не находилась в публичном чтении и сохранилась в идеальном состоянии.

На обороте переплета книги, заказанного еще Н. А. Рубакиным, за время почти столетней жизни экземпляра имеется лишь единственное свидетельство о поступлении в букинистическую торговлю, относящееся к 1976 году.

В книге, по всей вероятности, почти полвека и, очевидно, не случайно сохранилось письмо к человеку, близость которого к автору сборника рассказов «Современные картинки» не вызывает сомнения.

Отзывчивость и щедрость Николая Александровича Рубакина широко известны. Принесение в дар обществу двух громадных библиотек — факт, не требующий комментариев. Книгами из библиотеки Рубакина в Швейцарии пользовались В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Г. В. Плеханов, А. В. Луначарский и многие другие русские политические эмигранты. Владелец библиотеки «рисковал» отсылать книги нуждающимся в них почтой. В годы второй мировой войны Н. А. Рубакин комплектовал из книг своей библиотеки книжные посылки и отсылал их тем, кому они были необходимы.

Такой человек мог подарить даже дорогую ему книгу соотечественнику — ученому, почитателю таланта К. М. Станюковича. Если бы этого не произошло, сборник рассказов Константина Михайловича Станюковича «Современные картинки» с его дарственной надписью Флорентию Федоровичу Павленкову стоял бы сейчас на полках Ленинской библиотеки в фонде «Р6».

Поистине, судьбы книг неисповедимы!

2.

В процессе построения нашей гипотезы пришлось прибегнуть не только к логике фактов, но и к ряду допущений, предположений и даже догадок. Как известно, однако, П. Н. Берков, автор «Библиографической эвристики», отрицает роль догадки в поиске необходимых сведений о книге или ее авторе. Он пишет: «Что побуждает нас обращаться к тому или иному библиографическому справочнику? «Интуиция», «Озарение», «Продолжительный личный опыт»? Нет, прежде всего правильное логическое суждение... Библиографическое разыскание имеет дело с фактом...»¹²

На наш взгляд, подобная трактовка сущности эвристики обедняет ее возможности. Эвристика как наука о творческом мышлении человека должна включать в себя наряду с обращением к фактам и логическому суждению элементы догадки и интуиции. «...Интуитивные процессы—это собственно творческий компонент исследовательской деятельности... Логический аппарат, логические рассуждения, как таковые, сами по себе, не дают еще возможности создать нечто новое»¹³.

В библиофильских разысканиях, которые по сути своей совпадают с библиографическими, тем не менее невозможно ограничиться лишь обращением к разного рода справочникам. Это происходит потому, что *резко возрастает количество связей книги с окружающим миром*. Библиографическая эвристика исследует, как правило, отражаемые в справочниках необходимые связи: автор—книга—иллюстратор—издатель—рецензент—книготорговец—библиограф. Библиофильская эвристика рассматривает не только необходимые, отраженные в справочниках, но и случайные связи: книга—конкретный экземпляр книги—читатель (маргиналии, дополнения и вложения, вклейки); экземпляр книги—владелец (случайный)—владелец (библиофил); библиофил—художник (автор экслибриса)—переплетчик (время изготовления переплета, материал, мастер) и многие другие.

Многообразный характер связей печатных, рукописных книг и рукописей, гравюр и книжных знаков, являющихся предметами библиофильства и разыскания в окружающем мире, необходимо требует обращения не только к библиографическим справочникам, но и к описаниям библиофильских собраний, каталогам букинистических магазинов, мемуарным и биографическим свидетельствам, к разнообразным сведениям о писателях, ученых, деятелях искусств, библиофилах, издателях, книготорговцах, содержащимся как в сборниках опубликованных документов, так и к хранящимся в архивах. Стало быть, библиофильская эвристика предполагает, во-первых, *расширение базы фактического анализа и диалектико-логического суждения*.

Главное, однако, состоит в том, что библиофильская эвристика не может осуществлять своих функций, не обращаясь к догадке, интуиции, озарению. Кстати, Е. И. Шамурин утверждал: истинный библиограф должен также обладать «библиографическим и литературным чутьем...»¹⁴. В высшей степени требование это приложимо к библиофилу. Истинный библиофил, как нам приходилось уже отмечать, «должен знать — что искать, где и как искать, должен правильно оценить найденное»¹⁵.

Сумел бы А. И. Мусин-Пушкин, не обладай он библиофильским чутьем первооткрывателя, найти и верно оценить культурно-историческое значение обнаруженной им рукописи «Слова о полку Игореве»? Представьте, что, не доверяя ни в малой степени интуиции, он ограничился бы только попытками отыскать в справочниках имя неизвестного создателя и время создания древнерусского героико-лирического эпоса?..

Выдвинутое А. И. Мусиным-Пушкиным предположение об оригинальности и большой художественной ценности найденной им рукописи не раз — тогда же и позднее — оспаривалось. Несомненным осталось одно: отечественная, мировая культура обогатилась бесценным приобретением.

Открытие нового, неизвестного ранее науке и культуре, осуществляемое в процессе библиофильских разысканий, предполагает, во-вторых, *необходимое включение в библиофильскую эвристику элементов догадки, интуиции как собственно творческого компонента разыскательской деятельности.*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Возможно, что Станюкович имеет в виду запрещение Главным управлением по делам печати второго издания романа «Без исхода» и придирки цензуры к повести «Первые шаги», которая в искаженном виде печаталась в первых четырех книжках журнала «Вестник Европы» за 1891 год.
- ² Речь идет о предполагавшейся к изданию в павленковской серии «Жизнь замечательных людей» книги «Ротшильды».
- ³ ИРЛИ, Р. 111, оп. 1, № 1959, л. 1—2. На письмо Станюковича Павленкову автору этих строк любезно указал А. П. Толстяков.
- ⁴ См.: Арефьева Е. П. Н. А. Рубакин как книгосбиратель и его библиотеки в Советском Союзе.— Книга. Исследования и материалы. М., 1963, т. 8, с. 381—382.
- ⁵ Кстати, в 1879—1880 гг. К. М. Станюкович с семьей отдыхал в Кларане.
- ⁶ Арефьева Е. П. Там же, с. 385.
- ⁷ Письмо хранится в архиве автора статьи. Текст приводится с сохранением пунктуации оригинала. Публикуется впервые.
- ⁸ Речь идет о Н. К. Кольцове (1872—1940), видном ученом-генетике, тогда профессоре Московского университета, члене-корреспонденте Петербургской АН, впоследствии академике ВАСХНИЛ, основоположнике экспериментальной биологии в России.

- ⁹ Е. П. Мельникова — дочь писателя П. И. Мельникова (А. Мельникова-Печерского), друг семьи Станюковичей.
- ¹⁰ Фирсов Н. Н. (Л. Рускин). Последние полгода жизни К. М. Станюковича. — Исторический вестник. 1905, т. 3, с. 869—870.
- ¹¹ Федотов Д. М. Владимир Данилович Зеленский. — Труды Ленинградского общества естествоиспытателей. 1930, т. 10, вып. 1, с. 5.
- ¹² Берков П. Н. Труды по книговедению и библиографоведению. М., 1978, с. 115.
- ¹³ Пушкин В. Н. Эвристика — наука о творческом мышлении. М., 1967, с. 10—11.
- ¹⁴ Шамурин Е. И. Методика библиографической работы. М., 1933, с. 87.
- ¹⁵ См.: Петрицкий В. А. Библиофильство как творчество. — Книга. Исследования и материалы. М., 1976, вып. 33, с. 192.

Бэгзийн Явуухулан

МОНГОЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ

Едва лишь женщина прекрасная ногой
 Сухого дерева коснется беззаботно —
 И ветви оживляют ствол нагой,
 Цветут они, плодоносят бессчетно.
 Так древние монгольские стихи
 Запечатлели женственности силу.
 Потоки нежности, прозрачны и тихи,
 Идут от строк — их тьма не погасила.
 Сквозь сон веков, сквозь мрак прошедших лет
 Летит мотив поэзии монгольской
 За мною, где бы ни был я, вослед,
 Глядит, как звезд таинственное войско.
 Звучит мотив, воспламеняя вновь
 Чуть рдеющий огонь далеких предков.
 Он первую навеял мне любовь,
 Души коснувшись трепетною веткой.
 В далекой Индии, в долине голубой,
 На берегу струящей воды Джамны,
 Возле развалин древних сам собой
 Он появлялся медленно и плавно.
 И у высоких золотых ворот
 Блещающего солнцем Тадж-Махала,
 Встречая пламенеющий восход,
 Монгольская поэзия витала.
 Она шептала тайные слова
 В жемчужно-голубой Аддис-Абебе,
 Ей вторила горячая листва

И ветер в знойном африканском небе.
Влекомый любопытством, что дано
Мужчинам, в мир рожденным под луною,
Как редкое, бесценное вино,
Отведал я блаженство неземное:
Я созерцал, плененный красотой,
Изящную танцовщицу Аскалу —
Сверкали ноги нежной наготой,
И зал искусство танца восхищало...
Улыбку Джиоконды на века
Запечатлел Да Винчи несравненный —
И в ней живет поэзии строка,
Как воздух, свежий аромат нетленный.
Когда прекрасной женщины нога
Коснется дерева легко и безмятежно —
Цветов взлетает белая пурга,
И дерево плодоносит прилежно.
Природа дивной прелести полна,
Гармонией исполнена от века,
Но все же несравнима и она
С великим совершенством человека.
Живущие под солнцем и луной —
Всяк красотой особенной лучится.
Но с женщиною — матерью земной —
Никто не может все-таки сравниться.
Хранительница высшей красоты,
Все лучшее она в себе вместила.
Вошла в ее спокойные черты
Бессмертная, сияющая сила.
И потому засохший ствол нагой
Наполнен силой животворной, нежной,
Едва лишь женщина прекрасная ногой
Коснется дерева легко и безмятежно.
Так красоты пронзительная власть
Монгольской поэзией воспета.
В сосуды слов навек она влилась
И очищает нас потоком света.

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ

Осенний дождь в столице моросит.
Листва благоуханная опала.
Последний, напоенный влагой, лист
Легит к земле, холодной и усталой.

Великий Пушкин в думы погружен...
Вокруг него течет толпа людская.
Всегда один — под ветром и дождем,
Омытый солнцем января и мая.

Как прежде, вереницей дни идут
Подобно облакам на небосводе...
Но вечен гений, чей талант и труд
Остался на устах в родном народе.

Задумчивую голову склонил —
Какие мысли душу осаждают?..
Глаза печально в землю устремил,
И плащ порывы ветра раздувают...

Быть может, строки пламенных стихов
Идут сквозь сердце — нежные, живые.
И, словно струйки пота у висков —
Блестя, стекают капли дождевые.

...Прохожие кладут к его ногам
Цветов осенних влажные букеты.
Восходит стих сквозь суету и гам —
Над площадью столицы, над планетой!

Перевод с монгольского
Людмилы Букиной

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абольянин Г. М. 226
 Абрамов Г. 167
 Абрамян А. А. 79
 Агин А. А. 195
 Адамович А. М. 30
 Адарюков В. Я. 131, 132
 Адрианов В. 128
 Азаров В. Б. 223
 Айвз Ч. 93
 Айзенштадт Д. С. 114, 131, 135
 Айтматов Ч. 155
 Айхенвальд Ю. И. 113
 Аксаков И. С. 59
 Аксаков К. С. 59, 190, 194
 Аксаков С. Т. 189
 Александр Македонский 181
 Алексеев М. Н. 28, 30, 31
 Алексеев М. П. 160
 Алигер М. И. 75, 224
 Алимджан Хамид 242
 Алмазов Н. В. 116
 Альев А. Е. 263
 Альтман Н. Н. 235, 238
 Ананьев А. А. 30
 Ангарский Н. С. 126
 Андерсен-Нексе М. 14, 18
 Андерсон Ш. 92, 93
 Андреев Л. Н. 124
 Анненков П. В. 159
 Анненков Ю. П. 82
 Анненский И. Ф. 74
 Антокольский П. Г. 70, 75, 78
 Апушкин Я. В. 77
 Арбентот Дж. 207
 Арбузов А. Н. 82
 Ардов В. Е. 224
 Арефьева Е. П. 277
 Аристофан 14, 234
 Асеев Н. Н. 58, 73, 79
 Аскинадзе Ю. 27
 Астапов А. А. 112
 Астафьев В. П. 160
 Афанасьев А. Н. 53, 63
 Ахмадиев А. 118
 Ахмадулина Б. А. 75, 142
 Ахматова А. А. 70, 150, 221—227
 Ашукин Н. С. 105, 133, 138
 Ашукина М. Г. 138, 139
 Баглей А. А. 268
 Багрицкий Э. Г. 73
 Баженовы 226
 Байрон Д. Н. Г. 18, 215
 Бакланов Г. Я. 30, 83
 Балабина М. П. 197, 199
 Балакин З. М. 114, 125
 Бальзак О. де 87
 Вальмонт К. Д. 59
 Бандинян Дж. 205
 Баратынский Е. А. 74, 221
 Барбюс А. 18, 20
 Бартенева П. И. 159
 Баруздин С. А. 30
 Баузе Ф. Г. 169, 180—184
 Бахман Г. Г. 102
 Бедный Демьян 14, 21
 Безыменский А. И. 24
 Бейли Н. 214
 Бек А. А. 30
 Белашенко Т. К. 32, 33
 Белинский В. Г. 66, 257
 Белли Дж. Дж. 197—205
 Белли Ч. 204
 Белов В. И. 63
 Белоусов И. А. 102
 Белуха Е. Д. 236
 Белый Андрей 60, 130, 133
 Белявская Е. А. 224
 Беляев А. Р. 48
 Беннетт А. 92
 Бентам И. 179
 Беранже П. Ж. 21
 Березко Г. С. 30
 Берков П. Н. 131, 276, 278
 Бернал Дж. Д. 20
 Бернардский Е. Е. 195
 Бёрнс Р. 79
 Бессонов П. А. 114
 Бестужев А. А. 191
 Бестужев-Рюмин М. П. 191
 Бехтеев В. Г. 233, 234, 240
 Благой Д. Д. 133
 Блок А. А. 35, 57, 60, 74, 79, 81, 138, 160,
 262, 265, 267
 Блотнер Д. 87
 Боборыкин П. Д. 198, 201, 202, 204
 Богданович И. Ф. 74
 Богомоллов В. О. 30
 Боднарский Б. С. 127, 128, 130, 132
 Бокачев Н. Ф. 128
 Боклевский П. М. 196
 Болдуин Дж. 85
 Бом-Григорьева Н. С. 133
 Бонанни Р. 205
 Бондарев Ю. В. 30, 83
 Бонди С. М. 156, 160
 Бонч-Бруевич В. Д. 8—10, 14, 18, 21, 259
 Борзунов С. М. 28
 Борисов К. Г. 33
 Борщевский А. 119, 120
 Боссюэ Ж. Б. 186
 Босуэлл Дж. 206, 207
 Браганцева Е. М. 224
 Бражнин И. Я. 224
 Бразулев Д. И. 115—117
 Бродаты Л. Г. 242
 Бруно Дж. Ф. 47
 Брэдбери Р. 242
 Брэдстед Дж. Г. 59
 Брюсов В. Я. 102, 111, 130, 138, 262, 264
 Брянцев А. М. 182
 Буонов А. С. 24

- Бубнов И. Н. 54
 Букина Л. В. 54, 61, 280
 Булатов А. А. 32
 Булгаков М. А. 50, 121, 126
 Булгарин Ф. В. 161
 Буле И. Т. 177, 182, 183, 186
 Бунин И. А. 124
 Бутлеров А. М. 17
 Буччи Ф. 205
 Быков В. В. 83, 155
 Бычков С. С. 55
 Бьяджини Д. 197
 Бялик Б. А. 17
 Бялый Г. А. 260
- Вагнер Р. 143
 Вазирани Г. 83
 Вакидин В. Н. 242, 290
 Вампилов А. В. 163
 Ваншенкин К. Я. 75
 Василевская В. Л. 26
 Василевский А. М. 30
 Васильев П. Н. 59
 Вацура В. Э. 152, 157
 Ващенко А. В. 92
 Вельтман А. Ф. 170
 Венецианов А. Г. 192
 Верди Дж. 203
 Вердоне М. 200
 Верн Ж. 46, 48
 Верхарн Э. 20
 Весёлый А. 139, 140
 Вечеслова Т. М. 224
 Виголо Дж. 202, 205
 Виельгорская С. М. 195
 Викри Р. 92
 Виленкин В. Я. 224
 Винокуров Е. М. 70, 75
 Витман Н. П. 126, 139
 Вознесенский А. А. 70, 75
 Волкогинов Д. А. 33
 Волконская З. А. 195, 202—204
 Володарский В. 117
 Волошин М. А. 59
 Вольнов И. Е. 18
 Вольтер 18, 64, 216
 Воннегут К. 85
 Вулф Т. К. 85, 86
 Вышеславский Л. Н. 221, 290
 Вяземский П. А. 74, 203, 240, 241
- Гаврилов М. Г. 181
 Гагарин Ю. А. 36, 48, 49
 Галин А. М. 82
 Гарнетт К. 92
 Гаррикс Д. 208, 215
 Гарсиа Лорка Ф. 73
 Гартман В. А. 248
 Гартман Э. 59
 Гейм И. А. 180, 181, 186
 Гейне Г. 18
 Гейнзе (Хейнзе) И. Я. В. 240
 Герцен А. И. 5, 147, 148, 156, 159, 170, 190, 202
- Гершензон М. О. 133
 Гёте И. В. 18, 64, 143, 147, 177
 Гилярова Е. Н. 201
 Гиляровская Н. В. 111
 Гиляровский В. А. 111, 121, 122, 124, 141, 142
 Гладков Ф. В. 219
 Глазков Ю. Н. 51
 Глекин Г. В. 224
 Глинка Ф. Н. 74
 Глушко В. П. 40
 Гнедич Н. И. 74
 Гнусин С. С. 128
 Гоголева Е. Н. 79
 Гоголь Н. В. 55, 63, 70, 71, 92, 154, 155, 159, 189—205, 235, 238
 Годвин Ф. 47
 Голанд Г. Р. 270
 Голдсмит Д. 41
 Голдсмит О. 206, 212
 Голлербах Э. Ф. 132
 Голубенцев Н. А. 78
 Гольдони К. 200, 205
 Гомер 154, 212
 Гончаров А. Д. 239, 242
 Гоппе Г. Б. 260
 Горбатов Б. Л. 25, 30
 Горкин А. Ф. 26
 Горленко В. П. 198, 201
 Горшков С. Г. 32
 Горький А. М. 16—18, 21, 25, 73, 74, 124, 262, 265—267
 Готье Т. 233, 240
 Гофман Э. Т. А. 14
 Грабарь И. Э. 101, 108, 111, 133
 Граммат-Перенга М. 218
 Гранин Д. А. 83
 Грановский Т. Н. 170
 Греков А. Ф. 192
 Грибанов Б. Т. 94
 Грибачев Н. М. 30
 Грибоедов А. С. 180, 181, 186—188
 Григорович Д. В. 14
 Григорович-Барский В. 59
 Григорьев Ал. А. 74
 Громов Г. М. 33
 Гроссман Л. П. 132
 Грот Я. К. 260
 Гудзий Н. К. 133
 Гумбольдт А. 177
 Гумилев Л. Н. 224
 Гурамишвили Д. 242
 Гурченко Л. М. 53
 Гусев С. И. 23
- Дайн М. 88
 Дайо М. Р. 242
 Даль В. И. 63
 Данилевский В. В. 26
 Данте Алигьери 234, 237
 Даран Д. Б. 139, 140
 Дашдооров С. 280
 Дашкова Е. Р. 179, 217
 Двайт Г. Б. 37

- Деев-Хомяковский Г. Д. 266
 Дежерандо Ж. М. 186
 Дельвиг А. А. 74, 191
 Дементьев А. Д. 75
 Демидов А. А. 123
 Демидов П. Г. 179, 180
 Де Микеллис Ч. 267
 Денисюк Ю. Н. 50
 Державин Г. Р. 74
 Десницкий В. А. 269, 270
 Джеймс Г. 85
 Джеймс У. 59
 Джонсон Б. 206, 211
 Джонсон С. 206—218
 Дябич И. И. 269
 Дядо, представитель семьи французских типографов 169
 Дядро Д. 64
 Дяксон 37
 Дьямитров Г. 19
 Дьямитровский Н. П. 138, 239, 241
 Днепров А. П. 49
 Добин Е. С. 223
 Доде А. 18
 Додсли Р. 213, 214, 216
 Додсон Дж. 211
 Дормер Ф. 214
 Дос Пассос Дж. 85
 Достоевский Ф. М. 63, 92, 99, 153, 154, 159
 Драйден Дж. 217
 Драйзер Т. 83
 Драч И. Ф. 79
 Дрилинг А. 95, 273, 291
 Дрожжин С. Д. 114, 115
 Дружинин А. В. 207, 218
 Дюбуа У. 85
 Дюма А. 152

 Евтушенко Е. А. 75, 163
 Егоров Б. Б. 36
 Екатерина II 150, 165
 Елизарова А. И. 7, 10
 Емельянов В. С. 46
 Ениклопов Н. С. 43
 Ермак Тимофеевич 56
 Ермакова Т. А. 234
 Есенин С. А. 73, 113, 117
 Ефремов А. Е. 33
 Ефремов И. А. 45, 48—50

 Жанна д'Арк 20
 Жданов А. А. 26
 Жилин П. А. 32
 Жиркевич А. В. 263, 264, 267
 Жихарев М. И. 169, 170, 174—178, 187
 Жуковский В. А. 191, 192, 195
 Журавлев В. Н. 39
 Жутовский Б. И. 153, 162

 Заболоцкий А. 63
 Заболоцкий Н. А. 77, 79, 242
 Загоскин М. Н. 190
 Задек (Задека) Мартын 55
 Зазубрин В. Я. 14

 Залка М. 140, 141
 Затонский Д. В. 94
 Зверев А. М. 93, 94
 Звягинцева В. К. 77
 Зеленский В. Д. 273—275, 278
 Зенкевич Л. А. 273
 Зинман Л. Я. 197, 290
 Зинин Н. Н. 17
 Золотусский И. В. 74
 Зоценко М. М. 51
 Зуев Д. Д. 64, 289

 Иван IV 65, 155, 156
 Иванов А. А. 195
 Иванов Вс. В. 130, 239
 Иванченко А. С. 43, 51
 Иващенко Н. Ф. 101, 290
 Измайлов Н. В. 160
 Ильин И. В. 108
 Ильина А. А. 108, 109
 Ильф И. 121
 Иордан И. И. 194
 Ирвинг У. 85
 Истомин К. Н. 242
 Истомин Карин 66

 Казин В. В. 78, 117
 Каладзе К. Р. 79
 Калайдович К. Ф. 184
 Калинин М. И. 26, 32, 122
 Калита Н. И. 223
 Кальдерон де ла Барка П. 174
 Каменев С. С. 24
 Каменский В. В. 14, 73, 117
 Кант И. 175, 182
 Кантемир А. Д. 74
 Каплан С. А. 42
 Капнист В. В. 191
 Капнисты 190
 Капутикян С. Б. 79
 Карамзин Н. М. 53, 154, 157, 161
 Кара-Мураа С. Г. 133, 134
 Карасева В. Е. 222
 Карась Л. 222
 Каратаев И. П. 104
 Кардашев Н. С. 45
 Карим Мустай 79
 Карпов В. В. 30
 Катаян В. А. 78
 Каули М. 87, 91
 Кауфман А. Е. 266
 Качалов В. И. 16
 Каченовский М. Т. 181
 Капкин И. А. 84
 Кейв Э. 209, 212, 216, 218
 Кен Кенеко 82
 Кент Е. Е. 218
 Кеплер И. 48
 Киреевские 190
 Киреевский П. В. 190
 Кирилл, славянский просветитель 68
 Кирсанов С. И. 70, 73
 Клейнер Р. А. 78, 79
 Ключевский В. О. 53

- Кнебель И. Н. 233
 Ковалев Д. М. 77
 Коваленский М. Н. 21
 Коваленок В. В. 43
 Кожебаткин А. М. 114, 130, 131
 Кожедуб И. Н. 26
 Кожин В. В. 75
 Козловский К. С. 225
 Кокс Л. 92
 Колесникова Н. А. 80, 289
 Коллиз К. 88
 Кольцов Н. К. 274, 277
 Комаров В. М. 36
 Комаров М. И. 124
 Комков Д. К. 127, 128
 Комминс С. 88
 Конашевич В. М. 234
 Кондратков Т. Р. 33
 Кондратьев В. Л. 83
 Кондратьев Ю. В. 40
 Кони Ф. А. 190
 Коннел У. 87
 Коновалов Г. И. 30
 Конрой Д. 85
 Коперник Н. 47
 Королев С. П. 27, 36, 40, 41, 46, 48
 Коршунова Н. Е. 101, 290
 Кочетков А. С. 77, 79
 Кочетков В. А. 30
 Кочетов С. И. 21
 Кравченко А. И. 135
 Красов В. И. 59
 Крашенинников С. П. 164
 Кржижановский Г. М. 11
 Кругликова Е. С. 135
 Круглый А. А. 132
 Крупин В. Н. 62, 289
 Крупская Н. К. 7, 12, 13, 16—18, 20, 21, 115, 275
 Крылов Г. 228
 Ксенофонт 53
 Кугультинов Д. Н. 79
 Кузмин М. А. 130
 Кузнецов А. М. 84, 290
 Кузнецов Э. Д. 234
 Кузьмин Н. В. 232, 239
 Кулиев К. Ш. 79
 Куликов В. Г. 33
 Купер Дж. Ф. 85
 Куприн А. И. 124
 Кутепов А. Я. 79
 Кухарков Н. Н. 8
 Кушнер А. С. 223
 Кьеркегор С. 59
 Кэбирли И. 79
 Кювье Ж. 176
 Кюхельбекер В. К. 74

 Лаврин А. 61
 Лавуазье А. Л. 179
 Лазарев В. Н. 133
 Лаланд Ж. Ж. Ф. 179
 Лангемак Г. Э. 40
 Ласунский О. Г. 135
 Лаффит Ж. 242

 Лахути А. А. 242
 Лебедев Вал. В. 53
 Лебедев Вл. В. 239, 240
 Лебедев Н. А. 271
 Лебедев П. П. 24
 Левайн Д. 87
 Левидова И. М. 94
 Легуве Э. 79
 Ледерле М. А. 271
 Ленин В. И. 7—23, 25, 26, 32, 66, 116, 275
 Леоне С. 267
 Леонов Л. М. 133
 Леонтьев Б. Л. 126
 Лепешинский П. Н. 19
 Леричи Р. 205
 Лермонтов М. Ю. 117, 155, 164
 Лернер Н. О. 160
 Лидин В. Г. 60, 113, 130, 133
 Лисий 234
 Лихачев Д. С. 53, 242
 Лобанов В. М. 121, 122, 132
 Лобачевский Н. И. 17
 Ло Гато Э. 267
 Ломоносов М. В. 155, 158, 190
 Ломоносов-Лучинин П. П. 124
 Лонгинов М. Н. 187
 Лонгман Т. 211
 Лондон Дж. 18, 21, 85, 92
 Лоренс Л. 85
 Лутовской В. А. 58, 73, 79
 Лукиан 47, 234
 Луконин М. К. 70
 Луначарский А. В. 78, 79, 275
 Лунин М. С. 147, 204
 Лунина (Риччи) Е. П. 204
 Лушников Л. И. 111
 Лыкошин А. И. 181
 Лыкошин В. И. 180, 181, 185
 Любимова А. В. 224
 Любопытный П. О. 128
 Лядов А. И. 223
 Ляско К. И. 147, 290
 Ляшко Н. Н. 126

 Магидсон С. М. 70, 289
 Майков А. Н. 55
 Майков Л. Н. 159
 Максвелл Дж. 82
 Максимов М. Д. 75
 Максимович М. А. 194
 Макферсон Дж. 218
 Мануильский Д. Э. 26
 Мануйлов В. А. 224
 Манучарьянц Ш. 20
 Мариенгоф А. Б. 113
 Маркс А. Ф. 196
 Маркс К. 8, 10—13
 Маршак С. Я. 72, 239, 240
 Масанов Ю. И. 8
 Матвеев А. Т. 246
 Матковский Н. В. 8
 Маторин М. В. 135, 136
 Маттеи Х. Ф. 181, 185
 Маяковский В. В. 73, 77—79, 116, 117

- Медведев Ю. М. 50
 Межиров А. П. 75, 227
 Мейерхольд В. Э. 124
 Мелвилл Г. 85
 Мельников П. И. (Мельников-Печерский А.) 278
 Мельникова Е. П. 274, 278
 Менандр 234
 Мендельсон М. О. 94
 Мерзляков А. Ф. 70, 74, 180, 181
 Мешков Н. М. 123
 Мигولاتьев А. А. 33
 Милашевский В. А. 234
 Миллар Э. 211, 213
 Мильтон Дж. 211, 217, 218
 Минцлов Р. Р. 273
 Мистецкий А. С. 225, 226
 Митрохин Д. И. 135, 234, 246
 Михайлов А. А. 75
 Михалков С. В. 70
 Мицкевич А. 152
 Мишуков Ф. Я. 119
 Модзалевский Б. Л. 160, 164
 Модзалевский Л. Б. 160
 Моллер Ф. А. 194
 Молок Ю. А. 82, 231, 290
 Монж Г. 179
 Монтень М. де 75
 Моор Д. С. 116
 Морев Н. Н. 271
 Моретти М. 205
 Морозов Б. И. 102
 Морозов В. Т. 130
 Морозов Н. 111
 Морозов П. О. 156
 Морозов С. Т. 130
 Морозова Ф. П. 102
 Мочалов П. С. 71
 Мочалова О. 126
 Мультиатули 20
 Муравьев А. З. 186
 Муравьев М. Н. 176, 177, 179, 180
 Муравьев Н. М. 186
 Мусин-Пушкин А. И. 277
 Мусоргский М. П. 248
 Мужовиков Я. Ф. 57
 Мужортовы 56
 Мюзам Ф. К. 19
 Мюзам Э. 19, 20
 Мюльгаупт Л. Р. 234
 Мюррей Дж. 211
- Наполеон I 239, 268—270
 Наровчатов С. С. 59, 70, 75, 77
 Неверов А. С. 126
 Недогонов А. И. 59
 Некрасов Н. А. 15, 63, 138, 191
 Неменова Б. М. 223
 Немирович-Данченко В. И. 124
 Немировский Е. Л. 270
 Неронов И. 102
 Неруда П. 95—98, 242
 Нефедов В. В. 223
 Нечаева В. С. 240
 Нечкина М. В. 16, 26
- Никулин Ю. В. 52
 Новиков Н. И. 64, 66
 Новиков-Прибой А. С. 140
 Ноордунг Г. 40
- Облеухов Д. А. 180
 Огнев В. Ф. 75
 Одоевский В. Ф. 48, 192
 Озеров В. А. 74
 Озеров Л. А. 72, 74, 142, 223
 Ойфа П. Н. 223
 Оксман Ю. Г. 160
 Окуджава Б. Ш. 148, 155, 163
 Олеша Ю. К. 121
 Олджэм (Фолкнер) Э. 87
 Ольшанский Е. М. 221
 Ольшанский О. С. 222
 Оппель К. 59
 Орлов Н. Н. 132
 Осборн Т. 213
 Осоргин М. А. 114
 Оутс Д. К. 85
 Оуэн Т. 41
- Павел I 150, 156, 158, 165
 Парленков Ф. Ф. 271—273, 275, 277
 Павлов И. Н. 133—136
 Павлов С. И. 50
 Павлович Н. А. 223
 Павловский А. И. 223
 Павлычко Д. В. 221
 Палиевская Ю. В. 94
 Палиевский П. В. 87, 92, 94
 Панченко Н. В. 223
 Паренаго П. П. 37
 Паскаль Б. 272, 275
 Пастернак Б. Л. 70, 77, 79, 244
 Паустовский К. Г. 58, 121
 Пенская Е. Н. 189, 290
 Перевощиков Д. М. 191
 Перельман Я. И. 37, 40
 Перовский В. А. 186
 Перовский Л. А. 186
 Пероцци Матильда 204
 Петр I 150, 152, 158, 159, 171, 172, 184
 Петрарка Ф. 204
 Петрицкий В. А. 271, 278, 291
 Петров В. И. 32
 Петровых М. С. 223
 Печерин В. С. 59
 Пильняк Б. А. 239
 Пискарев Н. И. 135
 Плетнев П. А. 195
 Плеханов Г. В. 275
 Плещеев А. Н. 14
 Плиний Старший Гай Секунд 53
 Плутарх 53, 99, 268—270
 Победоносцев Ю. А. 41, 48
 Погдин М. П. 59, 190
 Подвойский Н. И. 22, 23
 Подгорный Н. А. 16
 Поздеева И. В. 101, 106
 Пожарский С. М. 236
 Покровский М. Н. 53

- Покровский Н. Н. 148
 Покрышкин А. И. 26
 Полевой Б. Н. 30
 Полевой Н. А. 190
 Полибий 268
 Полонский Я. П. 74, 260
 Поп А. 212, 217
 Попов А. Н. 190
 Попов В. Н. 126
 Попов Г. В. 137
 Попов М. В. 262
 Поповкин Е. Е. 28
 Потресов А. С. 244
 Пришвин М. М. 133, 142—144
 Прокушев Ю. Л. 75
 Пугачев Е. И. 158, 159, 165, 166
 Пурификато Д. 199
 Пушкин А. А. 164
 Пушкин А. С. 55, 63, 138, 147, 148, 152, 155—159, 161—167, 170, 176, 192, 194, 204, 218, 221, 224, 227, 232
 Пушкин В. Н. 278
 Пядышев Б. Д. 32

 Рагозин В. И. 137
 Радимов П. А. 144
 Радищев А. Н. 64, 66, 158
 Разумовский А. К. 180
 Райт Р. 85
 Райт-Ковалева Р. Я. 78, 84
 Раковская Н. Г. 94
 Раневская Ф. Г. 224
 Распутин В. Г. 155, 160
 Рассадин С. Б. 148
 Рассел Э. Ф. 52
 Рац М. В. 234, 236
 Резник Я. Л. 30
 Рейнгард Ф. Х. 180—183
 Рейнольдс Дж. 206—208
 Рейнсдорп И. А. 166
 Ренан Ж. Э. 59
 Репин И. Е. 261, 263, 267
 Рерберг И. Ф. 133, 135
 Рерих Н. К. 113
 Рещептер В. Э. 148
 Ризель Ю. К. 244
 Рильке Р. М. 264
 Рисс Ф. 192
 Ричардсон С. 215
 Риччи М. 203, 204
 Роберти (Пероцци) В. 204
 Родиков В. Е. 36
 Родин Н. А. 226
 Родосский А. С. 104
 Рождественский В. А. 223
 Розанов И. Н. 260
 Рокоссовский К. К. 30
 Роллан Р. 20
 Роллен Ш. 60
 Романов П. С. 126
 Рубакин Н. А. 273—275
 Румянцев А. М. 226, 227
 Руссель Ф. 192
 Руссо Ж. Ж. 208

 Рылеев К. Ф. 74, 191
 Рынин Н. А. 40
 Рюмин В. В. 51, 53
 Рябов В. С. 22, 289

 Сабашников М. В. 233
 Сабашников С. В. 233
 Савуренок А. К. 94
 Садовский П. М. 71
 Салинес А. 205
 Салтыков-Щедрин М. Е. 15, 16, 21, 163
 Самойленко В. Ф. 33
 Самойлов Д. С. 155, 223
 Самохвалов А. Н. 236
 Санковский В. Д. 217
 Санков В. Л. 117
 Сафроновы 56
 Сахаров И. П. 114
 Свербеев Д. Н. 175, 176
 Свердлов Я. М. 22
 Светлов М. А. 58
 Свиридов А. И. 126
 Свистунов И. И. 30
 Свифт Дж. 46, 217
 Свобода Л. 34
 Севастьянов В. И. 52, 53
 Сельвинский И. Л. 70, 73, 79, 133
 Семенхин Г. А. 30
 Семенов Тянь-Шанский П. П. 59
 Сен-Симон Л. де Рувруа 175
 Сент-Бев Ш. О. 197, 200
 Серафимович А. С. 14, 24, 126
 Сергеев М. Д. 149
 Сергеев С. С. 33, 80
 Сергеев-Ценский С. Н. 126, 138
 Сидельников В. М. 58
 Сидоренко Н. Н. 223
 Сидоров А. А. 99, 107, 131—134
 Симоненко К. М. 59, 60, 75
 Симонян Р. Г. 33
 Сирано де Бержерак С. 47, 48
 Сичкарев Л. И. 217
 Скорина Ф. 169
 Скороденко П. П. 33
 Скотт В. 215
 Слепцов М. Н. 271
 Слоним И. Л. 244
 Слуцкий Б. А. 70, 75, 151
 Случевский К. К. 74
 Смехов В. Б. 78
 Смирдин А. Ф. 192
 Смирнский В. В. 223, 266, 267
 Смирнов А. И. 79
 Смирнов С. С. 28
 Смирнов-Сокольский Н. П. 145
 Смирнова-Россет А. О. 195
 Смят А. 177, 179
 Смоленский Я. М. 78, 79
 Смоллетт Т. Дж. 206
 Снегирев И. М. 113
 Снегирев М. М. 181
 Снегова Н. В. 223
 Соболев Д. Г. 126
 Соболев Л. С. 30, 58

- Соболевский А. И. 114, 129
Сокол Д. 87
Соколов П. П. 196
Сокольников М. 240
Соллогуб В. А. 190
Соловьев В. А. 33
Соловьев-Андреевич Е. А. 272
Соловьев С. М. 53, 154
Солонович Е. М. 205
Солоухин В. А. 75
Сопиков В. С. 169
Софронов А. В. 28
Сохацкий П. А. 180, 181, 185
Стаднюк И. Ф. 28, 30
Станюкович К. М. 271—275, 277, 278
Старцев А. И. 94
Стейнбек Дж. Э. 86
Стендаль 16
Стерн Г. Ш. 59
Стерн Л. 206, 212
Страхов П. И. 176, 185
Строев П. М. 104
Струков Д. М. 113
Стюарт Дж. 179
Стюарт Е. К. 223
Суворин А. С. 261—265
Суворов А. А. 240
Сумароков А. П. 74
Суриков И. З. 14
Сурков А. А. 58
Суханов А. 59
Сухо-Кобылин А. В. 48
Суходубровский О. С. 223, 225
Сухоруков К. М. 206, 290
Сытин И. Д. 124, 271
Сэлинджер Дж. Д. 85, 86
- Тагер Е. Е. 244
Тагор Р. 16, 18
Талейран Ш. М. 239
Тарасов Б. Н. 168, 290
Тарасов Н. А. 77
Тарковский А. А. 155, 222, 223
Тарле Е. В. 26
Татарина Н. И. 224
Тацит Публий Корнелий 53
Твардовский А. Т. 30, 70
Телешов Н. Д. 124
Теребенина Р. Е. 164
Тивель А. Ю. 118
Титов Ф. И. 104
Тихонов М. Н. 107
Тихонов Н. С. 26, 28
Тихонравов М. К. 40, 48
Токарев В. А. 79
Толстой А. К. 74
Толстой А. Н. 25, 30, 48, 60
Толстой Л. Н. 16, 17, 61, 62, 92, 102, 125, 152, 154
Толстяков А. П. 277
Томашевский Б. В. 158, 160
Томашевский Н. Б. 205
Тредиаковский В. К. 60, 74
Трифонов Ю. В. 154, 163
- Троцкий Д. П. 190, 191
Тукай Г. 242
Тупылева (Фофанова) Л. 260
Тураев Б. А. 152
Тургенев И. С. 13, 92, 112, 138
Турков А. М. 75
Тухачевский М. Н. 24
Тушнова В. М. 70, 77
Тышлер А. Г. 224
Тютчев Ф. И. 221
- Уайлдер Т. 85
Уваров В. В. 41
Удальцова Н. А. 242
Ульянинский Д. В. 132
Ульянов А. И. 13, 14
Ульянов И. Н. 13, 14
Ульянова М. А. 14
Ульянова М. И. 7
Ульяновы 10, 15
Умников С. Д. 226
Ундольский В. М. 104
Уолпол Р. 210
Уолтон Д. 87
Уоррен Р. П. 85
Урицкий С. Б. 120
Урусов А. А. 179
Устинов Д. Ф. 30
Устьянцев В. А. 28
Уткин И. П. 73
Ушинский К. Д. 68
Уэллс Г. Дж. 14, 48, 49
- Фаворский В. А. 133, 135, 144, 234, 237, 239, 242, 244, 247
Фадеев А. И. 112
Фальконе Э. М. 152
Федоров В. Д. 75
Федоров И. 64—69, 117, 155, 192
Федоров С. В. 242
Федотов Д. М. 278
Федотов И. И. 128
Фейнберг И. Л. 158
Феодосьев В. И. 37
Феоктистов Б. П. 37
Феоктистов К. П. 36, 289
Феррис У. 94
Фет А. А. 74
Фидлер Ф. Ф. 264
Филдинг Г. 212, 217, 236
Филимонов А. А. 39
Филипповский Г. Г. 240
Фильштейн М. Я. 248, 291
Фирсов Н. Н. (Рускин Л.) 274, 278
Фихте И. Г. 182
Фишер Г. И. 176, 177, 185
Фолкнер У. 84—94
Фонвизин Д. И. 191
Формозов А. А. 158
Фофанов К. К. 259, 260, 262
Фофанов К. М. 259—267
Фофанова Л. 263
Фофанова-Устинова Е. К. 259, 260, 264—267
Франк У. 85

- Франс А. 20
 Фрунзе М. В. 23, 25
 Фурманов Д. А. 24
- Харли Р. 213
 Хейвуд Г. 242
 Хемингуэй Э. 85, 86, 88
 Херасков М. М. 217
 Ходаковский З. Я. 194
 Холмская О. П. 84
 Хольтсман И. Т. 85, 87, 88, 91
 Хомяков А. С. 168, 170, 188, 190, 194
 Хромова К. И. 22
 Хрунов Е. В. 51
- Цандер Ф. А. 40
 Цветаев Л. А. 182
 Цветаева А. И. 75, 101, 130
 Цветаева М. И. 79, 244
 Цертелев Н. А. 191
 Циолковский К. Э. 39, 40, 46, 50
 Цицерон Марк Туллий 53
 Цурганова Е. А. 94
 Цыбин В. Д. 55, 58, 73, 75, 289
 Цыбин Е. Д. 57
 Цыбин И. Д. 57
 Цявловская Т. Г. 160
 Цявловский М. А. 132, 160
- Чаадаев М. Я. 174, 178, 180—182, 185—187
 Чаадаев П. Я. 168—172, 174, 175, 177, 178, 180—188
 Чаадаев Я. П. 174
 Чаковский С. А. 92
 Чалдымов Н. А. 33
 Чапек К. 246, 247
 Чапман К. В. 218
 Чаренц Е. А. 79
 Черейский Л. А. 294
 Черемисин Б. Е. 259, 266, 290
 Черемных М. М. 116
 Черепанов Н. Е. 181
 Черепанов Ю. А. 225
 Черноризец Храбрый 68
 Чернышев Н. М. 246
 Чернышевский Н. Г. 13, 16, 66
 Честерфилд Ф. Д. С. 207, 214
 Чехов А. П. 16, 92, 102, 152
 Чивер Дж. 85
 Чижиков В. 81
 Чичерин Г. В. 19
 Чуванов М. И. 101—106, 108—144
 Чуванова Евдокия А. 117, 118
 Чуванова Екатерина А. 123, 136
 Чудакова М. О. 75
 Чуковский К. И. 224
 Чумаков В. И. 112
 Чумаков Ф. И. 177
- Шагинян М. С. 14
 Шамурин Е. И. 277, 278
- Шарапов Ю. П. 7, 289
 Шатобриан Ф. Р. 190
 Шаховской Ф. П. 170
 Шевченко Т. Г. 123
 Шевырев С. П. 170, 190
 Шекспир У. 181, 206, 211, 216, 217
 Шеллинг Ф. В. 182
 Шентон Э. 92
 Шереметьева О. Г. 170
 Шеридан Р. Б. 206
 Шершеневич В. Г. 113, 117
 Шибанов П. В. 129
 Шибанов П. П. 129, 130
 Шиллер И. К. Ф. 18, 64
 Шкловский В. Б. 78, 121
 Шкловский И. С. 46
 Шлецер Х. А. 177, 182
 Шлиман Г. 153
 Шолохов М. А. 24, 30, 52, 53
 Шостакович Д. Д. 224, 246
 Шоу Дж. Б. 20
 Шпет Г. Г. 113
 Шрекк И. М. 186
 Штеменко С. М. 30
 Шукшин В. М. 148
 Шульц Г. М. 141
 Шуровский В. А. 102
- Щеголев П. Е. 160
 Щепкин М. С. 71, 190
 Щербаков А. С. 26
 Щербаков В. И. 49, 50
 Щербатов Д. М. 174—178
 Щербатов И. Д. 176, 178, 186, 187
 Щербатов М. М. 169, 171, 172, 175, 184, 188
 Щербатова А. М. 174
 Щербатова Е. Д. 176
 Щербатова Н. Д. 176
 Щипачев С. П. 70
- Эдмондс У. 88
 Эйдельман Н. Я. 147—167
 Эльконин Е. Б. 244
 Энгельс Ф. 8, 10—13, 32
 Эренбург И. Г. 14, 239
 Эттингер П. Д. 132, 135
 Эфрос А. М. 132
- Юдина М. В. 244
 Юрин Е. О. 17
 Юрский С. Ю. 79
 Юсупов А. 118
- Явуухулан Б. 278
 Языков Н. М. 195
 Яковлев А. С. 139
 Якубович В. И. 234
 Якубович П. Ф. 74, 263
 Якушкин И. Д. 186, 187
 Ярославский Е. М. 26
 Яшин А. Я. 77

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ ШАРАПОВ (р. 1920)

Старший научный сотрудник Института истории СССР Академии наук СССР. Доктор исторических наук. Автор книг «Ленин как читатель», «Рукою Владимира Ильича», статей о В. И. Ленине-читателе.

ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ РЯБОВ (р. 1918)

Начальник Управления Военного издательства Министерства обороны СССР. Генерал-лейтенант. Публицист. Его перу принадлежат книги, переведенные на многие языки: «Путь мужества и славы», «Годы огневые», «Великая победа армии и народа», «Подвиг в литературе», «Воин-гражданин» и другие.

КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ ФЕОКТИСТОВ (р. 1926)

Летчик-космонавт СССР. Герой Советского Союза. Лауреат Ленинской премии. Доктор технических наук, профессор. Член-корреспондент Международной академии астронавтики. Автор работ о проблемах развития космических пилотируемых полетов и станций.

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ ЦЫБИН (р. 1932)

Поэт, переводчик. Автор многих сборников, в том числе — «Думы дальние», «Травы детства», «Ясь», «Земли моей призыв».

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ КРУПИН (р. 1941)

Прозаик. Получили известность его книги: «Зерна», «До вечерней звезды», «Вербное воскресенье», «Живая вода», «Кольцо забот».

ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ЗУЕВ (р. 1926)

Директор издательства «Просвещение». Заслуженный работник культуры РСФСР. Автор исследования «Школьный учебник» и статей по проблемам советского учебного книгоиздания.

СВЕТЛАНА МАРКОВНА МАГИДСОН

Критик. Ее перу принадлежат статьи и очерки о русской поэзии XIX века.

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА КОЛЕСНИКОВА

Публицист. Главный редактор информационного издания «Книга и искусство в СССР». Автор книг «Театр большой гимнастики», «Диалог о киномузыке» (совместно с композитором А. Петровым).

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ КУЗНЕЦОВ (р. 1935)

Критик. Автор статей по русской и советской литературе и музыке, зарубежному искусству.

НАТАЛЬЯ ФЕДОРОВНА ИВАЩЕНКО

Автор статей и очерков по проблемам современной культуры.

НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА КОРШУНОВА

Археограф и палеограф. Журналист. Занимается изучением древнерусской книги.

КИМ ИЗРАИЛЕВИЧ ЛЯСКО (р. 1928)

Журналист. Автор многих статей в периодической печати на различные темы.

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ТАРАСОВ (р. 1947)

Писатель. Автор монографии «Паскаль» (в серии «Жизнь замечательных людей»), сборников критических статей и работ, посвященных русской классической литературе. Лауреат премии имени М. Горького за лучшее произведение молодого писателя.

ЕЛЕНА НАУМОВНА ПЕНСКАЯ

Литературовед. Научный сотрудник Государственного Литературного музея. Направление исследовательской деятельности — русская пародийно-сатирическая литература XIX века, творчество Козьмы Пруткина.

ЛЕОНИД ЯКОВЛЕВИЧ ЗИМАН (р. 1938)

Педагог. Выступает со статьями в периодической печати по вопросам итальянской культуры.

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ СУХОРОУКОВ (р. 1948)

Книговед. Аспирант Московского полиграфического института. Занимается историей зарубежного книжного дела.

ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ ВЫШЕСЛАВСКИЙ (р. 1914)

Поэт, переводчик, литературовед. Автор поэтических книг «Здравствуй, солнце», «Чайка», «Молодость мира», «Простор», «Щедрость», «Близкая звезда», «Снежная весна», а также многих статей.

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МОЛОК (р. 1929)

Кандидат искусствоведения. Автор изданий «Владимир Михайлович Кошачев», «Книга о Владимире Фаворском» и работ по теории и истории русской графики.

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ ВАКИДИН (р. 1911)

График и живописец. Автор иллюстраций к многим книгам, выходящим в издательствах «Художественная литература», «Советский писатель» и других, к журнальным публикациям. Большое место в творчестве художника занимают экслибрисы.

БОРИС ЕФИМОВИЧ ЧЕРЕМИСИН (р. 1950)

Литературовед. Доцент кафедры литературы Шадринского государственного педагогического института. Автор статей о К. Фофанове.

АРСЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ БАГЛЕЙ (р. 1912)

Инженер. Сфера его интересов — история революционного движения в России, украинская и русская культуры, редкая книга.

ВЕЛИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЕТРИЦКИЙ (р. 1931)

Философ. Писатель. Библиофил. Автор книг «Свет в джунглях», «Книга и время» и многих статей, переведенных на основные европейские языки. При участии В. Петрицкого вышли советские издания, посвященные А. Швейцеру.

АНТАНАС ДРИЛИНГА (р. 1935)

Литовский поэт, прозаик, публицист, переводчик. Автор книг «Открываю окно», «Руки и бетон», «Звонкие ночи», «Теплота», за которую был удостоен премии Ленинского Комсомола Литвы. На русском языке издана избранная лирика, а также книга прозы «Монологи любви».

МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ ФИЛЬШТЕЙН (р. 1930)

Поэт, переводчик. Автор книг «Вступление», «Фреска», «Преодоление», «Возраст», «Равновесие», а также сборников переводов с молдавского — «Листва» Иона Виеру, «Волшебный фонарь» Анатола Гужеля.

SUMMARIES

YURI SHARAPOV **V. Lenin's home library**

The article concentrates on the origin of Lenin's library in the Kremlin and describes the books it contains, many of them with Lenin's marginalia. It singles out the books given to Lenin by writers and world labour movement figures and shows that books on a great variety of subjects were part and parcel of Lenin's work.

VASILY RYABOV **The fighting book**

Director of Voenizdat Publishing House speaks on the history of books on military subjects, dwells on the Soviet Armed Forces libraries and books issued by Voenizdat to mark 40th anniversary of Victory in the Great Patriotic War; he also underlines the significance of the publishing house's production for developing patriotism in the young.

KONSTANTIN FEOKTISTOV **To make the star dream come true**

An interview given by the Soviet astronaut, Doctor of Science and Lenin prize winner. The topics range from Feoktistov's favorite books to his opinion on contemporary science fiction and recollecting his meetings with Yuri Gagarin and Sergei Korolev.

VLADIMIR TSYBIN **To trust yourself**

The popular Moscow poet and bibliophile discusses books that shaped his poetic career, his collection of rare editions including books by Andrei Bely with the author's marginalia.

VLADIMIR KRUPIN **Every book is an aid**

An essay by the author of several controversial stories written in the seventies presents his favorite books.

DMITRI ZUYEV **A living tradition**

Director of Prosveschenye Publishing House explores traditions laid by Russian pioneer of printing Ivan Fedorov. The article also covers the recent school reform.

SVETLANA MAGIDSON
"Poets' oral library"

Sponsor for poetic festivals at the Actors' House portrays A. Voznesensky, A. Tarkovsky, L. Ozerov reading their poetry before the audience and describes gala meetings in memory of B. Pasternak, M. Tsvetayeva, A. Blok, A. Kochetkov.

NATALIA KOLESNIKOVA
Soviet books abroad

"Books and Arts in the USSR" magazine is issued in several languages for distribution in fifty countries. Its Editor-in-chief comments on its role in strengthening international scientific and cultural relations.

ANATOLI KUZNETSOV
A journey to Yoknapatawpha

A review of the joined Soviet American exhibition "William Faulkner: Manuscripts and Books" (Moscow, 1984), where items from Irwin T. Holtzman's collection and Soviet libraries were displayed.

NATALIA IVASCHENKO, NATALIA KORSHUNOVA
A collector

Chapters from the book about the patriarch of Moscow bibliophiles Mikhail Chuvanov and his collection of rare editions from sixteenth to twentieth century.

KIM LYASKO
Clio's casket, or some thoughts on history

This interview, given by the historian Nathan Eidelman in his home library, concerns books on history and his research on Karamzin and Pushkin as historians.

BORIS TARASOV
Peter Chaadayev as a young man: books and teachers

We present excerpts from the book by B. Tarasov about Peter Chaadayev, famous Russian philosopher of early nineteenth century. Tarasov is also the author of a study on Blaise Pascal.

YELENA PENSKAYA
A vast world of Gogol

Books displayed at Nikolai Gogol's memorial exhibition at the State Literary Museum are the subject of this article.

LEONID ZIMAN
"A poet discovered by Gogol"

This study reveals new details of Gogol's relations with Italian poet Giuseppe Gioacino Belli (1791-1863). A few sonnets by Belli that have been recently translated into Russian for the first time, provide a delightful poetic supplement to the study.

KONSTANTIN SUKHORUKOV
"The great Khan of English literature"

Samuel Johnson and publishing trade of his times.

LEONID VYSHESLAVSKY
The poetess' obscure friend

Yevdokia Olshanskaya, Kiev bibliophile interviewed by poet L. Vysheslavsky presents her collection of manuscripts and books by A. Akhmatova including the poetess' iconography and verse dedicated to her as well as reminiscences of those who knew her.

YURI MOLOK
BOOK DESIGNS AND THEIR COLLECTORS

What is to happen to the original drawings by a popular artist after the book he has designed is in print? In this article the distinguished art critic retraces their further progress.

VICTOR VAKIDIN
A joy to engrave

A disciple of the acclaimed draftsman Vladimir Favorsky discusses the particulars of ex libris making and comments on how his bookplates for D. Shostakovich, D. Mitrokhin and V. Favorsky were produced.

BORIS CHEREMISIN
"My volume of the days gone by"

An essay on lifetime editions of the books by Konstantin Fofanov, a popular Russian poet (1862-1911) and the poet's autographs collected by B. Cheremisin.

ARSENI BAGLEI
"Sic transit gloria mundi..."

The story of a book by Plutarch from Napoleon's private library seized by Cossacks in 1812.

ANTANAS DRILINGA
Two inscriptions on the title page of Pablo Neruda's book

A poem on the books by Chilean poet Pablo Neruda. Translated from Lithuanian by L. Ozerov.

MIKHAIL FILSTEIN
Pictures at an exhibition

A poetic suite based on Musorgsky's musical cycle and its graphic prototype, Victor Gartman's pictures.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА И ЖИЗНЬ

<i>Ю. Шарпов. Личная библиотека В. И. Ленина</i>	7
<i>В. Рябов. Сражающаяся книга. Беседу вела К. Хромова</i>	22
<i>Константин Феокистов. К звездной мечте. Беседу вел Валерий Родиков</i>	36
<i>Владимир Цыбин. Поверить в себя. Беседу вел Сергей Бычков</i>	55
<i>Владимир Крупин. Каждая книга — помощник</i>	62
<i>Д. Зуев. Живая традиция</i>	64
<i>Светлана Магидсон. «Устная библиотека поэта»</i>	70
<i>Наталья Колесникова. Советская книга за рубежом. Беседу вел С. Сергеев</i>	80
<i>А. Кузнецов. Путешествие в Йокнапатофу. Советско-американская выставка «Уильям Фолкнер: рукописи и книги»</i>	84

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

<i>Н. Иващенко, Н. Коршунова. Собиратель. Предисловие И. В. Поздеевой</i>	101
---	-----

ДЕЛА МИНУВШИЕ

<i>Ким Ляско. Шкатулка Клио, или Кое-что об истории. В гостях у писателя-историка Натана Эйдельмана</i>	147
<i>Б. Тарасов. Молодой Чаадаев: книги и учителя</i>	168
<i>Е. Пенская. Необъятный мир Гоголя. По залам выставки «Николай Васильевич Гоголь» в Государственном Литературном музее</i>	189
<i>Леонид Зиман. «Поэт, открытый Гоголем». Об одном эпизоде русско-итальянских литературных связей</i>	197
<i>Константин Сухоруков. «Великий хан литературы Англии». Сэмюэл Джонсон и книжное дело в его эпоху</i>	206

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Леонид Вышеславский. Поэта неведомый друг 221

РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Юрий Молок. Книжная графика и ее собиратели 231

Виктор Вакидин. Счастье гравировать. Заметки художника 242

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

Б. Черемисин. «...Мой том давнишний». Книги и автографы
К. М. Фофанова 259

А. Баглей. «Так проходит мирская слава...» 268

Вопросы теории библиофильства

Велимир Петрицкий. Судеб случайное сплетенье? 271

В ПОЭТИЧЕСКОЙ РУБРИКЕ

Людмила Букина. Альтаир 54

Антанас Дрилинга. Две надписи на титульном листе книги

Пабло Неруды. Перевод с литовского Льва Озерова 95

Герман Абрамов. Второе рождение 167

Георгий Крылов. Сожженные книги 228

Михаил Фильштейн. Картинки с выставки. Импровизация 248

Бэгзийн Явуухулан. Монгольская поэзия 278

Сормууниршийн Дашдооров. Памятник Пушкину 280

Именной указатель 281

Коротко об авторах 289

Резюме на английском языке 292

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск восемнадцатый

Редакторы ВОК *Л. В. Букина, А. М. Кузнецов*
Редактор издательства *М. Я. Фильштейн*
Художественный редактор *Н. Д. Карандашов*
Технический редактор *Н. И. Аврутис*
Корректор *Т. И. Томашевская*

Н.К.

Сдано в набор 10.10.84. Подписано в печать 16.05.85. А 07635.
Формат 60×84/16. Бум. офсетная № 1. 70 г, офсетная 120 г.
Гарнитура школьная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 17,20+0,93.
Усл. кр.-отт. 42,78. Уч.-изд. л. 18,38+0,77. Тираж 75 000 экз.
Заказ 3783. Изд. № 4051. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Книга»,
125047, Москва, ул. Горького, 50

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного
Знамени МПО «Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова»
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054,
Москва, Валовая, 28.